

Вестник университета № 12/2024

Теоретический и научно-методический журнал

Издаётся с января 1999 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. — д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. — д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. — д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. — д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. — д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. — д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. — д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. — д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. — д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. — д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. — д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. — д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. — д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. — д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. — д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. — д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. — д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. — д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. — д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. — д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. — д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. — д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. — д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. — д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. — д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. — д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. — д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. — д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. — д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (K2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 — Финансы (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 — Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 — Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 — Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 — Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 — Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 — Демография (социологические науки), 5.4.4 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 — Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 — Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 — Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

А.А. Капачук

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 14.01.2025 г.

Формат 60×90/8

Объем 31,00 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 25 экз.)

Заказ № 1_Т

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи проходят
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

I.R. No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 14.01.2025
Format 60×90/8
Size 31,00 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 25 copies)
Print order No. 1_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

- Величко А.И.**
Актуальные проблемы современной миграционной
политики Российской Федерации5
- Островкин Д.А., Сандлер Д.Г.**
Методические основы формирования управления
молодежной политикой вуза в рамках теории
публичного управления15

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

- Бабаянц А.Р., Захаров А.В.**
Основные тенденции развития человеческого капитала
на современном рынке информационных технологий26
- Гарифуллина А.Ф., Крайнова Е.Н.**
«Умные» города как фактор экономического роста:
системный анализ и перспективы развития38

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Гатауллин Р.Ф., Чувапашева Э.Р.**
Тенденции, противоречия и закономерности
функционирования институтов межрегионального
и межмуниципального сотрудничества50
- Пшеничных Ю.А., Морозова Ю.В.**
Проблемы правового регулирования
туристско-рекреационной деятельности
на особо охраняемых природных территориях58
- Эсетова А.М., Керимов И.К.**
Особенности развития отраслей экономики в горных
территориях Республики Дагестан Российской Федерации 69

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Аксенов И.А.**
Оценка показателей импортозамещения
в Российской Федерации76
- Аникин О.Б., Минеева М.В.**
Эволюция «Большой двадцатки» и ее роль
в современных условиях86
- Котенко М.И., Павловский П.В.**
Подготовка студентов как будущих специалистов
для креативных экономик94
- Руднева А.О.**
Ключевые факторы динамики экспортных поставок
российского угля в Европу в санкционный период
в контексте «зеленой» повестки Европейского союза 102

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

- Алиев А.А., Турсунов Б.А., Коньгин Д.С.**
Оценка влияния экосистемных платформ на инвестиционную
привлекательность компаний 115
- Каграманян Н.С., Лукьянцева С.В.**
Анализ влияния отдельных факторов на инвестиционные
процессы в регионах 129

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

- Гайша О.Д., Джигоев В.А., Окороков В.А.**
Автоматизация текущего финансового контроля
в холдинге 137
- Коржнев С.В.**
Оценка динамики средневзвешенной стоимости капитала
крупнейших российских компаний после 2022 г. 146

- Серинова А.В., Шемякина Т.Ю.**
Проблема страхования финансовых рисков лизинга
в проектном финансировании 153

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

- Носкова О.П.**
Взаимосвязь понятий волонтерства и солидарности
в социологии 161
- Павленина Т.Ю., Селеткова Г.И., Левченко В.В.**
Отношение студентов к этническому предпринимательству ... 170
- Синельников А.Б., Золотарева О.А., Хабиб М.Д.**
Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью
и рождаемостью 180

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

- Абдулина Ю.А., Алдашева А.А.**
Особенности ответственности при разном уровне
удовлетворенности трудом специалистов по организации
оказания многопрофильной помощи 196
- Горожанкин А.А., Ионцева М.В.**
Особенности социально-психологической адаптации
иностранцев студентов из стран дальнего
и ближнего зарубежья 208
- Камнева О.А., Тайсаева С.Б.**
Повышение личностного адаптационного потенциала
педагогов и студентов через применение технологии
«дизайн-мышление» в образовательном процессе 217
- Паутова А.Е.**
Психодиагностические особенности цифровых технологий для
профессионального развития личности взрослого в условиях
дополнительного профессионального образования228
- Степанова В.А.**
Особенности супружеских отношений
в бесплодных браках 240

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- A.I. Velichko**
Current issues of modern migration policy in Russia 5
- D.L. Ostrovkin, D.G. Sandler**
Methodological basis for forming youth policy management at university within the framework of public administration theory 15

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- A.R. Babayants, A.V. Zakharov**
Major trends in human capital development in modern information technology market 26
- A.F. Garifullina, E.N. Krainova**
Smart cities as a factor of economic growth: system analysis and development prospects 38

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- R.F. Gataullin, E.R. Chuvashaeva**
Trends, contradictions, and patterns of functioning of interregional and inter-municipal cooperation institutions 50
- Yu.A. Pshenichnykh, Yu.V. Morozova**
Issues of legal regulation of tourism and recreational activities in specially protected natural areas 58
- A.M. Esetova, I.K. Kerimov**
Features of economic sectors development in mountain territories of the Republic of Dagestan 69

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- I.A. Aksenov**
Assessment of import substitution indicators in Russia 76
- O.B. Anikin, M.V. Mineeva**
Evolution of the G20 and its role in modern conditions 86
- Kotenko M.I., Pavlovskiy P.V.**
Preparing students as future professionals for creative economy 94
- A.O. Rudneva**
Key factors in dynamics of Russia's coal export to Europe during the sanctions period in the context of the EU green agenda 102

INVESTMENT VALUATION

- A.A. Aliev, B.A. Tursunov, D.S. Konygin**
Assessing ecosystem platforms impact on investment attractiveness of companies 115
- N.S. Kagramanyan, S.V. Lukiantseva**
Analyzing individual factors influence on investment processes in regions 129

FINANCE AND BANKING

- O.D. Gaisha, V.A. Dzhiyev, V.L. Okorokov**
Current financial control automation in a holding 137
- S.V. Korzhnev**
Assessing the dynamics of the average capital cost of the largest Russian companies after 2022 146
- A.V. Serinova, T.Yu. Shemyakina**
Issues of insuring financial risks of leasing in project financing 153

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- O.P. Noskova**
Interrelationship of the volunteerism and solidarity concepts in sociology 161

- T.Yu. Pavlenina, G.I. Seletkova, V.V. Levchenko**
Students' attitudes towards ethnic entrepreneurship 170
- A.B. Sinelnikov, O.A. Zolotareva, M.D. Khabib**
Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility 180

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

- Yu.A. Abdulina, A.A. Aldasheva**
Responsibility features at different job satisfaction level of multiprofile assistance organization specialists 196
- A.A. Gorozhankin, M.V. Iontseva**
Features of social and psychological adaptation of foreign students from far and near abroad 208
- O.A. Kamneva, S.B. Taysaeva**
Increasing the personal adaptation potential of teachers and students through the design thinking technology application in the educational process 217
- L.Ye. Pautova**
Psychodidactic features of digital technologies for professional development of an adult's personality within the framework of additional vocational education 228
- V.A. Stepanova**
Peculiarities of interspousal relations in infertile marriages 240

Актуальные проблемы современной миграционной политики Российской Федерации

Величко Антон Иванович

Директор Центра оценки и развития управленческих компетенций, мл. науч. сотр.
ORCID: 0009-0009-0722-5900, e-mail: ai_velichko@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализированы актуальные проблемы современной миграционной политики Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Отражено современное состояние и тенденции миграционных процессов в стране на основе официальных данных статистики от 2023–2024 гг. На базе эмпирических данных и сведений актуализированы риски и опасности современного миграционного состояния России, разработаны рекомендации по совершенствованию системы. Сделан вывод о том, что миграционная политика России характеризуется достаточно лояльным и либеральным подходом, из-за чего прослеживаются сравнительно открытые и «легкие» возможности для прибытия и нахождения иностранных граждан на территории государства, в частности для осуществления ими трудовой и иной хозяйственной деятельности. Такая политика нацелена на восполнение проблем демографического характера, а также на наполнение рынка труда относительно дешевой рабочей силой из стран Центральной Азии без учета последствий социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество. Для восполнения выявленных проблем в парадигме новой миграционной политики предложены меры правового и административно-организационного характера.

Ключевые слова

Иностранные граждане, лица без гражданства, мигранты, мигрантская преступность, рынок труда, международная миграция, национальные интересы, общественная безопасность

Для цитирования: Величко А.И. Актуальные проблемы современной миграционной политики Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 12. С. 5–14.

Current issues of modern migration policy in Russia

Anton I. Velichko

Director of the Center for Assessing and Developing Management Competencies, Junior Researcher
ORCID: 0009-0009-0722-5900, e-mail: ai_velichko@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Current issues of modern migration policy of Russia have been analyzed. It reflects the current state and trends of migration processes in the country on the basis of official statistical data from 2023-2024. On the basis of empirical data and information, the risks and dangers of the modern migration state in Russia have been actualized, and recommendations for improving the system have been developed. The article concludes that Russia's migration policy is characterized by a rather loyal and liberal approach, which makes it possible to trace relatively open and "easy" opportunities for foreign citizens to arrive and stay in the state territory, in particular, for their labor and other economic activities. The policy is aimed at filling demographic issues and filling the labor market with relatively cheap workers from Central Asian countries without considering the consequences of socio-cultural adaptation and integration of foreign citizens into Russian society. The new migration policy paradigm proposes legal, administrative, and organizational measures to compensate for these issues.

Keywords

Foreign citizens, stateless persons, migrants, migrant crime, labor market, international migration, national interests, public safety

For citation: Velichko A.I. (2024) Current issues of modern migration policy in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 5–14.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы миграционного контроля, распределения мигрантов, их ассимиляции в обществе, их криминальное влияние на социальную среду – все это лишь малая часть аспектов миграционной политики многих стран. От бесконтрольного влияния и поведения мигрантов, а также из-за лояльного государственного регулирования политического руководства на сегодняшний день страдает, например, общество Германии [1]. Аналогичные проблемы прослеживаются во Франции, где неустойчивая политическая позиция относительно регулирования миграционных потоков обусловила возникновение нелегальных районов с мигрантами, а также их аморальное, противоправное положение в социуме¹.

Положение Российской Федерации (далее – РФ, Россия) по данному вопросу не столь однозначное. Нельзя сказать о том, что общество на сегодняшний день сталкивается с проблемами аналогичного характера, как в странах Европы и Запада, однако невозможно отрицать имеющиеся актуальные проблемы, вызванные влиянием иностранных граждан и лиц без гражданства на общественный порядок и безопасность, культурную идентичность общества, экономико-трудовые процессы и демографические институты.

По большому счету проблематика современной миграционной политики России сводится к укреплению в обществе деструктивных диаспор иностранных граждан, покрывающих друг друга за совершаемые преступные и иные противоправные деяния, в частности путем коррупционного влияния на правоохранительные и миграционные службы². Негативным образом это сказывается на усилении «безответственности» мигрантов, которые навязывают свою культуру и правила поведения в обществе, игнорируя особенности многонационального, многоконфессионального и светского общественного устройства в стране. Противоборства и межнациональные конфликты с участием мигрантов на территории РФ детерминированы культурными различиями между представителями общностей, при этом нельзя не отметить, что в последнее время они приобретают особо опасный, экстремистский и порой даже террористический характер³.

По мнению Н.В. Казанцевой и Г.П. Харчилавой, мерой для совершенствования миграционной политики могла бы стать работа по обучению русскому языку и основам российского законодательства в тех странах, откуда прибывают мигранты. Исследователи считают, что отсутствие межгосударственных соглашений, закрытие русских школ во многих бывших советских республиках и доминирование английского языка в обучении иностранному препятствуют внедрению предложенного метода урегулирования возникающих конфликтных ситуаций [2].

Нельзя отрицать насущную проблему усиления внутри государственной системы РФ коррупционных связей, позволяющих обеспечивать нелегальное пребывание иностранных граждан на территории страны, а также выдавать им гражданство вопреки установленному законом порядку⁴. Относительно лояльные политические и законодательные подходы к правовым режимам въезда, выезда, пребывания иностранных граждан и получения ими гражданства также обуславливают приток криминогенно опасных субъектов из некоторых стран постсоветского пространства.

Проблемы современной миграционной политики России не только связаны с криминогенным и иным противоправным социально-политическим фоном относительно иностранных граждан и лиц без гражданства, но и базируются на вопросах поддержки коренных жителей, обеспечения внутринациональных интересов в сфере социальной защиты, труда и культурного взаимодействия граждан РФ с иностранцами.

Соответствующая совокупность проблем, озвученная в кратком анализе проблематики современных политических подходов к миграционному регулированию в РФ, обуславливает актуальность настоящего исследования. Дальнейшая работа посвящена более детальной конкретизации насущных проблем в исследуемой сфере политико-правовых отношений.

¹ Миграционный кризис во Франции. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/n-nemolovskaya/migratsionnyy-krizis-vo-frantsii/> (дата обращения: 30.09.2024).

² Национальные диаспоры уже правят Россией. Что делать? Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/52642437/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 30.09.2024).

³ Бастрыкин сообщил о росте экстремистских преступлений среди мигрантов. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/bastrykin-soobshhil-o-roste-ekstremistskikh-prestupleniy-sredi-migrantov.html> (дата обращения: 30.09.2024).

⁴ Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 30.09.2024).

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Проблематика целесообразности сформированной миграционной политики на том или ином этапе развития общественных отношений является актуальной весь период существования России. Г.А. Акопян, А.Э. Осокина, Е.С. Фольк и К.Г. Григорян считают безосновательным рассматривать протекающие на сегодняшний день миграционные процессы в негативном ключе, отмечая, что мигранты, въезжающие в страну, позволяют восполнить недостающую рабочую силу, в особенности на низкооплачиваемых и иных низкоквалифицированных работах. По их мнению, криминологические аспекты миграционной преступности не отражают актуальность проблемы, которая бы позволила рассматривать вопросы изменения действующих публично-правовых подходов в отечественной миграционной политике [3].

Аналогичной позиции придерживается и В.А. Корецкая-Гармаш, отмечая, что приток мигрантов из государств Центральной Азии не только допустим, но и объективно необходим для развития российского общества и государства, поскольку с их помощью представляется возможным решать национальные и демографические проблемы, а также вопросы в сфере экономики и труда. По большому счету, подытоживает исследователь, проблема социально-культурной ассимиляции мигрантов в обществе постепенно нивелируется, в связи с чем риски в сфере миграционной политики ежегодно снижаются [4].

А.Х. Рахмонов считает, что основополагающими факторами, которые стимулируют эмиграцию из стран Центральной Азии в Россию на фоне санкций со стороны стран Запада и Соединенных Штатов Америки, являются экономическая стабилизация и непрерывно увеличивающийся дефицит рабочей силы на отечественном рынке труда вследствие демографического кризиса [5].

Позиция О.С. Афанасьева сочетает баланс подходов. С одной стороны, он констатирует факт «полезности» притока мигрантов в страну, поскольку это способствует заполнению низкоквалифицированных рабочих мест иностранными гражданами, которые содействуют развитию различных отраслей и сфер российской экономики. С другой стороны, он указывает на проблемы социально-культурного характера, которые возникают из-за навязывания мигрантами своих культурных подходов коренным жителям [6]. Об этом пишет в своей научной работе и Я.В. Левченко. Согласно авторскому заключению, большая часть опросов и иных социальных исследований, в рамках которых предпринимаются попытки изучить мнение граждан РФ о современной миграционной ситуации, как правило, не имеют ничего общего с реальностью. Средства массовой информации и представители публичной власти обычно освещают лишь востребованность в иностранных специалистах, не обозначая то, какие проблемы они влекут за собой. «Необходимо учитывать широкий социокультурный контекст ассимиляции трудовых мигрантов в российское общество и решение “проблемы толерантности”, которая здесь с неизбежностью возникает», – справедливо дополняет он [7].

Обосновывая актуальность трудовой миграции, В.В. Неганов и М.И. Ведяков предлагают учитывать то, какие последствия влекут за собой действующие миграционные процессы в социально-культурной, уголовной, административной и иных сферах. Авторы видят насущную проблематику социальной замкнутости и миграционной концентрации в наиболее крупных российских мегаполисах, где мигранты вытесняют коренных жителей, углубляя социальную напряженность [8].

Следует отметить, что острота научного дискурса по данной проблематике уходит своими корнями в начало 2000-х гг. Т.Г. Скребцова, опираясь на данные социологического опроса, отмечала в своей работе, что уже тогда среди населения прослеживались устойчивые националистические настроения, социальная напряженность между коренными и иностранными жителями, а также нередкие межнациональные конфликты [9].

На основании изложенного можно отметить, что проблематика совершенствования миграционной политики является актуальной на протяжении уже длительного времени. Уязвимость отдельных исследовательских позиций выражается в том, что они не основаны на комплексном анализе статистических и иных эмпирических данных в сферах криминологии и уголовного производства, данных, отражающих миграционные процессы, а также сведений о последних социологических опросах населения. Более того, авторы лишь поднимают проблематику, но не предлагают собственных мер и рекомендаций по развитию современной миграционной политики России.

В рамках настоящего исследования представляется необходимым отразить не только комплексный подход к анализу современного состояния и тенденций миграционных процессов в России, но и предложить практические подходы по совершенствованию отдельных вопросов такой миграционной системы.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики, за 2023 г. на территорию России прибыло 4 051 380 лиц, при этом годом ранее этот показатель составил 4 419 557 лиц. С позиции буквального толкования указанных данных миграция в 2023 г. снизилась по сравнению с 2022 г., однако при сопоставлении с числом фактически выбывших можно сделать вывод о том, что к 2023 г. миграционный прирост составил 204,629 тыс. граждан, в то время как в 2022 г. по сравнению с 2021 г. – 61,917 тыс. чел.⁵

Из этих же обобщенных данных следует, что число выехавших из России иностранных граждан по итогам 2023 г. сократилось на 218 тыс. чел. (32 %) при одновременном увеличении международной миграции. Так, по данным на конец 2023 г., в страну за год прибыло свыше 560 тыс. иностранцев, что по сравнению с 2022 г. больше на 110 тыс. чел. Преимущественный состав мигрантов, приходящихся на международную миграцию в структуре населения России, – это граждане из стран Содружества Независимых Государств, а именно свыше 490 тыс. чел.⁶

В 2023 г. в структуре международной миграции в России лидировали граждане из Таджикистана (171 тыс. при приросте в + 81,7 тыс. чел.), Киргизии (54 тыс. при приросте в + 5 тыс. чел.), Армении и Узбекистана (по 48 тыс. при приросте в + 11,2 и 11,4 тыс. чел. соответственно), Узбекистана (44 тыс. при приросте в + 3,6 тыс. чел.), Азербайджана и Молдовы (24 и 22 тыс. при приросте в 3,5 и 8,7 тыс. чел. соответственно). Большая часть миграций из указанных государств в Россию – это трудовая и иная хозяйственная деятельность.⁷

Следует отметить, что указанные данные учитывают лишь численность тех иностранцев, которые прибыли в течение года на территорию РФ, в связи с чем необходимо также отразить данные о фактической численности мигрантов, пребывающих в стране на данный момент. По обобщенным данным на начало 2024 г., число составляет около 7,6 млн иностранных граждан (без учета мигрантов, получивших гражданство РФ, поскольку с правовой точки зрения они уже считаются гражданами РФ). Современный рынок труда преимущественно представлен населением из Украины (1,2 млн чел.), Узбекистана (1,6 млн чел.), а также Таджикистана (1,3 млн чел.).⁸

На основе представленных данных можно выявить следующие тенденции миграционных процессов. Нельзя не отметить усиливающиеся из года в год показатели международной миграции иностранных граждан в Россию. По итогам 2023 г. такой прирост составил 30 %. По мнению демографических специалистов Института демографии Высшей школы экономики, данные процессы связаны с так называемой государственной компенсаторной миграции, направленной на решение демографических проблем общества и экономики путем замещения недостающего числа граждан иностранными рабочими специалистами.⁹

Предложенная гипотеза подтверждается при сопоставлении данных миграционных процессов среди иностранных граждан в ретроспективе. Если в 2015–2017 гг. показатели международной миграции составляли в среднем около 220 тыс. чел. в год, а в 2018 г. – 124 тыс. мигрантов, то начиная с 2021 г. отмечается значительный приток иностранных граждан, прибывающих на территорию РФ с целью трудовой или образовательной деятельности.

Вторая тенденция современных миграционных процессов – это облегчение политических и правовых условий для въезда иностранных граждан, в том числе с целью трудовой деятельности. Еще в 2019 г. квота трудовых мест для них составляла свыше 144,5 тыс. ед. Несмотря на то что в 2023 г. этот показатель квот на патенты составил 124 тыс. ед., к 2024 г. квота на трудовых мигрантов повысилась более чем на 25 %, достигнув показателя в 156 тыс. ед.¹⁰

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Общая характеристика миграционной ситуации в Российской Федерации по итогам 2023 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/02-29/tQ1QjBq/Doklad_01-2024/4-0_01-2024.doc (дата обращения: 30.09.2024).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Демографическая статистика Российской Федерации по итогам 2023 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/02-29/tQ1QjBq/Doklad_01-2024/4-0_01-2024.doc (дата обращения: 30.09.2024).

⁷ Там же.

⁸ Откуда в Россию приезжают трудовые мигранты. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/03/1035233-otkuda-v-rossiyu-priezzhayut-trudovie-migranti> (дата обращения: 30.09.2024).

⁹ Демографы назвали число мигрантов для стабилизации населения России. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁰ В Россию хотят завести еще больше мигрантов. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-rossiyu-khotyat-zavezti-eshhe-bolshe-migrantov.html> (дата обращения: 30.09.2024).

Представленные материалы свидетельствуют об устойчивой политико-правовой тенденции к замещению пустующих трудовых мест иностранной рабочей силой. Статистика последнего десятилетия отражает ежегодный прирост не только международной миграции, но и числа случаев приобретения иностранными гражданами прав на длительное пребывание на территории России, в частности случаев приобретения статуса гражданина РФ. В связи с этим миграция будет продолжаться и дальше, при этом в самих процессах будет прослеживаться более интенсивный и ускоренный приток населения.

РИСКИ И ОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИИ

Тенденции миграционных процессов, а также политику в данной сфере правоотношений необходимо рассматривать неразрывно от существующих проблем, рисков и опасностей, которые несут мигранты для России, ее общества, культуры и экономики.

В первую очередь нельзя не отметить наиболее очевидные последствия неконтролируемой миграции – это нарушение иностранцами общественного и правового порядка РФ, а также общественной безопасности. Так, по данным первого полугодия 2024 г. отмечается рост мигрантской преступности на 6 % по отношению к аналогичному периоду 2023 г., что в числовом выражении составляет 224 тыс. преступлений¹¹.

Глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин констатирует соответствующую проблематику усугубления ситуации по поводу мигрантской преступности, дополняя, что среди иностранных преступников на сегодняшний день прослеживается рост тяжкой и особой тяжкой преступности на 32 %¹². Так, по итогам первого полугодия доля изнасилований в структуре мигрантской преступности увеличилась на 40 %. Среди других преступлений можно отметить грабеж, причинение тяжкого вреда здоровью, убийство, а также участие иностранцев (преимущество из стран Центральной Азии) в экстремистской и/или террористической деятельности. В общей структуре насильственной преступности на территории РФ можно отметить, что мигранты совершают каждое пятое преступление среди всего населения¹³.

Немаловажный аспект криминальных рисков среди иностранных субъектов заключается в том, что ежегодно отмечается рост правонарушений, а также преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами. По данным первого полугодия 2024 г., рост несовершеннолетней мигрантской преступности составил 70 %, что свидетельствует о том, что антисоциальный образ жизни и потенциал, прослеживаемый в поведении взрослых мигрантов, реципируется в парадигму поведения несовершеннолетних, которые, как и взрослые, не могут, а порой не желают полноценно адаптироваться и интегрироваться в местное население¹⁴.

М.А. Смирнова отмечает, что на сегодняшний день количество несовершеннолетних детей из семей мигрантов, которые нуждаются в социально-культурной адаптации в российском обществе и образовательной поддержке, колеблется в пределах 60 тыс. чел. Исследователь считает, что несовершеннолетние дети из Азербайджана, Армении, Таджикистана и Узбекистана имеют высокий риск академической неуспешности, что в конечном итоге чревато ассоциализацией личности, ее дезинтеграцией из российского общества [10]. В итоге судьба таких детей, как правило, – противоправная и даже криминальная деятельность.

Мигранты могут нарушать установленные правовые режимы и законодательство РФ с момента их въезда, предъявляя поддельные документы, незаконно оформляя порядок разрешения на пребывание и трудовую деятельность и порой незаконно приобретая гражданство РФ. Статистика по данному вопросу лишь подтверждает эти доводы. Так, за 2023 г. из России было депортировано более 110 тыс. мигрантов, незаконно находившихся на территории государства. Для сравнения – это больше предыдущего года на 65 %. Следует отметить, что по итогам 2023 г. число случаев организации и содействия незаконной миграции выросло на 90 %, что не может не беспокоить современное общество и политическое руководство РФ¹⁵.

¹¹ В России в 2024 году количество совершенных мигрантами преступлений выросло на 6 %. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/21020545> (дата обращения: 30.09.2024).

¹² Бастрыкин сообщил о росте тяжких преступлений среди мигрантов на 32 %. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/09/25/997061-bastrikin-soobschil-rost-tyazhkih-prestuplenii-sredi-migrantov> (дата обращения: 30.09.2024).

¹³ Глава Следственного комитета Бастрыкин заявил, что каждое пятое насильственное преступление совершается мигрантами. Режим доступа: <https://stories.media/stories/2023/04/28/prestupnost-migrantov/> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁴ Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам противодействия преступности в сфере миграции. Режим доступа: <https://sledcom.ru/press/events/item/1889402/> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁵ Глава МВД рассказал о выдворении из РФ 110 тыс. нарушителей-мигрантов в 2023 году. Режим доступа: <https://iz.ru/1675781/2024-04-02/glava-mvd-rasskazal-o-vydvorenii-iz-rf-110-tys-narushitelei-migrantov-v-2023-godu> (дата обращения: 30.09.2024).

Не меньшей проблемой современного миграционного состояния России является концентрация трудовых мигрантов в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Так, в Москве и Подмоскowie находится около 40 % всех мигрантов, в то время как в Санкт-Петербурге и Ленинградской области – свыше 12 %. Они занимают первые два места в рейтинге трудовой миграции иностранных граждан. В остальных регионах РФ эти показатели колеблются от 0,3 до 2,8 %¹⁶.

Подобное непропорциональное распределение трудовых мигрантов опасно созданием искусственных социально-культурных анклавов и диаспор, дезинтегрированных от единого общества. В данном случае корреляция между статистикой и гипотезой подтверждается реальной практикой концентрации мигрантских диаспор, а также преступных сообществ во главе и/или с участием иностранных граждан в крупных городах России и наиболее криминогенных субъектах РФ. Все это в конечном итоге оказывает влияние не только на интеграцию иностранцев в состав российского общества, но и на создание между такими социумами культурных барьеров, усугубляющих межличностные взаимоотношения.

Неоднозначным является вопрос о том, что мигранты занимают рабочие места россиян и обесценивают отдельные профессии и специальности, в которых заняты иностранные специалисты, поскольку последние требуют меньшего оклада по сравнению с коренными жителями.

Политический обозреватель В. Выжutowич в своем исследовании пишет, что мигранты создают новые рабочие места, а не «крадут» их у россиян¹⁷. В то же время опрос от 2023 г. среди населения Дальневосточного федерального округа с выборкой в 2,2 тыс. респондентов показывает обратное. Так, около 30 % жителей округа отмечают готовность занять трудовые места, на данный момент используемые трудовыми мигрантами, на тех же условиях. Доля респондентов, которые считают, что трудовых мигрантов недостаточно и требуется привлечение дополнительного их числа, составляет 4 %, а большая часть опрошенных (67 %) считает, что в округе слишком много иностранных специалистов¹⁸.

Как следствие, можно отметить, что на сегодняшний день концентрации трудовых ресурсов мигрантов в больших городах и некоторых регионах, а также заполнение рабочих мест более «дешевой» иностранной рабочей силой являются насущными и актуальными проблемами в обществе. Среди других рисков современного миграционного состояния и политики России в данном направлении можно отметить ежегодно нарастающую мигрантскую преступность, усиление коррупционного влияния мигрантов на сектор публичного управления, нежелание иностранных граждан ассимилироваться и интегрироваться в российское общество, навязывание социально-культурных норм, ценностей и правил поведения коренным гражданам, а также косвенные проблемы, возникающие в связи с этим в экономике, политике и обществе государства.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Современная миграционная политика должна включать следующие направления.

1. Административно-организационное направление в первую очередь должно предполагать усиление правоохрательных рейдов среди мигрантов. На сегодняшний день подобного рода рейды проводятся редко и продиктованы необходимостью реагирования после какого-либо резонансного случая с участием мигрантов (например, теракт в «Крокус Сити Холле», похищение мужчины в Санкт-Петербурге и т.д.). Вместе с тем полицейские и иные правоохрательные рейды в местах скопления мигрантов должны стать системными для обеспечения непрерывного административного контроля за соблюдением иностранными лицами правового режима пребывания на территории РФ.

В настоящее время рейды и операции по выявлению мигрантов, незаконно пребывающих на территории страны, проводятся преимущественно силовыми ведомствами, в частности Федеральной службой безопасности РФ. В то же время, согласно законодательству, осуществлять рейды в отношении мигрантов могут и участковые уполномоченные полиции, но их процессуальные возможности ограничены. О данной проблеме говорил Президент РФ В.В. Путин, отмечая необходимость повышения процессуально-правовых возможностей и эффективности работы участков¹⁹.

¹⁶ Какое количество мигрантов в Москве и других городах. Режим доступа: <https://korona.ru/journal/skolko-v-rossii-migrantov/> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁷ Выжutowич В. Мигранты создают новые рабочие места, а не поглощают их. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/01/vyzhutovich-migranty-sozdaiut-povue-rabochie-mesta-a-ne-pogloshchaiut-ih.html> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁸ Рабочие места мигрантов готовы занять треть жителей ДФО: опрос. Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/main/rabochie-mesta-migrantov-gotovy-zanyat-tret-zhiteley-dfo-opros> (дата обращения: 30.09.2024).

¹⁹ Путин призвал повысить эффективность работы участков. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/20419737> (дата обращения: 30.09.2024).

На практике участковые из-за недостатка полномочий попросту сталкиваются с невозможностью войти в жилое помещение, где проживают иностранные граждане, и провести с ними беседу для уточнения основания их пребывания на территории РФ. Как следствие, логично совмещение предложенных регулярных проверок и рейдов участковыми полицией совместно и при содействии Федеральной службы безопасности РФ или Ростгвардии.

Подобная практика благоприятным образом зарекомендовала себя после теракта в «Крокус Сити Холле», когда были задействованы специальные группы правоохранительного взаимодействия участковых и силовых структур, однако на общегосударственном уровне подобное не создавалось. Представляется целесообразным развить практику создания специальных групп, состоящих из участковых и сотрудников уголовного розыска в целях дополнительных проверок иностранных граждан на всей территории страны.

К административно-организационным рекомендациям совершенствования миграционной политики следует отнести также возможность разработки государственной программы распределения трудовых ресурсов мигрантов, в рамках которой необходимо предусмотреть уточненное квотирование рабочих мест для иностранных граждан с их пропорциональным распределением по другим субъектам РФ в зависимости от имеющейся потребности в рабочей силе. В каждом из регионов квота на иностранных граждан не должна превышать 7 % от общего числа таких квот для РФ, что в конечном итоге позволит избавиться от концентрации мигрантских трудовых ресурсов в крупных мегаполисах страны по типу Москвы и Санкт-Петербурга²⁰.

2. Правовое направление совершенствования современной миграционной политики должно включать изменение правовых основ, регулирующих отношения с участием иностранных граждан. Важнейший вопрос в данной области – обеспечение законного режима пропуска через государственную границу, поскольку именно здесь отмечаются частые факты незаконного пересечения границ мигрантами по поддельным документам²¹. Следует отметить, что на это обстоятельство влияет излишняя либерализация международных соглашений между РФ и странами Содружества Независимых Государств по вопросам упрощенного пропуска граждан-участников двусторонних соглашений²².

Проблема может быть решена путем установления биометрического загранпаспорта в качестве допустимого документа, удостоверяющего личность въезжающего на территорию страны мигранта. Такой документ в отличие от обычного загранпаспорта обладает дополнительной степенью защиты и публично-правовой идентификации личности. Более того, подобное сложнее подделать.

В действующие правовые основы РФ рекомендуется внести правку, что для иностранных граждан, пребывающих на территорию страны, в качестве документа, удостоверяющего их личность, должен стать биометрический паспорт иностранного гражданина установленного международным соглашением образца. Для обеспечения постепенной подготовки иностранных административных ведомств к выдаче подобных паспортов необходимо установить переходный период действия данного закона до 2030 г.

Как следствие, в Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» рекомендуется внести следующие изменения²³:

- в абз. 2 ст. 6 слова «лица без гражданства» исключить, слова «действительные документы» заменить на «действительный биометрический паспорт»;
- дополнить ст. 6 примечанием следующего содержания: «В Российской Федерации, согласно применяемому законопроекту в части изменяющегося законодательства, действует переходное положение вплоть до 1 января 2030 г., предусматривающее возможность пропуска через государственную границу по старым правилам с использованием внутригосударственного паспорта или загранпаспорта без биометрических данных (если это установлено международным соглашением)».

²⁰ Эксперты составили рейтинг российских регионов, привлекательных для трудовых мигрантов. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/17090779> (дата обращения: 30.09.2024).

²¹ Нелегальная миграция и конфликты в мире меняют ситуацию на границе. Режим доступа: <http://ps.fsb.ru/fps/smi/appearance/detail.htm%21id%3D10321180%40fsbAppearance.html> (дата обращения: 30.09.2024).

²² Шайкин А.К. Проблемы противодействия незаконной миграции на Государственной границе Российской Федерации и пути их решения. Режим доступа: https://dpr.ru/pravo/pravo_1_14.htm (дата обращения: 30.09.2024).

²³ Федеральный закон от 15 марта 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 30.09.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная миграционная политика России характеризуется достаточно лояльным и либеральным подходом, из-за чего прослеживаются сравнительно открытые и «легкие» возможности для прибытия и нахождения иностранных граждан на территории страны, в частности для осуществления ими трудовой и иной хозяйственной деятельности. Такая политика нацелена на восполнение проблем демографического характера, а также наполнение рынка труда относительно дешевой рабочей силой из стран Центральной Азии. Вместе с тем возможны негативные последствия социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.

Подобные политические решения уже повлияли на ежегодно нарастающую мигрантскую преступность, усиление коррупционного влияния мигрантов на сектор публичного управления, нежелание иностранных граждан ассимилироваться и интегрироваться в российское общество, навязывание социально-культурных норм, ценностей и правил поведения коренным жителям, замещение отечественных рабочих иностранными специалистами, а также иные косвенные проблемы, возникающие в связи с этим в экономике, политике и обществе государства. В то же время предложенные решения правового и административно-организационного характера призваны скорректировать современную миграционную политику России в направлении усиления контроля и надзора за иностранными гражданами.

Список литературы

1. *Соколов А.П., Давыдов А.Д.* Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости. *Международная аналитика*. 2023;14:41–57. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57>
2. *Казанцева Н.В., Харчилава Г.П.* Управление социально-экономической и цифровой адаптацией мигрантов в России. *E-Management*. 2022;2(5):68–74. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-68-74>
3. *Акопян Г.А., Осокина А.Э., Фольк Е.С., Григорян К.Г.* Перспективы развития миграционной политики в России. В кн.: *Теория и практика приоритетных научных исследований: материалы VII Международной научно-практической конференции*, Смоленск, 27 мая 2019 г. Смоленск: Наукосфера; 2019. С. 138–141.
4. *Корецкая-Гармаш В.А.* Использование труда мигрантов – угроза или преимущество для развития российской экономики. *Экономика региона*. 2016;2(12):471–484.
5. *Рахмонов А.Х.* Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов. *Управление*. 2024;2(12):82–90. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90>
6. *Афанасьев О.С.* Преимущества и недостатки миграционных процессов для России. *Форум молодых ученых*. 2019;4(32):88–92.
7. *Левченко Я.В.* Трудовая миграция. Польза или вред для российской экономики. В кн.: *Вектор современной науки: материалы Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых*, Краснодар, 15 ноября 2022 г. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; 2022. С. 591–593.
8. *Неганов В.В., Ведяков М.И.* Некоторые актуальные аспекты миграционной политики Российской Федерации. *Вопросы российского и международного права*. 2022;7-1(12):83–91.
9. *Скребицова Т.Г.* Образ мигранта в современных российских СМИ. *Политическая лингвистика*. 2007;3(23):115–118.
10. *Смирнова М.А.* Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке. *Демографическое обозрение*. 2024;11:81–103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i1.20933>

References

1. *Sokolov A.P., Davydov A.D.* Germany's Migration Policy Challenges: From Restraint to Openness. *Journal of International Analytics*. 2023;14:41–57. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57>
2. *Kazantseva N.V., Kharchilava G.P.* Social aspects of migrants' adaptation in Russia in the digital economy. *E-Management*. 2022;2(5):68–74. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-68-74>
3. *Akopyan G.A., Osokina A.E., Folk E.S., Grigoryan K.G.* Prospects for migration policy development in Russia. In: *Theory and practice of priority scientific research: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*, Smolensk, May 27, 2019. Smolensk: Naukosfera; 2019. Pp. 138–141. (In Russian).
4. *Koretskaya-Garmash V.A.* The Use of Migrant Labour — Threat or Advantage for Russian Economical Development? *Economy of Regions*. 2016;2(12):471–484. (In Russian).

5. *Rakhmonov A.Kh.* Role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges. *Upravlenie / Management (Russia)*. 2024;2(12):82–90. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90>
6. *Afanasev O.S.* Advantages and disadvantages of migration processes for Russia. *Forum molodykh uchenykh*. 2019;4(32):88–92. (In Russian).
7. *Levchenko Ya.V.* Labor migration. Benefit or harm to the Russian economy. In: *Vector of modern science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists*, Krasnodar, November 15, 2022. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; 2022. Pp. 591–593. (In Russian).
8. *Neganov V.V., Vedyakov M.I.* Some actual aspects of the migration policy of the Russian Federation. *Issues of Russian and international law*. 2022;7-1(12):83–91. (In Russian).
9. *Skrebtsova T.G.* The image of a migrant in modern Russian media. *Political linguistics*. 2007;3(23):115–118. (In Russian).
10. *Smirnova M.A.* Children of migrants in Russia: the need for integrative educational support. *Demographic Review*. 2024;11:81–103. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i1.20933>

Методические основы формирования управления молодежной политикой вуза в рамках теории публичного управления

Островкин Денис Леонидович¹

Канд. ист. наук, проректор по социальной и воспитательной работе
ORCID: 0000-0002-2637-3898, e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

Сандлер Даниил Геннадьевич²

Д-р экон. наук, первый проректор по экономике и стратегическому развитию
ORCID: 0000-0002-5641-6596, e-mail: d.g.sandler@urfu.ru

¹Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург, Россия

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Проведен теоретический анализ понятия молодежной политики в университете в рамках теории публичного управления. Цель настоящего исследования состояла в обосновании методического подхода построения модели управления реализацией молодежной политики в вузе. Рассмотрены различные подходы к определению молодежной политики в отечественной и зарубежной научной литературе, а также в теории публичного управления. Исследованы способы разработки молодежной политики с учетом стейхолдерского подхода. Предложено авторское видение сущности понятия молодежной политики в вузе в контексте стратегического развития системы высшего образования. Разработаны принципы формирования молодежной политики на основе матричной модели, согласно которой решение вопросов молодежи должно сопровождаться интеграцией элементов рассматриваемой политики во все стратегии, программы и проекты на разных уровнях управления вузом. Предложен методический подход, опирающийся на субъект-объектную парадигму, который способствует созданию устойчивой модели развития молодежной политики в университете. Данный подход направлен на усиление значимости молодежной политики и включает задачи, повышающие конкурентоспособность образовательной организации.

Ключевые слова

Молодежная политика, публичное управление, университет, методический подход, модель управления, теория публичного управления, стейхолдерский подход

Для цитирования: Островкин Д.А., Сандлер Д.Г. Методические основы формирования управления молодежной политикой вуза в рамках теории публичного управления // Вестник университета. 2024. № 12. С. 15–25.

Methodological basis for forming youth policy management at university within the framework of public administration theory

Denis L. Ostrovkin¹

Cand. Sci. (Hist.), Vice-Rector for Social and Educational Work
ORCID: 0000-0002-2637-3898, e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

Daniil G. Sandler²

Dr. Sci. (Econ.), First Vice-Rector for Economics and Strategic Development
ORCID: 0000-0002-5641-6596, e-mail: d.g.sandler@urfu.ru

¹Ural State Forest Engineering University, Ekaterinburg, Russia

²Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract

Theoretical analysis of the youth policy at university concept within the framework of the public administration theory has been carried out. The purpose of the study is to substantiate the methodological approach to building a model of youth policy implementation management at university. Different approaches to the youth policy definition in Russian and foreign scientific literature, as well as in the public administration theory have been considered. The ways of youth policy development considering the stakeholder approach have been investigated. The authors' vision of the essence of the youth policy in higher education institution concept in the context of strategic development of higher education system has been proposed. The principles of youth policy formation based on the matrix model have been developed, according to which the solution of youth issues should be accompanied by the integration of the policy elements in all strategies, programs, and projects at different levels of university management. A methodological approach based on the subject-object paradigm has been proposed, which contributes to creating a sustainable model of youth policy development at university. This approach is aimed at strengthening the importance of youth policy and includes tasks that increase an educational organization competitiveness.

Keywords

Youth policy, public administration, university, methodological approach, management model, higher education institution

For citation: Ostrovkin D.L., Sandler D.G. (2024) Methodological basis for forming youth policy management at university within the framework of public administration theory. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 15–25.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день, согласно статистическим данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее – РФ, Россия), система высшего образования насчитывает 724 университета и 524 филиала, в которых на 1 октября 2023 г. насчитывалось более 4,33 млн студентов всех форм обучения¹. Подавляющее большинство обучающихся – молодые люди, которые априори считаются наиболее активной категорией граждан, участвующих в формировании будущего страны, создающих значимые и востребованные инициативы. В связи с этим проблема эффективного управления различными политиками, реализуемыми в образовательных организациях, в том числе молодежной политикой, представляется особенно актуальной.

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что в современных социально-экономических, политических и информационных реалиях в России происходит изменение системы ценностей современной молодежи, при которой все большее значение приобретают устремления молодых людей к достижению значимых личных жизненных целей, таких как профессиональное развитие, расширение знаний и социальная активность, что должно заставлять пересматривать управленческий подход в отношении к молодежной политике в университете.

Наконец, интересы молодежи соприкасаются практически со всеми реализуемыми проектами и программами в рамках системы образования, будь то вопросы образовательной, научной или инфраструктурной политики, развития цифрового потенциала и человеческого капитала, в связи с чем проблемы молодежной политики, которая должна учитывать интересы всех участников процесса, и ее управления становятся ключевыми в рамках публичного управления образовательной организацией.

Как следствие наличия большого числа акторов считаем необходимым выделить одну из основных управленческих проблем молодежной политики, которая заключается в ее дуальности. С одной стороны, направления государственной молодежной политики определены в различных законодательных актах, формируются и реализуются федеральными органами исполнительной власти и их подведомственными организациями. Так, согласно Указу Президента РФ, основная цель должна быть направлена на «развитие потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально-ответственной личности²». Данный аспект представляет «внешний» контур молодежной политики в вузе, который связан с формированием нового социума, разделяющего традиционные нравственные ценности гражданского общества России. С другой стороны, реализация молодежной политики в университете должна отвечать тем вызовам и задачам, которые ставятся перед вузовским менеджментом (участие в государственных программах, выполнение целевых показателей и др.). В этом отношении молодежная политика должна быть интегрирована в иные вузовские политики для достижения синергетического эффекта, сосредоточив свое внимание на «внутреннем» окружении.

Данное противоречие может быть разрешено в контексте применения публичного управления, где ключевую роль играет создание эффективной системы взаимодействия между государственными органами и гражданским обществом (в нашем случае сотрудничество государства и молодежи, взаимодействие администрации и обучающихся), а также партнерства с частным сектором через механизмы государственно-частного партнерства [1].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Осмысление категории «молодежная политика» в контексте педагогической и социологической мысли широко представлено в научной литературе. Так, еще в 1980-х гг. И.М. Ильинский предложил рассматривать молодежную политику как самостоятельное направление государственной деятельности, требующее особого подхода к управлению. Он первым разработал концепцию, ориентированную на развитие личности молодых людей, в основе которой заложены принципы самоорганизации, самореализации и самовыражения молодого поколения в интересах государства и общества. [2]. За прошедшее время в специализированной литературе накопился значительный багаж исследований, обращающий внимание на вопросы управления молодежной политикой. В частности, значимый вклад, на наш

¹ В российских вузах увеличилось число студентов. Режим доступа: <https://clck.ru/3FRzCm> (дата обращения: 29.09.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития российской федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <https://mvd.consultant.ru/documents/1058493> (дата обращения: 29.09.2024).

взгляд, в данную теоретическую проблему среди отечественных авторов оказали труды Ю.А. Зубок, И.М. Ильинского, А.И. Ковалевой, Е.А. Омельченко, В.И. Чупрова и ряда других авторов, которые расширяют теоретическое понимание природы и особенностей молодежи и молодежной политики [3–7]. Часть из них представляет собой обобщение предыдущих эмпирических исследований (И.М. Ильинский, В.А. Луков), тогда как другие предлагают новые теоретические концепции, которые еще предстоит внедрить в методологию эмпирического анализа (А.И. Ковалева, Ю.А. Зубок).

Анализ различных подходов к молодежной политике в университете выявляет два противоположных взгляда. Первый заключается в выделении этой политики как самостоятельной сферы деятельности, а второй акцентирует внимание на значимости и роли молодежи для развития образовательного учреждения (табл. 1).

Таблица 1

Спектр взглядов на молодежную политику в вузе

Группа авторов, фокусирующихся на уникальности и самостоятельности молодежной политики	Фокус авторов на роли молодежной политики в развитии образовательной организации
– важнейшим условием организации воспитательной деятельности (молодежной политики) является разнообразие студенческих сообществ; – основная задача (молодежной политики) – создание условий для вовлечения обучающихся в реализацию политики университета в области социальной и воспитательной деятельности, создание социокультурной среды для всестороннего развития личности; – руководство вуза задает вектор развития воспитательной работы, ставит задачи и непосредственно взаимодействует с теми подразделениями, которые реализуют конкретные направления воспитания студентов	– важную роль в развитии образовательной деятельности играет молодежная политика; – молодежная политика из некогда сугубо факультативного аспекта жизни вуза становится стратегическим направлением развития; – программы поддержки в рамках молодежной политики должны распространяться не только на студентов

Составлено авторами по материалам источников [8–13]

Проведенный историографический обзор показал, что исторический, нормативно-правовой опыт реализации государственной молодежной политики на различных уровнях является предметом пристального внимания исследователей. Сформирован серьезный исследовательский фундамент, имеющий важное теоретическое и практическое значение.

Однако исследование молодежной политики на основе мультидисциплинарного подхода, который опирается на теорию публичного управления как новую ступень в развитии управленческой науки, кажется нам особенно важным, поскольку учитывает воздействие множества заинтересованных сторон и политик, действующих в вузе. Интеграция с ними способна существенно изменить поведение молодежи и поднять реализацию молодежной политики в образовательном учреждении на новый уровень.

ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ И БАЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящего исследования состоит в теоретическом обосновании методического подхода построения модели управления реализацией молодежной политики в университете в рамках концепции публичного управления. В соответствии с этим мы выдвигаем гипотезу о том, что молодежная политика как направление деятельности вуза является важной частью по повышению управленческой результативности образовательной организации в целом. Тем самым мы предполагаем частично решить теоретическую и практическую проблему, состоящую в том, что университетский топ-менеджмент находится зачастую в «плёну» заблуждения, которое рассматривает молодежную политику только как организацию ежегодных, чаще всего повторяющихся мероприятий. Данный тезис подтверждается в исследовании Е.А. Кризенцевой и С.С. Гиля, которые провели совместную проектно-исследовательскую сессию преподавателей и студентов и выяснили взгляды сотрудников на обозначенную проблему [14].

В данной работе под публичным управлением понимается определение, предложенное Г.А. Купряшиным, – это «система кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных

структур, призванная обеспечить удовлетворение общественных интересов и решение коллективных проблем» [15]. Исходя из данного термина, авторы статьи предлагают рассматривать публичное управление в образовательной организации как организационную деятельность университетского менеджмента при непосредственном участии граждан и других заинтересованных сторон (например, учредителя, бизнес-структур, профессиональных сообществ и т.д.), направленную на формирование и развитие общественных отношений в целях устойчивого развития государства и удовлетворение потребностей обучающихся.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Привлечение различных социальных групп и категорий граждан к процессу создания стратегий, программ и проектов, их реализации, контролю и оценке эффективности исполнения государственных функций представляет собой основную задачу системы публичного управления. Примером служит участие представителей студенческих советов и профсоюзов в работе Ученого совета и других коллегиальных органов университета. Молодежь занимает особое место среди этих целевых групп, так как выступает прямым заказчиком изменений и выдвигает новые требования к реализации различных политик в вузе.

На сегодняшний день, согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», четко определен возраст молодежи – от 14 до 35 лет³. При этом нужно учитывать, что в вуз поступают молодые люди от 16 лет (на программы среднего специального образования), а верхний порог совсем не имеет границ. Кроме того, существует ряд нормативных правовых актов РФ, устанавливающих иные границы возраста молодежи. Так, «молодым ученым» считается кандидат наук до 35 лет и доктор наук до 40 лет. Учитывая современные общественные тенденции, такие как изменение социальных институтов, появление новых профессий, развитие различных отраслей и др., при разработке молодежной политики в рамках публичного управления важно уделять внимание возрастным переходам и изменениям социального статуса в контексте принятия управленческих решений, касающихся молодежи, поскольку именно в период «возрастных и профессиональных революций» возникает множество вариантов индивидуального развития и университетскому менеджменту требуется более гибкое взаимодействие с разными социальными группами, несмотря на кажущуюся единой молодежную политику.

При анализе молодежи с точки зрения теории публичного управления необходимо принимать во внимание не только поколенческие факторы, но и иные аспекты, связанные с общественным и личным развитием (например, уровень образования, карьерную траекторию, достижения в различных сферах и т.д.) [16]. По мнению некоторых исследователей, суть данного принципа заключается в том, что основная задача государственного регулирования в современном обществе должна быть направлена на постоянный прирост высокоинтеллектуальных специалистов, которые будут способствовать прорыву в разработке и практической реализации ключевых направлений научно-технического прогресса [17].

Система публичного управления, основанная на принципах открытости, предусматривает прозрачность процессов и результатов управления для общественности, четкую формулировку целей и ожидаемых результатов, проведение общественных обсуждений планов, программ, проектов и их бюджетов, а также открытое обсуждение итогов управления. В связи с этим обоснованность применения концепции публичного управления подтверждает инициатива Финансового университета, который запустил пилотный проект по развитию студенческого инициативного бюджетирования⁴. Его участниками стали 55 университетов в 41 регионе страны. Практика инициативного бюджетирования предполагает непосредственное участие студентов в определении приоритетных направлений распределения части финансовых ресурсов высших учебных заведений, предоставляемых университетом на осуществление студенческих инициативных проектов и молодежной политики в целом. Учитывая такие особенности молодежи, как динамичность, мобильность, интеллектуальную активность, социальное здоровье, необходимо обеспечить распространение данного проекта на постоянной основе.

По мнению О. Зильберштейна, К. Невструева, Д. Семенюк, Т. Шкляр, к внутренним стейкхолдерам, влияющим напрямую на стратегическую и операционную деятельность университета, помимо сотрудников, относятся студенты и аспиранты, что должно выражаться в учете интересов и требований, а также активном взаимодействии с данными группами [18].

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 29.09.2024).

⁴ Дан старт студенческому инициативному бюджетированию. Режим доступа: <https://моифинансы.рф/article/dan-start-studencheskomu-iniciativnomu-byudzhetirovaniyu/> (дата обращения: 29.09.2024).

Исходя из теории публичного управления, авторы предлагают рассматривать категорию «университетская молодежь» как социально-демографическую группу, выделяемую на основе возрастных характеристик и социального статуса, обладающую особыми интересами и ценностями, способную самостоятельно влиять на образовательную организацию, становясь ключевой движущей силой процессов ее модернизации. В соответствии с этим определением следует пересмотреть понятие молодежной политики в университете, так как изменятся ее цели, принципы, направления, формы и методы реализации.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» рассматривает молодежную политику как «комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан РФ, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности РФ»⁵.

Стоит согласиться с мнением В.А. Смирнова о том, что в формировании молодежной политики используется ресурсно-ориентированный подход, где молодежь рассматривается как инструмент для выполнения различных проектов и программ, инициированных исполнительной властью [19]. Такой подход превращает молодежь из субъекта молодежной политики в ее объект. Однако мы считаем, что она должна восприниматься одновременно и как субъект, и как объект. В таком случае возникает еще одна двойственность диалектического характера, которая отражает отношение внутри целого. Государство, с одной стороны, устанавливает единство в подходах к реализации молодежной политики, а с другой – оно должно учитывать интересы «заказчика», то есть самой молодежи.

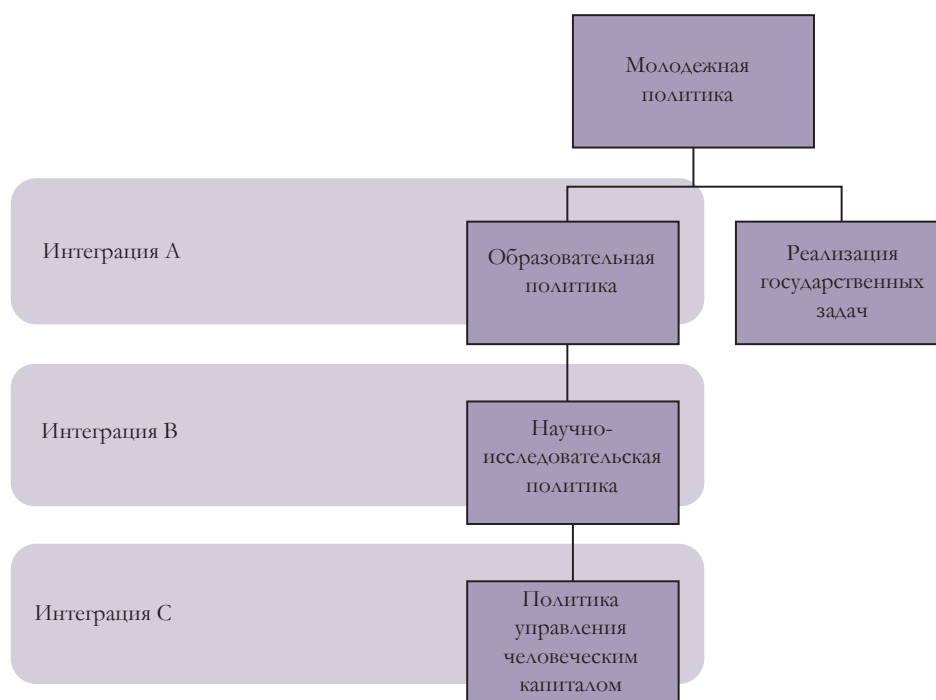
Многие исследователи считают молодежь прежде всего субъектом, имеющим право на первоочередное решение своих проблем. Первые работы, в которых обозначился переход от традиционной парадигмы, в рамках которой молодежь являлась лишь пассивным объектом ее воплощения, произошел на рубеже 1990-х гг. [20]. Именно в это время некоторые ученые и практики начали утверждать, что молодежная политика могла бы быть более эффективной, если бы молодые люди сами принимали активное участие в ее разработке [21].

Следствием появления новой парадигмы стало переосмысление ролей в молодежной политике. Сегодня в исследовательской зарубежной литературе изучается роль молодежных организаций, предпринимаются попытки оценить активное положение молодых людей в политической практике [22]. Кроме того, отличительной чертой западной практики стал тот факт, что проблема реализации молодежной политики рассматривается через социальную призму, то есть анализируется ее роль в общественной жизни государства и общества. Авторы справедливо отмечают, что молодежь, с одной стороны, является драйвером социума, а с другой – представляет собой одну из самых чувствительных ее частей [23].

Принимая за основу субъект-объектный подход, авторы предлагают определить, что молодежная политика в университете должна способствовать созданию интегрирующей среды для раскрытия потенциала, которая помогает университетской молодежи найти свой путь, раскрыть таланты и определить траекторию развития. Следовательно, она должна выйти за рамки узкого восприятия со стороны университетского менеджмента как задачи отдельных управлений или отделов, ответственных за развитие данного вида деятельности. Необходимо обеспечить матричный формат этой политики, то есть дополнить встраиванием молодежной политики (ее компонентов) во все стратегии, программы и проекты на всех иерархических уровнях публичного управления университетом (рис. 1).

Данный тезис находит свое подтверждение в нескольких основных аспектах влияния молодежной политики на иные политики вуза.

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 29.09.2024).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Модель матричного формата реализации молодежной политики

Во-первых, уровень молодежной политики непосредственным образом влияет на выполнение «молодежных» показателей национального проекта «Наука и университеты» и целевых показателей эффективности программы «Приоритет – 2030» (далее – Программа) (например, доля работников в возрасте до 39 лет в общей численности ППС; доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей).

Во-вторых, в предыдущих работах авторы доказали, что молодежная политика, кроме социальных, имеет стоимостные эффекты. Анализ проектных инициатив вузов-участников Программы Уральского федерального округа выявил, что 94 % молодежных проектов прямо или косвенно влияют на рост доходов (или экономию расходов) университета сразу после завершения проекта либо в течение определенного периода времени в будущем (экономия общественных ресурсов, выгода для стейкхолдеров) [24].

В-третьих, лучшими практиками в сфере молодежной политики в 2024 г., по мнению сотрудников отдела экспертизы и сетевого взаимодействия федерального государственного автономного научного учреждения «Социоцентр», стали проекты «Перезагрузка бизнес-инкубатора» (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова) и «Управленческие хакатоны» (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), основу которых составляет подход объединения учебной и внеучебной деятельности, цифровой и молодежной политики через проектную работу⁶.

В-четвертых, как показала экспертная оценка (в анкетировании приняли участие 145 проректоров из 52 регионов России в период с октября по декабрь 2023 г.), молодежная политика имеет высокую степень влияния практически на все политики, реализуемые в университете (рис. 2).

Респонденты отметили, что наиболее высокую степень влияния отличают направления, связанные с образовательной политикой (40,7 %), политикой управления человеческим капиталом (41 %), финансово-экономической (38,2 %) и кампусной (36,6 %) политиками.

Отличительная особенность предлагаемой структуры заключается в том, что матричная модель управления создается путем совмещения линейной и программно-целевой структуры. С одной стороны, такая модель позволяет строить управление по отдельной сфере политики вуза, а с другой – дает возможность интеграции в иные политики либо в стратегические программы и проекты развития вуза.

На сегодняшний день регулятор в лице Министерства науки и высшего образования РФ планомерно проводит работу по встраиванию молодежной политики в стратегическое управление университетом. Так, с 2022 г. соответствующий раздел включен в программы развития вузов-участников проекта академического

⁶ Лучшая практика молодежной политики. Режим доступа: <https://practices.priority2030.ru/list/nomination-5> (дата обращения: 29.09.2024).

лидерства «Приоритет-2030», затем – всех подведомственных университетов⁷. Данный факт подтверждает идею о необходимости матричного подхода к реализации молодежной политики.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Влияние молодежной политики на основные политики вуза

Применение теории публичного управления относительно молодежной политики вуза позволило разработать методический подход, нивелирующий противоречия и ограничения стратегического управления в вузах по данному направлению и способствующий формированию устойчивой модели развития (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Методический подход к построению молодежной политики

⁷ Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 января 2023 г. № МН-7/102 «О направлении методических рекомендаций». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457581/84166c73bc94a90b1d777a252e80e161b88e6927/ (дата обращения: 29.09.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный методический подход позволяет фокусировать деятельность на повышении роли молодежной политики и закладывает в комплекс целей задачи, усиливающие конкурентоспособность вуза: вариативность образовательных инициатив, реализацию научных и инфраструктурных проектов. Понятие молодежной политики дополнено условиями, характерными по отношению к университету и учитывающими специфику данной деятельности. Представлен механизм синхронизации молодежной политики и иных политик образовательной организации, который разрешает основные противоречия и нивелирует риски.

Новая реальность диктует необходимость трансформации системы управления университетом, включая переход к концепции публичного управления, особенно в области молодежной политики. Фактически речь идет о создании модели управления, ориентированной на заинтересованные стороны, которая позволит эффективно согласовывать интересы студентов и других групп. Развитие концепции публичного управления в сочетании с молодежной политикой будет способствовать широкому применению цифровых технологий и созданию условий для внедрения гибких методов управления, направленных на успешное выполнение социально-экономических задач и достижение стратегических целей университета.

Роль молодежной политики в вузе должна заключаться в ее интеграции с другими политиками университета и представлять собой не только перечень проведенных мероприятий или отчет о расходовании бюджета, но и дорожную карту укрепления стратегического лидерства в образовании. Интеграция молодежной политики в реализацию национальных проектов, стратегию развития университета и другие проекты и программы, где молодежь участвует как объект и субъект публичного управления, поможет максимально использовать потенциал этой группы населения.

Список литературы

1. Барабашев А.Г., Уткина В.В. Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований. Вестник университета. 2014;16:5–15.
2. Ильинский И.М. Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация. М.: Терра; 2016. 672 с.
3. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции. Социологическая наука и социальная практика. 2023;1(11):44–69. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3>
4. Ильинский И.М., Луков В.А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020;1(20):50–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63>
5. Ковалева А.П. Особенности социализации молодежи в цифровом обществе. В кн.: Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы: материалы XVI Международной научной конференции, Москва, 18–19 ноября 2020 г. М.: Московский гуманитарный университет; 2020. С. 151–155.
6. Омельченко Е.А., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022;2(168):66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
7. Зубок Ю.А., Чуфров В.П., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. Вестник Института социологии. 2021;3(12):79–98. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738>
8. Красилова Е.А. Реализация молодежной политики в исследовательском университете: проблемы и решения. В кн.: Стратегическая роль центров карьеры в создании профессиональных сообществ: материалы Научно-практической конференции, Владивосток, 20–21 сентября 2022 г. Владивосток: Владивостокский государственный университет; 2024. С. 31–40.
9. Сацул Т.П., Сучалкина Е.А., Гофинова С.В. Молодежная политика как фактор устойчивого развития образовательной деятельности. Пожарная и аварийная безопасность. 2023;3(30):91–97.
10. Когачева Е.С. Воспитательная работа в системе высшего образования как направление реализации государственной молодежной политики (на примере Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова). Вестник науки. 2024;7(4):151–156.
11. Леухова М.Г., Корчагин Р.А. Стратегирование молодежной политики университета. В кн.: Теория и практика стратегирования: материалы V Международной научно-практической конференции, Кемерово, 17–19 октября 2022 г. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 2022. С. 133–139.

12. *Факторович Т.В.* Состояние и перспективы воспитательной работы в Иркутском ГАУ. В кн.: Актуальные вопросы образования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию специальности «Профессиональное обучение», Молодежный, 5–6 октября 2023 г. Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского; 2023. С. 117–125.
13. *Куликов С.П., Езопов М.В.* Формирование и развитие основных аспектов молодежной политики в вузе. Теории и проблемы политических исследований. 2019;5А(8):134–144.
14. *Кранзеева Е.А., Гиль С.С.* Жизненный путь студента в университете: структурирование и навигация. Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024;1(53):90–96. https://doi.org/10/54509/22203036_2024_1_90
15. *Купряшин Г.А.* Публичное управление. Политическая наука. 2016;2:101–131.
16. *Луков В.А.* Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях. Знание. Понимание. Умение. 2012;3:146–156.
17. *Басов Н.Ф.* Социальная работа с молодежью. М.: Дашков и Ко; 2009. 328 с.
18. *Зильберштейн О.Б.* Анализ стейкхолдеров на примере российских предприятий. Науковедение. 2016;3(8).
19. *Смирнов В.А.* Институционализация региональной молодежной политики в условиях трансформации российского общества. Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. СПб.; 2011. 51 с.
20. *Loncle P., Leahy P., Munglia V., Walthor A.* Youth Participation: Strong Discourses, Weak Policies – a General Perspective. In: Youth Participation in Europe. Bristol: Policy Press; 2012. P. 21–38.
21. *Munglia V., Cuconato M., Loncle P., Walthor A.* The Analysis of Youth Participation in Contemporary Literature: a European Perspective. In: Youth Participation in Europe. Bristol: Policy Press; 2012. P. 1–18.
22. *Silvan K.* Patriotic Pluralism: Russian Pro-Government Youth NGOs as Executors of State Youth Policy. In: Proceedings of the Aleksanteri Conference. Helsinki; 2017. P. 1–12.
23. *Saunders A.* ‘Who Has the Youth, Has the Future’: Three Youth Movements in Twentieth-Century Germany. Journal of Contemporary History. 2006;1(41):175–183.
24. *Островкин Д.А., Сандлер Д.Г.* Экономические аспекты эффективности молодежной политики как части программ развития вузов. Экономика устойчивого развития. 2024;3(59):261–268.

References

1. *Barabashv A.G., Utkina V.V.* State control in Russia: main subject areas & trends research. Vestnik universiteta. 2014;16:5–15. (In Russian).
2. *Ilyinsky I.M.* Youth. Youth policy. Youth organization. Moscow: Terra; 2016. 672 p. (In Russian).
3. *Seliverstova N.A., Zubok Yu.A.* Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2023;1(11):44–69. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.3>
4. *Ilyinsky I.M., Lukov V.A.* Moscow students: Changes in value orientations. RUDN Journal of Sociology. 2020;1(20):50–63. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-50-63>
5. *Kovaleva A.I.* Features of youth socialization in a digital society. In: Higher education for the 21st century: Digital transformation of society: New opportunities and new challenges: Proceedings of the XVI International Scientific Conference, Moscow, November 18–19, 2020. Moscow: Moscow University for the Humanities; 2020. Pp. 151–155. (In Russian).
6. *Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V.* Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022;2(168):66–92. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
7. *Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S., Sorokin O.V.* Life positions in self-regulation of life activity of the youth. Vestnik instituta sotziologii. 2021;12(3):79–98. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738>
8. *Krasilova E.A.* Implementation of youth policy at a research university: problems and solution. In: Strategic role of career centers in creating professional communities: Proceedings of the Scientific and Practical conference, Vladivostok, September 20–21, 2022. Vladivostok: Vladivostok State University; 2024. Pp. 31–40. (In Russian).
9. *Satsuk T.P., Suchalkina E.A., Gorinova S.V.* Youth policy as a factor in sustainable development of educational activities. Fire and emergency safety. 2023;3(30):91–97. (In Russian).
10. *Kogacheva E.S.* Educational work in higher education system as direction of implementation of state youth policy (on example of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov). Vestnik nauki. 2024;7(4):151–156. (In Russian).
11. *Leukhova M.G., Korzhagin R.L.* Strategizing university's youth policy. In: Strategizing: Theory and practice: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference, Kemerovo, October 17–19, 2022. Kemerovo: Kemerovo State University; 2022. Pp. 133–139. (In Russian).

12. *Faktorovich T.V.* The state and prospects of educational work in Irkutsk GAU. In: Current issues of education: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 45th anniversary of the vocational training program, Molodezhny, October 5–6, 2023. Molodezhny: Irkutsk State Agrarian university; 2023. Pp. 117–125. (In Russian).
13. *Kulikov S.P., Ezgopov M.V.* Formation and development of basic aspects of youth policy at the university. Theories and problems of political research. 2019;5A(8):134–144. (In Russian).
14. *Kranzgeva E.A., Gil S.S.* Life path of a student at the university: structuring and navigation. Professional Education in Russia and Abroad. 2024;1(53):90–96. (In Russian). https://doi.org/10/54509/22203036_2024_1_90
15. *Kupryashin G.L.* Public administration. Political science. 2016;2:101–131. (In Russian).
16. *Lukov V.A.* Biosociology of youth: expert assessments of changes in new generations. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012;3:146–156. (In Russian).
17. *Basov N.F.* Social work with youth. Moscow: Dashkov and Co.; 2009. 328 p. (In Russian).
18. *Zilberstein O.B.* Stakeholder analysis using Russian enterprises as an example. Naukovedenie. 2016;3(8). (In Russian).
19. *Smirnov V.A.* Institutionalization of regional youth policy in the context of transformation of Russian society. Abstr. Dis. ... Cand. Sci. (Sociol.): 22.00.04. St. Petersburg; 2011. 51 p. (In Russian).
20. *Loncle P., Leaby P., Munglia V., Walther A.* Youth Participation: Strong Discourses, Weak Policies – a General Perspective. In: Youth Participation in Europe. Bristol: Policy Press; 2012. P. 21–38.
21. *Munglia V., Cuconato M., Loncle P., Walther A.* The Analysis of Youth Participation in Contemporary Literature: a European Perspective. In: Youth Participation in Europe. Bristol: Policy Press; 2012. P. 1–18.
22. *Silvan K.* Patriotic Pluralism: Russian Pro-Government Youth NGOs as Executors of State Youth Policy. In: Proceedings of the Aleksanteri Conference. Helsinki; 2017. P. 1–12.
23. *Saunders A.* 'Who Has the Youth, Has the Future': Three Youth Movements in Twentieth-Century Germany. Journal of Contemporary History. 2006;1(41):175–183.
24. *Ostrovkin D.L., Sandler D.G.* Economic aspects of the effectiveness of youth policy as part of university development programs. Economics of sustainable development. 2024;3(59):261–268. (In Russian).

Основные тенденции развития человеческого капитала на современном рынке информационных технологий

Бабаянц Армен Радьяевич

Аспирант

ORCID: 0009-0001-4974-5877, e-mail: armen@babayants.ru

Захаров Александр Викторович

Канд. экон. наук, декан факультета информационных технологий

ORCID: 0000-0002-9086-1124, e-mail: vvzakharov@synergy.ru

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Россия

Аннотация

Цифровизация как часть трендов ускорения научно-технического прогресса, перехода к концепции Индустрии 4.0 определяет необходимость уделять повышенное внимание созданию условий развития человеческого капитала. Конкуренция за человеческий капитал в условиях глобализованного рынка во многом становится схожей с конкуренцией за прочие формы капитала, приобретает глобальный характер. В подобных условиях возрастает потребность в осведомленности владельцев бизнес-процессов о ключевых трендах развития человеческого капитала, отличительных чертах участников рынка труда, действенных методиках его привлечения. Предметом настоящего исследования выступают основные тенденции развития человеческого капитала на современном рынке информационных технологий, целью – выявление и систематизация проявлений влияния рынка информационных технологий на процессы развития и реализации человеческого капитала. Методология исследования включает концепции развития человеческого капитала, а также интерпретацию аналитических данных о трендах его развития в условиях цифровой экономики. Применены метод контент-анализа, а также метод синтеза для формулировки выводов. К числу основных тенденций развития человеческого капитала на современном рынке информационных технологий относятся смещение акцента в направлении «мягких» навыков, цифровая грамотность как универсальная компетенция, активная роль персонала в саморазвитии, расширение возможностей к получению компетенций (e-learning и цифровые университеты), развитие компетенций внутри компаний, вовлечение в трудовые отношения представителей поколения Z. Область применения полученных результатов включает специалистов кадровых служб компаний области информационных технологий, менеджмент, органы власти, в сферу деятельности которых входят вопросы развития человеческого капитала.

Ключевые слова

Цифровизация, человеческий капитал, поколение Z, цифровизация образования, «твердые» навыки, «гибкие» навыки, «мягкие» навыки, удаленная работа, персонал

Для цитирования: Бабаянц А.Р., Захаров А.В. Основные тенденции развития человеческого капитала на современном рынке информационных технологий // Вестник университета. 2024. № 12. С. 26–37.

© Бабаянц А.Р., Захаров А.В., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Major trends in human capital development in modern information technology market

Armen R. Babayants

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0001-4974-5877, e-mail: armen@babayants.ru

Alexander V. Zakharov

Cand. Sci. (Econ.), Dean of the Faculty of Information Technologies

ORCID: 0000-0002-9086-1124, e-mail: vvzakharov@synergy.ru

Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia

Abstract

Digitalization as part of the trends of accelerating scientific and technological progress and transition to Industry 4.0 determines the need to pay increased attention to creating conditions for human capital development. Competition for human capital in a globalized market becomes similar to competition for other forms of capital and becomes global in nature. In such conditions, there is a growing need for business process owners to be aware of key trends in human capital development, distinctive features of labor market participants, and effective methods of its attraction. The subject of the study is the main trends in human capital development in the modern IT market, the purpose is to identify and systematize the manifestations of the IT market influence on the processes of human capital development and implementation. The research methodology includes the human capital development concepts, as well as the interpretation of analytical data on its development trends in the digital economy. The content analysis method, as well as the method of synthesis for formulating conclusions were applied. The main trends in human capital development in the modern IT market include a shift in emphasis towards soft skills, digital literacy as a universal competence, the active role of personnel in self-development, expansion of opportunities to acquire competencies (e-learning and digital universities), development of competencies within companies, and involvement of Generation Z representatives in labor relations. The scope of the obtained results application includes specialists of HR departments of IT companies, management, and authorities, whose sphere of activity includes the issues of human capital development.

Keywords

Digitalization, human capital, generation Z, digitalization of education, hard skills, flexible skills, soft skills, remote working, workforce

For citation: Babayants A.R., Zakharov A.V. (2024) Major trends in human capital development in modern information technology market. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 26–37.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация и движение экономики к концепции Индустрии 4.0 стали одним из приоритетов экономического развития в большинстве стран, определили вектор развития предпринимательских структур. Цифровая трансформация затрагивает все сферы, в том числе сферу формирования и развития человеческого капитала. Игнорирование угроз, сформированных в отношении практики формирования и реализации человеческого капитала, несет в себе потенциал негативного влияния на конкурентоспособность национальной экономики, уровень жизни домохозяйств, социальную нагрузку на государство. Не соответствующие актуальным и перспективным потребностям практики воздействия на элементы человеческого капитала влекут за собой угрозы углубления цифрового неравенства, роста технологической безработицы. Проблема отсутствия или недостаточного развития цифровой грамотности у значимой части участников трудовых отношений представляет собой барьер в реализации человеческого капитала и лимитирует его вклад в создание добавленной стоимости.

Проиллюстрированная проблематика позволила сформулировать цель настоящего исследования – выявить и обобщить проявления влияния рынка информационных технологий на процессы развития и реализации человеческого капитала.

С помощью описательного метода сформулированы явления и процессы изменения требований к человеческому капиталу в условиях цифровой экономики. Также использовались методы индукции, дедукции, анализа, синтеза и метод абстрагирования, так как исследуемый вопрос включает большое количество особенностей и контекстов и для того, чтобы глубоко проработать выбранные из них, необходимо абстрагировать их от остальных.

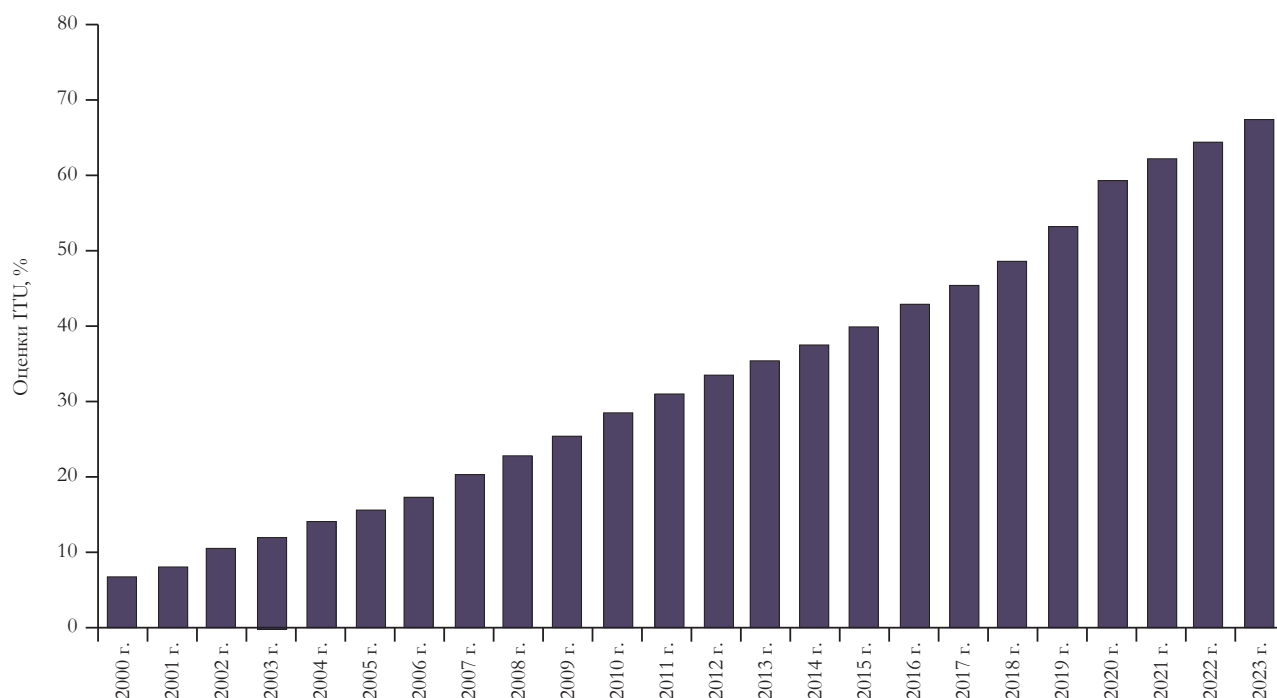
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рынком информационных технологий авторы называют совокупность отношений между экономическими агентами по предмету создания добавленной стоимости с использованием и/или в форме информационно-коммуникационных технологий, продуктов. От прочих рынков он отличается сравнительно низким вкладом таких факторов производства, как основной капитал в форме зданий, машин и оборудования, земля, и более высоким вкладом капитала в нематериальной форме – финансового и человеческого. Под капиталом в широком смысле понимается стоимость, используемая для получения прибыли посредством производственной/экономической деятельности. Данная стоимость может принимать как вещественные (физический капитал в форме машин, оборудования, зданий, земли, готовой продукции), так и невещественные (формы денежного и финансового капитала) формы. В литературе широко представлена точка зрения, согласно которой увеличение количества капитала в экономике имеет тенденцию повышать производительность труда и создавать условия для долгосрочного экономического роста. В контексте выбранной темы речь идет о человеческом капитале.

Базис теории человеческого капитала был сформирован в 1960–1970-е гг. как ответ на осознание роли нематериальных факторов производства на фоне перехода к новому технологическому укладу, повышения роли человека в процессах создания стоимости [1]. Заложившие основы теории человеческого капитала Г. Беккер, Т. Шульц, Я. Минсер предложили исследовательскую программу, обосновывающую инвестиции в человека как носителя знаний, навыков, здоровья, определяющих способность к производительному труду. Современные исследования человеческого капитала опираются на допущение его решающей роли в процессах развития общества, мировой экономики [2]. Развитие рынка информационных технологий является продуктом цифровизации как одного из глобальных трендов изменения общественных, политических, экономических отношений.

Процесс цифровизации следует рассматривать в широком и узком смыслах. Узкому пониманию соответствует переход от аналоговой формы обработки и передачи информации и предоставления данных (информации) к цифровой, который осуществляется за счет использования соответствующих технологий и платформ. В широком смысле цифровизация представляет собой многоплановые организационно-технологические проявления массового применения новых цифровых технологий в производстве и управлении. Опосредованно об интенсивности и скорости цифровизации общественных и экономических отношений можно судить по такому учитываемому Международным союзом электросвязи (англ.

International Telecommunication Union, ITU) показателю, как доля населения, использующего средства коммуникации сети «Интернет» (далее – Интернет). За сравнительно непродолжительный в контексте долгосрочных трендов экономического развития период с начала 2000-х гг. доля населения, использующего подобные инструменты, в среднем по странам мира выросла с 6,7 до 67,4 % (рис. 1).

Источник¹

Рис. 1. Доля населения, использующего интернет-коммуникации

Переход к информационному обществу определяет приоритет цифровых технологий. Среди факторов, оказывающих влияние на процессы создания добавленной стоимости на рынке информационных технологий, эксперты выделили следующие³:

- уровень автоматизации производственных процессов;
- уровень компетенции специалистов отрасли в области цифровых технологий;
- уровень обеспечения операционных процессов цифровыми технологиями;
- уровень цифровизации процессов стратегического планирования и управления;
- уровень компьютеризации производственных процессов;
- уровень эффективности использования информационно-коммуникационных технологий;
- уровень доступа к цифровым технологиям;
- уровень эффективности передачи информации;
- уровень коммуникативной активности;
- уровень образования специалистов.

Принято считать, что применение цифровых технологий положительно влияет на уровень занятости и снижение безработицы на макроэкономическом уровне, способствует повышению предпринимательской активности, росту уровня валового внутреннего продукта, увеличению доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре валового внутреннего продукта и, соответственно, увеличению объема инвестиций и повышению инвестиционной привлекательности [3]. Напротив, низкий уровень использования цифровых технологий вызывает обратные факторы – высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов занятого населения, низкий уровень жизни, отсутствие технологического развития, низкий уровень конкурентоспособности экономики страны, ресурсная ориентация экономики. Важным условием получения выгод от цифровизации посредством создания

¹ Lever. The State of Internal Mobility and Employee Retention Report. Режим доступа: https://www.lever.co/wp-content/uploads/2022/02/Lever_Great-Resignation-Report_2022.pdf (дата обращения: 21.08.2024).

добавленной стоимости в результате приложения труда является адаптация к потребностям цифровой экономики человеческого капитала.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Среди элементов человеческого капитала принято выделять капитал здоровья, капитал образования (как проявление интеллекта и освоенных компетенций), трудовой капитал (трудовые навыки и опыт), капитал культуры (систему ценностей индивидов как участников экономических отношений). Развитие указанных элементов находится под влиянием широкой совокупности факторов (внутренних и внешних) относительно носителей их природы. Под внутренними факторами понимаются отличительные черты трудовой социализации личности, саморазвитие, а под внешними – государственная политика в сфере образования и здравоохранения, регулирование отношений в сфере занятости. Указанные элементы человеческого капитала реагируют на цифровизацию и развитие рынка информационных технологий с разной скоростью. Наиболее оперативно изменяются требования к капиталу образования и трудовому капиталу, а капитал здоровья характеризуется существенным лагом между оказанным влиянием и изменением параметров человеческого капитала. По этой причине капитал здоровья решено оставить за рамками настоящего исследования.

Согласно концепции человеческого потенциала, цифровые технологии влияют на внешние и внутренние факторы формирования его элементов [4]. Влияние цифровизации на развитие человеческого капитала заключается в появлении новых форм занятости, изменении профессиональной и квалификационной структуры занятого населения (мобильность критериев актуальности компетенций по отношению к потребностям рынка труда, снижение спроса на замещаемый в результате цифровизации труд), профессиональных требований к человеческому потенциалу, мотивации персонала к труду. В литературе широко представлена точка зрения о том, что рынок информационных технологий в контексте влияния на человеческий капитал создает предпосылки для изменения компетентностных профилей некоторых категорий персонала и повышения требований к гибкости и адаптивности.

С точки зрения влияния на компетентностные профили стоит выделить следующие основные проявления.

1. Потребность в освоении участниками процессов создания добавленной стоимости навыков взаимодействия с объектами и технологиями информационно-коммуникационной инфраструктуры (цифровая грамотность, цифровая компетентность, компьютерная грамотность, электронные навыки (digital skills) [5].

2. Отказ от концепции формирования совокупности «жестких» и «мягких» навыков (англ. hard and soft skills), которые определяют карьеру и трудовую социализацию индивида на всю жизнь. Как следует из аналитических материалов Всемирного банка, к 2027 г. 2/5 основных навыков, которыми сегодня обладают работники, утратят свою актуальность под влиянием цифровизации². При этом половина всех основных навыков работников будет нуждаться в обновлении каждые пять лет. Как следствие, более востребованной становится концепция непрерывного образования, комбинирующего базовое образование и непрерывное саморазвитие.

3. Позиционирование комбинации компетенций STEM (в сфере естественных (биологии, физики и химии) и точных (математики, логики и статистики) наук) как каркаса построения востребованных для рынка информационных технологий навыков.

4. Овладение «гибкими» навыками, которое позволяет участникам рынка цифровых технологий с большей оперативностью и эффективностью мигрировать между секторами рынка, сферами приложения труда и создания добавленной стоимости. Требуемые цифровой экономике навыки включают анализ и обработку информации, эффективное запоминание, поиск информации, анализ текста, преодоление фрагментарности мышления, формирование целостной картины мира.

Стремительно меняющиеся технологии создания добавленной стоимости стимулируют участников рынка труда к самообразованию, размывая сферы формирования человеческого капитала, в которых ранее доминировало государство как поставщик услуг и как субъект контроля (речь идет о функционировании образовательных систем). Как следствие, формирование человеческого капитала в условиях цифровой экономики требует модернизации подходов к построению карьерных траекторий, государственной образовательной политики.

² World Economic Forum. Future of Jobs Report 2023. Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2023/05/workers-multiple-careers-jobs-skills/> (дата обращения: 21.08.2024).

Последствия влияния цифровизации и рынка информационных технологий на основных субъектов формирования человеческого капитала в части его образовательного элемента уже прослеживаются в следующем.

1. Правительства адаптируют образовательные политики в системах общего, специального и дополнительного образования к решению задач повышения цифровой грамотности, продвижения STEM-компетенций (посредством финансирования новых образовательных программ, предоставления льгот на получение соответствующего образования, введения бесплатных курсов в сфере дополнительного образования).

2. Параллельно с рынком информационных технологий развивается рынок требуемых компетенций. Цифровое общество нуждается в новых цифровых механизмах, с помощью которых профессионалы могут учиться и приобретать новые навыки на протяжении всей своей жизни, что сегодня необходимо работникам различных отраслей. Востребованным механизмом становится дистанционное образование. Между рынком информационных технологий и рынком дистанционного образования формируются устойчивые связи в форме гарантии трудоустройства, прямого запроса на подготовку специалистов с определенным набором компетенций.

3. Участники рынка труда (как носители формирующих человеческий капитал компетенций, культуры и других проявлений) вовлекаются в саморазвитие с использованием государственной и негосударственной инфраструктуры. Возможность учиться и получать доступ к образовательным ресурсам привлекает квалифицированную рабочую силу.

Рынок информационных технологий характеризуется снижением географических и социальных барьеров между предложением и спросом на труд. Технологические компании широко используют практику найма сотрудников за рубежом в формате удаленной занятости, аренды персонала, распределенной работы (cloud computing, job-sharing, аутсорсинг, аутстаффинг и др.) [6]. Как следствие, участники процессов развития человеческого капитала учитывают потенциал его приложения в глобализованной цифровой экономике. Среди практических направлений подобного учета стоит выделить освоение востребованных компетенций (прежде всего навыков в сфере цифровой грамотности, изучение языков программирования).

По оценкам Бюро статистики в сфере труда Соединенных Штатов Америки (далее – США), на горизонте до 2032 г. в американской экономике занятость, связанная со STEM-компетенциями, вырастет на 10 %, в сферах, не требующих STEM-компетенций, – на 2,3 % (табл. 1)³.

Таблица 1

Перспективы занятости населения со STEM-компетенциями для рынка США

Категория занятости	Численность занятого населения, тыс. чел.		Изменение в численности занятых, тыс. чел	Изменение в численности занятых, %	Средняя годовая заработная плата в 2023 г., долл. США
	2022 г.	2032 г.			
Всего	164 482,6	169 148,1	4 665,5	2,8	48 060
Обладатели STEM-компетенций	10 365,0	11 487,4	1 122,4	10,8	101 650
Прочие компетенции, отличных от STEM	154 117,6	157 660,7	3 543,1	2,3	46 680

Источник⁴

Сопоставимых исследований по прочим рынкам на момент подготовки статьи не было, потому рынок труда США рассматривается как модельный для стран с высоким уровнем цифровизации и развития рынка информационных технологий. Статистика о состоянии уровня оплаты труда в разрезе профессий на рынках США, стран Европейского союза, Российской Федерации и ряда других стран указывает на наличие существенного разрыва между специалистами, занятыми в секторе информационных технологий (специалисты по работе с данными, или data scientist, продакт-менеджеры, программисты)

³ U.S. Bureau of Labor Statistics. Employment Projections. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20240724192235/https://www.bls.gov/emp/tables/stem-employment.htm> (дата обращения: 21.08.2024).

⁴ Там же.

и прочих секторах экономики. Следствием подобной ситуации выступает миграция участников трудовых отношений в направлении более доходных сфер деятельности (с сопутствующим ростом спроса на образовательные услуги, развитие компетенций), но в долгосрочном периоде указанные диспропорции в уровне оплаты оказывают влияние на уровень пенсионного обеспечения, уровень жизни домохозяйств.

Цифровизация оказывает значимое влияние не только на процессы формирования человеческого капитала, но и на его реализацию. Под воздействием продолжающихся процессов цифровизации происходит переход к иным способам организации экономической деятельности. Именно поэтому следует модернизировать системы образования, чтобы подготовить людей с квалификацией, необходимой для появления новых профессий.

В русскоязычной литературе неоднократно поднимается проблематика государственного участия в приведении системы образования к потребностям цифровой экономики (например, в форме образовательных стандартов, учреждения координационных центров), но подобный подход видится ограниченно эффективным [7]. В условиях продолжающейся цифровизации и ее тесной связи с концепцией Индустрии 4.0 на первый план выходит концепция Образования 4.0, которая должна включать четыре измерения – профессиональное, финансовое, бизнес- и цифровое образование [8]. Системы образования в отдельных странах постепенно реформируются и обогащаются новыми элементами. Первоочередным приоритетом видится компенсация цифрового разрыва в уровне освоения навыков взаимодействия с информационно-коммуникационными технологиями, создание доступной системы самообразования, стимулирование к получению необходимых для участия в цифровой экономике компетенций для исключенных групп (лиц, возраст которых не предполагал освоение соответствующих компетенций в период первичного получения образования) [5].

Динамичное развитие рынка информационных технологий наряду с формированием новых ниш на рынке труда и созданием спроса на человеческий капитал определенных характеристик (цифровая функциональная грамотность, удовлетворяющие требованиям рынка «мягкие», или «гибкие», и «твердые» навыки) создают ряд угроз, воздействующих как на потенциал экономического развития, так и на процессы формирования и реализации человеческого капитала. К числу подобных угроз предлагается относить следующие:

- формирование цифрового разрыва как вида социальной дифференциации, обусловленной обладанием компетенциями в сфере использования современных технологий [5];
- усиление социального неравенства в отношении исключенных групп населения, либо не освоивших необходимые для участия в рынке компетенции, либо не имеющих возможностей к их освоению;
- изменения в системе ценностей участников рынка труда как элементе человеческого капитала – на практике данная угроза имеет долгосрочный характер и связана с такими проявлениями, как трудности в мотивации представителей поколений Z и Y, построении программ корпоративной лояльности в рамках систем мотивации, проблема NEET (экономически активное население, не состоящее в трудовых отношениях или находящееся в состоянии их поиска и не проходящее обучение);
- высокий уровень неопределенности в вопросах долгосрочных стратегий развития человеческого капитала на уровне личности, домохозяйства, корпорации, государства.

При обсуждении цифрового разрыва как проблемы развития человеческого капитала речь идет о различиях в уровне функциональной грамотности, определяющей готовность индивида взаимодействовать с объектами информационно-коммуникационной инфраструктуры. Указанный разрыв может иметь как социальную природу (например, между обладающими необходимыми когнитивными навыками представителями поколений Y и Z (digital native) и более старшими возрастными группами (digital immigrants), так и географическую, инфраструктурную (например, отсутствие доступа к цифровой инфраструктуре в географически изолированных населенных пунктах) [9]. Эмпирические исследования указывают на сложную природу цифрового разрыва, обусловленность его не только возрастными параметрами, но и социально-экономическими (представители старших возрастных групп с более высокими доходами, проживающие в крупных населенных пунктах, будут иметь качественно более высокий уровень цифровой функциональной грамотности) [9]. В среднем население младших возрастных групп характеризуется более высоким уровнем осведомленности об информационно-коммуникационной инфраструктуре (табл. 2).

Таблица 2

**Доля населения, использующего интернет-коммуникации
в разрезе регионов проживания и возрастных групп**

Страны	Среднее число, оценка ITU, %	Молодежь (15–24 года), оценка ITU, %	Прочие, оценка ITU, %
Среднемировое	67,4	78,5	65,4
Страны с низким доходом	27,1	44,8	22,6
Страны с доходами ниже среднего	55,1	70,9	51,6
Страны с доходами выше среднего	80,5	96,4	78,1
Страны с высокими доходами	93,2	98,0	92,6
Страны Европы	90,5	97,7	89,6
Страны Содружества Независимых Государств	89,1	94,2	88,4
Страны Северной Америки	86,9	94,9	85,5
Арабские страны	68,9	78,4	66,4
Страны Азиатско-Тихоокеанского региона	65,9	80,5	63,3
Страны Африки	37,1	53,3	33,1

Источник⁵

Можно сделать вывод о том, что по мере снижения доходов населения уровень использования интернет-коммуникаций снижается, а разрыв между представителями младшей и старшей возрастных групп повышается (фактически увеличивается обсуждаемый цифровой разрыв). Концепция цифрового разрыва была обозначена уже на начальных этапах осмысления цифровой экономики (в работах Д. Тапскотта и других авторов в 1990-е гг.), однако соответствующая проблематика характеризуется возрастающей актуальностью по мере ускорения процессов цифровизации. Следовательно, одной из приоритетных задач в сфере развития человеческого капитала становится компенсация цифрового разрыва с акцентом на социальные группы с низким уровнем функциональной цифровой грамотности, а также на снятие инфраструктурных барьеров в доступе к цифровой инфраструктуре.

Рынок информационных технологий, динамика которого определяется скоростью разработки и внедрения инновационных решений, задает тренды профессионального развития, а также ставит под сомнение перспективы занятости в целых секторах экономической активности. В периодических изданиях, средствах массовой информации, аналитических материалах обсуждаются перспективы занятости представителей творческих профессий (журналистов, писателей, сценаристов и других, труд которых может быть замещен решениями на базе искусственного интеллекта), водителей (в контексте перспектив масштабного перехода к беспилотному транспорту). С другой стороны, активно растет спрос на обладателей STEM-компетенций.

В подобных условиях в более выигрышной ситуации находятся участники рынка труда, процесс формирования компетенций которых либо не начат, либо находится в стадии обучения. В их отношении на уровне индивидов государства могут приниматься решения по предмету адаптации стратегий развития человеческого капитала к перспективным потребностям рынка. Однако индивиды, компетенции которых в составе человеческого капитала уже сформированы, вынуждены либо адаптироваться к новым условиям, либо быть исключенными из процессов создания добавленной стоимости в случае риска замещения их труда (в итоге цифровизация создает условия обесценения части человеческого капитала).

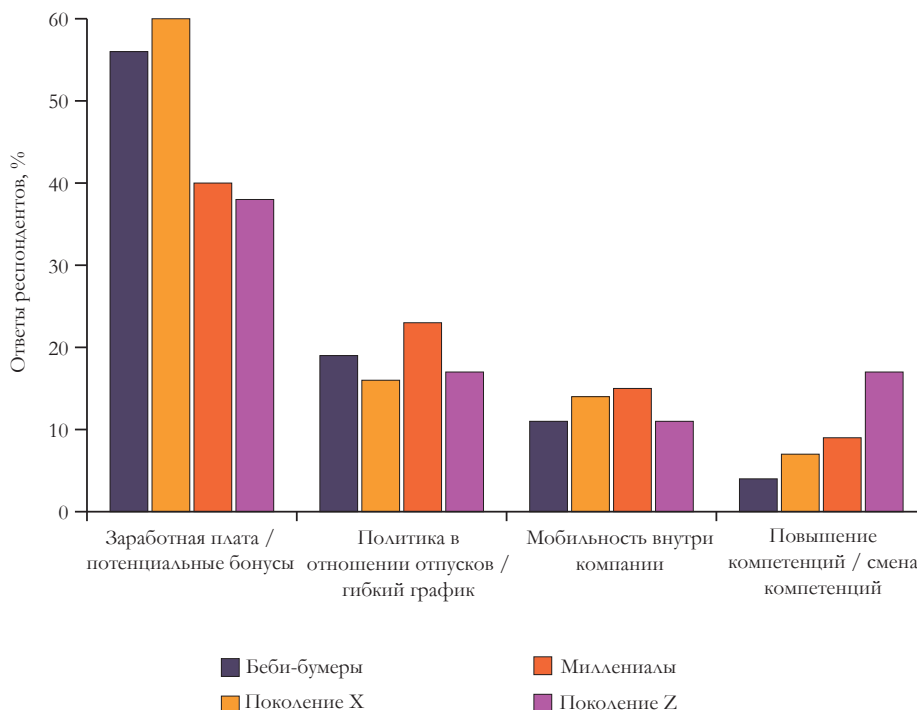
Развитие рынка информационных технологий оказывает прямое и опосредованное воздействие на прочие сферы экономической деятельности по предмету развития и реализации человеческого капитала. Речь идет об автоматизации бизнес-процессов, снижающей спрос на труд по широкому спектру направлений его приложения [6]. Как следствие, цифровизация экономики ведет к развитию угроз технологической безработицы, росту социальной нагрузки на государственные бюджеты, социальных рисков [8]. Стоит учитывать, что технологическая безработица как концепция неразрывно связана с инновациями

⁵ International Telecommunication Union. Statistics. Режим доступа: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 21.08.2024).

в процессах производства продукции, выполнения и оказания услуг и не является продуктом исключительно цифровизации. Более того, оптимистичный взгляд на ее последствия состоит в признании проблематики роста краткосрочной безработицы наряду с декларацией способности рынка адаптироваться к новому состоянию бизнес-процессов.

В то же время широко представлена точка зрения об ускорении процессов внедрения инноваций и расширении сфер приложения цифровых технологий (беспилотный транспорт, смарт-контракты). В подобных условиях все большее количество рабочих мест оказывается под угрозой замещения, а в отношении развития человеческого капитала более востребованным становится получение универсальных компетенций. Скорость и масштабы реализации угрозы технологической безработицы определяются такими факторами, как соотношение затрат (на исполнение операций с привлечением человека и автоматизированных систем), государственная политика (в настоящее время лояльная к инновационным решениям), позиция общественности, уровень развития технологий. Кроме того, цифровизация оказывает интенсивное влияние на спрос на труд при динамичном развитии рыночных ниш (из наблюдаемого в настоящее время – сфера доставки).

С расширением вариантов занятости на рынке информационных технологий, снижением барьеров взаимодействия нанимателя и работника формируются условия для кардинальной перестройки моделей интеграции в рынок труда, пересмотра ценности карьеры в организации/профессии. Аналитические материалы экспертов Университета Квинсленда прогнозируют рост среднего количества профессий с 3–7 ед. у текущих участников рынка труда до 5–7 и выше у будущих поколений⁶. В плане трудоустройства будущие поколения экспертами называются *job-hopping generation*, то есть «перескакивающие с работы на работу». Как следует из эмпирических исследований, проведенных экспертами компании Lever (ведущий поставщик решений в области рекрутинга и привлечения талантов в США), между поколениями существуют значимые вариации в роли факторов мотивации. Так, для представителей поколения «беби-бумеров» роль фактора материального стимулирования в сохранении трудовой позиции составляет 56 %, а для представителей поколения Z – 38 %. При этом роль фактора повышения компетенций/освоения новых компетенций для «беби-бумеров» значимо на 4 %, а для представителей поколения Z – на 17 % (рис. 2).

Источник⁷

Рис. 2. Мотивационный профиль участников рынка труда в разрезе поколений (по данным опроса, проведенного Lever)

⁶ University of Queensland. How many career changes in a lifetime. Режим доступа: <https://study.uq.edu.au/stories/how-many-career-changes-lifetime> (дата обращения: 21.08.2024).

⁷ Lever. The State of Internal Mobility and Employee Retention Report. Режим доступа: https://www.lever.co/wp-content/uploads/2022/02/Lever_Great-Resignation-Report_2022.pdf (дата обращения: 21.08.2024).

Налицо изменение мотивационного профиля как элемента человеческого капитала. Подобные сдвиги иллюстрируют изменения в таком компоненте человеческого капитала, как капитал культуры (система ценностей). Указанные изменения в развитии человеческого капитала проявляются неравномерно не только между странами, но и между регионами/отраслями экономики. При сохранении наблюдаемых трендов цифровизации экономики и глобализации проявления подобных тенденций будут расширяться. В результате одними из ключевых тенденций развития человеческого капитала становятся смещение акцентов в моделях мотивации участников трудовых отношений, снижение роли факторов материального стимулирования и повышение роли нематериальных факторов.

Продemonстрированные угрозы, с которыми сопряжено развитие человеческого капитала на современном рынке информационных технологий, не только несут в себе опасности для участников трудовых отношений (индивидов как носителей человеческого капитала, работодателей как стороны спроса на труд), но и могут повлечь социальные риски, выступить угрозой национальной экономической безопасности. В подобных условиях видится обоснованной модернизация государственных политик в отношении развития человеческого капитала с учетом актуальных и перспективных требований рынка информационных технологий как сферы приложения труда и как пространства реализации человеческого капитала. Среди приоритетных направлений видятся следующие:

- адаптация образовательных стандартов по всем уровням к развитию когнитивных и некогнитивных способностей, удовлетворяющих требованиям цифровой грамотности, а для среднего и высшего образования акцент на STEM-образование и развитие универсальных компетенций;
- реализация политики снижения цифрового разрыва в социальном (бесплатные курсы цифровой грамотности) и инфраструктурном (доступ к цифровой инфраструктуре как социальный стандарт) планах;
- координация с негосударственными акторами развития человеческого капитала по вопросу стандартизации образовательных программ (контроль качества образовательного процесса дистанционных курсов, софинансирование программ получения новых навыков для населения);
- координация с негосударственными акторами развития человеческого капитала по вопросу создания корпоративных центров формирования компетенций (корпоративные университеты) в целях содействия долгосрочной занятости;
- признание одной из угроз национальной безопасности мобильности в реализации человеческого капитала, сформированного с использованием государственной инфраструктуры, и расширение возможностей его приложения внутри страны.

Схематически отразим основные проявления влияния цифровизации и рынка информационных технологий на развитие человеческого капитала в разрезе выбранных для анализа его составляющих (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Проявления влияния цифровизации и рынка информационных технологий на развитие человеческого капитала

Проиллюстрированные тенденции развития человеческого капитала на современном рынке информационных технологий свидетельствуют о существенных изменениях в таких компонентах, как капитал образования, трудовой капитал, система ценностей участников трудовых отношений (капитал культуры). Систематизированные изменения носят характер адаптации процессов формирования человеческого капитала к требованиям и вызовам цифровой экономики, а проиллюстрированные угрозы обосновывают необходимость реализации национальными правительствами адаптированных к перспективной конъюнктуре политик развития человеческого капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам относительно тенденций развития человеческого капитала на современном рынке информационных технологий. Рынок информационных технологий (и цифровая экономика в широком смысле) как пространство создания и обмена товаров и услуг, созданных с использованием информационно-коммуникационных технологий, по своей специфике характеризуется высокой значимостью человека. Приведенные доводы указывают на то, что развитие человеческого капитала как процесс, в который вовлекается широкая совокупность субъектов (государство, фирмы, население, образовательные центры) характеризуется возрастающей неопределенностью в долго- и краткосрочных перспективных условиях. В итоге цифровизация экономики неблагоприятно сказывается на уровне определенности факторов, учитываемых при разработке долгосрочных стратегий развития человеческого капитала на уровне личности, домохозяйства, корпорации, государства (планирование карьеры, профориентация, распределение бюджетных мест в образовательных организациях, содержание государственных образовательных стандартов, инфраструктуры в центры компетенций).

Если ранее освоение узких компетенций как частное направление развития человеческого капитала происходило в условиях высокого уровня гарантированности спроса на них, то развитие рынка информационных технологий не позволяет с высокой уверенностью судить о том, что те или иные компетенции окажутся востребованными. В результате императивами развития человеческого капитала становятся акцент на широкие по сфере своего приложения «гибкие» навыки, STEM-образование, унификация в культурной и языковой среде (фактически вестернизация, включая освоение английского языка как языка общения ведущих транснациональных компаний, западной корпоративной и в целом культуры).

Список литературы

1. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки. Экономическая социология. 2017;4(18):120–156. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156>
2. Мищенко А.В., Колмыкова Т.С. Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021;3(11):159–169.
3. Shevchenko I., Zavadskykh H., Ptashchenko O., Zvonar V., Vishka I. The Application of Digitization in the Economy as a Promising Direction in the Growth of Human Capital. Economic Affairs. 2023;1(68):345–352. <http://dx.doi.org/10.46852/0424-2513.1s.2023.37>
4. Ortina G. Human capital concept in the digitalization environment. Humanities Studies. 2020;5(82):185–195.
5. Ишмуратова Д.Ф. Человеческий капитал в контексте цифровизации: особенности развития. Экономика и управление. 2021;6(162):203–207. <https://doi.org/10.34773/EU.2021.6.40>
6. Силантьев А.В., Зеленина Э.А. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации экономики. Baikal Research Journal. 2022;3(13). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(3\).35](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(3).35)
7. Григорьев С.Г., Лукин В.В., Лукин Д.В. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации. E-Management. 2018;2:13–19. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2018-2-13-19>
8. Ivanová E., Žárská V., Masárová J. Digitalization and human capital development. Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2021;2(9):402–415. <https://doi.org/10.9770/jesi.2021.9.2%2826%29>
9. Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России. Мир России. 2022;2(31):51–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>

References

1. *Anikin V.A.* Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations. *Journal of Economic Sociology*. 2017;4(18):120–156. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156>
2. *Mishchenko A.V., Kolmykova T.S.* Problems of Ensuring the Progressive Dynamics of Human Capital Development in the Context of Digitalization. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2021;3(11):159–169. (In Russian).
3. *Shcherchenko I., Zavadskiykh H., Ptashchenko O., Zvonar V., Vishka I.* The Application of Digitization in the Economy as a Promising Direction in the Growth of Human Capital. *Economic Affairs*. 2023;1(68):345–352. <http://dx.doi.org/10.46852/0424-2513.1s.2023.37>
4. *Ortina G.* Human capital concept in the digitalization environment. *Humanities Studies*. 2020;5(82):185–195.
5. *Ishmuratova D.F.* Human Capital in the Context of Digitalization: Features of Development. *Economics and Management*. 2021;6(162):203–207. (In Russian). <https://doi.org/10.34773/EU.2021.6.40>
6. *Silantev A.V., Zelenina E.A.* Development of Human Capital in the Context of Digitalization of the Economy. *Baikal Research Journal*. 2022;3(13). (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(3\).35](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(3).35)
7. *Grigoriev S.G., Lukin V.V., Lukin D.V.* Human capital in the conditions of digitalization. *E-Management*. 2018;2:13–19. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2018-2-13-19>
8. *Ivanová E., Žárská V., Masárová J.* Digitalization and human capital development. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2021;2(9):402–415. <https://doi.org/10.9770/jesi.2021.9.2%2826%29>
9. *Varlamova Yu.A.* The Intergenerational Digital Divide in Russia. *Universe of Russia*. 2022;2(31):51–74. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>

«Умные» города как фактор экономического роста: системный анализ и перспективы развития

Гарифуллина Альбина Фатиховна

Канд. полит. наук, доц. каф. государственного управления
ORCID: 0000-0002-0407-7510, e-mail: albina.garifullina.86@bk.ru

Крайнова Елена Николаевна

Ст. преп. каф. государственного управления
ORCID: 0009-0003-1581-076X, e-mail: chutcheva81@mail.ru

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Аннотация

Исследована концепция «умного» города в контексте российской действительности, выявлены ключевые проблемы и перспективы ее реализации. Основным препятствием на пути создания «умных» городов в Российской Федерации является отсутствие четкой политической воли как на федеральном, так и на региональном уровнях. Несмотря на наличие государственной программы «Цифровая экономика», включающей направление об «умных» городах, показатели ее эффективности не отражают уровень цифровой готовности населенных пунктов. Предложено разработать новые показатели для объективной оценки таких городов в стране. В рамках государственного и муниципального управления необходимо изучать модели взаимодействия в «умных» городах, таких как вертикальная, горизонтальная и гибридная. Описана система показателей для оценки таких населенных пунктов, которая учитывает не только технологические аспекты, но и социальные и экономические факторы, играющие ключевую роль в создании комфортной городской среды. Определение коэффициентов для каждой категории показателей позволяет адаптировать систему к специфике конкретных городов. Прозрачность и доступность результатов мониторинга способствуют вовлечению жителей в процесс управления городом. Введение такой системы показателей позволит повысить качество жизни граждан, обеспечить устойчивое развитие городской инфраструктуры и сделать «умный» город реальностью, способной реагировать на вызовы времени.

Ключевые слова

«Умное» сообщество, «умное» поселение, «умная» территория, «умный» регион, «умное» местное самоуправление, «умное» государство, цифровые технологии, кибербезопасность

Для цитирования: Гарифуллина А.Ф., Крайнова Е.Н. «Умные» города как фактор экономического роста: системный анализ и перспективы развития // Вестник университета. 2024. № 12. С. 38–49.

Smart cities as a factor of economic growth: system analysis and development prospects

Albina F. Garifullina

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Public Administration Department
ORCID: 0000-0002-0407-7510, e-mail: albina.garifullina.86@bk.ru

Elena N. Krainova

Senior Lecturer at the Public Administration Department
ORCID: 0009-0003-1581-076X, e-mail: chutcheva81@mail.ru

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract

The smart city concept in the context of the Russian reality has been studied, and the key issues and prospects of its implementation have been revealed. The main obstacle to building smart cities in Russia is the lack of clear political will both at the federal and regional levels. Despite the existence of the Digital Economy state program, including smart cities, its performance indicators do not reflect the level of digital readiness of settlements. It has been proposed to develop new indicators for objective assessment of cities in the country. Within the framework of state and municipal management it is necessary to study the interaction models in smart cities, such as vertical, horizontal, and hybrid. The indicators system for assessing such settlements has been described, which considers not only technological aspects, but also social and economic factors that play a key role in creating a comfortable urban environment. The coefficients definition for each category of indicators allows to adapt the system to the specifics of particular cities. Transparency and accessibility of monitoring results contribute to the residents' involvement in the process of city management. Implementation of such a system of indicators will improve the quality of citizens' life, ensure sustainable development of urban infrastructure, and make smart city a reality, capable of responding to the challenges of time.

Keywords

Smart community, smart settlement, smart territory, smart region, smart local government, smart state, digital technologies, cybersecurity

For citation: Garifullina A.F., Krainova E.N. (2024) Smart cities as a factor of economic growth: system analysis and development prospects. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 38–49.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир стремительно меняется, и города, как центры экономической и социальной жизни не остаются в стороне. Понятие «умного» города становится все более актуальным, отражая стремление к созданию комфортной, эффективной и устойчивой среды обитания. Однако, несмотря на широкое обсуждение этой концепции, ее точное определение и механизмы реализации остаются предметом дискуссий.

В настоящем исследовании предлагается рассматривать «умный» город не как набор цифровых технологий, сервисов, программ и приложений, но как сложную систему социальных взаимодействий, объединяющую жителей, предприятия, публичные органы, инфраструктуру и технологии. Такой системный подход позволит глубже понять его природу и выявить его ключевые элементы. Важность такого подхода обусловлена тем, что «умный» город – это не просто набор инноваций, но результат комплексной трансформации, затрагивающей все аспекты городской жизни. Системный подход требует не только технологических решений, но и согласованных усилий всех участников: населения, предпринимательской среды, органов местного самоуправления и др.

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) «умные» города находятся на стадии становления. Несмотря на точечную апробацию, отсутствует четкое понимание концепции и ее реализации. В исследовании освещены проблемы, которые препятствуют развитию «умных» городов в стране, а также выделены ключевые критерии, которые необходимо учитывать при их создании и развитии. Россия стоит перед необходимостью переосмысления городского развития и поиска новых решений для повышения качества жизни в городских поселениях. Авторы рассматривают возможности, проблемы и перспективы создания «умных» городов в России и ее регионах.

Настоящее исследование посвящено анализу концепции «умных» городов в контексте российской действительности с целью выявления ключевых факторов, способствующих успешной реализации этой идеи и улучшению качества жизни в городских поселениях, призвано внести вклад в более глубокое понимание концепции и создать основу для дальнейшего изучения данной проблематики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа основана на всестороннем анализе соответствующих научных публикаций, законодательных рамок и практических достижений, связанных с концепцией «умного» города. Методы исследования – анализ правовых документов, а именно изучение законодательства РФ, включая законы о местном самоуправлении, городском планировании (организация местного самоуправления, градостроительство), научных публикаций (статьи, тезисы, рецензии на монографии), посвященных «умным» городам, с акцентом на правовые, экономические и социальные аспекты, а также на опыт реализации концепции в России и других странах, конкретных практических примеров по созданию «умных».

Авторы применили системный подход для определения «умного» города как сложной системы социальных взаимодействий, включающей субъекты (жителей, предприятия, публичные органы, некоммерческие организации), объекты (инфраструктуру, технологии, данные, сервисы) и взаимодействие (процессы коммуникации, обмена информацией, управления, принятия решений).

Цель исследования – изучить правовые, экономические и социальные аспекты концепции «умных» городов в России, выявить ключевые проблемы и предоставить рекомендации для успешной реализации этой идеи.

КОНЦЕПЦИЯ «УМНОГО» ГОРОДА

Острая потребность в решениях для «умных» городов обусловлена ухудшающейся экологической ситуацией и неэффективным управлением природными ресурсами в городских населенных пунктах. Этот интерес к развитию «умных» городов обусловлен как внутренними, так и внешними факторами, включая конкуренцию между городами за финансовые ресурсы и таланты, а также глобальными и местными полюсами развития, представленными высокоразвитыми городскими центрами. Экономическое процветание таких центров зависит не только от внедрения передовых технологий, но и от их стратегического расположения и уровня человеческих ресурсов. В современном ландшафте городской эволюции существует тесная взаимосвязь между интеллектом, профессионализмом и вовлеченностью городских жителей, а также цифровой подготовленностью самого города. Эта взаимозависимость составляет важнейший аспект рассматриваемой концепции.

Экономические факторы, влияющие на развитие таких городов, включают разработку долгосрочных инвестиционных планов. Эти планы являются важнейшим компонентом успешного и эффективного развития «умных» городских территорий.

Создание инновационных кластеров позволяет интегрировать научный, образовательный и промышленный потенциал, что повышает конкурентоспособность и привлекает инвестиции. Кроме того, важным фактором является мотивация потребителей к внедрению интеллектуальных технологий, поскольку отсутствие экономических стимулов может привести к значительным расходам, связанным с обслуживанием и модернизацией технологий. Тем не менее существуют экономические проблемы на пути преобразования городских территорий в «умные» города, такие как ограниченные бюджеты местных органов власти, значительные проектные риски и нехватка жизнеспособных экономических бизнес-моделей.

Как отмечают И.В. Милькина, С.П. Косарин, Д.А. Юдин, К.А. Богатырев, И.И. Потапов и А.Г. Юдин, развитие «умного» города должно быть направлено на повышение качества жизни жителей и экономического роста [1–3]. От городского планирования до государственных и муниципальных услуг цифровые инструменты революционизируют то, как живет и работает в городах. В России, где значительная часть населения проживает в городах, эффективное управление городскими системами и обеспечение высокого уровня жизни имеет первостепенное значение. Однако многие населенные пункты по-прежнему отстают в технологическом развитии, не будучи в состоянии в полной мере интегрировать инновационные технологии в свою экономику.

Для достижения обозначенной цели настоящего исследования важно тщательно определить составляющие «умного» города и изучить различные точки зрения его экономической структуры. Кроме того, необходимо точно определить элементы, которые препятствуют или могут препятствовать экономическому росту такого города, а также понять региональные особенности, присущие его экономике.

Концепция «умного» города должна включать разумное использование ресурсов, совершенствование транспортных систем, оптимизацию государственных услуг. Его технологии позволят предвидеть будущие потребности, такие как необходимость в новых проектах дорожного строительства и заблаговременном создании дошкольных учреждений. Анализ вовлеченности граждан в управление «умными» городами показывает, что легкий доступ к обратной связи, опросам и обмену информацией по современным каналам связи позволяет быстрее реагировать на проблемы, волнующие общественность.

В результате широкого внедрения прорывных технологий «умного» города целесообразно учитывать потенциальные проблемы, которые могут возникнуть, например, потенциальные проблемы безопасности (кибербезопасность, цифровая гигиена), конфиденциальности, и необходимость в надежной инфраструктуре для поддержки цифровых систем.

Помимо создания более комфортной среды и оптимизации различных аспектов повседневной жизни, это может привести к возникновению определенных проблем – повышенной зависимости от электроэнергии, уязвимости персональных данных и рискам киберпреступности. В связи с этим важно тщательно оценить уровень риска, связанного с этими технологиями, и разработать стратегии по их минимизации.

Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагает, что «умные» города могут быть более удобными для управления благодаря своей передовой технологической инфраструктуре, что потенциально может привести к повышению эффективности процессов принятия управленческих решений и улучшению управления городскими экономическими системами, а цифровизация социальных и экономических взаимодействий способствует развитию таких городов, делая их более заметными и эффективными¹.

Появление инноваций в области передовых технологий привело к смене парадигмы городского ландшафта, придав городам уровень интеллекта. Вступая в цифровую эпоху, муниципальные образования предъявляют все более высокие требования к своим жителям и предприятиям. В условиях экономической неопределенности и экологических проблем традиционные общественные структуры претерпевают трансформацию (цифровизация и интеллектуализация), порождая новые способы взаимодействия.

Авторы убеждены, что концепция «умных» городов обладает огромным потенциалом для развития инноваций и прогресса в различных областях науки. Тем не менее с юридической точки зрения национальная правовая база РФ не позволяет полноценно признать и внедрить инновационные концепции

¹Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7). Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaja-programma-tsifrovaja-ekonomika-rossijskoi-federatsii/> (дата обращения: 12.10.2024).

таких городов. В настоящее время в правовой практике отсутствуют механизмы регулирования, необходимые для поддержки развития их цифровых систем, что представляет собой серьезную проблему для законодателей при разработке и последующей реализации нормативных актов. Развитие по-настоящему «умных» городов требует четкого правового руководства и поддержки. Нормативные правовые акты, регулирующие местное самоуправление, градостроительство и информационные технологии в России, не отражают суть концепции. Отсутствие надлежащей правовой базы приводит к необходимости проведения научных исследований для создания и функционирования «умных» городов [4].

СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ «УМНОГО» ГОРОДА

В сфере экономического дискурса понятие «умных» городов открывает широкие возможности для новаторских исследований. В контексте регионального развития России проблемы, связанные с организацией, управлением и стимулированием экономического роста в «интеллектуальных» городах, имеют первостепенное значение.

Возникает вопрос – каким критериям должны соответствовать операции и компоненты экономической системы «интеллектуального» города с точки зрения моделей экономического развития. Концепция «умного» города может служить основой для пересмотра или обновления этих моделей и не может игнорироваться учеными из области гуманитарных наук.

По мнению авторов, население с их способностями (врожденными и приобретенными), опытом, состоянием здоровья, образованием и профессиональной (деловой) репутацией являются частью «интеллектуального» капитала города. То, как они взаимодействуют с системой, и их роль в создании «интеллектуальной» городской среды – вопросы, недостаточно изученные, но требующие внимания. Несмотря на отсутствие официального статуса отдельной дисциплины в России, государственное и муниципальное управление (далее – ГМУ) может стать фундаментом для понимания концепции «умных» городов, так как изучение ключевого понятия субъекта и объекта управления открывает новые горизонты для анализа «интеллектуального» города. Изучение субъект-объектных отношений приведет к пониманию, является ли «умный» город контролируемым образованием или объектом управленческого воздействия и как взаимодействуют субъекты управления (органы власти, жители, частные компании) и объекты управления (инфраструктура, технологии, процессы).

Анализ федерального законодательства об организации местного самоуправления и информации, а также мнения авторов (А.И. Матвеева, О.В. Кружкова) приводит к выводу о том, что в рамках дисциплины ГМУ возникает необходимость изучения существующих моделей взаимодействия в «умных» городах: вертикальная (традиционная иерархическая модель управления, где государство играет ключевую роль), горизонтальная (децентрализованная модель, где акцент делается на сотрудничестве и участии граждан) и гибридная (сочетание элементов вертикальной и горизонтальной моделей) [5].

Разработка «умных» городов включает внедрение новых цифровых (сквозных) технологий, оптимизацию городской среды, развитие цифровых сервисов, что может свидетельствовать о появлении нового типа поселений. В настоящее время отсутствует четкий консенсус в понимании концепции, ее особенностей и роли государственного и муниципального управления. Изучение «умных» городов как отдельных систем социального взаимодействия открывает новые возможности для исследований в области государственного и муниципального управления, способствуя развитию новых теорий и практических решений.

Как и любая система социального взаимодействия, «умный» город представляет собой сложную комбинацию участников, уникального контента и способов коммуникации, определенный набор объектов, участвующих в этих взаимодействиях. Концепция такого города как системы взаимоотношений открывает новые перспективы, нуждающиеся в дальнейшем изучении как в национальных, так и в международных исследованиях.

Подход обладает потенциалом, повышающим качество жизни населения, организаций, общества и государства в целом. Вместо термина ««умный» город» авторы предлагают использовать ««умное» сообщество (поселение)», поскольку город не является единственным типом человеческого поселения. Применение данного термина в научной дискуссии позволит расширить рамки обсуждения концепции «умных» городов.

Для более широкого рассмотрения проблематики исследования авторы предлагают ввести понятие «умного» управления, поскольку оно могло бы стать фундаментом для дальнейшего теоретического исследования концепций «умного» города и «умного» сообщества. Оба термина предполагают рациональное размещение людей на территории, в этом контексте можно также говорить об «умных» территориях,

«умных» регионах и «умном» местном самоуправлении. Важно рассмотреть концепцию «умного» государства. Предложенные идеи нуждаются в теоретическом осмыслении и активном использовании в научном дискурсе, потому что затрагивают ключевые аспекты создания комфортных условий для жизни людей.

Рассматриваемая концепция широко изучена в различных источниках, например, у Г.В. Горновой, С.А. Митягина, Д.Н. Ахметзяновой, Ю.И. Сизова, Л.Н. Медведевой [6–8]. Ученые предлагают различные точки зрения на эту проблематику. Хотя их интерпретации могут отличаться, все согласны с важностью интеграции конкретных элементов для создания «умного» города. Эти элементы включают информационную и инженерную инфраструктуру, социальные и предпринимательские сети, человеческий капитал, городскую инфраструктуру и передовые технологии.

Кроме того, процветающая экосистема и эффективное цифровое управление рассматриваются как важнейшие компоненты успешного «умного» города. Они способствуют развитию отрасли, пытаясь определить концепцию «интеллектуального» города, его отличительные характеристики и изучить процессы, связанные с созданием, управлением и эксплуатацией. Авторы настоящего исследования утверждают, что систематический подход был бы методологически целесообразен для всестороннего понимания этих сложных явлений.

Термины «умный» город, «умное» поселение, «умная» территория, «умный» регион, «умное» сообщество, «умное» местное самоуправление и «умное» государство представляют собой сложные и многогранные системы, объединенные общей целью создания среды, благоприятной для жизни человека. Важно понимать, что эти системы являются не только техническими, но и социальными, основанными на сотрудничестве различных субъектов.

«Умный» город, как и любая система социального взаимодействия, представляет собой гармоничное равновесие между субъектами, участвующими в создании, управлении и использовании комфортного жизненного пространства в пределах определенной географической зоны, которое достигается за счет внедрения передовых научных и технологических решений. Применение системного подхода позволяет упорядочить, оптимизировать и планировать научные исследования, тем самым открывая новые горизонты и способствуя развитию междисциплинарного подхода. Однодисциплинарный подход к исследованию понятия «умных» городов вряд ли принесет существенные результаты, тогда как системный подход имеет значительную практическую ценность.

Представляя «умные» города как сложные системы социальных взаимодействий, авторы полагают, что могут внести свой вклад в совершенствование правовой базы и установление новых правовых норм, регулирующих высокотехнологичную городскую среду. Без социальных отношений нет основы для правового регулирования. Авторы настоящего исследования не отвергают возможность обсуждения обозначенного тезиса, но считают, что закон не должен игнорировать концепцию «умного» города – напротив, он должен быть направлен на создание оптимальных условий для полной реализации прав и обязанностей всех сторон, вовлеченных в эту систему. Таким образом, «умный» город можно рассматривать как перспективный и сложный объект правового анализа.

Исследованию городского самоуправления и реализации концепции «умного» города в России и ее регионах посвящены научные публикации О.А. Полянина, С.В. Савина, О.Ю. Патракеева, Градостроительный кодекс РФ, Федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [9–11]^{2,3,4,5}. Национальная программа цифровой экономики определяет направления и приоритеты для цифровизации различных секторов, включая городское управление, транспорт, энергетику и жилищно-коммунальное хозяйство. Федеральные законы об информатизации и организации местного самоуправления определяют основы информационного взаимодействия органов власти, что включает использование цифровых технологий для управления городской инфраструктурой.

²Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 12.10.2024).

³Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 12.10.2024).

⁴Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.10.2024).

⁵Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7). Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaja-programma-tsifrovaja-ekonomika-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 12.10.2024).

На практике уже накоплен определенный опыт реализации таких муниципальных образований (2018 г.) в той или иной степени, среди них можно отметить Москву, Сколково, Санкт-Петербург, Казань, Химки, Кострому, Стерлитамак, Сургут, Сочи, Калугу, Грозный, Севастополь, Владивосток, где в настоящее время частично осуществляется апробация цифровых решений. Однако из-за отсутствия консенсуса по определению понятия «умного» города в отечественной академической среде и законодательной базе сложно определить успешность мер, принятых для их создания.

Многие муниципалитеты начинают внедрять элементы «умного» города, основываясь на федеральных и региональных нормативных актах. Примеры включают разработку систем «умного» освещения, видеонаблюдения и управления движением [12].

Чтобы получить достоверную оценку цифровой готовности города, важно иметь доступ к показателям, которые позволяют объективно оценить, насколько город соответствует установленным стандартам и готов к цифровой трансформации. В современном мире понятие «умного» города определяется различными категориями, такими как «виртуальный» город, «информационный» город и «интеллектуальный» город. Тем не менее, несмотря на разнообразие понятийного аппарата, практическая реализация концепции сталкивается с различными вызовами, например, отсутствие статьи в бюджетах федерального, регионального и муниципального уровней и бюрократизация. Кроме того, существует разрыв между теоретическими концепциями и их практической реализацией в сочетании с низкой цифровой грамотностью населения. Наконец, необходимы четкие показатели для оценки успешности данных проектов.

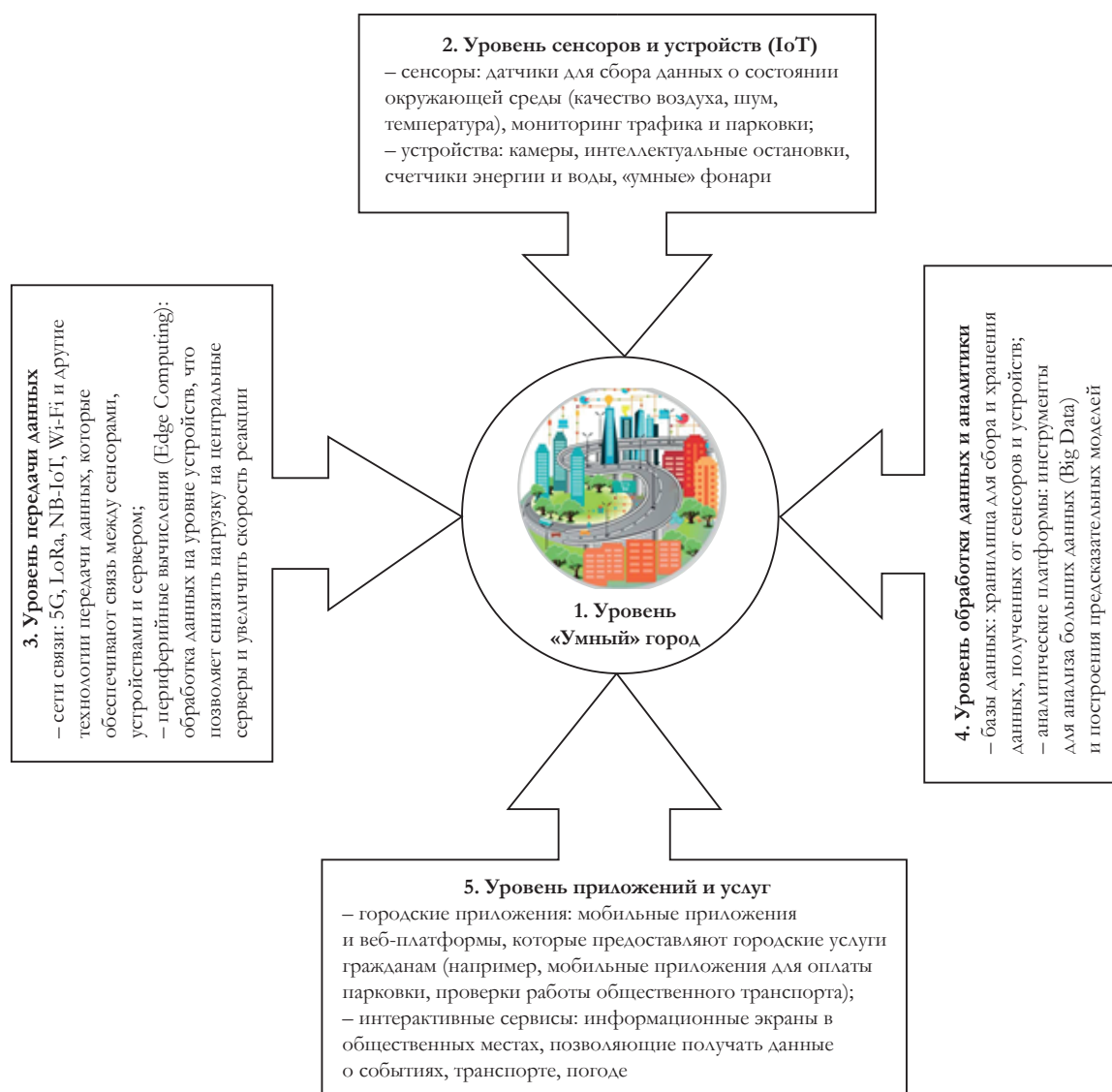
Авторы полагают, что основным препятствием на пути реализации видения «умных» городов и, следовательно, концепции является отсутствие четкой политической воли со стороны государства, представленного как Россией, так и входящими в ее состав регионами и муниципальными образованиями, и желания со стороны населения. Программа «Цифровая экономика», принятая Правительством РФ, включает направление, посвященное «интеллектуальным» городам, но показатели эффективности не совсем точно отражают уровень цифровой готовности городов. Вместо этого они фокусируются на количестве «умных» городов и «умных» агломераций, которые являются общими показателями и не применимы к конкретным территориям. В связи с этим было бы неуместно использовать такие показатели для классификации городского поселения как «умного» города. Необходимо провести исследование, чтобы определить нужные факторы для их оценки.

Концепция «умного» города включает множество информационных систем, предназначенных для улучшения управления городским хозяйством и предоставления гражданам эффективных услуг. К таким системам относятся:

- единая информационная платформа, которая служит центром сбора, хранения, обработки данных и распространения информации о событиях, а также способствует обмену информацией, полученной в результате анализа данных;
- система распространения как информации общего назначения, так и частной информации среди конкретных групп пользователей;
- коммуникационная система, обеспечивающая обмен информацией между различными группами;
- административная система, обеспечивающая бесперебойную работу «умного» города при помощи комбинации механизмов проектирования и контроля доступа;
- система бизнес-аналитики для визуализации и анализа статистических данных;
- системы хранения данных, то есть облачные технологии.

Кроме того, в концепцию «умного» города могут быть внедрены различные городские приложения, такие как интеллектуальные парковочные системы, цифровые решения для освещения, «умные» мусорные баки, автономные транспортные средства и другие передовые технологии.

Изучаемая концепция основана на интеграции технологий и данных для улучшения качества жизни граждан, повышения эффективности городских услуг и устойчивого развития. Схематично можно выделить несколько основных уровней архитектуры, а также технологии, применяемые на каждом из них (рис. 1).

Источник⁶

Рис. 1. Схема концепции «умного» города

Первый уровень концепции – это физический уровень, включающий, например, инфраструктуру (здания, дороги, мосты, сети водо- и электроснабжения), а также общественные места (парки и зеленые зоны, транспорт как традиционный (автомобили, автобусы, трамваи), так и новый (электромобили, велосипеды).

Многие показатели фокусируются на технологических аспектах, упуская из вида социальные и экономические факторы, которые играют ключевую роль в создании «умного» города. Предлагаемая система показателей охватывает ключевые критерии «умного» города и позволяет оценить его прогресс в различных областях.

Разработка и внедрение критериев для оценки «умного» города представляет собой важный шаг к созданию более эффективной, устойчивой и благоприятной для жизни «умной» городской среды. Предложенная матрица «умного» города включает множество важных показателей от управления и инфраструктуры до экологических и цифровых трансформаций. Каждый из выделенных показателей не только служит индикатором текущего состояния городских процессов, но и позволяет выявлять направления для дальнейшего совершенствования. Определение весовых коэффициентов для каждой категории показателей призвано учесть специфику и приоритеты конкретных городов, что делает подход гибким и адаптивным. Важно, чтобы результаты мониторинга были прозрачными и доступны населению, чтобы способствовать вовлечению жителей в электронный процесс управления городом. В результате такой подход позволит не только повысить качество жизни граждан, но и обеспечить устойчивое развитие

⁶ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Цифровое государственное управление. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 12.10.2024).

городской инфраструктуры. Применение предложенной матрицы показателей откроет новые горизонты для эффективного управления городскими ресурсами и процессами, делая «умный» город не просто концепцией, но реальностью, способной реагировать на вызовы времени.

ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ «УМНОГО» ГОРОДА

При оценке показателей «умного» города важно различать количественные и качественные показатели. Каждая категория предоставляет разные типы информации и может быть использована для различных целей (рис. 2).

1. Управление и инфраструктура Качество управления: – уровень коррупции; – эффективность государственных услуг; – уровень участия граждан в принятии решений; – прозрачность и доступность информации Инфраструктура: – доступность и качество транспортной инфраструктуры; – развитие сетей связи и Интернет-доступа; – энергоэффективность зданий и инфраструктуры; – уровень доступности и качества питьевой воды; – эффективность системы утилизации отходов	2. Экономика и занятость Экономический рост: – темпы роста валового внутреннего продукта; – уровень безработицы; – количество созданных рабочих мест; – инвестиции в инновационные технологии Инновации и предпринимательство: – количество стартапов и малых предприятий; – доля инновационной продукции в общем объеме производства; – инвестиции в НИОКР; – уровень цифровизации экономики
3. Социальное развитие Качество жизни: – уровень образования и здравоохранения; – доступность жилья; – уровень преступности; – доступность общественных пространств и рекреационных зон; – уровень удовлетворенности жителей жизнью в городе Инклюзивность: – доступность услуг для людей с ограниченными возможностями; – уровень межкультурного диалога и толерантности; – уровень социального равенства	4. Экология и устойчивое развитие Качество окружающей среды: – уровень загрязнения воздуха и воды; – количество зеленых зон; – эффективность управления водными ресурсами; – уровень шумового загрязнения; – состояние биоразнообразия Устойчивое развитие: – энергоэффективность и использование возобновляемых источников энергии; – уровень потребления ресурсов; – снижение выбросов парниковых газов; – уровень повторного использования и переработки отходов
5. Цифровая трансформация Цифровая инфраструктура: – развитие сетей 5G и Интернета вещей; – уровень цифровизации городских услуг; – доступность открытых данных; – безопасность киберпространства Инновационные технологии: – использование искусственного интеллекта и машинного обучения; – разработка и внедрение смарт-решений; – применение мобильных технологий и цифровых платформ; – цифровое участие граждан	

Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Матрица показателей «умного» города

Проанализируем предложенные показатели первого сегмента (управления и инфраструктуры) матрицы в рамках классификации на количественные и качественные.

1. Качество управления – это качественный показатель, так как уровень коррупции обычно определяется через индексы, такие как индекс восприятия коррупции (Transparency International), который опирается на мнения экспертов и граждан о коррупции в стране или городе. Эффективность государственных

услуг часто измеряется через опросы и исследования о том, как граждане оценивают доступность и качество предоставляемых услуг. Оценка уровня участия граждан в принятии решений может проводиться через исследование формы и количества гражданского участия (например, отзывы на заседаниях, участие в выборах или общественных слушаниях), а прозрачность и доступность информации оцениваются через анализ доступности информации для граждан, включая наличие веб-ресурсов и доступ к данным о государственных расходах.

2. Инфраструктура – это количественный показатель, поскольку, например, доступность и качество транспортной инфраструктуры можно измерять через среднее время в пути, количество маршрутов общественного транспорта или наличие велосипедных дорожек, развитие сетей связи и Интернет-доступа. Как правило, он оценивается через % охвата населения высокоскоростным интернетом и количеством пользователей Интернета на душу населения. Энергоэффективность зданий и инфраструктуры измеряется через показатели потребления энергии на единицу площади (например, кВтч/м²), уровень доступности и качества питьевой воды, уровень загрязнения водоемов. Эффективность системы утилизации отходов можно измерять через % отходов, подлежащих переработке, и % от общего объема отходов, вывозимых на свалки.

Качественные показатели помогают понять восприятие и оценку систем управления и инфраструктуры, которые могут варьироваться в зависимости от личного опыта и мнений граждан, а количественные показатели предоставляют четкие, измеримые данные, которые позволяют проводить статистический и сравнительный анализ. Определение оценки для различных категорий показателей «умного» города требует четкой методологии, которая позволит количественно и качественно оценивать каждый аспект. Авторы предлагают определить «шаги», чтобы установить оценки для каждой категории.

1. Определить критерии оценки. Перед тем как назначать оценки, необходимо установить критерии, которые будут использоваться для каждой категории показателей, например, качество управления – подходы к оценке: индексы, опросы, конкретные метрики; инфраструктура – подходы к оценке: регулярные измерения, анализ данных, отзывы пользователей.

2. Осуществить выбор шкалы оценивания. Это может быть Ликертская шкала (например, от 1 до 5 или от 1 до 7), где 1 – это низкий уровень, а 5 или 7 – высокий, процентная шкала, например, 0–100, а также шкала от «Неудовлетворительно» до «Отлично».

3. Собрать данные для каждого показателя. Это могут быть либо первичные данные, полученные из опросов и исследований, либо вторичные из статистических отчетов, исследований и существующих индексов.

4. Провести качественную оценку, опросы среди местного населения, экспертов или представителей властей, чтобы составить мнение о том или ином аспекте. Например, для «эффективности государственных услуг» можно провести опрос среди граждан с последующим анализом полученных ответов.

5. Провести количественную оценку, используя данные для расчетов количественных показателей. Например, для «доступности интернет-доступа» можно использовать % населения с доступом к Интернету:

$$\text{Оид} = \text{Кип} / \text{Он} \cdot 100, \quad (1)$$

где Оид – оценка Интернет-доступа, Кип – количество пользователей Интернета, Он – общее население.

6. Установить вес для показателей, поскольку не все могут иметь одинаковую значимость. Это можно сделать на основе экспертных оценок или анализа данных.

7. Провести общую оценку. Для каждой категории она может быть рассчитана как взвешенная сумма оценок показателей:

$$\text{Оц} = w_1 \cdot P_1 + w_2 \cdot P_2 + \dots + w_n \cdot P_n, \quad (2)$$

где Оц – общая оценка, w – вес показателя, P – оценка конкретного показателя.

После того как оценки будут рассчитаны, важно представить результаты и проанализировать их. Это может быть сделано через графики, таблицы и отчетность для заинтересованных сторон, чтобы понять, какие области нуждаются в улучшении.

Пример оценки для категории «Качество управления»:

1) уровень коррупции (по индексу восприятия коррупции) – оценка: от 0 до 100 (где 0 – высокая коррупция, 100 – отсутствие коррупции);

2) эффективность государственных услуг – опрос граждан на основе Ликертской шкалы от 1 до 5;

3) уровень участия граждан в принятии решений – % участников общественных слушаний/выборов;

4) прозрачность и доступность информации – оценка на основе доступности информации в формате открытых данных (например, проанализировать, сколько данных доступно на разных платформах).

Определение оценок для категорий показателей – это комплексный процесс, который требует тщательного подхода к сбору данных, оценке и представлению результатов. Применяя предложенные авторами шаги, можно создать надежную и объективную систему оценки для различных аспектов «умного» города.

Анализ научных исследований приводит к нескольким ключевым выводам, подчеркивающим важность системного подхода к реализации концепции «умного» города. Во-первых, такой город представляет собой не просто набор технологий, но целостную систему социальных взаимодействий, в которой население, органы власти и частный сектор работают вместе для создания и поддержания комфортной городской среды. Во-вторых, для успешного внедрения «умных» городов в России необходимо сформулировать государственную политику, направленную на стимулирование развития «умных» сообществ, а не только «умных» городов. В-третьих, междисциплинарные исследования, объединяющие специалистов в области государственного управления, социологии, экономики и технологий, играют важную роль в создании «интеллектуального» города.

Кроме того, матрица показателей, учитывающая уникальные характеристики каждого городского муниципалитета, становится основным инструментом для эффективной цифровизации и реализации концепции «умного» города. Только системный подход, основанный на глубоком понимании «интеллектуального» города как сложной сети социальных взаимодействий и поддерживаемый активной государственной поддержкой, способен раскрыть весь потенциал «умной» городской среды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование концепции «умного» города является важным и перспективным направлением в области городского управления. Несмотря на отсутствие единого определения, в процессе работы выявлены ключевые критерии, объединяющие различные подходы. «Умный» город представляет собой не просто набор технологий, но сложную структуру, включающую социальные взаимодействия.

Концепцию «умного» города следует рассматривать как систему социальных отношений, что открывает новые горизонты для изучения и позволяет глубже осознать нюансы взаимодействий в рамках «умного» города. На законодательном уровне необходимо четко определить и закрепить термины «умное» сообщество, «умное» поселение, «умная» территория, «умный» регион, «умное» местное самоуправление и «умное» государство, что будет способствовать расширению дискуссии об «интеллектуальных» городах и углублению понимания их роли в современном обществе. Кроме того, создание матрицы показателей, учитывающей уникальные характеристики каждого муниципалитета, будет основным инструментом для эффективной цифровизации и реализации концепции «умного» города.

Список литературы

1. Милькина И.В., Косарин С.П., Юдина Д.А. «Умные города» в контексте устойчивого развития России. Муниципальная академия. 2021;1:101–107. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_101
2. Богатырев К.А. Умные города: перспективы развития. Тенденции развития науки и образования. 2021;7(72):48–50. <http://dx.doi.org/10.18411/lj-04-2021-277>
3. Потапов И.И., Юдин А.Г. Умные города: реализация в мире. Обзор. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2021;2:49–80. <https://dx.doi.org/10.36535/0235-5019-2021-02-3>
4. Гатауллин Р.Ф., Сизоненко З.А., Игнатьева О.Н., Бикметова З.М., Галимуллина Н.А., Гарифуллина А.Ф., Полянина О.А., Даутова Т.А. Пути цифровой трансформации местного самоуправления: умный город. В кн.: Проблемы становления и развития института местного самоуправления в условиях современной России. Уфа: Башкирский государственный университет; 2022. С. 100–111.
5. Матвеева А.И., Кружкова О.В. Виртуальный город как источник стресса молодежи современных мегаполисов. В кн.: Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: материалы VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30–31 октября 2021 г. СПб: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 2021. С. 386–393.
6. Горнова Г.В., Митягин С.А. Цвета урбанизма. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019;3(24):19–22. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2019-24-19-22>

7. *Ахметзянова Д.Н.* Пространство современного города: от модернизма к эмпатическому повороту. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022;4(37):9–13. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-9-13>
8. *Сизов Ю.И., Медведева Л.Н.* Развитие среднего города на основе концепта: от «умного дома к умному городу». Научные труды Вольного экономического общества России. 2019;4(218):573–580.
9. *Полянина О.А.* Городское самоуправление в России конца XIX–XXI веков: процессы децентрализации и внутреннего структурирования. Научный диалог. 2020;2:403–420. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-403-420>
10. *Савина С.В.* О реализации концепции «умный город». Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021;10B(11):403–409.
11. *Патракеева О.Ю.* «Умный город»: концепции, вызовы, тенденции развития. Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. 2022;2(3):125–136. <https://doi.org/10.18334/social.3.2.115021>
12. *Веселова А.О., Хацкевич А.Н., Ежова Л.С.* Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения. Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2018;1(13):75–89. <http://dx.doi.org/10.17072/1994-9960-2018-1-75-89>

References

1. *Milkina I.V., Kosarin S.P., Yudina D.A.* “Smart cities” in the context of Russia’s sustainable development. Municipal Academy. 2021;1:101–107. (In Russian). https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_101
2. *Bogatyrev K.A.* Smart cities: development prospects. Trends in science and education development. 2021;7(72):48–50. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18411/lj-04-2021-277>
3. *Potapov I.I., Yudin A.G.* Smart cities: implementation in the world. Review. Issues of environment and natural resources. 2021;2:49–80. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.36535/0235-5019-2021-02-3>
4. *Gataullin R.F., Sizonenko Z.L., Ignatieva O.N., Bikmetova Z.M., Galimullina N.A., Garifullina A.F., Polyamina O.A., Dantova T.A.* Ways of local self-government digital transformation: smart city. In: Issues of formation and development of local self-government institute in modern Russia. Ufa: Bashkir State University; 2022. Pp. 100–111. (In Russian).
5. *Matveeva A.I., Krushkova O.V.* The virtual city as a source of stress for young people in modern megacities. In: Herzen University Conference on Psychology in Education: Proceedings of the 7th International Research and Practice Conference, St. Petersburg, October 30–31, 2021. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia; 2021. Pp. 386–393. (In Russian).
6. *Gornova G.V., Mityagin S.A.* Colours of urbanism. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2019;3(24):19–22. (In Russian). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2019-24-19-22>
7. *Akhmetzyanova D.N.* Modern city space: from modernism to the empathic turn. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2022;4(37):9–13. (In Russian). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-9-13>
8. *Sizov Yu.I., Medvedeva L.N.* Development of the medium city based on the concept: “from a smart house to a smart city”. Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2019;4(218):573–580. (In Russian).
9. *Polyamina O.A.* City Self-Government in Russia at the End of XIX–XXI Centuries: Processes of Decentralization and Internal Structuring. Nauchnyi dialog. 2020;2:403–420. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-403-420>
10. *Savina S.V.* The Smart City Concept. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2021;10B(11):403–409. (In Russian).
11. *Patrakeeva O.Yu.* Smart city: concepts, challenges and development trends. Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility. 2022;2(3):125–136. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/social.3.2.115021>
12. *Veselova A.O., Khatskevich A.N., Yezhova L.S.* Prospects to create “smart cities” in Russia: Classification of problems and their solutions. Perm University Herald. Economy. 2018;1(13):75–89. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17072/1994-9960-2018-1-75-89>

Тенденции, противоречия и закономерности функционирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества

Гатауллин Ринат Фазлдинович

Д-р экон. наук, зав. сектором экономики и управления развитием территорий
ORCID: 0000-0002-7459-9728, e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru

Чувашаева Эльвира Рифовна

Науч. сотр.
ORCID: 0000-0003-0250-1119, e-mail: elvirachuv@mail.ru

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Аннотация

Цель исследования – раскрыть существующие тенденции, противоречия и закономерности в функционировании и развитии институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества. В функционировании встречающихся институтов выделены противоречия в их полномочиях и результативности. Среди тенденций в развитии институтов отмечены децентрализация управления, усиление роли региональных и муниципальных органов власти в процессах планирования и реализации проектов пространственного развития, вектор на укрепление устойчивости, интеграция принципов устойчивого развития в стратегиях и проектах, позволяющая учесть не только экономические и экологические аспекты в планировании, но и социальные, укрепление инновационности и финансирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества, цифровизация управления территориального развития, участие общественности в решении проблем улучшения межрегионального и межмуниципального сотрудничества, укрепление международного сотрудничества в реализации соответствующих проектов. В числе закономерностей в развитии институтов необходимо определить их нацеленность на функционирование в условиях глобализации горизонтальных связей, рост устойчивости развития и мобильности населения, цифровизации и инновационности, обеспечение безопасности на основе управления рисками, что предполагает правовую интеграцию и гармонизацию стандартов, интенсивный обмен лучшими проектами, активизацию местных органов власти и населения в реализации проектов. Авторские предложения в части совершенствования институтов в современных условиях включают переход к проектному подходу, переориентацию политики в этой области на обеспечение взаимной выгоды, соблюдение приоритетности в поддержке проектов, имеющих межтерриториальное значение, способных обеспечить территориальную связанность и единство экономического пространства.

Ключевые слова

Тенденции, межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество, муниципальные образования, стейкхолдеры, городские округа, устойчивость развития, проекты

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-00570-24-01 на 2024 г. и на плановый период 2025 г. и 2026 г.

Для цитирования: Гатауллин Р.Ф., Чувашаева Э.Р. Тенденции, противоречия и закономерности функционирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества // Вестник университета. 2024. № 12. С. 50–57.

Trends, contradictions, and patterns of functioning of interregional and inter-municipal cooperation institutions

Rinat F. Gataullin

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Spatial Development Management Sector
ORCID: 0000-0002-7459-9728, e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru

Elvira R. Chuvashaeva

Researcher
ORCID: 0000-0003-0250-1119, e-mail: elvirachuv@mail.ru

Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract

The purpose of the study is to reveal the existing trends, contradictions, and patterns in functioning and development of interregional and inter-municipal cooperation institutions. Contradictions in the encountered institutions functioning have been highlighted in their powers and performance. Among the trends in the institutions development the following have been noted: management decentralization, strengthening of the regional and municipal authorities role in planning and implementation of spatial development projects, vector for strengthening sustainability, sustainable development principles integration in strategies and projects that allows to consider not only economic and environmental aspects in planning, but also social ones, strengthening of innovativeness and financing of interregional and inter-municipal cooperation institutions, spatial development management digitalization, public participation in solving problems of improving interregional and inter-municipal cooperation, and strengthening of international cooperation in relevant projects implementation. Among the patterns in the institutions development it is necessary to define their focus on functioning in the context of horizontal links globalization, growth of development sustainability and population mobility, digitalization and innovativeness, ensuring security on the basis of risk management, which implies legal integration and standards harmonization, intensive exchange of the best projects, activation of local authorities and population in projects implementation. The author's proposals for improving institutions in modern conditions include transition to the project approach, reorientation of the policy in this area to ensure mutual benefit, and priority in supporting projects of inter-territorial importance, capable of ensuring territorial connectivity and unity of economic space.

Keywords

Trends, interregional and inter-municipal cooperation, municipalities, stakeholders, urban districts, development sustainability, projects

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state task of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026.

For citation: Gataullin R.F., Chuvashaeva E.R. (2024) Trends, contradictions, and patterns of functioning of interregional and inter-municipal cooperation institutions. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 50–57.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью создания гибкой системы институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества, способной адаптироваться к существующим условиям и обеспечить изменения в качестве пространственных образований различного уровня. Выявление закономерностей функционирования институтов такого вида сотрудничества позволит организовать необходимую работу по повышению их действенности и своевременному созданию новых форм. В данном случае можем отказаться от методов проб и ошибок в институциональном обеспечении развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

Исследования в рассматриваемом направлении с самого начала возникновения экономической науки были на острие внимания ученых. Так, А. Смит говорил об абсолютных преимуществах отдельных территорий, А. Рикардо – об относительных [1]. Проблемы формирования преимуществ в производстве того или иного товара отражены в теории Хекшера-Олина, согласно которой страна специализируется на создании товаров, при производстве которых используются избыточные факторы производства, а ввозит товары, для которых она использует дефицитные факторы производства [2]. Формирование сравнительных преимуществ находит свое отражение в модели последовательной межотраслевой интеграции К. Акамацу [3]. Общим в этих теориях является то, что они объясняют векторы направленности движения товаров, а не изменения в самих институтах, регулирующих их развитие.

Следующая группа исследований представлена моделями межтерриториальной интеграции:

- политической (теория конвергенции, отраженная в трудах Р. Арона, Дж. Гэлбрейта, П. Сорокина) [4–6];
- экономической (теория кластеров М. Портера, эклектической парадигмы международного производства Дж. Даннинга, системной интеграции Г.Б. Клейнера) [7–9];
- институциональной (модели региональной интеграции А.М. Либмана и Б.А. Хейфеца) [10].

Относительно изучаемой темы считаем более продуктивным подход А.М. Либмана и Б.А. Хейфеца, которые предлагают типологизацию моделей межрегиональной интеграции, межправительственных договоров, определяют стейкхолдеров развития, симметрию их сил. Однако в данном случае речь идет о развитии сотрудничества на уровне отдельных стран, а не их регионов.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

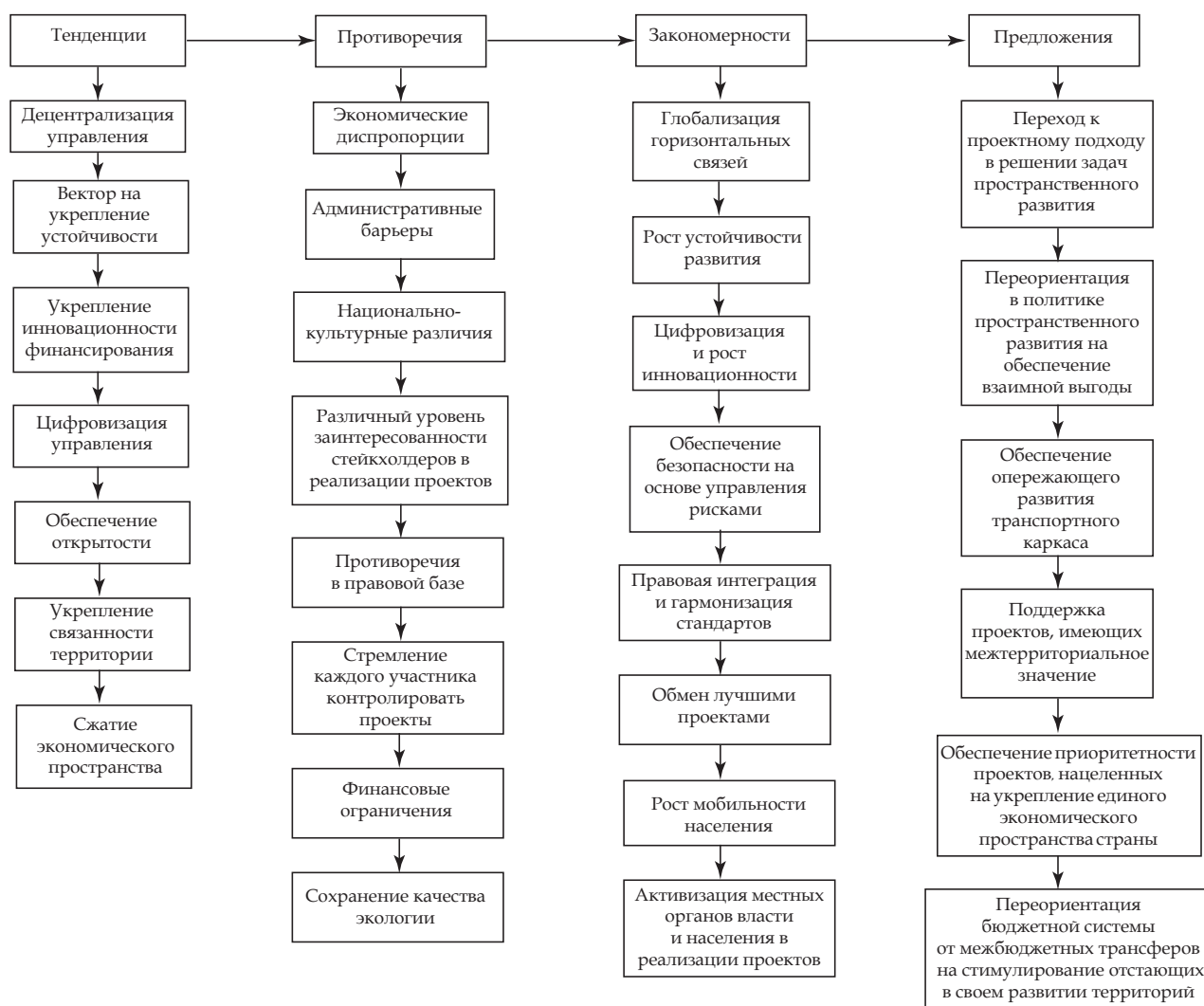
Целью настоящего исследования является выявление закономерностей функционирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества и на этой основе предложить меры по их совершенствованию. Ее достижение предполагает решение следующих задач:

- определить существующие тенденции в изменении структуры и содержания данных институтов;
- раскрыть противоречия в системе существующих институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества, в их полномочиях и функциях;
- выявить закономерности в развитии и функционировании данной группы институтов;
- разработать предложения по повышению их качества.

В исследовании применялись качественные методы экономического анализа, нацеленные на достижение понимания сущности и содержания процессов, отражающих функциональные назначения институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества, а также наблюдения и эксперименты, исторический и эволюционный анализ, аналогии и моделирование.

ИНСТИТУТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Институты межрегионального и межмуниципального сотрудничества включают различные государственные и негосударственные организации, занимающиеся планированием и регулированием территориального развития, а также реализацией соответствующей политики. В последние годы они претерпевают значительные изменения в свете новых экономических и социальных вызовов. Рассмотрим несколько ключевых моментов среди тенденций, которые можно выделить в их развитии (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Тенденции, противоречия и закономерности функционирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества

1. Децентрализация управления – усиление роли региональных и муниципальных органов власти в процессах планирования и реализации проектов пространственного развития. Это включает передачу большей ответственности и ресурсов на местный уровень, что позволяет более гибко и адекватно реагировать на специфические потребности и возможности каждого региона и муниципального образования. В части изменений в содержании институтов и выполненных ими функций данный фактор служит важным импульсом.

2. Вектор на укрепление устойчивости – интеграция принципов устойчивого развития в стратегиях и проектах, что предполагает учет не только экологических, но и социальных аспектов в планировании. Это включает развитие всех элементов инфраструктуры, энергоэффективных технологий, улучшение экологической ситуации и поддержку местных сообществ.

3. Укрепление инновационности в финансировании институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества – разработка и применение новых финансовых инструментов и моделей, таких как публично-частное партнерство, фонды развития, краудфандинг, а также использование финансовых стимулов для привлечения частных инвестиций в проекты пространственного развития.

4. Цифровизация процессов территориального управления – внедрение цифровых технологий в управление пространственным развитием, включая использование больших данных, искусственного интеллекта для анализа и моделирования экономических процессов, что позволяет повысить эффективность планирования и мониторинга реализации проектов.

5. Участие общественности в решении проблем углубления межрегионального и межмуниципального сотрудничества – повышение прозрачности решений и активное вовлечение жителей в обсуждение и формирование стратегий развития укрепляет доверие и обеспечивает более точное соответствие проектов реальным потребностям населения. Создание доступной системы независимой экспертизы проектов, в том числе по заказам общественности, становится насущным вопросом. В настоящее время узким местом в защите интересов населения являются недостаточно высокий уровень качества независимой экспертизы проектов и ее доступность.

6. Укрепление сотрудничества между различными муниципальными образованиями, регионами и странами для реализации совместных проектов, что особенно актуально для приграничных территорий и регионов со схожими экономическими интересами.

7. Укрепление международного сотрудничества в области пространственного развития – обмен опытом, совместные проекты и программы, участие в международных организациях и форумах.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Российской Федерации межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество сталкивается с рядом противоречий, характерных для многоуровневой административной системы страны. Среди них можно отметить те, которые обусловлены действием таких объективно существующих факторов, как экономические диспропорции между территориальными образованиями соответствующего уровня. Существующие различия между муниципальными образованиями по социально-экономическим показателям достигают громадных значений. Рассмотрим данный вопрос на примере Республики Башкортостан (см. табл.).

Таблица

Разрыв в показателях социально-экономического развития муниципальных образований в Республике Башкортостан в расчете на душу населения (раз)

Территориальные образования	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по внешнеэкономической деятельности «Промышленное производство», тыс. руб.				
Муниципальные районы	269,8	260,2	72,3	70,0
Городские округа	73,2	88,7	91,4	92,2
Инвестиции в основной капитал предприятий, тыс. руб.				
Муниципальные районы	64,5	164,7	44,5	38,9
Городские округа	32,8	32,9	12,1	8,2
Количество хозяйствующих субъектов, ед.				
Муниципальные районы	2,6	2,9	3,1	4,0
Городские округа	3,5	3,9	3,8	3,6
Доходы населения, тыс. руб.				
Муниципальные районы	2,1	2,0	2,0	1,9
Городские округа	1,7	1,5	1,5	1,6
Ввод в действие жилых домов, м²				
Муниципальные районы	15,6	59,2	28,6	22,8
Городские округа	8,1	20,5	20,5	19,7

Источник¹

Как видно из таблицы, разрывы в показателях социально-экономического развития существенно больше в сфере производства и в инвестициях, меньше всего – в доходах населения. Следует отметить, что богатые муниципальные образования не хотят делиться ресурсами и они способны большую часть

¹ Федеральная служба государственной статистики. База данных «Паспорт муниципальных образований». Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst80 (дата обращения: 20.08.2024)

существующих проблем решить самостоятельно. У бедных субъектов обстановка иная – они больше всего нуждаются в инвестициях.

Административные барьеры в развитии институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества выражаются в сложностях с координацией их деятельности по реализации совместных проектов и инициатив из-за несовместимости действующей правовой базы. Элиты, контролирующие рычаги социально-экономического регулирования на разных уровнях территориального управления, нередко придерживаются различной политической ориентации, что находит свое отражение в их заинтересованности в реализации различных проектов. Кроме того, регионы и муниципальные образования отличаются друг от друга этническим составом населения и его культурными особенностями.

Действия таких факторов, как различный уровень заинтересованности в реализации проектов и противоречия в правовой базе, выражают субъективную сторону противоречий, когда их решение требует совершенствования системы управления на всех уровнях и повышения качества подготовки проектов. Она отражается также в стремлении каждого из стейкхолдеров пространственного развития взять под свой контроль реализацию проектов. Тем не менее в реализации проектов межрегионального и межмуниципального сотрудничества существуют ограничения финансового характера (дефицит ресурсов) и необходимость сохранения качества экологической ситуации.

Преодоление существующих противоречий, на наш взгляд, предполагает реализацию следующих мер:

- обеспечение максимальной информационной открытости в развитии территориальных образований всех уровней – сегодня многие регионы не спешат делиться информацией по экономическому и социальному развитию (это касается и банков проектов), и стейкхолдеры, действующие на различных уровнях владеют неполной информацией о существующих проблемах друг у друга, выдвигают проекты, не учитывающие интересы потенциальных партнеров;
- совершенствование инструментов финансовой поддержки, например, формирование совместных фондов для финансирования проектов;
- повышение качества федеральной нормативной базы межрегионального и межмуниципального сотрудничества с решением существующих противоречий в нормативных актах;
- унификация системы экологических стандартов с помощью создания пределов региональных и местных компетенций в этой области.

Авторы в данном случае отмечают противоречия в выполнении функций системой существующих институтов межрегионального и муниципального сотрудничества, однако можно говорить и о противоречивости внутреннего содержания институтов, которые им присущи имманентно. Это не только правовые нормы, которые противоречат друг другу. Так, можно говорить о запрете на создание межмуниципальных предприятий на основе общего имущества [11].

Следует также упомянуть о бюрократических препонах, которые препятствуют оперативному решению существующих проблем и не позволяют быстро реагировать на изменившиеся условия. В стране сложилась сверхцентрализация финансовых средств на верхних уровнях власти, что гасит инициативу на местах. Засилье бизнеса в представительных органах власти всех уровней искажает настоящие интересы населения в реализации того или иного проекта. В свое время попытки в рамках Стратегии социально-экономического развития Уфы на период до 2030 г. решить проблему обеспечения местами для захоронений в рамках межмуниципального сотрудничества за пределами городской черты столкнулись с противодействием депутатов, которые прямо контролировали кладбищенский бизнес, что вызвало противостояние между ними и населением [12; 13].

В развитии институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества можно выделить глобализацию горизонтальных связей, когда они выходят далеко за пределы государственных границ. Такое сотрудничество осуществляется в рамках национального законодательства. Межрегиональное и муниципальное сотрудничество должно обеспечить рост устойчивости, иначе оно потеряет смысл.

Обеспечение устойчивости развития территориальных образований, связанных с проектами, предполагает оценку и управление рисками. Расчет различных вариантов реализации проектов требует цифровизации информационных потоков. Естественным решением вопроса о повышении качества деятельности институтов видятся обмен лучшими практиками, правовая интеграция регионов и гармонизация применяемых в них различного рода стандартов. Связанность территорий означает мобильность населения, что является важным фактором в обеспечении полноты использования человеческого капитала.

Его оперативное перераспределение между территориями наряду с другими факторами является важным условием для экономического роста и повышения благосостояния для каждого человека. Одним из важнейших принципов в работе институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества является активное участие населения и местных сообществ в генерировании и реализации проектов.

Авторские предложения по части совершенствования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества в соответствии с выявленными нами закономерностями направлены на преодоление существующих противоречий – это переход к проектному подходу в решении задач пространственного развития, переориентация политики в данной области на обеспечение взаимной выгоды. Поддерживаемые федеральным центром проекты должны быть самыми выгодными с позиции экономии ресурсов. Более того, должна быть приоритетность в поддержке проектов, имеющих межтерриториальное значение. Все это способно обеспечить необходимую территориальную связанность и единство экономического пространства страны.

Повышение качества бюджетных процессов в стране в немалой степени связано с их переориентацией от межбюджетных трансфертов на стимулирование отстающих в своем развитии территорий. Условие должно быть такое – любая инвестиция за счет перераспределения средств в течение 7–8 лет должна дать отдачу не меньше, чем при других вариантах использования, иначе мы не отойдем от создания территориальных «финансовых ям», куда будут проваливаться необходимые ресурсы и страна будет терять в потенциальных темпах роста экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение проблем пространственного развития требует больших инвестиций. Оптимизация транспортного каркаса должна быть осуществлена в основном за счет федеральных средств при некотором участии регионов, так как последние в немалой степени при этом выступают выгодоприобретателями.

Что касается других видов производства, проекты их развития должны чаще всего инициироваться регионами и муниципальными образованиями. Участие федеральных органов власти в их реализации, как уже отмечалось, будет не только поддержкой регионов и муниципальных образований, но и позволит проводить определенную селекцию проектов в смысле оценки их эффективности с позиции федеральных интересов.

Список литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело; 1994. 687 с.
2. Егоров К.И. Эволюция теорий международной торговли и современность: попытки адаптации. Журнал экономических исследований. 2019;3:88–92.
3. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries. The Developing Economies. 1962;1:3–25
4. Bourdieu P. Economic anthropology: lecture course at the College de France (1992–1993). Moscow: Delo; 2019. 418 p.
5. Вдовкина Е.Г. Эволюция теорий пространственного развития. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012;1:41–45.
6. Пейфтиев В.И. Размышление гуманитария о прошлом и настоящем. Ярославль: Аверс Пресс; 2002. 199 с.
7. Самсонов В.Б. и др. Территориальная организация общества. Саратов: Волжский сад; 1999. 244 с.
8. Treivish A.I. Unevenness and Structural Diversity of the Economy's Spatial Development. As a Scientific Problem and Russian Reality. Regional Research of Russia. 2020;2(10):143–155. <http://dx.doi.org/10.1134/S207997052002015X>
9. Рогачев С.В. Закон сохранения географического пространства, или быстро хорошо не бывает. География. Первое сентября. 2002;10:17–19.
10. Гусев Д.Н. Деформация социально-экономического пространства синергетически ориентированного предпринимательства в процессе рыночного реформирования российской экономики. Вестник Военного университета. 2009;4(20):98–103.
11. Гатауллин Р.Ф., Чувашиева Э.Р. Обеспечение гомогенности в социально-экономическом развитии регионов на примере Республики Башкортостан. Вестник университета. 2023;1:100–105. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-100-105>
12. Гатауллин Р.Ф. (ред.) Пространственное развитие на основе активизации межтерриториального взаимодействия. Уфа: Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; 2022. 270 с.
13. Алтунфьева Т.Ю. и др. Стратегический план экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года. Уфа: Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук; 2015. 284 с.

References

1. *Blaug M.* Economic thought in retrospect. Moscow: Delo; 1994. 687 p. (In Russian).
2. *Egorov K.I.* Evolution of international trade theories and modernity: adaptation attempts. Journal of Economic Studies. 2019;3:88–92. (In Russian).
3. *Akamatsu K.* A historical pattern of economic growth in developing countries. The Developing Economies. 1962;1:3–25.
4. *Bourdieu P.* Economic anthropology: lecture course at the College de France (1992–1993). Moscow: Delo; 2019. 418 p. (In French).
5. *Vdovkina E.G.* Evolution of theories of spatial development. Current issues of humanities and natural sciences. 2012;1:41–45. (In Russian).
6. *Peftiev V.I.* Reflections of a humanitarian on the past and present. Yaroslavl: Avers Press; 2002. 199 p. (In Russian).
7. *Samsonov V.B.* et al. Territorial organization of society. Saratov: Volzhsky Sad; 1999. 244 p. (In Russian).
8. *Treivish A.I.* Unevenness and Structural Diversity of the Economy's Spatial Development. As a Scientific Problem and Russian Reality. Regional Research of Russia. 2020;2(10):143–155. <http://dx.doi.org/10.1134/S207997052002015X>
9. *Rogachev S.B.* The law of preservation of geographical space, or fast does not happen well. Geografiya. Pervoe sentyabrya. 2002;10:17–19. (In Russian).
10. *Gusev D.N.* Deformation of socio-economic space of synergetically oriented entrepreneurship in the process of market reform of the Russian economy. Vestnik of the Military University. 2009;4(20):98–103. (In Russian).
11. *Gataullin R.F., Chuvashbaeva E.R.* Ensuring homogeneity of regional socio-economic development: Republic of Bashkortostan case study. Vestnik universiteta. 2023;1:100–105. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-100-105>
12. *Gataullin R.F.* (ed.) Spatial development based on interterritorial interaction activation. Ufa: Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; 2022. 270 p. (In Russian).
13. *Altufieva T.Yu.* et al. Strategic plan for economic development of the Ufa City District of the Republic of Bashkortostan until 2030. Ufa: Institute of Social and Economic Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2015. 284 p. (In Russian).

Проблемы правового регулирования туристско-рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях

Пшеничных Юлия Алексеевна

Канд. экон. наук, вед. науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-3198-8782, e-mail: pshenichnih.julia@gmail.com

Морозова Юлия Владимировна

Магистрант

ORCID: 0009-0008-8276-6312, e-mail: jully_law@list.ru

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) являются уникальными объектами, которые привлекают значительное число туристов благодаря своей природной красоте и экологической ценности. Вопросы правового регулирования туризма на таких территориях становятся критически важными для обеспечения баланса между сохранением природных экосистем и расширением туристской инфраструктуры. Комплексное изучение правовых аспектов позволяет определить пути улучшения законодательства и устранения административных барьеров, что необходимо для устойчивого развития сектора. Данный вопрос приобретает первостепенное значение в контексте современных вызовов, касающихся экологической безопасности и необходимости активного привлечения инвестиций в туристическую отрасль. Проанализировано правовое регулирование туристско-рекреационной деятельности на ООПТ Российской Федерации. Исследованы проблемы нестабильности законодательства и административных барьеров, влияющих на развитие внутреннего туризма, особенно в условиях ограничений выездного туризма. Изучены изменения законодательства об ООПТ, вступившие в силу в 2023 г., и их влияние на развитие экологического туризма. Рассмотрены конфликт интересов между экологическим сообществом и бизнесом в контексте реализации новых правовых норм, а также трудноразрешимые вопросы трактовки понятий туристических маршрутов и троп, их категоризации и необходимости сопровождения экскурсоводами. Приведены рекомендации по совершенствованию понятийного аппарата и разработке подзаконных актов для устранения правовой неопределенности. Изучены правоприменительные и организационные проблемы, возникающие при создании рекреационных объектов в границах ООПТ, предложены пути их решения.

Ключевые слова

Туризм, право, проблемы регулирования, особо охраняемые природные территории, экологический туризм, рекреационная деятельность, охрана окружающей среды

Для цитирования: Пшеничных Ю.А., Морозова Ю.В. Проблемы правового регулирования туристско-рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях // Вестник университета. 2024. № 12. С. 58–68.

Issues of legal regulation of tourism and recreational activities in specially protected natural areas

Yulia A. Pshenichnykh

Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher

ORCID: 0000-0002-3198-8782, e-mail: pshenichnih.julia@gmail.com

Yulia V. Morozova

Graduate Student

ORCID: 0009-0008-8276-6312, e-mail: jully_law@list.ru

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Specially protected natural areas are unique sites that attract a significant number of tourists due to their natural beauty and ecological value. The issues of legal regulation of tourism in such areas is becoming critical to ensure a balance between natural ecosystems preservation and tourism infrastructure expansion. A comprehensive study of legal aspects makes it possible to identify ways to improve legislation and eliminate administrative barriers, which is necessary for the sector's sustainable development. The issue is of paramount importance in the context of modern challenges related to environmental safety and the need to actively attract investment in the tourism industry. Legal regulation of tourism and recreational activities in specially protected natural areas in Russia has been analyzed. The issues of legislation instability and administrative barriers affecting the domestic tourism industry development, especially in the context of restrictions on outbound tourism, have been studied. The changes in the legislation on protected areas, which came into force in 2023, and their impact on ecological tourism development have been considered. The conflict of interests between the environmental community and business in the context of new legal norms implementation, as well as intractable issues of interpretation of the "tourist routes" and "trails" concepts, their categorization, and the need to be accompanied by guides have been analyzed. Recommendations on improving the conceptual apparatus and developing bylaws to eliminate legal uncertainty have been given. Law enforcement and organizational issues arising in recreational facilities construction within the boundaries of specially protected natural areas have been studied, and ways to solve them have been proposed.

Keywords

Tourism, law, regulatory issues, specially protected natural areas, ecological tourism, recreational activities, environmental protection

For citation: Pshenichnykh Yu.A., Morozova Yu.V. (2024) Issues of legal regulation of tourism and recreational activities in specially protected natural areas. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 58–68.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день развитие туризма в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) является стимулом для модернизации национальной экономики. Туризм повышает занятость населения страны, способствует повышению качества жизни, влияет на развитие малого и среднего бизнеса, экспорта и ключевых отраслей экономики (транспорт, связь, строительство, сельское хозяйство), увеличивает поступления в бюджеты всех уровней. Особую актуальность туристическая отрасль приобретает именно сейчас, когда в силу ряда политических и экономических факторов внимание россиян обращено преимущественно на внутренний, а не на выездной туризм. При этом доля туризма в валовом внутреннем продукте России остается по-прежнему ниже более чем в два раза по сравнению с рядом ведущих стран и мировыми показателями. Это говорит о наличии потенциала для динамичного развития туристической отрасли в стране [1].

Одними из факторов, сдерживающих спрос на туристические услуги, а также в значительной мере влияющих на инвестиционную привлекательность отрасли в целом, являются наличие административных барьеров и несовершенство отраслевого законодательства [2]. В связи с этим важными задачами, направленными на развитие туризма в России, выступают создание конкурентоспособного продукта и совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере туризма с учетом тенденций развития отрасли¹.

Большим потенциалом для развития сферы обладают особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ), которых в стране насчитывается около 12 тыс., что составляет более 14 % от общей площади государства². Однако существуют проблемы, связанные с несовершенством правовых норм, регулирующих осуществление некоторых видов туризма, распространенных на таких территориях. Концептуальные изменения, внесенные в действующее законодательство в 2023 г., породили ряд вопросов, касающихся правового регулирования деятельности на ООПТ³. Указанные проблемы правового регулирования требуют анализа и выработки предложений по их разрешению, чем и обоснована актуальность темы исследования.

Целью настоящего исследования является выявление и изучение основных актуальных проблем правового регулирования туристско-рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке данной статьи использованы различные материалы и методы исследования с целью всестороннего анализа правового регулирования туристско-рекреационной деятельности в ООПТ России. В качестве основных источников информации для исследования использовались законодательные и нормативные акты РФ, касающиеся регулирования деятельности в ООПТ, такие как Федеральные законы «Об особо охраняемых природных территориях», «Об основах туристской деятельности в РФ», Постановления и Распоряжения Правительства РФ и других государственных органов, регулирующие вопросы охраны природы и развития туризма, научные публикации авторов, рассматривающие проблемы правовой регламентации и управления ООПТ, а также материалы специализированных конференций, симпозиумов, семинаров по экологическому праву и туризму.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ООПТ

Среди актуальных на сегодняшний день проблем правового регулирования деятельности, осуществляемой на ООПТ, можно выделить три условные категории:

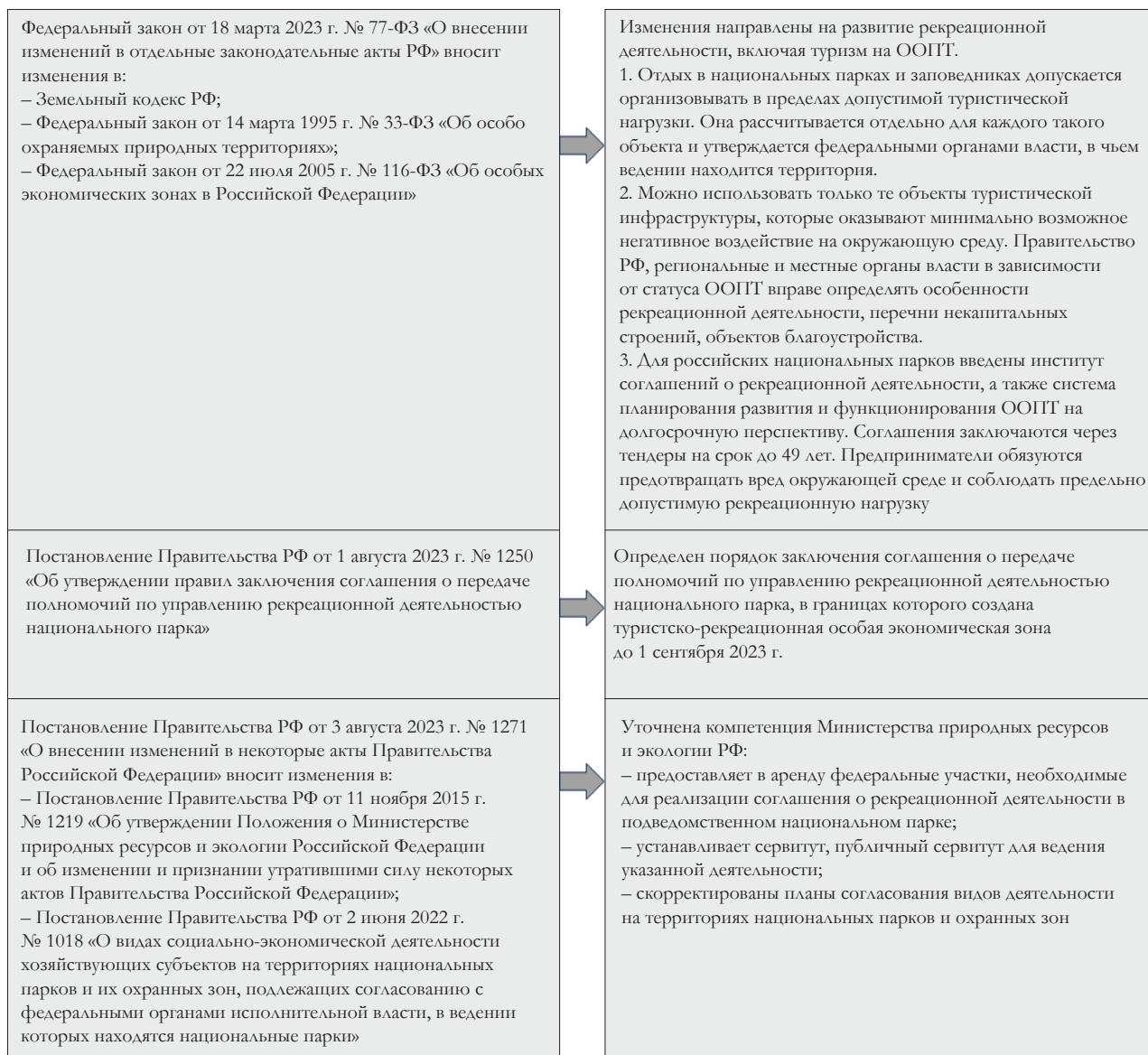
- 1) проблемы, связанные с нестабильностью законодательства об ООПТ, отсутствие действующих механизмов для реализации правовых норм на практике;
- 2) проблемы, сопряженные с несовершенством правовых норм и понятийного аппарата, недостаточностью разработки нормативно-правовой базы, а также конфликтом интересов;
- 3) проблемы правоприменительного и организационного характера.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 27.09.2024).

² Федеральная служба государственной статистики. Сведения об особо охраняемых природных территориях за 2023 г. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-ООПТ_2023.xlsx (дата обращения: 27.09.2024).

³ Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442360/ (дата обращения: 27.09.2024).

Рассмотрим первую категорию. За весь период действия Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» в него внесено более 60 изменений⁴. Скорость изменения законодательства – почти полторы поправки за год, что не идет на пользу принимаемым изменениям. Динамика и характер вносимых изменений в продолжительном временном отрезке указывают на нестабильность законодательства об ООПТ, что порождает определенные сложности для бизнеса и, как следствие, тормозит развитие туризма на соответствующих территориях. В документ вносились кардинальные поправки, которые могли в значительной степени повлиять на заповедную систему страны. Так, наиболее значимые поправки приняты в марте и августе 2023 г. (рис. 1)⁵.

Источник^{6,7,8}

Рис. 1. Аналитический обзор основных изменений в законодательстве об ООПТ в 2023 г.

⁴ Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 27.09.2024).

⁵ Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442360/ (дата обращения: 27.09.2024).

⁶ Там же.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2023 г. № 1250 «Об утверждении правил заключения соглашения о передаче полномочий по управлению рекреационной деятельностью национального парка». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453651/ (дата обращения: 27.09.2024).

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 1271 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454079/ (дата обращения: 27.09.2024).

Цель поправок – установить единые принципы правового регулирования туризма и рекреационных мероприятий на ООПТ, а также усилить охрану государственных природных заповедников. Эти изменения призваны обеспечить прозрачность в земельно-правовых вопросах между государством и частными инвесторами. Новое законодательство прописывает условия для туризма на ООПТ и организации рекреационной деятельности в национальных парках⁹.

Документ зафиксировал основные параметры, включая сохранение редких природных экосистем, охрану флоры и фауны, контроль за максимальной допустимой рекреационной нагрузкой, создание специализированных зон и маршрутов для туристов, защиту памятников культурного наследия и гарантирование безопасности при проведении туристических мероприятий. Предполагалось, что внесенные изменения помогут найти разумный компромисс между сохранением экологии и развитием туристической отрасли. Однако на практике они породили ряд правовых проблем, связанных с их реализацией, которые на данный момент не нашли своего разрешения.

НЕСОВЕРШЕНСТВО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Рассмотрим вторую категорию – проблемы, сопряженные с несовершенством правовых норм и понятийного аппарата, недостаточностью разработки нормативно-правовой базы, а также конфликтом интересов. В свете недавних законодательных инициатив и правоприменительной практики, а также обширных исследований среди научного сообщества сформирована твердая и общепризнанная концепция, опирающаяся на глубокие исторические традиции, подчеркивающая значимость ООПТ. Эти территории признаны общенациональными объектами, важными для охраны уникальных экосистем и редких природных форм. Они играют ключевую роль в сохранении биологического разнообразия, исследовании природных процессов биосферы, мониторинге изменений ее состояния и поддержке экологического образования населения [3].

Ключевой аспект туризма на ООПТ заключается в развитии экологического туризма, который на федеральном уровне выделен как одна из приоритетных задач¹⁰. Следует подчеркнуть, что ранее нормативные правовые акты, включая Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», оперировали исключительно понятием познавательного туризма и рассматривали его как подвид экологического туризма [4]¹¹. В правовых кругах выражено мнение об ограниченной форме познавательного туризма в контексте его экологического значения.

Экологический туризм охватывает широкий спектр мероприятий, направленных на организацию разных форм природного туризма. Он включает исследования природной среды и культурных достопримечательностей, а также способствует сохранению и защите природного наследия¹². Стратегия развития туризма в РФ до 2035 г. в то же время подчеркивает важность взаимодействия инвестиционной, туристической (включая научно-познавательную и рекреационную) и социальной деятельности с учетом особенностей ландшафта, природоохранной специфики и влияния человека на территорию¹³.

Однако экологи настаивают на доминировании природосберегающей миссии ООПТ, утверждая, что познавательный туризм должен выступать как средство экологического просвещения, а не как коммерческое предприятие [5]. В сообществе есть мнение о том, что сейчас существует угроза подмены понятий и искажение идеи экологического туризма¹⁴. Зачастую предпринимаются попытки отнесения к экологическому туризму форм рекреации, не совместимых с основной идеей, – масштабная застройка территории объектами гостевой и сопутствующей инфраструктуры и массовая рекреация.

ООПТ – это национальное достояние, природный комплекс, который находится под особой охраной законодательства. Приоритет охраны флоры и фауны должен превалировать над экономическими интересами отдельных предпринимателей или их групп. Важно подчеркнуть, что рекреационная

⁹Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442360/ (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁰ Паспорт национального проекта «Национальный проект «Экология» (утв. Минприроды России). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394077/ (дата обращения: 27.09.2024).

¹¹Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 27.09.2024).

¹²Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 56642-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200182520> (дата обращения: 27.09.2024).

¹³Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁴Эксперты обсудили проблемы и перспективы экотуризма в России. Режим доступа: <http://www.ecotravel.ru/news/3197/> (дата обращения: 27.09.2024).

деятельность допустима лишь на строго определенных территориях, где установлен специальный режим природопользования и посещения. При этом не стоит забывать, что для ООПТ существуют предельно допустимые нормы антропогенных и рекреационных нагрузок. Развитие системы ООПТ является ключевым элементом государственной политики в области охраны окружающей среды. Кроме того, оборот земель, принадлежащих ООПТ, строго регламентирован государством и характеризуется рядом специфических особенностей.

Тем не менее невозможно развивать туризм на какой-либо территории, не создавая при этом сопутствующую инфраструктуру со всеми вытекающими из этого последствиями. Развитие туризма и строительство курортов предполагают интенсивное использование земельных участков, включая строительство дорог, средств размещения и сопутствующей инфраструктуры, а также посещение ООПТ большим количеством людей.

Следует отметить, что все терминологические споры относительно соотношения понятий «экологический» и «познавательный» туризм закончились принятием изменений в законодательство об ООПТ в 2023 г. Теперь термин «познавательный туризм» исключен из закона и заменен понятием «туризм» во всем его многообразии без конкретных уточнений. Введена отдельная ст. 5.2, которая описывает особенности и критерии туризма на ООПТ. Согласно этой статье, туризм на особо охраняемых природных территориях определяется как временные выезды (путешествия) граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства с места постоянного проживания на ООПТ для посещения уникальных природных комплексов и объектов, а также в иных целях, предусмотренных Федеральным законом¹⁵.

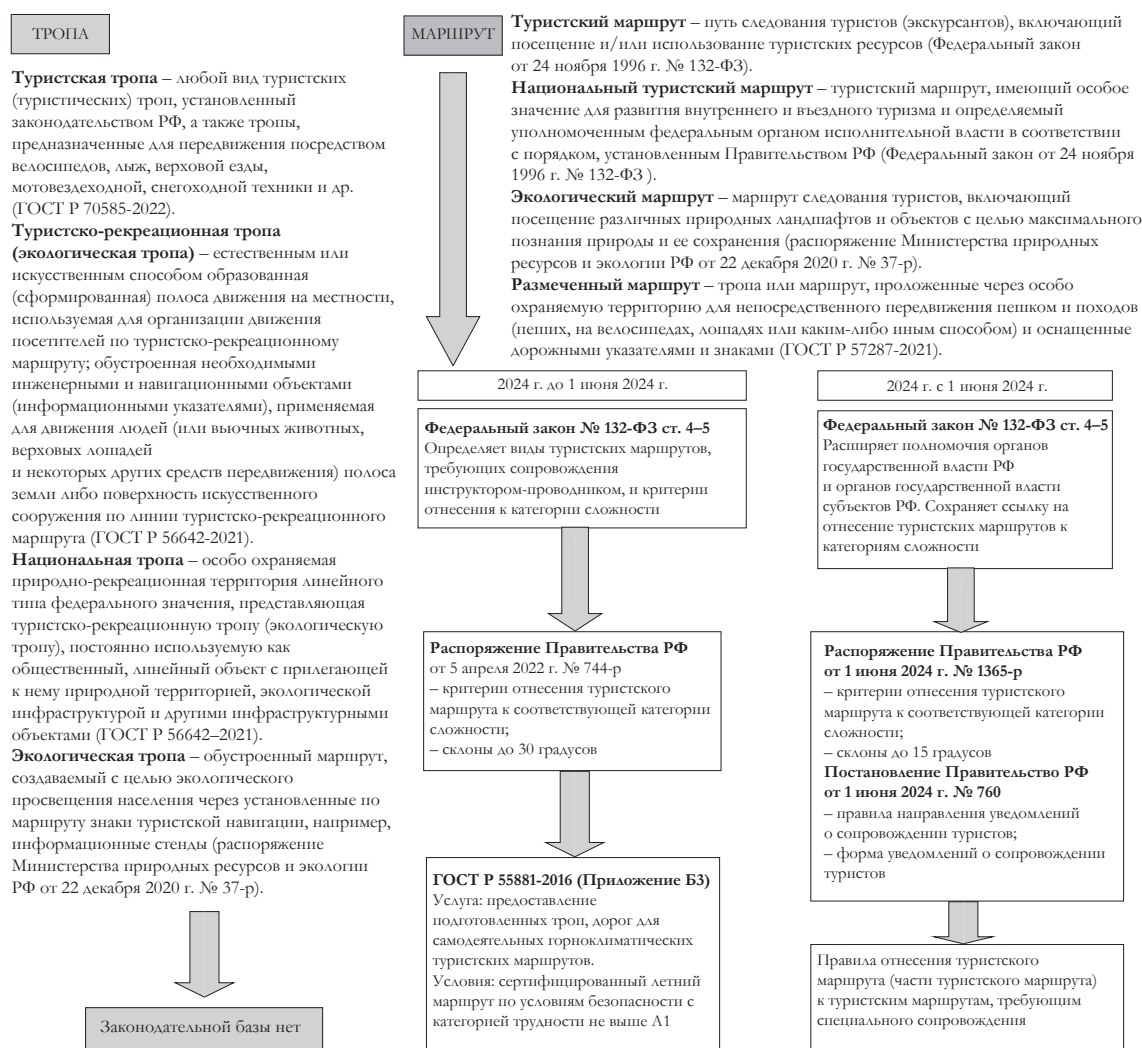
Кроме того, документ дополнен новым разделом 3.1, посвященным рекреационной деятельности в национальных парках. В частности, ст. 37.1 регулирует туристско-рекреационную деятельность в пределах особых экономических зон, находящихся внутри национальных парков. Данные изменения в значительной степени влияют на природоохранную функцию ООПТ, что вызвало серьезные волнения среди научной общественности, которая в январе 2023 г. объединилась в Экспертный совет по заповедному делу¹⁶.

При этом следует понимать, что развитие рекреационной деятельности невозможно без оформления документов, дающих правовые основания для осуществления деятельности хозяйствующего субъекта на ООПТ, а также без соблюдения требований и ограничений, установленных для территорий. Минимизировать противоречия бизнеса и экологического сообщества возможно путем системного проведения встреч и круглых столов с участием их представителей, а также представителей органов власти и уполномоченных органов, способных повлиять на ситуацию на законодательном уровне. Целью таких встреч должен стать разумный конструктивный диалог сторон, а результатом – выработка компромиссных решений, которые должны найти свое отражение на законодательном уровне, а также на уровне применения норм действующего законодательства. С учетом того, что основополагающие изменения в закон уже внесены, представляется, что компромиссные решения должны быть интегрированы в подзаконные нормативно-правовые акты, конкретизирующие и уточняющие порядок применения норм права. Таким образом, существует проблема конфликта интересов экологического сообщества и бизнеса, нарастающая с принятием последовательных изменений, вносимых в нормативно-правовые акты, регулирующие осуществление деятельности на ООПТ.

Важной составляющей частью туристско-рекреационной деятельности на ООПТ является также оказание экскурсионных услуг и развитие туристических маршрутов. Актуальными проблемами правового регулирования выступают сложность и неоднозначность трактовок «туристские маршруты» и «тропы», а также категоризация маршрутов. В правовом поле отсутствует единообразие понятийного аппарата: маршрут и тропа. Определения, которые встречаются в различных источниках, противоречат друг другу, нет явных критериев различия (рис. 2).

¹⁵Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442360/ (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁶ Экспертный совет по заповедному делу. История. Режим доступа: <https://zapovedcouncil.ru/about/history/> (дата обращения: 27.09.2024).

Источник^{17,18,19,20,21,22,23,24,25}

Рис. 2. Определение понятий «тропа» и «маршрут», встречающиеся в нормативно-правовой базе

¹⁷ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 70585-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Туризм и сопутствующие услуги. Туристские тропы. Требования по маркировке троп. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200195269> (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁸ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 56642-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200182520> (дата обращения: 27.09.2024).

¹⁹ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 57287-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги, предоставляемые на особо охраняемых природных территориях. Требования. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200182521> (дата обращения: 27.09.2024).

²⁰ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 55881-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Общие требования к деятельности горнолыжных комплексов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200138357> (дата обращения: 27.09.2024).

²¹ Распоряжение Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 22 декабря 2020 г. № 37-р «Об утверждении Методических рекомендаций по организации эколого-просветительской деятельности федеральными государственными бюджетными учреждениями, осуществляющими управление особо охраняемыми природными территориями федерального значения, находящимися в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400858/ (дата обращения: 27.09.2024).

²² Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 27.09.2024).

²³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2022 г. № 744-р «Об утверждении перечня видов туристских маршрутов, требующих сопровождения инструктором-проводником, категорий их сложности и критериев отнесения туристского маршрута к соответствующей категории сложности, в том числе с учетом обеспечения безопасности туристов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 27.09.2024).

²⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июня 2024 г. № 1365-р «Об утверждении перечня видов туристских маршрутов (части туристских маршрутов), требующих сопровождения, и категории их сложности и критериев отнесения туристского маршрута к соответствующей категории сложности, в том числе с учетом обеспечения безопасности туристов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477810/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 27.09.2024).

²⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2024 г. № 760 «Об уведомлениях о сопровождении туристов (экскурсантов) на туристском маршруте, требующем специального сопровождения». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406100013> (дата обращения: 27.09.2024).

В соответствии с Федеральным законом № 132-ФЗ маршрут – «это путь следования туриста», то есть под данное определение можно отнести любые перемещения туристов²⁶. В то же время в ст. 4.5 Закона приведены классификация туристических маршрутов и уровень их сложности, а также необходимость наличия инструктора-проводника на маршруте.

Распоряжение Правительства РФ от 5 апреля 2022 г. № 744-р распространяется на все виды маршрутов (спортивные, неспортивные)²⁷. При этом все маршруты в соответствии с данным документом, проходящие по простым травянистым, осыпным и снежным склонам крутизной до 30 градусов, требуют сопровождения инструктором-проводником.

С 1 июня 2024 г. введено в действие распоряжение Правительства РФ от 1 июня 2024 г. № 1365-р²⁸. Остается формулировка «вид и характеристика препятствия». Для горного и пешего маршрутов характеристика для категории сложности 1А звучит как «травянистые, осыпные и снежные склоны крутизной от 15 до 30 градусов». Крутизне склона от 15 до 30 градусов соответствуют горнолыжные трассы синей и красной категорий, прогулка по которым не требует сопровождения. Формулировки таких параметров, как «вид и характеристика препятствий», взяты из Единой Всероссийской спортивной классификации туристских маршрутов (ЕВСКТМ), где категоричность маршрутов определяется по совокупности таких факторов, как протяженность маршрута, его продолжительность и наличие локальных препятствий, которые описаны Федерацией спортивного туризма²⁹. При описании горных перевалов, которые в горном туризме означают места перехода через хребет или его отрог между долинами, учитывается крутизна склонов. Согласно Распоряжениям Правительства РФ № 744-р и № 1365-р, крутизна склонов рассматривается как один из типов препятствий и используется для описания любых препятствий на пешеходных и горных маршрутах. Произошла замена понятий «перевал» – «препятствие». Критерии сложности перевала переложены на все (любые) склоны. Таким образом, пропущено важное звено, а именно определение и критерии некатегорийных маршрутов. При заимствовании критериев категоричности маршрутов из спортивного туризма и при переносе их на туризм досуговый (любительский) упущены важные признаки для категоризации – продолжительность и протяженность маршрута и количество препятствий.

Отсутствие единого понятийного аппарата и определенности относительно четких и обоснованных критериев категоризации маршрутов не позволяет однозначно судить о необходимости сопровождения туристов на маршруте гидами-проводниками, что порождает правовую неопределенность относительно пределов ответственности организации, оказывающей туристические услуги.

В целях разрешения проблемы сложности и неоднозначности трактовок «туристские маршруты» и «тропы», а также категоризации маршрутов целесообразно сделать следующее:

- 1) ввести четкие понятия «тропа» и «маршрут» и различия между ними;
- 2) ввести понятие «категорийный маршрут», определив его как маршрут, имеющий протяженность и продолжительность (уточнить, что такие маршруты обычно проходят по необорудованным тропам и требуют специальной подготовки);
- 3) ввести термин «некатегорийный маршрут» как маршрут, меньший по протяженности и продолжительности по сравнению с маршрутами I категории сложности (уточнить, что такие маршруты проходят по оборудованным тропам, не требуют сложной подготовки и обычно предназначены для познавательных, оздоровительных или рекреационных целей);
- 4) дополнить распоряжение Правительства РФ от 1 июня 2024 г. № 1365-р списком категорийных туристских маршрутов, которые требуют специального сопровождения, и определить их уровни сложности.

²⁶ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 27.09.2024).

²⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2022 г. № 744-р «Об утверждении перечня видов туристских маршрутов, требующих сопровождения инструктором-проводником, категорий их сложности и критериев отнесения туристского маршрута к соответствующей категории сложности, в том числе с учетом обеспечения безопасности туристов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 27.09.2024).

²⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июня 2024 г. № 1365-р «Об утверждении перечня видов туристских маршрутов (части туристских маршрутов), требующих сопровождения, и категорий их сложности и критериев отнесения туристского маршрута к соответствующей категории сложности, в том числе с учетом обеспечения безопасности туристов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477810/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 27.09.2024).

²⁹ Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 11 января 2022 г. № 6 «Об утверждении Единой Всероссийской спортивной классификации (виды спорта, не включенные в программы Игр Олимпиады, Олимпийских зимних игр, а также не являющиеся военно-прикладными или служебно-прикладными видами спорта)». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409496/ (дата обращения 27.09.2024).

РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ООПТ

Рассмотрим третью категорию – проблемы правоприменительного и организационного характера. При ведении предпринимательской деятельности на ООПТ и в их охранных зонах субъекты предпринимательской деятельности сталкиваются с рядом рисков и ограничений правового характера, в значительной степени влияющих на скорость развития бизнеса и инвестиционную привлекательность бизнес-проектов для потенциальных инвесторов (рис. 3)³⁰.

Риски осуществления хозяйственной деятельности на территории ООПТ	Сложности осуществления хозяйственной деятельности на территории ООПТ и в ее охранной зоне
• частые проверки субъекта предпринимательской деятельности контролирующими органами; • высокие штрафы, установленные в случае выявления нарушений природоохранного законодательства, а также возможное приостановление деятельности; • соблюдение требований, которые установлены в границах охранных зон ООПТ и включены в индикаторы риска, оценивающие контрольно-надзорные органы при проведении проверок; • невозможность масштабирования бизнеса в связи с установлением предельно допустимой рекреационной емкости (предельное количество туристов, которые могут посетить ООПТ в единицу времени); • «двоенное» надзорных функций по проверкам	• необходимость заключения соглашений об осуществлении рекреационной деятельности в национальном парке; • значительные ограничения в хозяйственной деятельности, осуществляемой на ООПТ и в охранных зонах, связанных с их особым охранным режимом; • запрет на нарушение почвенного слоя (не всегда возможно возвести строения, проложить дорогу и т.д.); • необходимость согласования хозяйственной деятельности с Министерством природных ресурсов и экологии РФ в ряде случаев; • сложная и длительная процедура оформления прав на земельные участки, с использованием которых будет осуществляться предпринимательская деятельность; • в границах охранных зон есть специальные требования, которые также распространяются на владельцев объектов, – необходимость проведения экологической экспертизы

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Риски и ограничения правового характера, связанные с осуществлением деятельности на ООПТ и в охранных зонах

Для инвесторов существуют значимые законодательные изменения, которые могут повлиять на ведение туристической деятельности на ООПТ.

1. Новый закон запрещает изменение площади, местоположения и границ заповедных зон и зон традиционного природопользования. Он также запрещает расширение участков, выделенных для хозяйственного использования, и новое индивидуальное жилищное строительство в ООПТ.

2. Документ разрешает строительство временных объектов, таких как гостиницы, кемпинги и глэмпинги, а также центров культурной, научной и экологической направленности в специально отведенных местах. Однако акцент делается на минимизацию капитального строительства в пределах ООПТ.

3. В законодательстве предусмотрен механизм инвентаризации всех ранее заключенных договоров. Для новых инвесторов требуется заключение соглашения о рекреационной деятельности, подписываемого федеральным органом исполнительной власти и победителем торгов, которые проводятся в форме аукциона или конкурса³¹. Продолжительность соглашения может составлять до 49 лет с возможностью продления. Земля передается через Министерство природных ресурсов и экологии РФ, что соответствует принципу «одного окна» в сотрудничестве с Федеральным агентством по управлению государственным имуществом (далее – Росимущество) и Министерством финансов РФ.

³⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2022 г. № 1018 «О видах экономической и иной деятельности юридических и физических лиц на территориях национальных парков и их охранных зон, подлежащих согласованию с федеральными органами исполнительной власти, в ведении которых находятся национальные парки». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418340/ (дата обращения: 27.09.2024).

³¹ Постановление Правительства РФ от 2 сентября 2023 г. № 1444 «Об утверждении примерной формы соглашения об осуществлении рекреационной деятельности в национальном парке». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456400/ (дата обращения 27.09.2024).

Важно отметить два ключевых момента:

- инвестор должен будет соблюдать установленную рекреационную емкость (допустимую антропогенную нагрузку) для каждой ООПТ;
- инвестор обязан финансировать или самостоятельно проводить мероприятия по предотвращению вреда окружающей среде.

Вышесказанное позволяет понять, как теперь предполагается работать с инвесторами, которые могут заинтересоваться развитием туризма и горных курортов на ООПТ, однако не отвечает на вопрос каким образом их заинтересовать и как уже сейчас реализовать данный механизм на практике.

Порядок проведения торгов на право заключения соглашения определен постановлением Правительства РФ³². Согласно ему, организатором торгов является федеральный орган исполнительной власти, в ведении которого находится национальный парк. При этом есть исключение, в соответствии с которым организаторами торгов также могут выступать федеральные государственные бюджетные учреждения, подведомственные Министерству природных ресурсов и экологии РФ³³.

С введением упомянутых поправок в нормативные акты заключение соглашений для рекреационной деятельности стало одной из самых сложных задач. Закон теперь требует обязательного заключения рекреационного соглашения для осуществления деятельности на ООПТ, подписываемого уполномоченным органом и инвестором, который в свою очередь принимает на себя определенные обязательства и права для ведения бизнеса на ООПТ. Отсутствие этого соглашения нарушает правовой режим ООПТ и влечет значительные риски для инвестора [6].

Министерство подготовило пошаговый план для инвесторов, учитывая последние законодательные изменения. Он состоит из четырех этапов: расчет допустимой рекреационной нагрузки, разработка планов рекреационной деятельности, их согласование и утверждение, а также проведение торгов. Министерство должно также определить территории национальных парков, предназначенные для рекреационной деятельности, и зафиксировать их в соответствующих документах. План рекреационной деятельности национального парка необходимо согласовать с высшим должностным лицом субъекта РФ, где расположен парк.

В настоящее время фактическое заключение рекреационных соглашений невозможно по ряду причин. Так, новые положения о национальных парках и планы рекреационной деятельности еще достаточно продолжительное время не будут утверждены. В текущих условиях невозможно оформить права на земельные участки (аренда, сервитут) по прежним правилам. Также отсутствуют любые переходные положения, которые могли бы практически гарантировать процесс оформления прав на землю в новых условиях. С учетом того, что наличие правовых оснований для осуществления деятельности на той или иной территории является основой для ведения бизнеса на ней, отсутствие надлежащим образом оформленных правоустанавливающих документов является непреодолимым препятствием для ведения бизнеса и, соответственно, дальнейшего развития туристско-рекреационной деятельности на ООПТ.

В свете научного подхода к анализу текущей ситуации можно констатировать, что на данном этапе бизнес столкнулся с существенной проблемой. Хотя нормативные акты, регулирующие порядок ведения рекреационной деятельности на ООПТ, уже разработаны, действенный механизм их реализации на практике пока не создан. Более того, прежний порядок оформления прав на земельные участки, находящиеся в пределах ООПТ, перестал применяться в связи с недавними изменениями в законодательстве.

Представляется, что разрешение обозначенной проблемы заключается в выработке положений, которые разрешили бы вопросы практического применения норм закона на данном этапе. В частности, необходимо:

- на всех уровнях определить перечень проблемных вопросов правоприменения, а также пути и сроки их разрешения;
- наладить четкое взаимодействие между различными структурами (Министерство природных ресурсов и экологии РФ и подведомственные ему учреждения, Росимущество и др.), к ведению которых относится реализация законодательных нововведений;

³² Постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 2112 «Об утверждении Правил проведения конкурсов и аукционов на право заключения соглашения об осуществлении рекреационной деятельности в национальном парке». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464591/ (дата обращения: 27.09.2024).

³³ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2023 г. № 1432 «Об определении случаев, при которых организатором проведения конкурсов и аукционов на право заключения соглашения об осуществлении рекреационной деятельности в национальном парке может выступать федеральное государственное учреждение». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456396/ (дата обращения 27.09.2024).

– выработать положения, которые дадут понимание хозяйствующим субъектам и уполномоченным органам как действовать в переходный период в части оформления прав на землю, когда на практике новый законодательный подход еще не может быть реализован.

В более глобальном смысле должен быть достигнут разумный компромисс между экологической отраслью и туризмом, а также выработана устойчивая политика по системному и поэтапному изменению норм действующего законодательства в целях разрешения противоречий между двумя отраслями.

В целях повышения заинтересованности инвесторов в практическом смысле должно быть нормативно определено какие преференции получают хозяйствующие субъекты, если согласятся вести бизнес по жестким правилам, определенным рекреационным соглашением и действующим законодательством (например, речь может идти о налоговых, финансовых или иных выгодах, а также о предложении реализации готовых бизнес-кейсов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несовершенство правовых норм, регулирующих порядок организации и осуществления деятельности на ООПТ, связано с недостаточной степенью проработки нормативно-правовых актов, выраженной в недостаточно развитом понятийном аппарате, отсутствии подзаконных актов, определяющих четкий механизм реализации вновь принимаемых или изменяемых норм закона, наличии конфликта интересов бизнеса и экологов, определяющего противоположные концептуальные идеи при разработке и принятии законов.

Проблемы правоприменительного и организационного характера связаны, как правило, с тем, что старый порядок оформления правоотношений уже не действует в связи с вступлением в силу нормативно-правовых актов, изменяющих действующее законодательство, а новый порядок еще не может быть реализован в полной мере в связи с отсутствием выработанных механизмов его практической реализации.

Список литературы

1. Жукова М.А., Жуков В.А., Цаболова О.Р. Перспективы развития отечественного гостиничного бизнеса и подготовки кадров. Управление. 2023;3(11):15–27. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-15-27>
2. Ефремова М.С. Экологическая обстановка в современной Российской Федерации: сравнение с другими странами как базис для новых идей развития государства. Управление. 2023;1(11):95–104. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-1-95-104>
3. Афанасьева А.В. Зарубежный опыт управления в сфере экологического туризма: тренды и модели развития. Сервис в России и за рубежом. 2020;3(14):27–56. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10303>
4. Тверитинова О.Г., Салахутдинова К.В. Проблемы правового регулирования оказания туристических услуг на особо охраняемых природных территориях. Экономика. Социология. Право. 2023;2(30):89–93. <https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-02-89-93>
5. Васильева М.И. К юридическому определению понятия экологического туризма. Lex Russica. 2020;4(161):34–52. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.034-052>
6. Мамедов С.Н. оgly, Авраменко М.В. Регулирование режима земель национальных парков и развитие туристической деятельности. Туризм: право и экономика. 2023;3:7–10. <https://doi.org/10.18572/1813-1212-2023-3-7-10>

References

1. Zhukova M.A., Zhukov V.A., Tsabolova O.R. Prospects for the development of the domestic hotel business and personnel training. Upravlenie / Management (Russia). 2023;3(11):15–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-15-27>
2. Efremova M.S. Ecological situation in the modern Russian Federation: comparison with other countries as a basis for new ideas for the development of the state. Upravlenie / Management (Russia). 2023;1(11):95–104. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-1-95-104>
3. Afanasyeva A.V. Foreign experience of ecological tourism management: the trends and development models. Services in Russia and Abroad. 2020;3(14):27–56. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10303>
4. Tveritinova O.G., Salakhutdinova K.V. Problems of legal regulation of providing tourist services in specially protected natural areas. Economics. Sociology. Law. 2023;2(30):89–93. (In Russian). <https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-02-89-93>
5. Vasilieva M.I. The Legal Definition of the Concept of Ecotourism. Lex Russica. 2020;4(161):34–52. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.034-052>
6. Mamedov S.N. ogly, Avramenko M.V. Regulation of the regime of national park lands and the development of tourist activities. Tourism: Law and Economics. 2023;3:7–10. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1212-2023-3-7-10>

Особенности развития отраслей экономики в горных территориях Республики Дагестан Российской Федерации

Эсетова Аида Махмудовна

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической теории
ORCID: 0000-0003-1093-5507, e-mail: aidaesetova@rambler.ru

Керимов Ислам Курбанович

Аспирант
ORCID: 0000-0001-9602-774X, e-mail: islam777353@yandex.ru

Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала, Россия

Аннотация

Рассмотрены особенности развития различных отраслей экономики в горных территориях Республики Дагестан. Географические, климатические и социально-экономические условия горных районов оказывают значительное влияние на их развитие. Проанализировано современное состояние отраслей экономики в горных территориях Республики Дагестан. Особое внимание уделено факторам, влияющим на экономическое развитие региона: отсутствие или высокая степень износа инфраструктуры, недостаточность как государственных, так и частных инвестиций, а также нехватка кадров. Определены перспективные отрасли горной зоны субъекта федерации: сельское хозяйство, промышленность, туризм и народные художественные промыслы. Даны рекомендации по повышению эффективности экономической деятельности и улучшению инвестиционного климата в горных районах региона, направленные на обеспечение устойчивого развития и повышение уровня жизни местного населения. Сделан вывод о том, что необходимо решить ряд проблем, сдерживающих развитие горных территорий Республики Дагестан. В частности, стоит реализовывать мероприятия, направленные на развитие инфраструктуры, привлечение внебюджетных инвестиций, подготовку квалифицированных кадров, продвижение туристических возможностей, расширение мер государственной поддержки ведения предпринимательской деятельности в горных территориях.

Ключевые слова

Горные территории, сельское хозяйство, туризм, промышленность, инвестиции, инфраструктура, государственная поддержка

Для цитирования: Эсетова А.М., Керимов И.К. Особенности развития отраслей экономики в горных территориях Республики Дагестан Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 12. С. 69–75.

Features of economic sectors development in mountain territories of the Republic of Dagestan

Aida M. Esetova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Theory Department
ORCID: 0000-0003-1093-5507, e-mail: aidaesetova@rambler.ru

Islam K. Kerimov

Postgraduate Student
ORCID: 0000-0001-9602-774X, e-mail: islam777353@yandex.ru

Dagestan State Technical University, Makhachkala, Russia

Abstract

The peculiarities of development of various branches of economy in the mountain territories of the Republic of Dagestan have been considered. Geographical, climatic, and socio-economic conditions of these areas have a significant impact on their development. The current state of economic sectors in the mountain territories of the Republic of Dagestan has been analyzed. Special attention has been paid to the factors affecting economic development of the region such as lack or high degree of wear and tear of infrastructure, insufficiency of both public and private investment, as well as lack of personnel. Promising sectors of the mountain zone of the constituent entity have been identified such as agriculture, industry, tourism, and folk arts and crafts. Recommendations have been given on increasing economic activity efficiency and improving investment climate in the mountain territories of the region, aimed at ensuring sustainable development and improving the standard of living of the local population. The article concludes that it is necessary to solve a number of problems that hinder development of mountain territories of the Republic of Dagestan. In particular, it is worth implementing measures aimed at developing infrastructure, attracting extra-budgetary investments, training qualified personnel, promoting tourism opportunities, and expanding measures of state support for business activities in the mountain territories.

Keywords

Mountainous territories, agriculture, tourism, industry, investments, infrastructure, state support

For citation: Esetova A.M., Kerimov I.K. (2024) Features of economic sectors development in mountain territories of the Republic of Dagestan. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 69–75.

ВВЕДЕНИЕ

Республика Дагестан, расположенная в гористой местности на юге Российской Федерации (далее – РФ, Россия), представляет собой уникальный регион с разнообразным экономическим потенциалом, определяемым особыми природными условиями и социокультурными особенностями. Развитие отраслей экономики в горных территориях сопряжено с рядом факторов, которые важно учитывать при формировании стратегий экономического развития.

Сегодня в мире не только приходит понимание важности горных ресурсов, но и признается роль горных территорий в поддержании социальной и политической стабильности. Учитывая вышесказанное, настоящее исследование является своевременным и актуальным.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ВОПРОСЕ РАЗВИТИЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РФ

Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 28 декабря 2021 г. и 15 ноября 2022 г. приняты резолюции по устойчивому горному развитию, согласно которым государствам рекомендуется принять долгосрочную концепцию и комплексные подходы, в том числе путем включения в национальные стратегии устойчивого развития целевых программ для горных районов.

С учетом необходимости правового регулирования общественных отношений на горных территориях стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), создания условий для повышения уровня жизни населения горных территорий, устойчивого национального пространственного развития, сохранения уникальных экологических систем, традиционного образа жизни, культурных традиций Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-12 принят модельный закон «О развитии и охране горных территорий». Стоит подчеркнуть, что модельные законы несут рекомендательный характер. Однако они закладывают основы для совершенствования национальных законодательств.

В отличие от международных инициатив, намечающих основные направления действий и фиксирующих намерения государств и общественных организаций, в национальных государственных и правовых системах реализация идей устойчивого развития нуждается в конкретных решениях с обращением к утвердившимся в обществе правовым и управленческим механизмам и с учетом национальной культуры, исторических, демографических особенностей, специфики природного ландшафта [1].

На сегодняшний день в России на федеральном уровне отсутствует законодательное регулирование, определяющее понятие, принципы и направления государственной политики развития горных территорий. Вместе с тем в соответствии с законодательством Республики Дагестан под горными территориями понимается местность с пересеченным рельефом и относительными превышениями в 500 м и более в радиусе 25 км, а также местность с абсолютной высотой рельефа 1 тыс. м и более [2].

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

В Республике Дагестан горные территории занимают 44 % от общей площади региона, на которых проживает около 30 % ее населения. В горах (от 500 м над уровнем моря и выше) расположены территории 30 муниципальных районов из 42, 1,186 тыс. населенных пунктов, что составляет более 70 % от общего числа – 1,651 тыс. При этом 492 населенных пункта находятся в труднодоступной местности [3].

За последние 30 лет население горных территорий республики выросло почти в 1,5 раза (с 642 тыс. чел. в 1990 г. до 949 тыс. чел. в 2022 г.), при этом его доля в общей численности населения республики снизилась с 34 до 30 %. В целом в Северо-Кавказском федеральном округе на высоте от 500 м над уровнем моря расположено всего 1,694 тыс. населенных пунктов (52 % из 3,207 тыс.), из которых 1,186 тыс. находятся в Республике Дагестан.

Экономика современного Дагестана отличается от других регионов РФ низким уровнем промышленного производства, преобладанием малых форм хозяйствования в аграрном секторе, высоким удельным весом торговли и строительства в общем объеме валового регионального продукта (далее – ВРП), а также значительным отставанием по уровню ВРП на душу населения [4].

Горные районы Республики Дагестан представляют собой уникальную среду с огромным потенциалом для развития различных отраслей экономики. Они имеют множество особенностей, которые могут стать основой развития различных отраслей региональной экономики:

- природные ресурсы – полезные ископаемые, лесные ресурсы, водные ресурсы и др. могут быть использованы для горнодобывающей, гидроэнергетической, лесной и других отраслей промышленности;
- туристический потенциал – горные районы обладают уникальными природными территориями, привлекающими туристов;
- культурный потенциал – изобилие исторических памятников, музеев и национальных парков способствует тому, что территории становятся одними из центров притяжения туристов.

Однако развитие отраслей экономики горного Дагестана тормозит ряд негативных факторов:

- труднодоступность территорий, что может привести к снижению экономической активности;
- низкий уровень развития инфраструктуры, в частности отсутствие газа, электричества, дорог;
- ограниченность ресурсов (нехватка воды и прочих полезных ископаемых).

ОТРАСЛЕВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Сельское хозяйство, туризм, промышленность, а также гидроэнергетика являются наиболее перспективными и взаимодополняемыми отраслями горных районов Дагестана. Сельское хозяйство выступает составной и определяющей частью экономики и играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности не только региона, но и страны в целом. Кроме того, доходы, получаемые от сельскохозяйственной деятельности, способны повлиять на снижение бедности среди населения.

Несмотря на вышеперечисленные препятствия, аграрный сектор горных районов Дагестана продолжает активно развиваться. Реализуемые государством программы и меры поддержки способствуют повышению эффективности и конкурентоспособности сельского хозяйства на данных территориях.

Решение продовольственной проблемы следует обеспечить на путях совершенствования структуры многоукладной аграрной экономики в направлении преимущественного развития крупнотоварного, высокоэффективного и конкурентоспособного производства, обладающего, как показывает практика, в кадровом, организационно-хозяйственном и технико-технологическом планах наибольшими потенциальными возможностями для обеспечения устойчивого развития агропромышленного производства [5]. В связи с этим развитие сельского хозяйства в горных районах Республики Дагестан – сложный, но перспективный процесс, требующий комплексного подхода и интеграции различных ресурсов и систем. Данный процесс является не только экономической деятельностью, но и социальной, поскольку способствует сохранению традиционного уклада жизни и культурных ценностей местного населения.

Ведение агропромышленного производства в экстремальных условиях горных территорий во много раз труднее, чем в других регионах республики, но в политическом и социально-экономическом отношении это намного важнее не только потому, что здесь сосредоточено значительное производство высококачественной продукции сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности. Главное состоит в том, что благодаря устойчивому развитию данной отрасли решаются многие ключевые задачи: сохраняется исторически сложившийся крестьянский уклад жизни, повышается занятость, сокращаются безработица и отток населения в города и другие регионы, предотвращаются оголение обширных горных территорий и опустошение многочисленных населенных пунктов [6].

Горные территории Республики Дагестан обладают огромным туристическим потенциалом. Уникальные природные ландшафты, исторические достопримечательности и гостеприимство местных жителей привлекают туристов со всего мира. Развитие отрасли может стать перспективным направлением для экономики региона.

Республика располагает условиями для развития горного, спортивного, экологического, экстремального видов туризма, альпинизма, скалолазания, спортивного, парашютного, рафтинга и др. В настоящее время функционируют 27 гостиниц и 7 туристических баз на 1,080 тыс. мест, 99 гостевых домов на 1,56 тыс. мест и четыре санатория на 372 места. По горным территориям проходит 41 туристический маршрут, разработанные федеральными туристическими операторами. Субъекты предпринимательства, осуществляющие деятельность в данной сфере, получают грантовую поддержку по различным направлениям. Особое внимание уделяется поддержанию и развитию народно-художественных промыслов, большинство производств которых расположено в горах. Проводятся выставки, субсидируется приобретаемое оборудование, организуется обучение молодежи.

Одной из основных проблем развития туризма в горах является отсутствие инфраструктуры. Горные районы часто имеют ограниченную инфраструктуру. Для решения этого вопроса необходимо

разработать планы по строительству дорог, гостиниц, ресторанов и других объектов, необходимых для комфортного пребывания туристов.

Еще одной проблемой является сохранение природных ресурсов. Горные ландшафты, озера, водопады и каньоны привлекают туристов своей красотой и уникальностью, однако их уязвимость требует особого внимания к вопросам экологической устойчивости и охраны природы.

Развитие туризма в горных районах может привести к увеличению потока туристов и, как следствие, к росту спроса на услуги и товары. Это может стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, а также создание новых рабочих мест. Однако это требует комплексного подхода и решения ряда проблем. Необходимо разработать планы по развитию инфраструктуры, сохранению природных ресурсов и повышению безопасности туристов. Только так можно обеспечить устойчивое развитие отрасли в горных районах Республики Дагестан.

В настоящее время промышленное производство в горных территориях представлено предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности, предприятиями по производству асфальта, щебня и крошки, шлакоблоков, пластиковых окон, дверей, карьерами по производству пиленого камня, кирпичными цехами, предприятиями народных промыслов и т.д. [2]. Наиболее перспективными направлениями являются пищевая и перерабатывающая промышленность, производство продукции легкой промышленности, мебели, а также строительных материалов.

Однако развитие промышленности в горах сталкивается с рядом проблем:

- отсутствие инфраструктуры;
- недостаток квалифицированных кадров;
- сложность доставки сырья и готовой продукции – горные дороги часто находятся в плохом состоянии, что затрудняет транспортировку грузов.

Горная промышленность относится к одной из наиболее капиталоемких отраслей экономики, требующей огромных инвестиций. Расходы на материально-техническую производственную базу, в частности на большое количество оборудования с длительным сроком службы, занимают значительную долю в затратах предприятия [7].

Горные реки Республики Дагестан также обладают высоким энергетическим потенциалом. Строительство малых гидроэлектростанций позволит обеспечить энергоснабжение труднодоступных населенных пунктов, а также создаст необходимые условия для развития туризма, сельского хозяйства и промышленности.

Вместе с тем строительство гидроэлектростанций на таких территориях осложнено такими факторами, как:

- природные (изменение гидрологического режима рек, затопление сельскохозяйственных и населенных территорий);
- экономические (необходимы значительные объемы инвестиций);
- географические (высокая скорость течения горных рек).

Ключевой точкой роста горной территории представляются строительство инфраструктуры, ориентированной на реализацию имеющегося потенциала в туризме и рекреации, возрождение горного сельского хозяйства на основе создания новых перспективных форм хозяйствования – предприятий малого и среднего бизнеса, способных мобильно функционировать на основе действующей и развивающейся системы государственной и муниципальной поддержки, в том числе предусматривающей механизмы частно-государственного партнерства [8; 9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для развития отраслей экономики в горных районах необходимо решить ряд проблем:

- развитие инфраструктуры;
- привлечение инвестиций;
- подготовка квалифицированных кадров;
- продвижение туристических возможностей;
- соблюдение экологических норм;
- расширение мер государственной поддержки ведения предпринимательской деятельности в горных территориях;

– правильный учет и формирование уточненной статистики во всех сферах экономической деятельности.

Необходимо принять экстренные меры по обеспечению достоверных сведений о численности населения, демографии и миграционных потоках, денежных доходах населения. Требуются легализация неформальной занятости и предпринимательской деятельности населения, исключение незаконных схем оплаты труда, активизация работы по снижению теневой экономики, внедрение безналичных расчетов, в том числе по установке устройств для осуществления платежей через удаленные каналы связи кредитных организаций, особенно в горной зоне республики.

В целом развитие экономики в горных территориях Республики Дагестан является ключевым аспектом обеспечения устойчивого развития региона. Необходимо продолжать инвестировать в сельское хозяйство, туризм, промышленность и другие отрасли, чтобы обеспечить процветание и благополучие местного населения в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Галиновская Е.А. Проблемы государственно-правового обеспечения устойчивого развития горных регионов России. Вопросы государственного и муниципального управления. 2020;1:166–196.
2. Мудуев Ш.С. Современное состояние, проблемы социально-экономического развития Республики Дагестан и пути их решения. УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2018;2:50–60. <https://doi.org/10.24411/2412-2025-2018-00034>
3. Мудуев Ш.С. Современные проблемы развития горных территорий Республики Дагестан. УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2021;3:71–77. <https://doi.org/10.24412/2412-2025-2021-3-71-77>
4. Шаповалов Д.А., Широкова В.А., Ключин П.В., Хуторова А.О., Савинова С.В. Статус территорий опережающего развития – горным территориям Северо-Кавказского федерального округа. МСХ. 2018;4(364):4–10. <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2018-14051>
5. Пулатов З.Ф. Полнее использовать потенциал горных территорий Дагестана для развития сельского хозяйства. В кн.: Эффективное развитие горных территорий России: Горный форум – 2016: материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 26–29 июля 2016 г. Махачкала: Дагестанский государственный институт народного хозяйства; 2016. С. 120–127.
6. Пулатов З.Ф. Сельскому хозяйству горных территорий Дагестана – устойчивое развитие. РППЭ. 2014;9(47):33–40.
7. Мелешико Ю.В. Специфика горной промышленности как вида экономической деятельности. Экономическая наука сегодня. 2020;11:105–116.
8. Тиникашвили Т.Ш. Приоритеты социально-экономического развития горных территорий. В кн.: Экономическое развитие России: точка баланса в мировой экосистеме и инфраструктура будущего: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17–20 мая 2022 г. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2022. С. 117–122.
9. Мудуев Ш.С. Проблемы горно-кутанной социально-экономической системы Республики Дагестан. УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2019;1:43–50.

References

1. Galinovskaya E.A. Approaches to creating a model of state and legal support for the sustainable development. Case study: The Russian mountain territories. Public Administration Issues. 2020;1:166–196. (In Russian).
2. Muduev Sh.S. Modern condition, problems of social and economic development of the Dagestan Republic and the ways of their solutions. UEPS. 2018;2:50–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2412-2025-2018-00034>
3. Muduev Sh.S. Modern problems of development of mountain territories of the Republic of Dagestan UEPS. 2021;3:71–77. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2412-2025-2021-3-71-77>
4. Shapovalov D.A., Shirokova V.A., Klyushin P.V., Khutorova A.O., Savinova S.V. The status of priority development areas – mountain areas of the North Caucasus Federal District. International Agricultural Journal. 2018;4(364):4–10. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2018-14051>
5. Pulatov Z.F. To make full use of the potential of the mountain territories of Dagestan for agriculture development. Effective development of the mountain territories of Russia: Gorny Forum – 2016: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, July 26–29, 2016. Makhachkala: Dagestan State Institute of National Economy; 2016. Pp. 120–127. (In Russian).

6. *Pulatov Z.F.* Stable development to the agriculture of mountainous territories of Dagestan. Regional problems of economic transformation. 2014;9(47):33–40. (In Russian).
7. *Meleshko Yu.V.* Specificity of the mining industry as a type of economic activity. Economics today. 2020;11:105–116. (In Russian).
8. *Timikashvili T.Sh.* Priorities of socio-economic development of mountain territories. In: Economic development of Russia: Point of balance in world ecosystem and infrastructure of the future: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 17–20, 2022. Krasnodar: Kuban State University; 2022. Pp. 117–122. (In Russian).
9. *Muduev Sh.S.* Issues of mining-cut socio-economic system of the Republic of Dagestan. UEPS. 2019;1:43–50. (In Russian).

Оценка показателей импортозамещения в Российской Федерации

Аксенов Илья Антонович

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного права и управления таможенной деятельностью
ORCID: 0000-0003-0541-327X, e-mail: il_aks@mail.ru

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация

Импортозависимость представляет собой старейшую проблему, которая возникала перед различными государствами. Еще в Средние века Россия сталкивалась с проблемами дефицита как продукции, так и отдельных технологий, которые компенсировались за счет импорта. Начиная с 2014 г. стало очевидно, что отдельные секторы экономики сильно зависят от импортных технологий и ряда иностранных товаров, что сформировало тренды на развитие политики импортозамещения. Несмотря на внедрение отечественных технологических решений, их качественные характеристики не позволяют обеспечить требуемый уровень конкурентоспособности на мировом рынке. Цель исследования – оценка фактических показателей импортозамещения в России. При решении поставленных в работе задач использовались общенаучные и специальные методы исследования: системный подход (для определения направлений импортозамещения), анализ и синтез (для исследования показателей импортозамещения), дедукция и индукция (для анализа проблем), методы статистического анализа (для анализа статистических показателей по реализации политики импортозамещения). Проведен анализ ключевых показателей импортозамещения в России. Сделан вывод о том, что основным приоритетом отечественной политики импортозамещения является сокращение доли импорта в структуре поставок товаров и развитие экспортного потенциала страны.

Ключевые слова

Импортозамещение, показатели, отрасли, зависимость, тенденции, тренды, кризис, перестройка

Для цитирования: Аксенов И.А. Оценка показателей импортозамещения в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 12. С. 76–85.

Assessment of import substitution indicators in Russia

Ilia A. Aksenov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the State Law and Customs Activities Management Department
ORCID: 0000-0003-0541-327X, e-mail: il_aks@mail.ru

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract

Import dependence is the oldest problem that has been faced by various states. Back in the Middle Ages, Russia faced the issues of deficit of products and certain technologies, which were compensated by import. Starting from 2014, it became obvious that certain sectors of the economy are highly dependent on imported technologies and a number of foreign goods, which formed trends for the import substitution policy development. Despite domestic technological solutions implementation, their qualitative characteristics do not allow to ensure the required level of competitiveness in the global market. The purpose of the study is to assess the current indicators of import substitution in Russia. When solving the tasks set in the research paper, the author used general scientific and special research methods such as system approach (to determine the import substitution directions), analysis and synthesis (to study the import substitution indicators), deduction and induction (to analyze the issues), and statistical analysis (to analyze statistical indicators on the import substitution policy implementation) methods. The key indicators of import substitution in Russia have been analyzed. It has been concluded that the main priority of the domestic import substitution policy is to reduce the share of imports in the structure of goods supply and to develop the country's export potential.

Keywords

Import substitution, indicators, industries, dependence, tendencies, trends, crisis, Perestroika

For citation: Aksenov I.A. (2024) Assessment of import substitution indicators in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 76–85.

ВВЕДЕНИЕ

После референдума по Крыму в отношении Российской Федерации (далее – РФ, Россия) были введены первые пакеты санкций, что заставило серьезно «задуматься» об импортозамещении. Задачами импортозамещения стали сокращение импорта иностранной продукции и поддержка отечественных производителей с целью получения ряда преимуществ, связанных с замещением импорта. Однако для предотвращения возможных негативных последствий требуется введение соответствующих мер контроля субсидий, наложения эмбарго, расширения экспорта, налоговых льгот, административной поддержки, ограничений в государственных закупках [1].

Санкции, которые западные государства ввели в отношении России начиная с 2014 г., стали отправной точкой для запуска «Программы импортозамещения». В соответствии с данной программой Министерство промышленности и торговли РФ утвердило целый комплекс ведомственных приказов отраслевых планов импортозамещения по гражданским секторам промышленности, которые на 2015 г. включали 2,059 тыс. проектов. В 2016 г. предлагалось к разработке 18 отраслевых планов, в 2018 г. их перечень был расширен до 22, а на 2024 г. спектр затрагиваемых секторов насчитывает 27 отраслевых планов импортозамещения. В настоящее время разработаны отдельные отраслевые и продуктовые карты импортозамещения в России.

Основная цель этой программы – уменьшить зависимость от импорта. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, за 8 лет (с 2014 г. по 2021 г.) доля импорта товаров в среднем сократилась на 10,37 %. Однако с 2021 г. фактор COVID-19 внес корректировки в общую государственную политику.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования оценки показателей импортозамещения в России обусловлена рядом факторов, которые подчеркивают ее значимость как для экономики страны, так и для ее стратегического развития в условиях современных геополитических и экономических реалий.

Во-первых, усиление санкционного давления и ограничение доступа к зарубежным технологиям, товарам и услугам с 2014 г. и особенно после 2022 г. заставили Россию сосредоточиться на развитии собственных производственных мощностей и снижении зависимости от импорта. В этих условиях импортозамещение стало одним из ключевых направлений политики, нацеленной на обеспечение устойчивого развития и экономической безопасности страны.

Во-вторых, оценка показателей импортозамещения позволяет не только отслеживать эффективность проводимых мер, но и выявлять проблемные отрасли, требующие дополнительного внимания и поддержки. Это необходимо для корректировки государственной политики, направленной на стимулирование внутреннего производства, а также для принятия решений, которые позволят снизить риски для экономики, связанные с внешними факторами.

В-третьих, успешная реализация стратегии импортозамещения имеет важное значение для повышения конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем и внешнем рынках, что в свою очередь способствует росту национальной экономики, созданию рабочих мест и улучшению качества жизни населения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

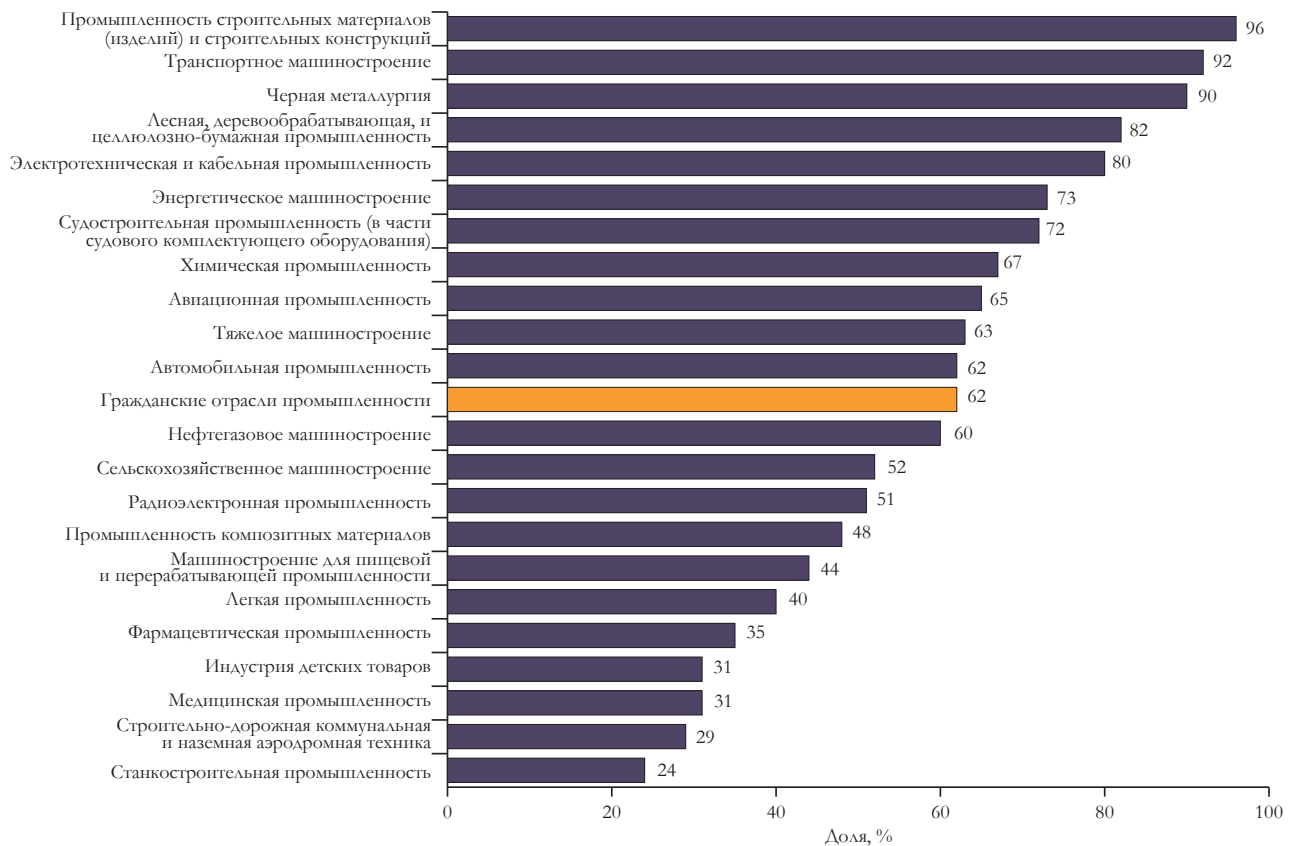
При решении поставленных в работе задач использовались общенаучные и специальные методы исследования: системный подход (для выявления направлений импортозамещения), анализ и синтез (для исследования показателей импортозамещения), дедукция и индукция (для анализа проблем).

Вопросы политики импортозамещения России определены в работах отечественных авторов: А.В. Милойчиковой, М.Р. Ахмедшина, М.К. Янова, А.Б. Конобеевой, О.В. Марковой, К.Н. Андрианова [2–5]. Влияние санкций на экономику страны исследуются в работах Е.А. Болотновой, О.А. Бабкиной, А.А. Воронкова, В.О. Томиной, А.Э. Любимова, Г.М. Елихиной, О.Е. Гудковой [6–9].

Несмотря на значительное количество научных исследований, рассматривающих тему импортозамещения в России, до сих пор остаются не до конца исследованы вопросы оценки показателей импортозамещения.

АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ РОССИИ

Проведенный анализ исследований показывает, что в целом Россия успешно реализует политику импортозамещения. Машиностроение для пищевой промышленности, производство оборудования для судов, производство сельскохозяйственной продукции и тяжелое машиностроение показали существенный рост более чем на 23 % с 2014 г., значительно нарастив долю отечественной продукции. На рис. 1 и рис. 2 представлены данные о состоянии в отраслях по импортозамещению [10].

Составлено автором по материалам источника [10]

Рис. 1. Доля отечественной продукции в потреблении по отраслям обрабатываемой промышленности

Согласно исследованиям Высшей школы экономики, первая фаза импортозамещения обеспечила достижение поставленных целей – удалось снизить зависимость от импорта, но к 2020 г. стало ясно, что Россия не обеспечила существенной перестройки производств в таких отраслях, как инжиниринговые промышленные услуги, производство текстиля, одежды и кожи, электротехнического оборудования, и некоторых отдельных сегментах рынка. На ликвидацию данного разрыва и укрепление сильных позиций по другим отраслевым направлениям направлена вторая фаза импортозамещения, которая должна обеспечить достижение доминирующей независимости в ключевых секторах экономики, что особенно касается военно-промышленного комплекса РФ.

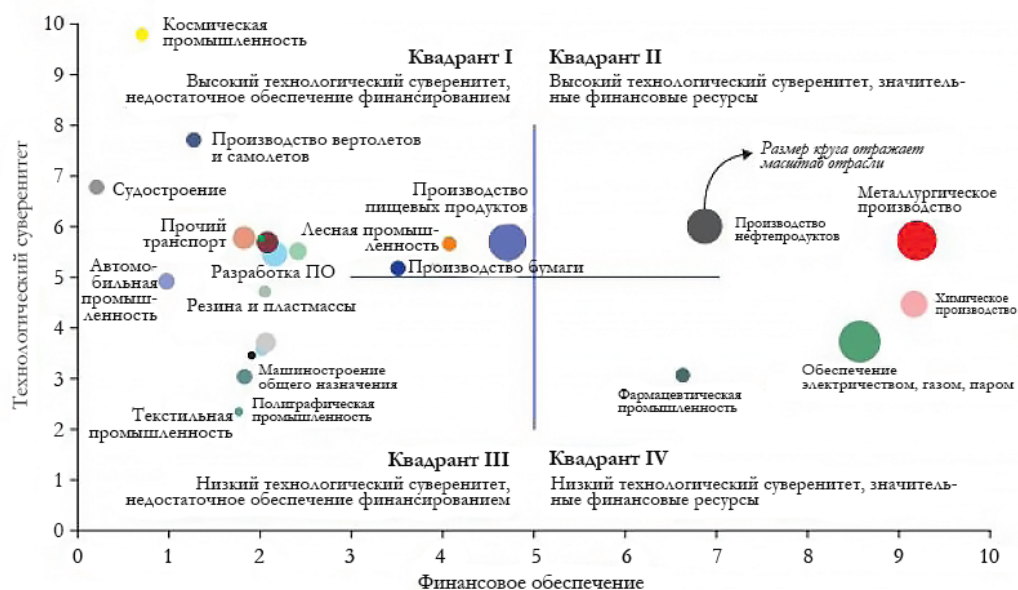
Анализ показывает, что большая часть отраслей преодолела кризисные факторы и успешно обеспечивает перестройку собственных производственных и логистических цепочек поставок. Зависимость российской экономики от импорта в целом невысока (за некоторым исключением отдельных сегментов и отраслей). Тем не менее, помимо количественных метрик оценки импортозависимости, существуют качественные, которые на текущий момент преодолеть не представляется возможным [10]. Частично данный тезис подтверждают и исследования Высшей школы экономики, где отрасли были разделены на четыре сегмента (рис. 3).

К первой группе относятся отрасли, обладающие традиционно высоким технологическим потенциалом, но имеющие недостаточный объем финансирования. Среди таких отраслей можно назвать ракетостроение и космическую индустрию, судостроение, самолетостроение, разработку программного обеспечения и др.

Составлено автором по материалам источника [10]

Рис. 2. Доля отечественной продукции в потреблении по отраслям обрабатываемой промышленности

Составлено автором по материалам источника [10]

Рис. 3. Распределение отраслей с позиции политики импортозамещения в России

Во вторую группу входят промышленные комплексы, обладающие как высоким технологическим потенциалом, так и финансовыми ресурсами. В России это в основном предприятия, вышедшие на внешний рынок и обеспечивающие собственное выживание в жесткой конкуренции: отрасли металлургической и горнодобывающей промышленности, производство нефтепродуктов.

Третья группа включает отрасль информационных технологий, производство электронной и телекоммуникационной продукции. Данная сфера остается высоко импортозависимой.

В четвертую группу входят импортозависимые отрасли, но имеющие достаточные инвестиционные ресурсы. К таковым можно отнести фармацевтическую сферу и энергетику.

Важно учитывать, что данное деление носит условный характер, так как в каждой отрасли есть сегменты, где степень влияния импортной продукции на отечественный рынок носит доминирующий невосполнимый характер.

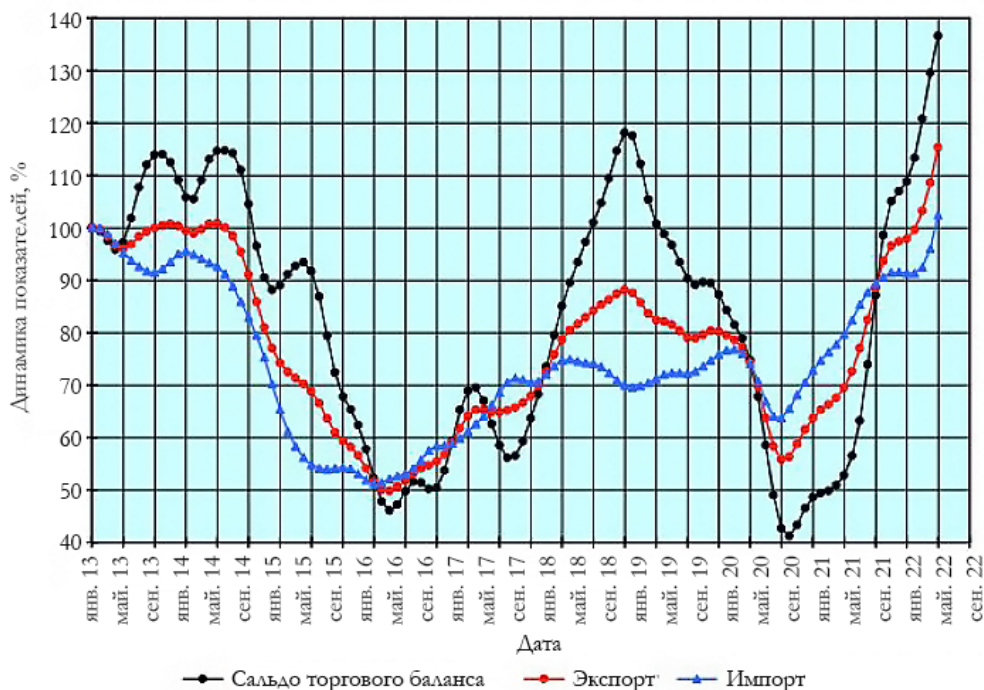
СОВОКУПНЫЙ КЛИМАТ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ И СТРУКТУРА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ

Исследование Д. Карпова в рамках отчета для Центрального банка РФ показало, что совокупный климат и объемы конечной продукции ниже медианы сравниваемых стран¹. Отмечено, что сырьевой импорт не превысил медиану в 34 отраслях из 45. В итогах исследования Д. Карпов отражает высокий уровень зависимости России в области производства электротехники, текстильной промышленности и автомобилестроения².

Доля импорта в произведенной конечной продукции, где ряд отраслей существенно отстают от среднеотраслевых показателей. Ключевыми проблемными отраслями остаются автомобилестроение и сектор информационных технологий, где традиционно уровень импортных компонентов и продуктов достаточно высокий и не обеспечивает автономность работы.

При этом невысокая зависимость России от импорта объясняется низким уровнем интеграции экономики страны в глобальные цепочки создания стоимости. С одной стороны, это обеспечивает устойчивость отечественной экономики, а с другой – указывает на недостаточный уровень технологического развития продукции отраслей.

С 2022 г. предоставление открытых данных по экспортно-импортным операциям в России приостановлено. На рис. 4 представлены данные экспорта, импорта и сальдо торгового баланса.

Источник³

Рис. 4. Динамика показателей внешней торговли в 2013–2022 гг. в % к январю 2013 г.

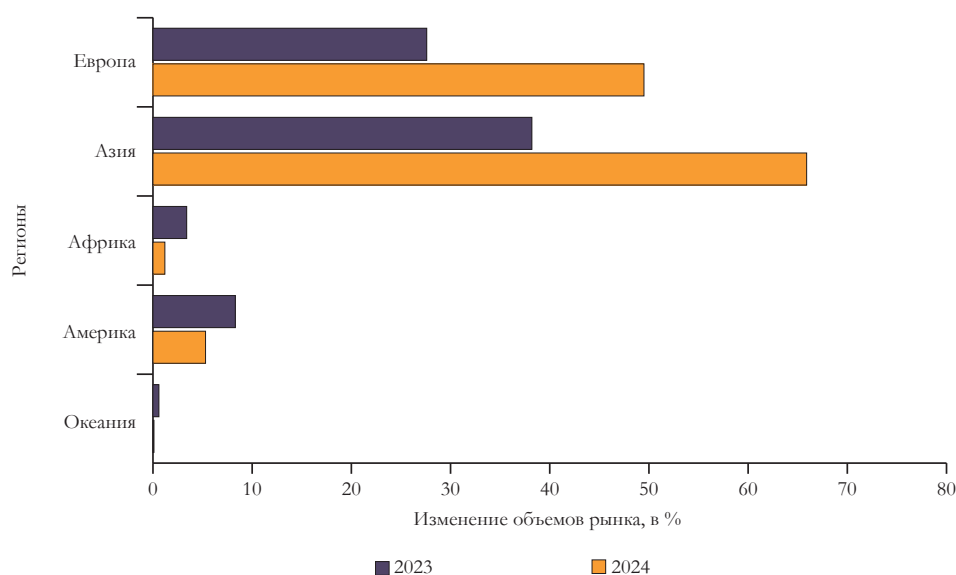
Обрывочные данные свидетельствуют об интенсивности импорта товаров в Россию с 2022 г. по 2024 г. в обход санкционных ограничений. Это также подтверждается динамикой данных, представленных на рис. 4. При этом на изменении показателей сказался рост как цен, так и непосредственно оборотов. Примечательным является изменение структуры импорта, которая приведена на рис. 5 по группам стран⁴.

¹ Карпов Д. Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки. Аналитическая записка Банка России. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

² Там же.

³ Бессонов В.А., Безносик В.И., Роскин А.А. Помесячная динамика экспорта и импорта товаров. Режим доступа: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/577094905.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ Бессонов В.А., Безносик В.И., Роскин А.А. Помесячная динамика экспорта и импорта товаров. Режим доступа: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/577094905.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

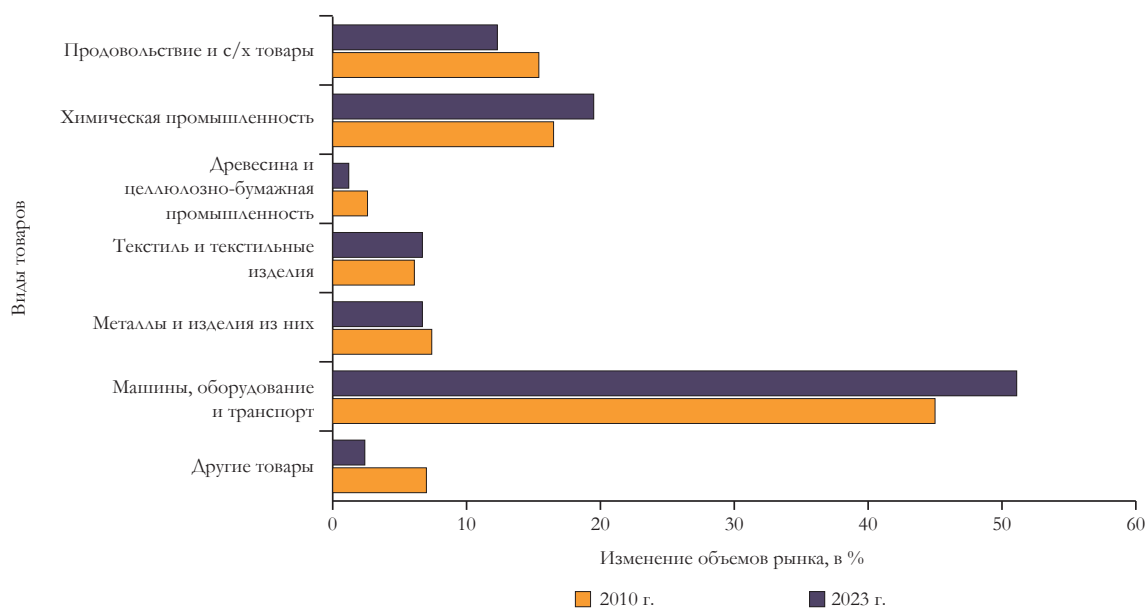

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 5. Изменение структуры импорта по группам стран

Несмотря на увеличение объема импорта почти в два раза, сложившаяся структура поставок по странам существенно изменилась⁵. При этом наблюдается противоречивая тенденция с увеличением доли химической промышленности и машиностроения.

Доля азиатского рынка выросла с 38 до 66 %, а структура европейского рынка упала с 49 до 28 % (рис. 6). За 12 лет экономика России испытала существенное изменение в сторону усиления торгово-экономических отношений со странами Азии, среди которых ключевым партнером остается Китай.

Источник ⁶

Рис. 6. Структура импорта по ключевым товарным группам

Проведенный анализ показывает, что в целом Россия успешно реализует политику импортозамещения. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, она не обеспечила существенной перестройки производств в таких отраслях, как инженеринговые промышленные услуги, производство текстиля, одежды и кожи, электротехнического оборудования, и некоторых отдельных сегментах рынка. Анализ показывает, что большая часть отраслей преодолела кризисные факторы и успешно обеспечивает перестройку собственных производственных и логистических цепочек поставок.

⁵ Итоги внешней торговли со всеми странами. Режим доступа: <https://limited.customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 20.09.2024).

⁶ Там же.

Проведенное исследование позволяет увидеть разрозненность политики импортозамещения по отраслям, а также отражает некоторые проблемные зоны. С целью дальнейшей идентификации показателей политики импортозамещения выделим ключевые проблемы в ее реализации.

1. Зависимость от критических высокотехнологичных компонентов. Следует выделить предприятия, которые завязаны на использование импортного оборудования и поставки в страны, которые ввели существенные ограничения. В результате эти компании не только стали испытывать падение спроса на свою продукцию, но и столкнулись с проблемами, связанными с эксплуатацией иностранного оборудования.

2. Недостаточная емкость внутреннего рынка. Производимые в России товары обладают слабым экспортным потенциалом, а в некоторых случаях производственные мощности не обеспечивают требуемый масштаб производства, чтобы выйти на уровень экономической рентабельности. Важно заметить, что такая проблема характерна для отдельных сегментов российского рынка.

3. Недостаточная технологическая обеспеченность обусловлена тем, что в России некоторые технологические компетенции в основном сосредоточены в рамках глобальных цепочек поставок, а их замена альтернативами маловероятна и сложна. Более того, несмотря на последнюю десятилетнюю политику развития инженерных кадров, отечественные производства испытывают дефицит персонала, а также недостаток передовых разработок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время перед страной стоит ряд ключевых стратегических задач в области импортозамещения, среди которых можно отметить следующие:

- снижение зависимости от импорта как элемент стратегии и ключевой фактор национальной безопасности;
- обеспечение устойчивого развития всех отраслей посредством активизации комплексной поддержки со стороны государственной инфраструктуры;
- использование государственных закупок как инструмента регулирования спроса на внутреннем рынке;
- разработка и реализация региональных стратегий импортозамещения как инструмент стабилизации социально-экономического развития;
- систематическое совершенствование технических характеристик отдельных видов продукции наравне с зарубежными аналогами.

Начиная с 2014 г. стало очевидно, что отдельные секторы экономики сильно зависят от импортных технологий и ряда иностранных товаров, что привело к развитию политики импортозамещения. Для замещения импортной техники российским производителям пришлось мобилизовать все доступные производственные мощности и внедрять современные технологии. Несмотря на внедрение отечественных технологических решений, их качественные характеристики не позволяют обеспечить требуемый уровень конкурентоспособности на мировом рынке.

В процессе проведения исследования все отрасли промышленности были разделены на четыре группы по показателям инновационного потенциала развития и финансовой самодостаточности. Несмотря на увеличение объема импорта почти в два раза, сложившаяся структура поставок по странам существенно изменилась. Доля азиатского рынка выросла с 38 до 66 %, а структура европейского рынка упала с 49 до 28 %. За 12 лет отечественная экономика испытала существенное изменение в сторону усиления торгово-экономических отношений со странами Азии. При этом вопрос промышленной безопасности ставится выше экономической целесообразности.

Важно отметить, что в первой фазе импортозамещения (2015–2016 гг.) план импортозамещения в основном представляли собой не конкретный план развития, но перечень продуктов и технологий, которые следовало заменить отечественными аналогами. Центральным институциональным элементом государственной политики импортозамещения является создание Фонда развития промышленности, который должен осуществлять поддержку субъектов промышленной деятельности.

Проведен всесторонний анализ показателей импортозамещения в России, который позволил выделить ключевые тенденции и проблемы, а также определить перспективы развития данного процесса. Политика импортозамещения, активно продвигаемая в последние годы, принесла значительные результаты в ряде отраслей, таких как сельское хозяйство, пищевая промышленность и производство товаров народного потребления. Тем не менее в высокотехнологичных секторах, таких как машиностроение, электроника и фармацевтика, зависимость от импорта остается высокой.

Санкции и изменения внешнеэкономической конъюнктуры оказали значительное влияние на динамику импортозамещения. В условиях ограниченного доступа к иностранным технологиям и компонентам отечественные производители были вынуждены искать внутренние ресурсы для поддержания производства. Это стимулировало рост некоторых отраслей, однако в долгосрочной перспективе требует более комплексных стратегий развития.

Несмотря на успехи в отдельных секторах, процесс импортозамещения сталкивается с рядом серьезных препятствий. Ключевыми проблемами остаются недостаток собственных технологий, нехватка квалифицированных кадров и недоразвитость инфраструктуры. Для преодоления этих проблем необходимо усиление государственной поддержки, инвестиций в научные исследования и развитие образовательных программ.

Для дальнейшего успешного развития импортозамещения в России требуется сосредоточить усилия на поддержку инноваций, стимулирование внутренних производственных мощностей и развитие кооперации с «дружественными» странами. Государственные программы, направленные на поддержку отечественных производителей, должны быть дополнены мерами по улучшению инвестиционного климата и созданию благоприятных условий для развития бизнеса.

Список литературы

1. Гасюк Д.П. Инновационные технологии как основа развития отечественного машиностроения в условиях импортозамещения. В кн.: Перспективные машиностроительные технологии: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–25 ноября 2022 г. СПб.: Политех-Пресс; 2023. С. 5–12.
2. Милойчикова А.В. Теоретические аспекты политики импортозамещения в России. Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2023;4(38):20–25.
3. Ахмедшин М.Р., Янов М.К. Политика импортозамещения в России: предпринимательско-правовой аспект. Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2024;2(38):50–52.
4. Конобеева А.Б., Маркова О.В. Особенности и перспективы реализации политики импортозамещения в России. Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2024;1:61–77.
5. Андрианов К.Н. Импортозамещение как основа промышленной политики и экономической безопасности России: проблемы и пути развития. Промышленная политика в Российской Федерации. 2016;10-12:26–31.
6. Болотнова Е.А., Бабкина О.А., Воронков А.А. Влияние санкций на экономику России. Естественно-гуманитарные исследования. 2023;5(49):33–39.
7. Томина В.О. Влияние санкции на экономику России: вызовы и перспективы. Инновационная наука. 2023;12-1:113–116.
8. Любимов А.Э., Епихина Г.М. Влияние санкций на европейский энергетический рынок и экономику России. Экономический вектор. 2023;4(35):19–24. <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2023-4-35-19-24>
9. Гудкова О.Е. Влияние международных технологических санкций на инновационное развитие национальной экономики России. Экономика, предпринимательство и право. 2024;5(14):1753–1768. <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120948>
10. Кузьминов Я.И. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра: аналитический доклад НИУ ВШЭ. М.: Высшая школа экономики; 2023. 272 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2755-9>

References

1. Gasyuk D.P. Innovative technologies as the basis for the development of domestic engineering in the context of import substitution. In: Perspective machine-building technologies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 21–25, 2022. St. Petersburg: Politech-Press; 2023. Pp. 5–12. (In Russian).
2. Miloychikova A.V. Theoretical aspects of import substitution policy in Russia. Bulletin of Vladimir State University Named After A.G. and N.G. Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences. 2023;4(38):20–25. (In Russian).
3. Akhmedshin M.R., Yanov M.K. Import substitution policy in Russia: entrepreneurial and legal aspect. Current issues of social, humanitarian and scientific-technical knowledge. 2024;2(38):50–52. (In Russian).
4. Konobeeva A.B., Markova O.V. Features and prospects for implementation of import substitution policy in Russia. Herald of the Moscow University of Finances and Law MFUA. 2024;1:61–77. (In Russian).
5. Andrianov K.N. Import substitution as the basis of industrial policy and economic security of Russia: issues and development paths. Industrial politics and sustainable development. 2016;10-12:26–31. (In Russian).
6. Bolotnova E.A., Babkina O.A., Voronkov A.A. Impact of Sanctions on the Economy of Russia. Research in Natural Sciences and Humanities. 2023;5(49):33–39. (In Russian).

7. *Tomina V.O.* The Impact of Sanctions on the Russian Economy: Challenges and Prospects. *Innovative Science*. 2023;12-1:113–116. (In Russian).
8. *Lyubimov A.E., Epikhina G.M.* Problems of functioning of the electrical engineering market in the context of sanctions and import substitution. *Economic Vector*. 2023;4(35):19–24. (In Russian). <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2023-4-35-19-24>
9. *Gudkova O.E.* The impact of international technological sanctions on the innovative development of the Russian national economy. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. 2024;5(14):1753–1768. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120948>
10. *Kuzminov Ya.I.* Import Substitution in the Russian Economy: Yesterday and Tomorrow: Analytical Report of the Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2023. 272 p. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2755-9>

Эволюция «Большой двадцатки» и ее роль в современных условиях

Аникин Олег Борисович

Д-р экон. наук, проф. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-3826-6774, e-mail: anikin-oleg-b@mail.ru

Минеева Мария Владимировна

Студент
ORCID: 0000-0002-6483-9329, e-mail: masamineeva95@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В современном мире существует много проблем, которые требуют решения различных политических, экономических, социальных и других вопросов на международном уровне. Именно для этого проводятся международные совещания стран в различных форматах: «Группа семи» (G7), «Группа десяти» (G10), «Большая двадцатка» (G20) и др. Предпосылкой для создания «Большой двадцатки» стал азиатский финансовый кризис второй половины 1990-х гг., после которого было принято решение проводить форум G20 с участием министров финансов и управляющих центральных банков стран для обсуждения и принятия решений по глобальным экономическим и финансовым вопросам. Целью настоящего исследования является анализ эволюции и роли «Большой двадцатки» в современных условиях. Проведен анализ эволюции организационных вопросов и основных решений на совещаниях G20, затронуты решения по вопросам отключения Российской Федерации от системы SWIFT, проведения специальной военной операции на территории Украины, по вопросам финансов, занятости, образования, цифровой экономики, сельского хозяйства, здравоохранения, торговли и ряду других вопросов. Подчеркнута глобальная роль решений, принимаемых на совещаниях «Большой двадцатки» в современных условиях и в перспективе.

Ключевые слова

Неформальная организация, санкции, совещание глав государств и правительств, «Большая двадцатка», G20, саммит, специальная военная операция

Для цитирования: Аникин О.Б., Минеева М.В. Эволюция «Большой двадцатки» и ее роль в современных условиях // Вестник университета. 2024. № 12. С. 86–93.

Evolution of the G20 and its role in modern conditions

Oleg B. Anikin

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0002-3826-6774, e-mail: anikin-oleg-b@mail.ru

Maria V. Mineeva

Student
ORCID: 0000-0002-6483-9329, e-mail: masamineeva95@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

In modern world there are many problems that require solving various political, economic, social, and other issues at the international level. It is for this purpose that international meetings of countries are held in various formats such as the Group of Seven (G7), the Group of Ten (G10), the Group of Twenty (G20), etc. The prerequisite for the G20 creation was the Asian financial crisis of the second half of the 1990s, after which it was decided to hold the G20 forum with the participation of finance ministers and central bank governors of countries to discuss and make decisions on global economic and financial issues. The purpose of the study is to analyze the evolution and role of the G20 in modern context. The analysis of the evolution of organizational issues and major decisions at the G20 meetings has been carried out, decisions on the issues of disconnecting Russia from the SWIFT system, conducting a special military operation in Ukraine, on finance, employment, education, digital economy, agriculture, health, trade, and a number of other issues have been touched upon. The global role of decisions taken at the G20 meetings in the current conditions and in the future has been emphasized.

Keywords

Informal organization, sanctions, meeting of state heads and government, G20, summit, special military operation

For citation: Anikin O.B., Mineeva M.V. (2024) Evolution of the G20 and its role in modern conditions. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 86–93.

ВВЕДЕНИЕ

«Большая двадцатка» (англ. Group of Twenty, G20) – это неформальная организация, которая образовалась в 1999 г. после азиатского финансового кризиса второй половины 1990-х гг. [1]. Актуальность темы исследования заключается в том, что совещания стран в формате G20 дают возможность встретиться и обсудить вопросы, которые не находят решения на уровне отдельных стран, особенно в современных условиях проведения специальной военной операции Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) и обострения международных отношений между Соединенными Штатами Америки (далее – США), европейскими и рядом других стран с одной стороны и Россией с другой.

Целью настоящего исследования является анализ эволюции и роли совещания G20 в современных условиях. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- проанализировать создание и эволюцию совещаний «Большой двадцатки»;
- оценить роль «Большой двадцатки» в современных условиях.

Проведен анализ предпосылок создания G20, ее эволюции, дана оценка ее роли в современных условиях обострения международных отношений.

История создания G20 берет начало с конференции в Берлине 15 декабря 1999 г. Инициатива по созданию совещания была проявлена со стороны министров финансов развитых стран: США, Канады, Великобритании, Германии, Франции, Италии и Японии. Цели деятельности «Большой двадцатки» включают [1]¹:

- согласование политики стран G20 для обеспечения устойчивого роста;
- совершенствование финансового регулирования и финансовой архитектуры;
- принятие решений о введении особых мер, регулирующих финансовое и экономическое развитие в мире, его стабильность и международную безопасность;
- предотвращение рисков и кризисов;
- решение проблем терроризма и коррупции;
- поиск путей инвестиционного развития.

ЭВОЛЮЦИЯ «БОЛЬШОЙ ДВАДЦАТКИ»

В настоящее время членами G20 являются Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Республика Корея, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, Южно-Африканская Республика, Япония, Европейский союз (далее – Евро-союз, ЕС) и Африканский союз. Сегодня на всех членов G20 приходится около 85 % мирового валового внутреннего продукта (далее – ВВП), более 75 % международной торговли и около двух третьих мирового населения. Данные показатели свидетельствуют о представительности и весомости решений, принимаемых на данных совещаниях для мирового сообщества. Начиная с 1999 г. после встречи министров формат «Большой двадцатки» преобразован в ежегодный саммит. Кроме ежегодных встреч, проводятся дополнительные, на которых решаются вопросы проведения переговоров, организуются совещания рабочих групп. Для проведения саммитов необходимо выбрать страну-председателя, которая приглашает других участников. Каждый год на ротационной основе выбирается новое председательство среди членов G20. В организации саммита, кроме председателя, участвуют страна-преемник и страна-предшественник, которых называют «Тройкой» [1]².

Встречи стран-членов G20 изначально проводились в виде конференций на уровне министров финансов и управляющих центральных банков, но после 2007 г. их стали проводить на уровне глав государств и правительств. В 2009 г. совещания «Большой двадцатки» названы главным форумом для международного экономического сотрудничества. Первоначально на совещаниях обсуждались глобальные макроэкономические вопросы, но впоследствии добавлены вопросы о торговле, изменении климата, устойчивом развитии, здравоохранении, сельском хозяйстве, энергетике, окружающей среде, борьбе с коррупцией и другие. Страна-председатель определяет повестку G20 в течение одного года и принимает саммит.

«Большая двадцатка» состоит из двух направлений работы (треков): финансового трека (англ. Finance Track) и трека шерпов (англ. Sherpa Track). Министры финансов и управляющие центральными банками возглавляют финансовое направление, а шерпы – направление шерпов. Шерпы стран-членов

¹ Заврачаев А. Группа двадцати. История создания и деятельность. Режим доступа: <https://tass.ru/info/6601920> (дата обращения: 01.09.2024).

² Там же.

являются личными эмиссарами лидеров государств. В рамках двух направлений существуют рабочие группы, в которых участвуют представители соответствующих министерств стран-членов, а также приглашенных стран и международных организаций. Рабочие группы проводят регулярные заседания в течение всего срока полномочий каждого Председателя. Шерпы наблюдают за переговорами в течение года, обсуждая пункты повестки дня саммита и координируют работу G20. Кроме того, созданы группы взаимодействия, которые объединяют гражданское общество, парламентариев, аналитические центры, женщин, молодежь, бизнес и исследователей стран G20. Группы не имеют постоянного секретариата³.

В рамках G20 осуществляется взаимодействие с негосударственными структурами. Так, с 2008 г. проходят встречи представителей гражданского общества («Гражданская двадцатка», англ. Civil-20), с 2009 г. — деловых кругов («Деловая двадцатка», англ. Business-20), с 2010 г. — «Молодежной двадцатки» (англ. Youth-20) и председателей парламентов, с 2011 г. — представителей профсоюзов (англ. Labour-20), с 2012 г. — научно-исследовательских центров (англ. Think-20), с 2015 г. — «Женской двадцатки» (англ. Women-20), с 2017 г. — «Научной двадцатки» (англ. Science-20)⁴.

САММИТЫ G20

Первый саммит G20 был проведен 14–15 ноября 2008 г. в Вашингтоне. Одной из главных тем стал глобальный финансово-экономический кризис. Лидеры обсудили усилия по укреплению экономического роста, борьбе с существующим финансовым кризисом и созданию основы для реформ, которые помогут предотвратить подобный кризис в будущем⁵.

Второй саммит состоялся 2 апреля 2009 г. в Лондоне. На нем были затронуты вопросы налогового законодательства, возможности выхода из глобального кризиса, увеличения ресурсов Международного валютного фонда (далее — МВФ), числа рабочих мест, усиления финансового надзора и регулирования, финансирования и реформирования международных финансовых организаций для преодоления глобального кризиса и предотвращения будущих кризисов, содействия глобальной торговле и росту инвестиций, специфики протекционизма в текущих условиях и создания условий для восстановления экономики⁶.

Третий саммит состоялся 24–25 сентября 2009 г. в Питтсбурге. Его решением стали новые квоты МВФ и преференции для развивающихся стран. Определены предпосылки создания экологической безопасности, предложено введение контроля за доходами должностных лиц. Все основные финансовые центры «Большой двадцатки» обязали принять Рамочную программу контроля капитала «Базель II» к 2011 г.⁷.

Четвертый саммит состоялся 26–27 июня 2010 г. в Канаде. Рассмотрены вопросы, которые касались государственного долга стран, предложено обсудить создание специального налога на банковскую деятельность, средства от которого в последующем будут направлены на стабилизацию экономического развития стран. В решениях G20 не появилось новых приоритетов по сравнению с саммитом в Питтсбурге. За счет обсуждения вопросов занятости существенно увеличилась доля экономических вопросов, выросла доля вопросов о коррупции и защите окружающей среды, сократилась доля вопросов об энергетике [2].

Пятый саммит состоялся 3–4 ноября 2010 г. в Южной Корее. Развивающимся странам предложили разрабатывать стратегии развития, проводить анализ собственных преимуществ и определить свои потребности. Рассмотрены валютная политика США и Китая, инвестиционная политика транснациональных корпораций («Майкрософт», HSBC, Nomura Holdings и т.д.) в сфере цифровой экономики⁸.

Шестой саммит состоялся 3–4 ноября 2011 г. во Франции. Определена необходимость помощи странам Еврозоны, испытывающим финансовую нестабильность, рекомендовано ужесточить контроль за деятельностью банков, рассмотрены вопросы реформирования мировой валютно-финансовой системы,

³Завраचाев А. Группа двадцати. История создания и деятельность. Режим доступа: <https://tass.ru/info/6601920> (дата обращения: 01.09.2024).

⁴Там же.

⁵G20. Досье. Режим доступа: https://tass.ru/info/1570221?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.09.2024).

⁶Global Governance Program. G20. The London Summit. Режим доступа: <https://globalgovernanceprogram.org/books/g20london2009.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

⁷Global Governance Program. G20. The Pittsburgh Summit. Режим доступа: <https://globalgovernanceprogram.org/books/g20pittsburgh.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

⁸Петрова Г.В. Решения Саммитов «Группы двадцати» по международному финансовому регулированию: переход от глобального монетаризма к финансированию инфраструктурных инвестиций. Режим доступа: <https://goo.su/Iz4TPKT> (дата обращения: 01.09.2024).

регулирования финансовых рынков, волатильности цен на сырьевые товары, обеспечения занятости, усиления социальной защиты, противодействия коррупции, отказа Греции от референдума по кредитной поддержке Евросоюза и увеличения ресурсов МВФ [3].

Седьмой саммит состоялся 18–19 июня 2012 г. в Мексике. Обсуждались вопросы кризиса евро, безработицы, стратегии поддержания экономического роста. Приняты решения, способствующие росту занятости, отмечена необходимость развития механизмов социального обеспечения, обеспечения продовольственной безопасности и борьбы с волатильностью цен на сырьевые товары, содействия развитию и противодействию коррупции, намечены направления совершенствования международной финансовой архитектуры и механизмов финансового регулирования. Достигнута договоренность о расширении доступа к финансовым услугам, определены пути совершенствования институциональной структуры «Группы двадцати», затронуты вопросы гендерного равенства [4].

Восьмой саммит состоялся 5–6 сентября 2013 г. в России. Рассмотрены вопросы о возможности изменения международной валютно-финансовой системы, борьбы с коррупцией, развития энергетических рынков, вопросы торговли и ситуация вокруг Сирии. Согласовано, что страны «Группы двадцати» начнут принимать собственные меры по стимулированию инвестиций и национальные стратегии в сфере занятости. Лидеры «двадцатки» подтвердили важность открытой, функционирующей в рамках правил Всемирной торговой организации, прозрачной и недискриминационной торговой системы для обеспечения восстановления мировой экономики и поддержания уверенных темпов роста. Главы делегаций «Группы двадцати» высказались за осуществление шагов по ужесточению надзора за системно значимыми финансовыми институтами. Дана положительная оценка решению большинства стран внедрить параметры «Базель III» начиная с 2014 г.⁹.

Девятый саммит состоялся 15–16 ноября 2014 г. в Австралии. Особое внимание уделили мерам повышения контроля за прозрачностью секторов экономики. США выступили против изменения системы МВФ. G20 взяла на себя обязательство поднять ВВП стран-членов более чем на 2 % в течение пяти лет. Лидеры держав договорились увеличить инвестиции в инфраструктуру, совершенствовать энергетическое сотрудничество, сократить разрыв между показателями участия мужчин и женщин в рабочей силе на 25 % к 2025 г. Определены реформы, направленные на усиление финансового регулирования и борьбу с уклонением от уплаты налогов. Вопрос конфликта на территории Украины официально не был включен в повестку саммита¹⁰.

На десятом саммите, который состоялся 15–16 ноября 2015 г. в Турции, страны-участницы предложили рекомендации для инвестиционной деятельности. Одним из главных вопросов финансового направления остается глобальная реформа финансового регулирования. В докладе Совета по финансовой стабильности (далее – СФС) саммиту G20 отмечалось, что достигнут значительный прогресс в имплементации уже согласованных стандартов «Базель III», что, по мнению самого СФС, способствовало укреплению устойчивости мировой банковской системы. На саммите одобрен последний норматив для глобальных системно значимых банков (англ. G-SIBs) – коэффициент способности капитала абсорбировать гипотетические убытки (англ. TLAC). Тем самым завершился процесс решения проблемы глобальных системно значимых банков – «слишком больших, чтобы обанкротиться» (англ. too big to fail). Особое внимание в перспективе должно быть уделено использованию рыночных методов финансирования реальной экономики (англ. market based finance). Отмечена необходимость укрепления трансграничного сотрудничества в области внедрения принципов упорядоченного банкротства глобальных банков и операций с деривативами¹¹.

Одиннадцатый саммит состоялся 4–5 сентября 2016 г. в Китае. На нем удалось принять важные решения для развития мировой экономики в области цифровой экономики и инвестиций. Представитель от Брюсселя выступил с предложением об участии «Большой двадцатки» в обсуждениях последствий миграционного кризиса, который случился в ЕС (только за 2015 г. в Евросоюз прибыли 1,8 млн мигрантов)¹².

⁹ Сахаров А.Г. Саммит «Группы двадцати» в Санкт-Петербурге. Режим доступа: <https://clck.ru/3FApFj> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁰ Однополярному миру нет? Итоги Саммита G20 в Австралии. Режим доступа: <https://goo.su/kEUNJC> (дата обращения: 01.09.2024).

¹¹ Худякова Л.С. Саммит Большой двадцатки в Анталии (Турция): итоги по финансовому направлению. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sammit-bolyshoy-dvadsatki-v-antalye-turtsiya-itogi-po-finansovomu-napravleniyu> (дата обращения: 01.09.2024).

¹² Хурсанов Т., Манукян Ж. Бремя больших надежд: в Ханчжоу завершился саммит G20. Режим доступа: <https://ria.ru/20160905/1476140670.html> (дата обращения: 01.09.2024).

Двенадцатый саммит проходил 7–8 июля 2017 г. в Германии. На встрече в Гамбурге лидеры G20 подтвердили все обязательства по поддержанию прозрачности мировой финансовой системы, а также выступили за ее укрепление. Страны-участницы условились своевременно анализировать данные, передавать информацию в международные статистические организации для улучшения торговых отношений. Определена необходимость помощи странам Африки в борьбе с безработицей, бедностью, нелегальной миграцией, в усилении мер для борьбы с торговлей людьми и важности создания рабочих мест¹³.

На тринадцатом саммите, который состоялся 30 ноября – 1 декабря 2018 г. в Аргентине, удалось достичь согласия в вопросах по климату, Всемирной торговой организации, гуманитарной помощи и по ряду ранее нерешенных вопросов. В рамках саммита можно выделить три приоритетных направления: будущее сферы труда, инфраструктура для развития и устойчивое продовольственное будущее. В течение года проведено более 60 встреч, в том числе 10 встреч министров. В результате приняты декларации по финансам, занятости, образованию (рабочая группа по которым была создана впервые в истории G20 по инициативе Аргентины), цифровой экономике, сельскому хозяйству, здравоохранению, торговле и энергетике¹⁴.

На четырнадцатом саммите, который проводился 28–29 июня 2019 г. в Японии, предложены идеи об усовершенствовании экономической политики государств, рассмотрены возможности стабилизации финансового сектора, пути расширения свободной торговли, развития инноваций, возможные направления устранения неравенства, способы решения экологических и глобальных проблем. Осакая декларация отметила необходимость инфраструктурных трансформаций в государствах согласно «Принципам “Группы двадцати” по инвестированию в качественную инфраструктуру» и «Принципам высокого уровня Организации экономического сотрудничества и развития и “Группы двадцати” по долгосрочному финансированию инвестиций для институциональных инвесторов» 2013 г. и ряду других¹⁵.

Пятнадцатый саммит состоялся 21–22 ноября 2020 г. в столице Саудовской Аравии в формате видеоконференции по причине пандемии COVID-19. Его целями стали совершенствование социальной политики, которая будет расширять возможности для всех людей вне зависимости от расы, цвета кожи, возраста и социальной возможности. Рассмотрены вопросы обмена технологиями, стратегии для совершения открытий в сфере инноваций и научно-технического прогресса. Одной из актуальных тем стала пандемия COVID-19. Главы государств обсудили проблемы, которые возникли в странах, и наметили возможности смягчения последствий пандемии¹⁶.

Шестнадцатый саммит прошел 30–31 октября 2021 г. в Италии. Принято много решений по вопросам пандемии, климата, нелегальной миграции, геологии, экономического роста, активного участия стран в международных организациях (Всемирная организация здравоохранения, Организация экономического сотрудничества и развития, Международная организация гражданской авиации, Международная морская организация). Пандемия COVID-19 стала шоком для многих стран, но взаимовыручка государств создала так называемую «подушку безопасности» в области здравоохранения, экономики, науки и др. Под девизом «Люди, планета, процветание» на саммите обсудили глобальное развитие, связанное с кризисом в области здравоохранения, возможности решения экологических и климатических проблем, необходимость поддержания устойчивого развития в мировом хозяйстве. Два мероприятия были посвящены малым и средним предприятиям (особое внимание уделено организациям, возглавляемым женщинами) и партнерству между государственным и частным секторами в борьбе с изменением климата на планете. Саммит принял Декларацию, в которой отмечен прогресс в области международного налогообложения, специальных прав заимствования, создания целевой группы по финансированию здравоохранения, глобального предложения и доступа к вакцинам, поддержки более уязвимых стран, разработки общей цели участников G20 в борьбе с изменением климата. Другими важными результатами итальянского саммита стало принятие Декларации Матеры о безопасности пищевых продуктов и посадки триллиона деревьев во всем мире к 2030 г. Взяв на себя обязательство по реализации «Дорожной карты на пути

¹³ Итоги саммита G20: свобода торговли, разногласия по климату и уличные протесты. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4399480> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁴ Global Governance Program. G20 Argentina: The 2018 Buenos Aires Summit. Режим доступа: <https://edition.pagesuite-professional.co.uk/html5/reader/production/default.aspx?pubname=&edid=5efcf7e4-e06d-469a-872e-a9c28b0bd7aa> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁵ Петрова Г.В. Решения Саммитов «Группы двадцати» по международному финансовому регулированию: переход от глобального монетаризма к финансированию инфраструктурных инвестиций. Режим доступа: <https://clck.ru/3FAsGJ> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁶ Саммит G20 – 2020. Режим доступа: https://nauka.tass.ru/tag/sammit-g20-2020?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.09.2024).

к Цели в Брисбене и за ее пределы», саммит G20 поддержал расширение прав и возможностей женщин. Культура признана проблемой G20, приняты инновационные инструменты для борьбы с коррупцией¹⁷.

Семнадцатый саммит состоялся 15–16 ноября 2022 г. в Индонезии. Обсуждены следующие темы: экосистема, цифровое предпринимательство, вопрос о роли женщины в рабочих сферах, развитие чистых источников энергии, уменьшение использования невозобновляемых природных ресурсов и др.¹⁸. В 2022 г. произошло много событий, которые существенно повлияли на состояние мировой экономики и отношения между странами. Произошел взрыв на «Северном потоке» и «Северном потоке-2», введены антироссийские санкции со стороны США, европейских и ряда других стран после начала проведения Россией специальной военной операции на территории Украины. В частности, осуществлено отключение ряда российских банков от SWIFT, введены ограничения для авиакомпании «Аэрофлот», проведена блокировка денежных средств РФ, находящихся за границей, многие европейские страны ввели запрет на въезд гражданам РФ путем прекращения выдачи виз и т.д. [5]. В октябре 2022 г. по отношению к России был введен восьмой пакет санкций¹⁹.

На протяжении всего периода подготовки к саммиту США пытались превратить ее в пропагандистский инструмент и завершить встречу принятием антироссийской итоговой декларации. Однако усилия США и их союзников исключить из состава G20 Россию провалились. Саммит продемонстрировал, что Россия открыта для сотрудничества со всеми заинтересованными государствами. Одним из итогов встречи стало разделение участников G20 на два лагеря, где первый – это «коллективный Запад» во главе с США, а второй – страны, защищающие свои национальные интересы. 6 стран из G20 (Китай, Россия, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика и Саудовская Аравия) уже объединились в БРИКС²⁰. Тем не менее в итоговом документе встречи G20 на Бали проведение специальной военной операции «решительно осуждалось»²¹.

Оценка выполнения странами решений, принятых G20 в период с 17 ноября 2022 г. по 21 августа 2023 г., приведена в исследовании, подготовленном Исследовательской группой G20 и Центром международных институциональных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Согласно ему, самый высокий процент выполнения решений G20 продемонстрировал Евросоюз (97 %), второе и третье места с одинаковым результатом заняли Австралия и Германия (93 %), Канада, Корея и Великобритания продемонстрировали результат в 90 %, Индия и Аргентина – 87 %, Турция заняла последнее место с результатом в 50 %²².

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ САММИТ G20

Индия председательствовала в G20 с 1 декабря 2022 г. по 30 ноября 2023 г. 9 и 10 сентября 2023 г. в Нью-Дели состоялся восемнадцатый саммит G20, на котором собрались члены «Большой двадцатки» и приглашенные главы еще 9 государств. Принят новый член организации – Африканский союз. Премьер-министр Индии Н. Моди сообщил о создании международного альянса по биотопливу. Основателями альянса, кроме Индии, стали США и Бразилия. Его целью является развитие международной торговли биотопливом, разработка политики в этой области, обмен информацией и поддержка национальных программ. Лидеры Индии, США, Саудовской Аравии и Евросоюза объявили о создании нового международного транспортного коридора «Индия – Ближний Восток – Европа», который будет проходить через Индию, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Иорданию, Израиль и Евросоюз по морю и железной дороге²³.

По вопросу специальной военной операции принята сбалансированная декларация, в которой ситуация на Украине упоминалась с точки зрения необходимости урегулирования всех конфликтов, которые существуют в мире. Позиция США проявилась в досрочном отъезде Президента США с саммита

¹⁷ Global Governance Program. G20 Italy: The 2021 Rome Summit. Режим доступа: <https://goo.su/aIC8vmU> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁸ Global Governance Program. G20 Indonesia: The 2022 Bali Summit. Режим доступа: <https://goo.su/U9AfH8b> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁹ Елисеева Ю. Санкции 2022 года: итоги года. Режим доступа: <https://ir.alfastrah.ru/posts/695> (дата обращения: 01.09.2024).

²⁰ BRICS-Russia 2024. BRICS Intergovernmental Organization. Режим доступа: <https://brics-russia2024.ru/en/about/> (дата обращения: 01.09.2024).

²¹ Кривошапов О. Переломный саммит. Украина и Запад разошлись во мнениях по поводу G20. Режим доступа: <https://regnum.ru/article/3832417> (дата обращения: 01.09.2024).

²² Ahead of G20 Summit in Delhi, know India's performance in previous G20 summit's commitments. Режим доступа: <https://www.livemint.com/news/india/ahead-of-g20-summit-2023-in-delhi-know-indias-performance-in-g20-in-bali-indonesia-g20-research-group-11694145021781.html> (дата обращения: 01.09.2024).

²³ Химшиашвили П. Почему саммит «двадцатки» в Нью-Дели назвали переломным. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2023/64fd79cb9a79477aaf5e5b41> (дата обращения: 01.09.2024).

с целью официального визита во Вьетнам. Можно предположить, что привлечь Индию в мир западного порядка, построенного на правилах, не получилось и США переключились на Вьетнам²⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со дня основания «Большой двадцаткой» на 18 саммитах рассмотрено множество вопросов и принято много важных решений, например, предложена концепция «налоговый рай», проведено перераспределение квот в МВФ и Всемирном банке. Также произошло много событий: в 2016 г. МВФ включил в валютную корзину специальных прав заимствования китайский юань, весь мир пережил глобальную пандемию COVID-19, началось проведение специальной военной операции Россией на территории Украины, проведено отключение ряда банков РФ от системы SWIFT и т.д. На стадии рассмотрения находятся и другие глобальные вопросы: цифровизация экономики, изменение климата, реформа Всемирной торговой организации, принцип многосторонности, экологические проблемы и т.д.

В итоговом документе восемнадцатого саммита G20 отмечено, что все государства должны действовать в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций во всей полноте и воздерживаться от угрозы силой или применения силы с целью территориальных приобретений против суверенитета или политической независимости любого государства. При этом лидеры «Большой двадцатки» отметили, что саммит не является платформой для решения геополитических проблем, и назвали недопустимым применение ядерного оружия. В документе также указано, что страны разошлись во взглядах и оценках ситуации, происходящей на территории Украины. Участники оценили усилия Турции, направленные на укрепление продовольственной безопасности. Они призвали к полной, своевременной и эффективной реализации пунктов соглашения по поставкам зерна, продовольствия, удобрений и сырья из России и Украины и обещали не вводить санкции на торговлю сельскохозяйственной продукцией²⁵.

В современных условиях «Большая двадцатка» имеет большое политическое, экономическое и финансовое влияние на мировой арене и является своего рода площадкой для принятия странами совместных решений по сложным глобальным вопросам и главным форумом для международного экономического и политического сотрудничества. Она играет важную роль в формировании, развитии, укреплении и управлении всемирной архитектурой планеты по глобальным вопросам.

Список литературы

1. Сильвестров С.Н., Зарицкий Б.Е. и др. Международные экономические организации. М.: Юрайт; 2024. 236 с.
2. Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р. Разделение труда – разделение ответственности? Вестник международных организаций. 2010;2(28):5–20.
3. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность в документах G20. Вестник Московского университета МВД России. 2014;12:200–210.
4. Киртон Дж. Обеспечение стабильности и инклюзивности: успех «Группы двадцати» в сдерживании финансовых кризисов. Вестник международных организаций. 2017;2(12):10–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-02-10>
5. Аникин О.Б., Мищенко Д.Д. Современные аспекты функционирования Системы всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций. Вестник университета. 2023;7:188–195. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-188-195>

References

1. Silvestrov S.N., Zaritsky B.E. et al. International economic organizations. Moscow: Yurayt; 2024. 236 p. (In Russian).
2. Larionova M.V., Rakhmangulov M.R. Division of labor – division of responsibility? International Organizations Research Journal. 2010;2(28):5–20. (In Russian).
3. Kondrat E.N. Financial security in G20 documents. Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014;12:200–210. (In Russian).
4. Kirton J. Securing Stability and Inclusiveness: G20 Summit Success in Controlling Financial Crises. International Organizations Research Journal. 2017;2(12):10–33. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-02-10>
5. Anikin O.B., Mishchenko D.D. Modern Functioning Aspects of the Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications. Vestnik universiteta. 2023;7:188–195. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-188-195>

²⁴ Кривошапов О. Переломный саммит. Украина и Запад разошлись во мнениях по поводу G20. Режим доступа: <https://regnum.ru/article/3832417> (дата обращения: 01.09.2024).

²⁵ Казаков И. Страны G20 обнародовали итоговую декларацию встречи. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2023/09/09/72688958/> (дата обращения: 01.09.2024).

Подготовка студентов как будущих специалистов для креативных экономик

Котенко Марина Игоревна

Магистрант

ORCID: 0009-0005-3670-2279, e-mail: mi_kotenko@guu.ru

Павловский Павел Владимирович

Проректор, ст. преп. каф. управления проектом,

ORCID: 0000-0001-7597-0413, e-mail: pv_pavlovskiy@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализирован вклад креативных экономик в общий объем валового внутреннего продукта стран. Выявлены проблемы при подготовке студентов в образовательных организациях высшего образования в части формирования творческих компетенций с учетом существующих особенностей рынка и вызовов. Проведен анализ рынка креативных экономик, в результате которого обнаружен дефицит квалифицированных специалистов. Обоснована актуальность проблемы формирования творческих компетенций у будущих специалистов с учетом текущих требований и рекомендаций представителей отраслевых предприятий. Предложено решение задачи кадрового дефицита на основе внедрения новых и переработки уже имеющихся образовательных подходов с учетом тенденций цифровой трансформации на территории Российской Федерации. Установлено влияние цифровой трансформации на компетенции будущего специалиста с учетом запросов отрасли. Обоснована необходимость изменения традиционного подхода к организации образовательного процесса в контексте постиндустриального информационного общества. Предложен новый подход к развитию творческих способностей и эффективному использованию креативного потенциала учащих образовательных организаций высшего образования. Систематизированы ключевые компетенции управленческих кадров. На основании экспертной оценки определены креативные навыки менеджера в эпоху цифровой трансформации. Определены приоритетные задачи, решение которых будет способствовать формированию эффективной системы креативного обучения управленческих кадров.

Ключевые слова

Кадровое обеспечение, управленческие компетенции, творческие компетенции, креативные экономики, креативные навыки, креативный менеджмент, цифровая трансформация, цифровизация экономики

Для цитирования: Котенко М.И., Павловский П.В. Подготовка студентов как будущих специалистов для креативных экономик // Вестник университета. 2024. № 12. С. 94–101.

Preparing students as future professionals for creative economy

Marina I. Kotenko

Graduate Student

ORCID: 0009-0005-3670-2279, e-mail: mi_kotenko@guu.ru

Pavel V. Pavlovskiy

Vice-rector, Senior Lecturer at the Project Management Department

ORCID: 0000-0001-7597-0413, e-mail: pv_pavlovskiy@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Creative economies contribution to the total gross domestic product of countries has been analyzed. Issues have been identified in students preparation in higher education institutions in terms of creative competencies formation, considering existing market features and challenges. Creative economy market analysis has been carried out, as a result of which a shortage of qualified specialists has been found. The relevance of the issue of forming creative competencies among future specialists has been substantiated, considering current requirements and recommendations of industry enterprises representatives. A solution to the issue of personnel shortage has been proposed based on implementation of new and processing existing educational approaches, considering the digital transformation trends in the Russia. The digital transformation impact on a future specialist's competencies, considering the industry demands, has been established. The necessity of changing the traditional approach to organizing educational process in the context of the post-industrial information society is substantiated. A new approach to the development of creative abilities and the effective use of the creative potential of students of educational institutions of higher education has been proposed. The key competencies of management personnel have been systematized. Based on an expert assessment, the key creative skills of a manager in the era of digital transformation have been identified. Priority tasks have been identified, the solution of which will contribute to forming an effective system of creative training of managerial personnel.

Keywords

Staffing, management competencies, creative competencies, creative economies, creative skills, creative management, digital transformation, economy digitalization

For citation: Kotenko M.I., Pavlovskiy P.V. (2024) Preparing students as future professionals for creative economy. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 94–101.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. креативная экономика, или индустрия впечатлений, стала играть значимую роль в развитии мировой экономики. Под этими терминами понимается широкий спектр отраслей, включающих культурные и креативные индустрии: медиа, дизайн, музыка, кино, мода, архитектура, реклама и другие виды деятельности, где ключевым результатом является монетизация эмоций и чувств потребителей контента. В отличие от традиционных экономических секторов в креативной экономике основными элементами, формирующими прибавочную стоимость, выступают идеи, инновации, а ключевым навыком участников рабочего процесса является креативность.

Современное развитие креативных индустрий имеет важное значение как для развитых, так и для развивающихся стран. Организация Объединенных Наций (далее – ООН) в 2015 г. в своей программе развития до 2030 г. выделила культуру и культурное участие в качестве основных элементов устойчивого развития¹. Согласно отчету ООН, креативные индустрии способствуют формированию человеческого капитала, стимулируют экономический рост, обеспечивают равенство возможностей занятости, помогают снижать социальное неравенство, поддерживают охрану окружающей среды и т.д.

Аналитика в сфере бизнеса показывает, что современный потребитель стремится к новизне и оригинальности, поэтому интеграция креативных идей в классический бизнес и управление проектами становится необходимой. Управление проектами в креативной экономике имеет свою специфику, обусловленную особенностью среды, в которой осуществляется проектная деятельность. Высокая степень неопределенности, необходимость внедрения инноваций и быстро меняющиеся условия рынка в креативных индустриях требуют гибкости и применения современных методов управления. Проектные команды должны быть готовы к новым вызовам, оперативно находить решения и рационально использовать ресурсы для достижения целей.

Экономика в целом переходит на инновационный путь развития; внедряются новые методики работы, наблюдается тенденция по увеличению значимости, полноты и качества практических навыков специалистов. Развитие отраслей экономики достигается путем их непрерывной адаптации к постоянным изменениям рынка и его конъюнктуры, что способствует образованию существенной сложности прогнозирования в рамках высокой степени неопределенности. При работе в нетипичных условиях возникает необходимость разработки концептуально новых подходов к принятию решений, совмещающих традиционные методы и гибкость навыков лиц, принимающих решения. Возрастает доля управленческих решений творческой природы (не имеющих прямых аналогов в прошлом) и решений, появляющихся в условиях систем с высоким уровнем волатильности. Данная ситуация характерна для периода после 2008 г., и особенно ярко она проявляется в последние 6–8 лет.

Вместе с повышением требований к качеству принятия творческих решений во всех секторах экономики на протяжении последних двух десятилетий наблюдается устойчивый рост доли креативных индустрий в структуре валового внутреннего продукта (далее – ВВП) различных государств. Значимость развития креативных экономик подчеркивается как представителями руководящих органов Российской Федерации (далее – РФ, Россия), так и экспертами бизнес-сообщества и общественных организаций.

Согласно данным Агентства стратегических инициатив, креативная экономика составляет около 6,1 % мирового ВВП и в среднем от 2 до 7 % национального ВВП каждой страны. В России вклад креативных индустрий в ВВП в 2021 г. составил примерно 4,87 %, или более 6 трлн руб. Кроме того, в креативных отраслях было занято около 1,5 млн чел., что составляет 4,7 % рабочей силы страны².

В 2022 г. Правительство РФ приняло Концепцию развития креативных индустрий, основная цель которой – увеличить долю творческих отраслей в экономике страны до 6 % к 2030 г.³. Это означает, что государство признает важность креативных индустрий для экономического развития страны и стремится создать условия для отраслевого роста.

¹Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

²Как креативные индустрии влияют на развитие российских регионов. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmr/64d4cfce9a79470ed4fa36ea> (дата обращения: 12.09.2024).

³Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402745784/> (дата обращения: 12.09.2024).

Согласно заявлению Е. Марининой, заместителя директора Фонда «Росконгресс» и директора Форума креативного бизнеса, креативные индустрии – это не только создание рабочих мест, высококонкурентных продуктов, новых направлений деятельности, но и повышение качества жизни людей, сфера их самореализации⁴. «Креативная экономика помогает создавать нематериальные ценности, обеспечивать устойчивое развитие, ориентированное на человека, способствует диверсификации экономики, повышению качества жизни, развитию локальной экономики, туризма», – говорил Р. Бикмаев, директор управляющей компании «Квадрат», по мнению которого для развития креативного сектора экономики необходимы государственные инициативы и поддержка. Таким образом, можно утверждать, что проблема формирования творческих компетенций для работника сферы творческих индустрий как исполнителя, так и управленца является крайне актуальной и обоснованной.

Понятие креативных экономик до сих пор трактуется достаточно широко и не имеет конкретного определения. Члены Европейского союза используют термин «культурные и креативные индустрии» (англ. cultural and creative industries), а ООН по вопросам образования, науки и культуры – «креативные индустрии». Всемирная организация интеллектуальной собственности придерживается терминологии «охраняемые интеллектуальным правом индустрии» (англ. copyright industries). В Республике Корея и Японии понятие креативных экономик трактуется как «индустрия контента» (англ. content industry), которая ассоциируется с новыми технологиями. Существуют также термины «медиаиндустрия» и «экономика впечатлений». Специалисты Высшей школы экономики предлагают использовать такое понятие, как «креативная экономика», представляющее совокупность общественных отношений и практик хозяйственной деятельности, в основе которой лежат взаимосвязи между творчеством, культурой, экономикой и технологиями⁵.

Мы предлагаем следующую формулировку этого термина. Креативная экономика (экономика впечатлений) – это отрасль экономики, в основу построения производственных и бизнес-процессов которой положена идея о первостепенности удовлетворения потребности в положительных эмоциях потребителя. Особенность креативного специалиста заключается в том, что он является собственником уникального творческого капитала, который в результате продается на рынке. Данная уникальность дает прирост потребительной стоимости.

Инвестирование в развитие уникальных творческих специалистов является целевым финансовым вложением в рост профессиональных навыков человека, в частности инвестирование в образование или приобретение дополнительных компетенций на месте его работы. Г. Беккер разделил человеческий капитал на «специальный» (наличие узкоспециализированных знаний и профессиональных компетенций прикладного значения, представляющих ценность лишь в рамках той организации, в которой эти знания были приобретены) и «общий» (представляющий собой комплекс универсальных знаний и компетенций фундаментального значения, без владения которыми невозможно полноценно встроиться в трудовой процесс) человеческий капитал [1, с. 516]. Таким образом, если мы рассматриваем креативную экономику не просто как творческое начало, которое присутствует в любой деятельности, а как особый вид человеческого капитала, то следует классифицировать его по Г. Беккеру. Носителем капитала данного вида является креативный сотрудник, обладающий уникальными, присущими только ему способностями, которые позволяют работать более эффективно и, как следствие, увеличивать доход компании. Однако чтобы успешно развиваться в сфере креативных индустрий, необходимо иметь уникальные навыки и уметь адаптироваться к постоянно меняющимся условиям рынка [2].

Целью настоящего исследования является определение новых и переработка (адаптация) существующих образовательных подходов для подготовки специалистов в креативной экономике, что необходимо для решения проблемы нехватки квалифицированных кадров, способных успешно работать в условиях быстро меняющихся требований рынка. Статья основывается на анализе специфики креативных индустрий и необходимости внедрения современных образовательных решений, соответствующих стратегии цифровой трансформации в России.

АНАЛИЗ РЫНКА КРЕАТИВНЫХ ЭКОНОМИК

Результаты анализа рынка креативных экономик демонстрируют наличие существенной нехватки квалифицированных специалистов. «Уже около девяти месяцев мы не можем закрыть вакансию креато-

⁴Елена Маринина: Вклад креативных индустрий в экономику России к 2030 году вырастет до 6%. Режим доступа: <https://snob.ru/money/elena-marinina-vklad-kreativnyh-industriy-v-ekonomiku-rossii-k-2030-godu-vyrastet-do-6/?ysclid=loijbsm6bo320263385> (дата обращения: 12.09.2024).

⁵Картотека: креативная экономика. Как творческие люди увеличивают ВВП страны. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/468958882.html?ysclid=logvz3ybls138920260> (дата обращения: 12.09.2024).

ра», – по словам Е. Лисейчевой, основателя и генерального директора event-агентства «Мандариновая лиса», для поиска подходящего специалиста команда агентства была вынуждена неоднократно редактировать объявление о вакансии для более подробного описания преимуществ работы в компании, например, сообщалось о наличии гибкого графика работы, программы добровольного медицинского страхования⁶.

Проблемы с поиском кадров испытывают и другие участники рынка, о чем заявили почти треть из 540 представителей креативных отраслей, опрошенных онлайн-школами XYZ School и Bang Bang Education. Аналогичные результаты показал опрос, проведенный среди 280 HR-менеджеров сервисом «Актюн кадры и HR», согласно которому 20 % респондентов сообщили о проблеме с поиском квалифицированных специалистов⁷.

Другие данные и результаты исследований в данной области показывают, что количество соискателей превышает количество доступных позиций, однако большинство из них не обладает необходимыми навыками [3]. Однако эксперты компании HeadHunter считают, что креативный сектор не испытывает кадрового дефицита, поскольку количество резюме превышает количество вакансий. По данным рекрутинговой платформы, на каждую открытую позицию в настоящее время приходится 17 резюме⁸. Это утверждение подтверждает генеральный директор студии видеопроизводства Yes, Today! Film А. Жданов. С декабря 2022 г. его компания активно ищет опытного линейного продюсера. За это время на вакансию было получено более 800 откликов, однако только 8–10 кандидатов были приглашены на собеседование: «Когда мы начинаем изучать резюме и знакомиться с кандидатами ближе, мы понимаем, что людей, которые разбираются в своей работе, делают ее качественно, сейчас, к сожалению, очень мало»⁸.

Особенно актуальна данная проблема для кадров среднего звена. Компании отмечают, что все сложнее найти сотрудника, который имеет достаточную квалификацию, разбирается в предметной области и способен качественно выполнять задачи.

Нехватку «уверенных middle-специалистов на российском рынке подтвердила руководитель отдела рекламы металлургического холдинга «Новосталь-М» Л. Изгарина. Она отметила, что в данной сфере стало меньше людей, способных самостоятельно решать поставленные задачи и оценивать результат своего труда. Опрос, проведенный XYZ School и Bang Bang Education, показал, что 42 % опрошенных сталкиваются с дефицитом квалифицированных специалистов среднего звена⁹.

Кадровый дефицит негативно сказывается на развитии креативных индустрий и экономики страны в целом. Без достаточного числа профессионалов компании испытывают трудности в выполнении проектов и создании конкурентоспособных продуктов.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА

Одним из способов решения актуальной задачи кадрового дефицита на рынке труда креативных индустрий является внедрение новых и переработка уже имеющихся образовательных подходов с учетом направлений стратегии цифровой трансформации в России. В программных и проектных документах, связанных с цифровой трансформацией экономики, подчеркивается важность адаптации образовательных процессов к требованиям цифровой эпохи. 1 марта 2018 г. Президент РФ обратился к Федеральному собранию РФ, чтобы поделиться своим видением будущего системы образования: «Нужно переходить и к принципиально новым, в том числе индивидуальным, технологиям обучения, уже с ранних лет прививать готовность к изменениям, к творческому поиску, учить работе в команде, что очень важно в современном мире, навыкам жизни в цифровую эпоху»¹⁰.

В традиционной системе образования основной акцент делается на усвоении знаний, умений и навыков учащимися. Однако в эпоху цифрового образования требуется разработка иных подходов к формированию компетенций у выпускников образовательных организаций. Студент как будущий специалист должен обладать навыками анализа, обработки, систематизации, трансляции и использования информации, в том числе проводить критическую оценку полученных результатов. Важно научить его рационально распоряжаться имеющимися ресурсами, включая использование доступной информации.

⁶ «Птицы свободного полета»: почему в России растет дефицит креативных кадров. Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/494468-pticy-svobodnogo-poleta-pocemu-v-rossii-rastet-deficit-kreativnyh-kadrov> (дата обращения: 12.09.2024).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/556773766> (дата обращения: 12.09.2024).

Изменения в подходе к образовательному процессу требуют от педагога специальных навыков. Он должен освоить новые технологические инструменты и быть способным ориентироваться в поле безграничного информационного пространства. Таким образом, круг изучаемых технологий и образовательных инструментов педагога должен постоянно расширяться.

Создание эффективных отечественных технологий и продуктов интеллектуальной деятельности предполагает наличие главного ресурса – работников нового типа, которые должны обладать триадой качеств: высокий профессионализм, творческое мышление, высокий уровень культуры, поскольку повышение профессионального уровня без соответствующего воспитания приводит к возникновению эффекта «отрицательной креативности» [4, с. 490]. В XXI в. главными компетенциями становятся умения и навыки инновационного, креативно-го мышления. По мере прогресса новых технологий происходит рост требований к творческим функциям [5].

Стоит отметить, что управленческие кадры, в особенности в сфере креативных индустрий, должны обладать широким набором навыков и умений, поскольку специалисты данного направления постоянно находятся в условиях широкого непредсказуемого изменяющегося информационного поля, на основании анализа которого они формируют заключение по принятию того или иного решения. Эффективность принятых мер в свою очередь определяет качество и результат проведения работ в рамках конкретного проекта. На основе этого можно выделить ключевые компетенции для управленческих кадров в современных реалиях:

- стратегическое мышление и планирование – умение разрабатывать долгосрочные цели, оценивать риски и предвидеть последствия решений в условиях нестабильной внешней среды;
- лидерство и управление командой – способность вдохновлять, мотивировать и направлять сотрудников, создавать позитивную рабочую атмосферу и развивать таланты внутри команды;
- гибкость и адаптивность – готовность быстро адаптироваться к изменениям, принимать новые подходы и корректировать стратегии в условиях неопределенности;
- навыки управления проектами – знание методов и инструментов проектного менеджмента для эффективного достижения целей и контроля за ресурсами и сроками;
- коммуникабельность и навыки ведения переговоров – умение четко и убедительно донести свои идеи, а также эффективно вести переговоры, достигать соглашений и регулировать конфликты;
- цифровая грамотность и технологическая осведомленность – понимание современных цифровых инструментов и технологий, умение использовать их для повышения эффективности и инновационности бизнеса;
- аналитические способности и работа с данными – способность собирать, анализировать и интерпретировать данные для обоснованного принятия решений и поиска новых возможностей;
- управление изменениями – умение руководить процессами изменений в организации, поддерживать сотрудников в период трансформаций и минимизировать сопротивление изменениям;
- эмоциональный интеллект и управление стрессом – способность понимать и управлять собственными эмоциями и эмоциями других, а также сохранять устойчивость в условиях стресса и неопределенности;
- этика и устойчивое развитие – ориентация на принципы этического ведения бизнеса и устойчивого развития, включая социальную ответственность и экологическое сознание.

Эти компетенции помогают управленцам успешно адаптироваться к динамичным изменениям в современном мире и эффективно решать сложные задачи в своих организациях.

Для развития перечисленных компетенций необходимо предоставить управленцам и будущим управленцам возможности и благоприятные условия для обучения, саморазвития и профессионального роста, что может быть достигнуто через погружение студента в практикоориентированную деятельность, нацеленную на решение реальных задач, подразумевающих взаимодействие с отраслевыми партнерами. Такой подход способствует выстраиванию индивидуальной образовательной траектории без необходимости внесения изменений в учебные планы образовательных программ за счет выявления недостающих специалисту компетенций посредством как субъективной, так и объективной оценки отраслевой кадровой потребности. Дополнительным способом развития компетенций будущего специалиста являются участие в тренингах, семинарах, конференциях, а также обмен опытом и менторство в среде профессионального сообщества и предоставление возможности принятия самостоятельных решений на базе реальных кейсов.

Подготовка управленческих кадров представляет собой процесс непрерывного обучения и саморазвития, а также формирования благоприятной среды и условий для практической апробации полученных знаний и навыков, что является крайне важным для достижения управленческой эффективности и в перспективе устойчивого развития организации.

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Следует также отметить значимость внедрения цифровых платформ для фиксации и управления проектами, с помощью которых возможно производить оперативное отслеживание прогресса участников образовательного процесса, уровня мотивации и изменения степени эффективности коллабораций с работодателями. С использованием цифровых технологий появляется возможность широкого применения в работе управленцев различных критериев, регламентов, процедур, а также больших данных (Big Data), которые позволяют масштабно оценивать эффективность трудовой деятельности кадров. Деятельность специалистов должна базироваться на трех аспектах: самостоятельность, профессионализм, целенаправленность [6].

Новые условия работы управленческих кадров, связанные с ускорением темпов внедрения инноваций, характеризуются неопределенностью и непредсказуемостью. В таких условиях главным требованием к управленцам является способность находить новые управленческие идеи и быть готовыми к их эффективной реализации в рамках нестандартных ситуаций. В этом случае менеджер превращается из руководителя в исследователя, вдохновителя, генератора идей инновационных инициатив [7].

В инновационном обществе выпускники учебных заведений должны обладать вышеуказанными требованиями. Достижение этих требований возможно только при условии смены типа образовательной модели, то есть при переходе от информативно-воспроизводственного подхода в подготовке кадров к креативно-авторизованной модели. Такое образование необходимо для формирования общества будущего. Необходимы подготовка и переподготовка профессионалов новой квалификации [8].

Профессиональная подготовка современного менеджера должна развивать в нем следующие креативные навыки:

- высокий уровень профессиональной подготовки и интеллектуального потенциала;
- владение современными методами и инструментами креативного управления;
- нестандартное прогностическое и аналитическое мышление;
- высокий уровень коммуникативной креативности;
- владение инструментами управления людьми в условиях цифровой трансформации.

Для создания эффективной системы креативного обучения менеджеров в стране потребуется решить следующие задачи:

- определить основные методические принципы креативного обучения менеджеров в информационном обществе;
- создать базы данных о профессиональном и креативном потенциале кадров управления;
- внедрить современные методы осуществления образовательного процесса, преимущественно с использованием индивидуальных и практикоориентированных форм обучения;
- разработать рекомендации для самообразования, личностного и профессионального роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие креативных индустрий посредством подготовки высококвалифицированных кадров играет важную роль в развитии экономики, что подтверждается мерами, принятыми Правительством РФ в части обеспечения грантовой поддержки. Проблема «кадрового голода» может быть решена посредством разработки стратегий и программ, направленных на повышение квалификации и практикоориентированное образование специалистов. Важно также сотрудничество между бизнесом, образовательными учреждениями и государством для создания условий, способствующих привлечению и развитию талантливых специалистов.

Для развития ключевых компетенций управленческих кадров в креативных экономиках необходимо предоставлять им возможности для обучения, саморазвития и профессионального роста через участие в практикоориентированных проектах в период их обучения. Важно создать условия для непрерывного обучения и развития сотрудников, что является ключевым фактором для обеспечения успешного развития организаций и эффективного управления ими. Этот аспект является лишь одним из ключевых факторов успеха для развития креативных индустрий и улучшения экономического положения страны в целом. Участие в практикоориентированных мероприятиях, тренингах, семинарах и менторстве позволит студентам выстроить уникальную образовательную траекторию, определить свои слабые стороны и получить практические навыки, необходимые для успешной управленческой деятельности.

Результаты исследования показывают, что существующая модель образования кардинально не изменилась за последние два столетия и с учетом текущих вызовов требует существенной переработки. Креативно-авторизованное образование должно быть ориентировано на развитие творческих способностей менеджера, его знаний, умений и навыков для инновационного анализа и решения проблем. Такое образование станет инструментом развития личности и эффективного использования на практике креативного потенциала управленца.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ВШЭ; 2003. 672 с.
2. Михайлова, А.В. Исследование сущности категорий «креативная экономика», «креативный потенциал экономики», «творческие (креативные) индустрии». Экономика и предпринимательство. 2023;10(159):1350–1356. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.277>
3. Мубаракшина А.С. Роль креативной индустрии в мировой экономике и экономике России. Вектор экономики. 2019;2(32).
4. Рудык Е.Н. К новому индустриальному обществу второго поколения на путях развития современных информационно-коммуникационных технологий. В кн.: Бузгалин А.В., Колганова А.И. (ред.) На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; 2020. С. 210–219.
5. Бодрунов С.Д. Ноономике: траектория глобальной трансформации. М.: Культурная революция; 2020. 224 с.
6. Габриелян Н.Г., Сычева Э.В. Стратегические направления повышения качества управления персоналом. В кн.: Зарубин В.Г. (ред.) Менеджмент XXI века: Драйверы социально-экономического развития: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2016 г. СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; 2016. С. 330–333.
7. Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А. Формирование профессиональных компетенций управленческих кадров в креативной экономике. Управление экономическими системами. 2015;11(83).
8. Sycheva E., Budagov A., Novikov A. Urban infrastructure development in a global knowledge-based economy. In: SHS Web of Conferences: Proceedings of the 19th International Scientific Conference. University of Zilina; 2020. Pp. 03013. <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20207403013>

References

1. Becker G.S. Human behavior: An economic approach. Selected works on economic theory. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2003. 672 p. (In Russian).
2. Mikhailova A.V. Research of the essence of the categories “creative economy”, “creative potential of the economy”, and “creative industries”. Ekonomika i predprinimatelstvo. 2023;10(159):1350–1356 (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.277>
3. Mubarakshina L.S. The role of the creative industry in the global economy and the Russian economy. Vector of Economics. 2019;2(32). (In Russian).
4. Rudyk E.N. Towards a new second-generation industrial society in the development of modern information and communication technologies. In: Buzgalin A.V., Loganova A.I. (eds.) On the way to Noonomics: Man, technology and society in the space of associated production and Consumption. Moscow: INIR; 2020. 490 p. (In Russian).
5. Bodrunov S.D. Noonomics: The trajectory of global transformation. Moscow: Cultural Revolution; 2020. 224 p. (In Russian).
6. Gabrielian N.G., Sycheva E.V. Strategic directions for improving personnel management quality. In: Zarubin V.G. (ed.) Management of the 21st century: Drivers of socio-economic development: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 22, 2016. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University; 2016. Pp. 330–333. (In Russian).
7. Stepanov A.A., Savina M.V., Stepanov I.A. Formation of professional competencies of managerial personnel in the creative economy. Management of Economic Systems. 2015;11(81). (In Russian).
8. Sycheva E., Budagov A., Novikov A. Urban infrastructure development in a global knowledge-based economy. In: SHS Web of Conferences: Proceedings of the 19th International Scientific Conference. University of Zilina; 2020. Pp. 03013. <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20207403013>

Ключевые факторы динамики экспортных поставок российского угля в Европу в санкционный период в контексте «зеленой» повестки Европейского союза

Руднева Анастасия Олеговна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики

ORCID: 0009-0003-6386-894X, e-mail: aoru@mail.ru

Национальный исследовательский технологический университет МиСиС – Институт экономики и управления,
г. Москва, Россия

Аннотация

Цель исследования – выявление и оценка ключевых факторов динамики экспорта российского угля в Европу в 2014–2023 гг. в контексте «зеленой» повестки Европейского союза (далее – Евросоюз, ЕС), трансформирующей энергобаланс его стран-членов в части уменьшения их неэкологичного энергопотребления и импорта угля, а также использования угля отраслями экономик, включая сталелитейную промышленность лидеров по производству стали и крупнейших в Евросоюзе эмитентов CO₂ – Германии, Италии, Испании, Франции и Польши. Проведен анализ динамики добычи и экспорта российского угля, географической структуры угольных поставок и ценовых трендов, динамики потребления и импорта угля Европы. Определены актуальность «зеленого» энергоперехода в Евросоюзе и его противоречия в условиях роста импорта угля в Европе в 2021–2022 гг. Дана оценка характеру и динамике зависимости отдельных стран, включая «грязные» экономики, от импорта угля из Российской Федерации. В качестве дополняющего дестабилизирующего фактора рассмотрены санкции 2022 г., спровоцировавшие рост экспорта российского угля в Турцию и по азиатскому вектору, а также переориентацию Европы на других экспортеров, в первую очередь на Соединенные Штаты Америки, Австралию и Колумбию как ключевых бенефициаров введенных Евросоюзом ограничений. Перспективы экспорта российского угля в Европу оценены в контексте форсирования текущих трендов при объективной потребности большинства стран в дешевом сырье.

Ключевые слова

Мировая экономика, внешняя торговля, внешняя торговля России, уголь, сталь, сталелитейная промышленность ЕС, экспорт угля России, санкции, Россия, Европа, ЕС, CO₂, «зеленая» повестка, «зеленая сделка» ЕС

Для цитирования: Руднева А.О. Ключевые факторы динамики экспортных поставок российского угля в Европу в санкционный период в контексте «зеленой» повестки Европейского союза // Вестник университета. 2024. № 12. С. 102–114.

Key factors in dynamics of Russia's coal export to Europe during the sanctions period in the context of the EU green agenda

Anastasiya O. Rudneva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics Department

ORCID: 0009-0003-6386-894X, e-mail: aoru@mail.ru

National University of Science and Technology "MISIS" – Institute of Economics and Education, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to identify and assess the key factors in dynamics of Russia's coal export to Europe in 2014–2023 in the context of the EU green agenda, transforming energy balance of its member states in terms of reducing their non-ecological energy consumption and coal imports, as well as the use of coal by economic sectors, including the steel industry of the leaders in steel production and the EU's largest CO₂ emitters such as Germany, Italy, Spain, France, and Poland. The dynamics of Russia's coal production and export, the geographical structure of coal supplies, price trends, and the dynamics of Europe's coal consumption and import have been analyzed. The relevance of the green energy transition in the EU and its contradictions in the context of coal import growth in Europe in 2021–2022 have been determined. The nature and dynamics in certain countries' dependence, including "dirty" economies, on coal import from Russia has been assessed. As an additional destabilizing factor, the 2022 sanctions have been considered, which provoked the growth of Russia's coal export to Turkey and along the Asian vector, as well as the reorientation of Europe to other exporters, primarily the USA, Australia, and Colombia as the key beneficiaries of the restrictions imposed by the EU. The prospects for Russia's coal export to Europe have been assessed in the context of boosting current trends, given the objective need of most countries for cheap raw materials.

Keywords

World economy, foreign trade, Russia's foreign trade, coal, steel, EU steel industry, Russia's coal export, sanctions, Russia, Europe, EU, CO₂, green agenda, EU green deal

For citation: Rudneva A.O. (2024) Key factors in dynamics of Russia's coal export to Europe during the sanctions period in the context of the EU green agenda. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 102–114.

ВВЕДЕНИЕ

Страны Европейского союза (далее – Евросоюз, ЕС) придерживаются общих для ведущих экономик мира целей устойчивого развития, одна из которых – достижение углеродной нейтральности к 2050 г. По оценкам экспертов, ее реализация обойдется в 9 % валового мирового продукта, причем в наибольшей мере это коснется крупнейших энерго-экспортеров, среди которых Российская Федерация (далее – РФ, Россия) [1]. «Зеленая» повестка Евросоюза, с которым на протяжении многих лет Россия активно развивала торгово-экономическое сотрудничество, оказывает непосредственное влияние на динамику экспорта российского угля в Европу в контексте влияния угля и стали, производство которой также связано с потреблением угля, на эмиссию CO₂ – движущую силу негативных климатических изменений [2].

Реализация «зеленой» повестки осложняется увеличением спроса на неэкологичный уголь в условиях роста цен на другие виды энергосырья, а также производства стали в ЕС в 2021 г. перед началом проведения Россией специальной военной операции на территории Украины. Экономическая целесообразность, связанная с ценовой конкурентоспособностью угля в контексте снижения себестоимости энергоемких видов продукции и обеспечения населения недорогой тепловой и электрической энергией, вступает в противоречие с политическими мотивами, имеющими цель оказать негативное влияние на российскую экономику в целом и ее угольную промышленность в частности [3].

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что санкционные шоки дополняют и усиливают негативное влияние «зеленой» повестки на экспорт угля России в Европу и обеспечивают реализацию интересов сторонних бенефициаров, а не ЕС.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие угольной промышленности России определяется целевыми индикаторами Программы развития угольной промышленности на период до 2035 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 13 июня 2020 г. № 1582-р, и предполагает увеличение экспортных потоков¹. Реализации этой цели препятствует проводимая рядом стран-импортеров, включая страны Евросоюза, политика снижения доли угля в энергобалансе и экологизации производств, связанных с его использованием, в том числе сталелитейной промышленности. В частности, «зеленая сделка» Евросоюза направлена на изменения в области климата, энергетики, транспорта и налогообложения в соответствии с требованиями сокращения выбросов парниковых газов как минимум на 55 % к 2030 г. и перехода к углеродной нейтральности к 2050 г.² Усиленная угольными санкциями, включающими закрытие доступа судам, зарегистрированным под российским флагом, в порты стран ЕС (с апреля 2022 г.), а также запрет на приобретение, ввоз и передачу угля и других видов твердого ископаемого топлива в ЕС, если оно добывается или экспортируется из России (с августа 2022 г.), «зеленая» повестка влияет не только на внутреннее потребление угля в Европе, но и на показатели его импорта, что актуализирует поиск Россией новых рынков сбыта³.

Для оценки влияния «зеленого» энергоперехода стран ЕС в сочетании с санкционными шоками на динамику экспорта угля России в Европу проанализированы динамика добычи и экспорта сырья, географическая структура российских угольных поставок и ценовые тренды, в том числе на природный газ, динамика потребления и импорта ЕС. В рамках эконометрического моделирования произведена оценка актуальности и значимости «зеленого» энергоперехода для стран Евросоюза. В целях обоснования противоречий тренда экологизации государств ЕС и роста их потребности в угле в периоды неблагоприятной экономической конъюнктуры, обусловленной в том числе нарастанием геополитических рисков и связанным с ними ростом цен на энергосырье, проведен сравнительный анализ динамики эмиссии CO₂ и потребления угля, а также динамики эмиссии CO₂ и производства необработанной стали пяти лидеров ЕС по ее производству.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 июня 2020 г. № 1582-р «Об утверждении Программы развития угольной промышленности России на период до 2035 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355241/?ysclid=lzxt2ymbl3236951085 (дата обращения: 15.09.2024).

² European Commission. The European Green Deal. Режим доступа: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 15.09.2024).

³ European Commission. EU agrees fifth package of restrictive measures against Russia. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2332 (дата обращения: 15.09.2024).

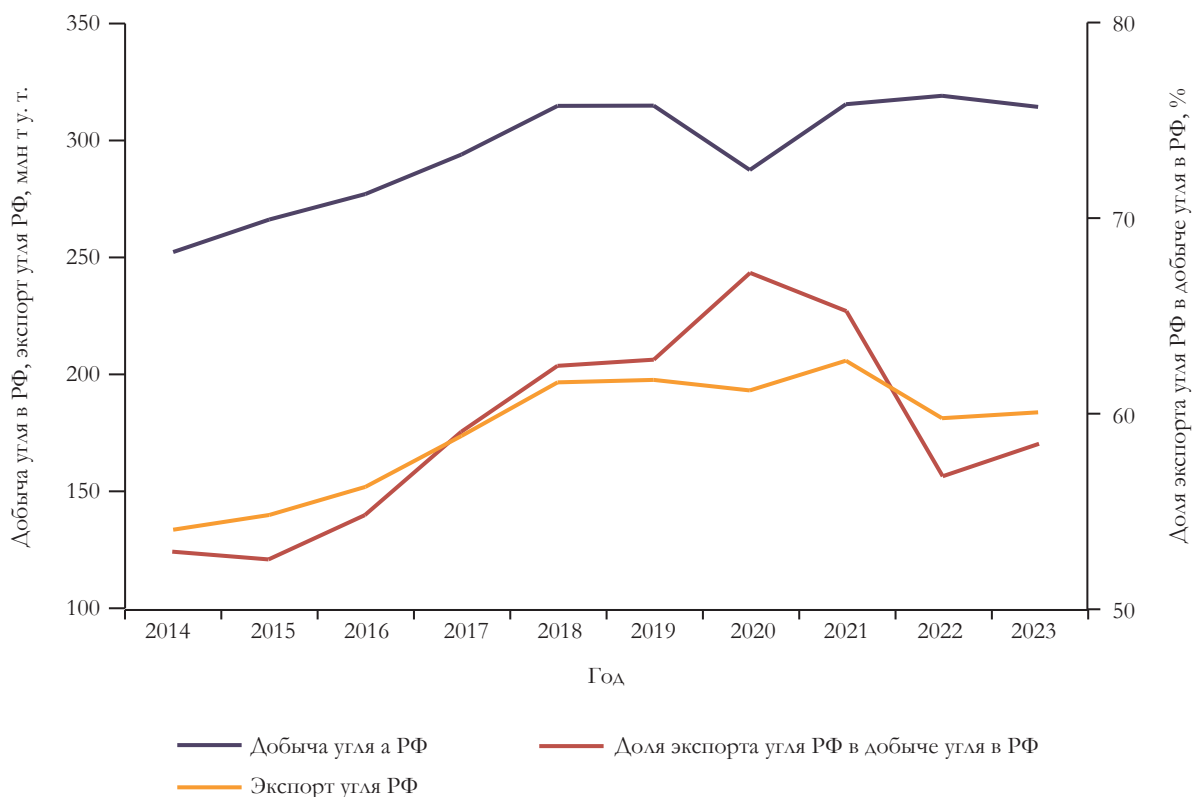
В ходе исследования произведены ранжирование крупнейших эмитентов CO₂ Евросоюза и оценка их позиции в угольном потреблении и производстве необработанной стали, а также анализ динамики и характера зависимости наиболее «грязных» экономик и других стран ЕС от импорта российского угля. На основе полученных данных определены последствия угольных санкций в контексте влияния на переориентацию экспортных поставок РФ, а также усиления позиций других экспортеров в Европу. Выводы по каждому из направлений исследования позволяют оценить перспективы наращивания экспорта российского угля в Европу и верифицировать гипотезу автора.

ДИНАМИКА ДОБЫЧИ И ЭКСПОРТА УГЛЯ РОССИИ

В 2014–2019 гг. добыча угля выросла с 252,3 до 314,9 млн т у. т. (+ 24,81 %) при замедлении динамики в 2019 г. (+ 0,03 % г./г.). После снижения добычи угля в 2020 г. до 287,4 млн т у. т. (– 8,74 %) показатель вырос в 2021–2022 гг. до 319,1 млн т у. т. (+ 11,03 % к показателю 2020 г. – пиковое значение) при замедлении роста в 2022 г. (+ 1,15 % г./г.) с дальнейшим падением в 2023 г. до 314,4 млн т у. т. (– 1,49 % г./г.). В целом за рассматриваемый период добыча угля в России увеличилась на 24,59 % при негативных тенденциях в 2020 г. и 2023 г.

В 2014–2019 гг. экспорт угля вырос с 133,6 до 197,6 млн т у. т. (+ 47,95 %) при замедлении динамики в 2019 г. (+ 0,54 % г./г.). Снижение экспорта угля в 2020 г. до 193,1 млн т у. т. (– 2,28 % г./г.) сменилось ростом показателя в 2021 г. до пикового значения в 205,8 млн т у. т. (+ 6,58 % г./г.) с последующим падением в 2022 г. до 181,3 млн т у. т. (– 11,94 % г./г. – максимальное снижение показателя за рассматриваемый период) и небольшим ростом в 2023 г. до 183,8 млн т у. т. (+ 1,39 % г./г.). В целом за рассматриваемый период экспорт угля из России увеличился на 37,58 % при негативных тенденциях в 2020 г. и 2022 г.

В 2014–2020 гг. доля экспорта в добыче угля выросла с 52,95 до 67,20 % с небольшим падением показателя в 2015 г. до 52,55 % и замедлением динамики в 2019 г. В 2021–2022 гг. экспортоориентированность отрасли снизилась до 56,80 % с небольшим увеличением показателя в 2023 г. до 58,46 % (рис. 1). В целом за рассматриваемый период доля экспорта в добыче угля в России увеличилась на 5,51 %.

Источник⁴

Рис. 1. Динамика добычи и экспорта угля, доли экспорта в добыче угля в России в 2014–2023 гг.

⁴Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2024. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 15.09.2024).

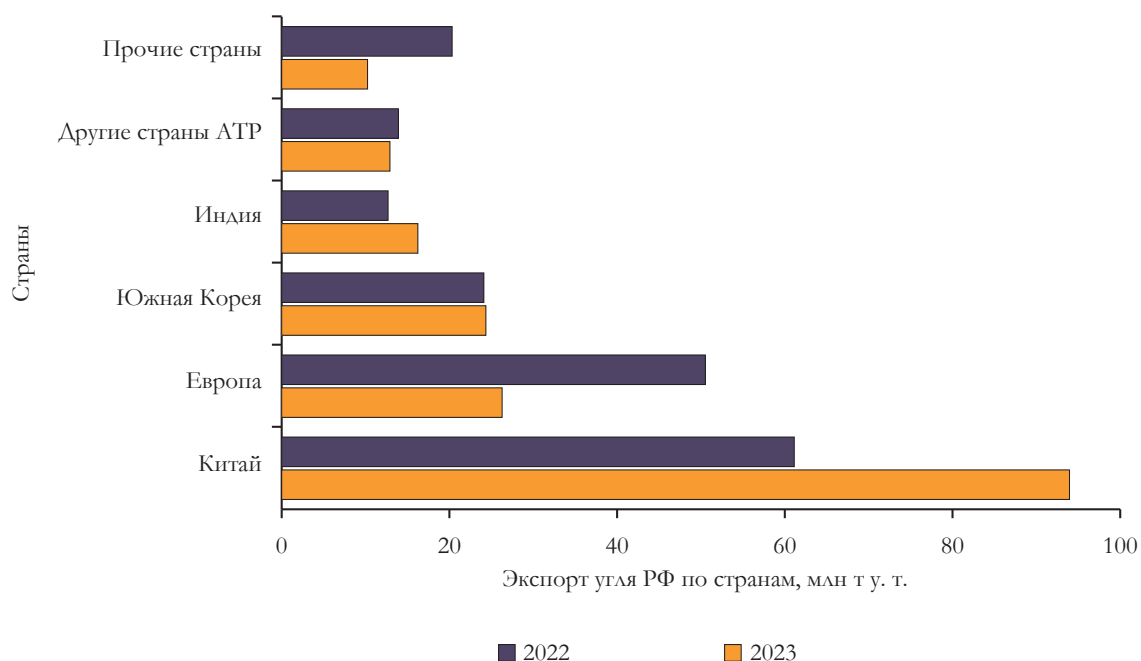
В 2014–2023 гг. выросли добыча угля в России, экспорт и экспортоориентированность угольной промышленности страны. При этом благоприятная конъюнктура 2014–2019 гг., обеспечивающая рост и добычи и экспорта, сменилась негативными трендами, связанными с трансформацией географической структуры экспортных поставок [4].

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА УГЛЯ - НЕГАТИВНЫЕ ТРЕНДЫ В ТОРГОВЛЕ С ЕВРОПОЙ

Ключевые направления угольного экспорта России в 2023 г. – это Китай (первое место – 93,9 млн т у. т., или 51,06 %), страны Европы (второе место – 26,3 млн т у. т., или 14,29 %), Южная Корея (третье место – 24,4 млн т у. т., или 13,23 %) и Индия (четвертое место – 16,2 млн т у. т., или 8,83 %). В другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) экспортировано 12,9 млн т у. т. (7,02 %), в прочие страны, включая Японию, страны Африки, Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Южной и Центральной Америки, Ближнего Востока, – 10,2 млн т у. т. (5,57 %).

Практически по всем направлениям угольного экспорта России наблюдались сокращение показателя – Япония (– 70,62% г./г.), Южная и Центральная Америка (– 53,08% г./г.), Европа (– 47,96% г./г.), Ближний Восток (– 42,86% г./г.), Африка (– 8,49% г./г.), группа «Другие страны АТР» (– 7,26% г./г.), СНГ (– 1,53% г./г.) – и полный отказ от импорта российского угля ЕС, Соединенными Штатами Америки (далее – США), Канадой и Мексикой. Наибольшее влияние на отрицательную динамику оказала Европа – ее вклад в сокращение показателя составляет – 23,2 млн т у. т. при росте экспорта российского угля в Турцию, ставшую ключевым европейским импортером.

Компенсировать и несколько превысить показатель в 2023 г. позволило наращивание российских экспортных поставок угля в Китай (+ 53,69% г./г.), спрос которого, несмотря на общее замедление его экономического роста, увеличивается, а также Индию (+ 27,97% г./г.) и Южную Корею (+ 0,99% г./г.) (рис. 2) [5].

Источник⁵

Рис. 2. Географическая структура экспорта российского угля в 2022–2023 гг.

Общей тенденцией становится форсирование приоритетного азиатского направления угольного экспорта России с постепенной утратой важности европейского вектора, что обусловлено динамикой потребления и импорта угля Европой, а также влиянием санкций [6; 7].

⁵ Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2024. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 15.09.2024).

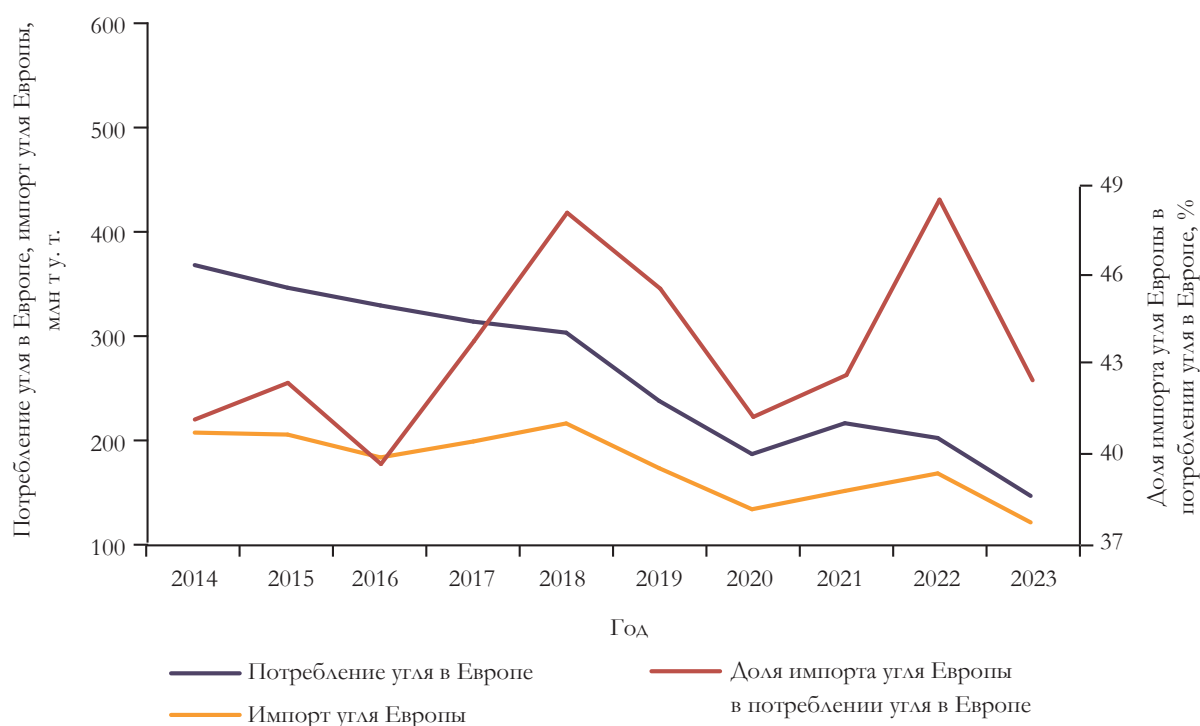
ДИНАМИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ИМПОРТА УГЛЯ ЕВРОПОЙ

В период с 2014 г. по 2023 г. потребление угля в Европе снижалось при плавной динамике с 2014 г. по 2018 г. с 507,7 до 442,9 млн т у. т. (– 12,77% к показателю 2014 г.) и выраженной динамике в 2019–2020 гг. – до 326,5 млн т у. т. (– 26,27% к показателю 2018 г.). Рост наблюдался лишь в 2021 г. – 356,1 млн т у. т. (+ 9,04% г./г.) при дальнейшем снижении в 2022–2023 гг. до 286,4 млн т у. т. (– 19,55 % к показателю 2021 г.). В целом за рассматриваемый период потребление угля в Европе сократилось на 43,58 %.

Крупнейшими потребителями угля в ЕС в 2023 г. стали Германия (первое место – 62,3 млн т у. т.), Польша (второе место – 51,4 млн т у. т.), Чехия (третье место – 16,1 млн т у. т.), Италия (четвертое место – 7,4 млн т у. т.), Франция (пятое место – 6,1 млн т у. т.), Болгария (шестое место – 5,5 млн т у. т.), Нидерланды (седьмое место – 5,4 млн т у. т.), Испания (восьмое место – 4,0 млн т у. т.), Эстония (девятое место – 3,4 млн т у. т.) и Бельгия (десятое место – 3,3 млн т у. т.).

В период с 2014 г. по 2016 г. импорт угля снизился с 207,5 до 183,7 млн т у. т. (– 11,49 %) с дальнейшим ростом показателя в 2017–2018 гг. до 216,3 млн т у. т. – пиковое значение (+ 17,77 % к показателю 2016 г.). В 2019–2020 гг. он сократился до 134,0 млн т у. т. (– 38,06 % к показателю 2018 г.) с ростом импорта в 2021–2022 гг. до 168,4 млн т у. т. (+ 25,72 % к показателю 2020 г.) и его падением в 2023 г. до 121,4 млн т у. т. (– 27,93 % г./г.). В целом за рассматриваемый период импорт сократился на 41,49 %.

Доля импорта в потреблении Европой угля увеличивалась в 2015 г. (+ 1,42 % г./г.), 2017–2018 гг. (+ 9,68 % к показателю 2016 г.) и 2021–2022 гг. (+ 8,24 % к показателю 2020 г.) и снижалась в 2016 г. (– 3,13 % г./г.), 2019–2020 гг. (– 7,81 % к показателю 2018 г.) и 2023 г. (– 6,89 % г./г.). За рассматриваемый период при неустойчивой динамике показатель вырос с 40,88 до 42,38% при общей тенденции к сокращению и потребления, и импорта угля (рис. 3).

Источник⁶

Рис. 3. Динамика потребления и импорта угля, доли импорта в потреблении угля в Европе в 2014–2023 гг.

Тренды в потреблении и импорте угля Европой в 2014–2016 гг. (снижение показателей), 2019–2021 гг. (снижение показателей в 2019–2020 гг. и их рост в 2021 г.) и 2023 г. (снижение показателей) аналогичны. В 2017–2018 гг. и 2022 г. динамика показателей разнонаправленная – при снижении потребления угля в Европе наблюдалось увеличение импорта. Тренд снижения показателей в 2014–2023 гг. совпадает при росте доли импорта угля в потреблении.

⁶Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2024. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 15.09.2024).

«ЗЕЛЕНАЯ» ПОВЕСТКА В ЕВРОСОЮЗЕ

Одним из факторов, влияющих на динамику потребления и импорта угля Европы, в том числе из России, выступает негативное влияние угля на эмиссию CO₂. В контексте перехода к низкоуглеродной экономике, или декарбонизации, предполагается трансформация экономик-эмитентов CO₂, позволяющая производить продукцию с минимально возможным уровнем эмиссии парниковых газов или их исключением в целом [8].

В начале XX в. более 90 % выбросов CO₂ приходилось на Европу и США, а на сегодняшний день ситуация изменилась [9]. В топ-5 стран по эмиссии CO₂ (далее эмиссия CO₂ – в т CO₂-эквивалента) входят Китай (первое место в 2023 г. – 12 603,5 млн т, или 31,18 % глобальной эмиссии), США (второе место – 5 130,2 млн т, или 12,69 %), Индия (третье место – 3 121,5 млн т, или 7,72 %), Россия (четвертое место – 2 176,1 млн т, или 5,38 %) и Япония (пятое место – 1 038,6 млн т, или 2,57 %). Среди стран Европейского союза наибольший вклад в глобальную эмиссию CO₂ вносят Германия (одиннадцатое место в глобальной эмиссии – 589,4 млн т, или 1,46 %), Италия (двадцать второе место – 312,7 млн т, или 0,77 %), Польша (двадцать пятое место – 299,1 млн т, или 0,74 %), Франция (тридцать первое место – 262,9 млн т, или 0,65 %) и Испания (тридцать второе место – 254,9 млн т, или 0,63 %). Польша (50,5 млн т у. т.) и Германия (31,4 млн т у. т.) занимают первое и второе места по производству угля в Евросоюзе. Кроме того, все вышеперечисленные страны входят в топ-10 стран ЕС по потреблению угля: Германия (первое место), Польша (второе место), Италия (четвертое место), Франция (пятое место) и Испания (восьмое место).

В рамках определения степени влияния потребления угля на эмиссию CO₂ в 2014–2023 гг. на примере самой неэкологичной экономики Евросоюза – Германии – построена модель (табл. 1):

$$\hat{Y} = 395 + 3,48 \cdot X,$$

(31,9) (0,339)

где Y – эмиссия CO₂ Германии, млн т, X – потребление угля в Германии, млн т у. т.
При росте потребления угля Германии на 1 млн т у. т. ее эмиссия CO₂ увеличивается на 3,48 млн т.

Таблица 1

Характеристики регрессионной модели зависимости эмиссии CO₂ Германии от потребления угля

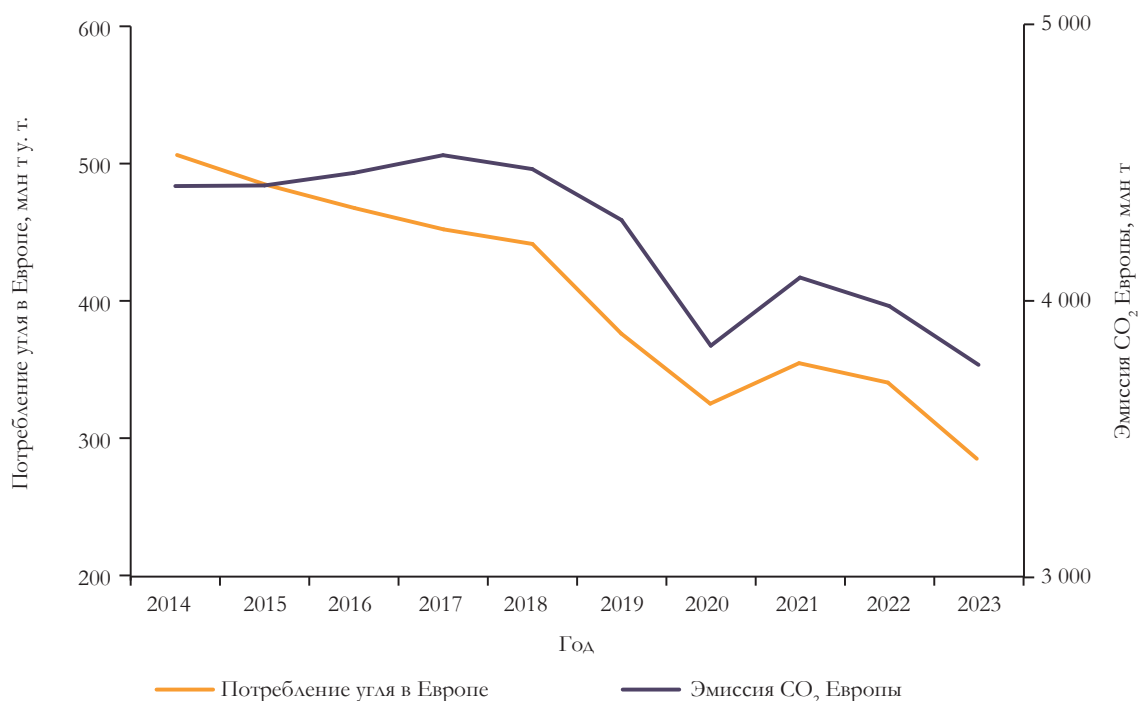
Показатель			Значение		
T			10,000000		
R ²			0,926000		
Нормальность распределения остатков (p-значение)					
Хи-квадрат			0,755120		
Тест Дурника-Хансена			0,7551210		
Тест Шапиро-Уилка			0,3803960		
Тест Лиллифорса			0,690000		
Тест Жарка-Бера			0,719828		
Проверка адекватности линейной модели регрессии выборочным данным					
F _{крит.}			5,320000		
F _{набл.}			105,161200		
Проверка значимости коэффициентов					
	Коэффициент	Ст. ошибка	z	p-значение	—
const	395,102	31,9302	12,37	3,62e-035	***
X	3,47996	0,339349	10,25	1,13e-024	***
Тестирование функциональной формы (спецификации) модели (Тест Рамсея)					
p-значение (квадраты и кубы)			0,294000		

Окончание табл. 1

Показатель	Значение
Тестирование на гетероскедастичность (тест Бройша-Пэгана)	
р-значение	0,813888
Тестирование на автокорреляцию Бройша-Годфри	
р-значение	0,161000

Источник⁷

В период с 2014 г. по 2017 г. эмиссия CO₂ Европы увеличилась с 4 422,3 до 4 534,0 млн т (+ 2,53 %). В 2018–2020 гг. она снизилась до 3 844,9 млн т (– 15,19 % к показателю 2017 г.), в 2021 г. выросла до 4 091,5 млн т (+ 6,41 % г./г.) с падением показателя до 3 775,8 млн т в 2022–2023 гг. (– 7,72 % к значению 2021 г.). В целом за рассматриваемый период эмиссия снизилась на 14,62 %. Сравнительный анализ динамики эмиссии CO₂ и потребления угля в Европе, позволяющий оценить сопоставимость трендов, представлен на рис. 4.

Источник^{8,9}

Рис. 4. Сравнительный анализ эмиссии CO₂ Европы и потребления угля в Европе

Несмотря на актуальность «зеленой» повестки, в 2021 г. выросли эмиссия CO₂, потребление и импорт угля Европы, который продолжал расти и в 2022 г., в частности под влиянием значительного увеличения цен на природный газ, что сделало более привлекательными угольное потребление и его импорт и усложнило реализацию «зеленого» перехода [10]. Так, цены на газ TTF (Нидерланды) увеличились с 3,13 долл. США за млн БТЕ в 2020 г. до 15,67 долл. США за млн БТЕ в 2021 г. (+ 400,64 % г./г.) и до 37,09 долл. США за млн БТЕ в 2022 г. (+ 136,69 % г./г.) при падении до 12,87 долл. США за млн БТЕ в 2023 г. (– 65,30 % г./г.).

Рост спроса на импортный уголь в 2021–2022 гг. спровоцировал рост цен на него в Европе – с 50,13 долл. США за т в 2020 г. до 122,60 долл. США за т в 2021 г. (+ 144,56 % г./г.) и до 291,28 долл. США за т в 2022 г. (+ 137,59 % г./г.) при снижении до 129,54 долл. США за т в 2023 г. (– 55,53 % г./г.). Страны Евросоюза оказались не готовы к полному отказу от традиционных источников энергии, как того требует «зеленая» повестка [11]. Более того, в условиях неблагоприятных ценовых трендов импорт угля только возрос.

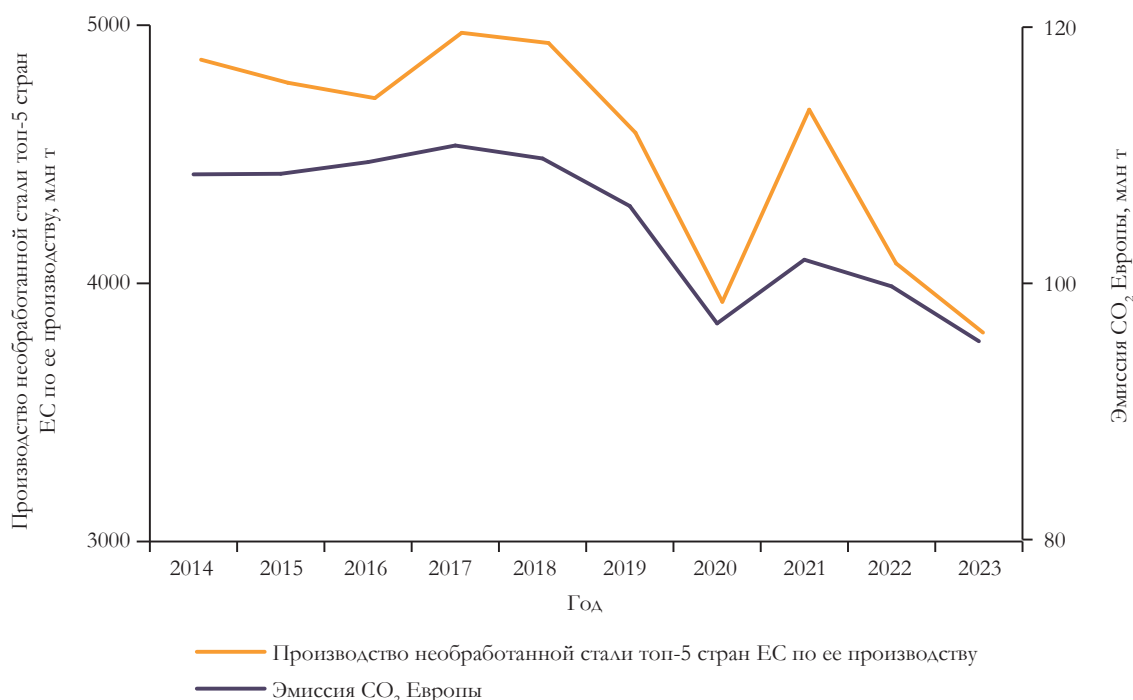
⁷Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2024. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 15.09.2024).

⁸Там же.

⁹World Steel Association. World Steel in Figures. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20221008180715/https://worldsteel.org/steel-topics/statistics/> (дата обращения: 15.09.2024).

Дополнительный вклад в эмиссию CO_2 стран ЕС вносит динамика производства стали в контексте мультипликативного эффекта угольной промышленности для целого ряда отраслей, включая металлургию, тяжелое и транспортное машиностроение, судостроение и строительство [12]. При этом страны Евросоюза, в частности Германия (седьмое место в 2023 г. – 35,4 млн т), Италия (одиннадцатое место – 21,1 млн т), Испания (семнадцатое место – 11,3 млн т), Франция (девятнадцатое место – 10,0 млн т) и Польша (двадцать третье место – 6,4 млн т), занимают весомые позиции в мировом производстве необработанной стали.

С 2014 г. по 2016 г. суммарный объем производства необработанной стали этих стран сократился с 105,5 до 102,5 млн т (– 2,84 %) с последующим ростом до 107,6 млн т в 2017 г. (+ 4,98 % г./г.). В 2018–2020 гг. объем производства снизился до 86,6 млн т (– 19,52 % к показателю 2017 г.), в 2021 г. он увеличился до 101,6 млн т (+ 17,32 % г./г.) с последующим сокращением в 2023 г. до 84,2 млн т (– 17,13 % к показателю 2021 г.). В целом за рассматриваемый период суммарный объем производства необработанной стали Германии, Италии, Испании, Франции и Польши снизился на 20,19 %. Сравнительный анализ динамики эмиссии CO_2 и производства необработанной стали в топ-5 стран ЕС, позволяющий оценить сопоставимость трендов, представлен на рис. 5.

Источник^{10,11}

Рис. 5. Сравнительный анализ эмиссии CO_2 Европы и производства необработанной стали в топ-5 стран ЕС

Несмотря на актуальность «зеленого» энергоперехода, в 2021 г. (перед началом проведения специальной военной операции РФ на Украине) выросли и эмиссия CO_2 , и производство необработанной стали, используемой в том числе в военно-промышленном комплексе, в топ-5 стран ЕС. Именно эти державы входят в топ-10 потребителей угля ЕС и топ-5 эмитентов CO_2 ЕС, что определяет их место и роль в угольном потреблении и импорте угля ЕС, а также в реализации целей его «зеленой» повестки.

ДИНАМИКА ДОЛИ ИМПОРТА УГЛЯ ИЗ РОССИИ В ЕГО ПОТРЕБЛЕНИИ В СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ ЕС

При сохранении актуальности «зеленой» повестки зависимость стран ЕС от импорта российского угля в 2014–2021 гг., то есть до введения угольных санкций, была дифференцирована при разнонаправленной динамике показателя. Его рост наблюдался на Кипре (+ 100,79 %), в Ирландии (+ 61,80 %), Италии

¹⁰ Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2024. Режим доступа: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 15.09.2024).

¹¹ World Steel Association. World Steel in Figures. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20221008180715/https://worldsteel.org/steel-topics/statistics/> (дата обращения: 15.09.2024).

(+ 37,30 %), Испании (+ 22,37 %), Нидерландах (+ 18,92 %), Германии (+ 13,00 %), Румынии (+ 10,15 %), Венгрии (+ 9,60 %), Швеции (+ 9,28 %), Австрии (+ 8,80 %), Греции (+ 7,75 %), Бельгии (+ 5,95 %), Франции (+ 3,16 %), Польше (+ 3,05 %), Болгарии (+ 2,91 %), Словакии (+ 3,00 %) и Чехии (+ 0,83 %). Падение показателя отмечено в Финляндии (– 32,31 %), Латвии (– 31,99 %), Литве (– 5,12 %), Хорватии (– 3,00 %), Дании (– 2,32 %), Люксембурге (– 2,25 %), Эстонии (– 1,06 %) и Словении (– 0,12 %).

В 2021 г. в группе стран с показателем свыше 50 % находились Кипр (100,79 %), Хорватия (79,15 %), Литва (77,12 %), Ирландия (62,00 %), Италия (56,42 %) и Латвия (50,69 %), с показателем от 20 до 49 % – Дания (39,27 %), Нидерланды (38,76 %), Испания (34,83 %), Бельгия (31,32 %), Швеция (24,27 %), Германия (24,25 %), Финляндия (22,42 %), Франция (20,98 %) и Словакия (20,43 %), с показателем от 0 до 19 % – Румыния (13,13 %), Польша (11,40 %), Венгрия (10,36 %), Болгария (9,83 %), Греция (9,31 %), Австрия (9,08 %), Люксембург (6,16 %), Чехия (1,13 %), Эстония (0,10 %), Мальта (0,00 %), Португалия (0,00 %) и Словения (0,00 %). Таким образом, Кипр, Хорватия, Литва, Ирландия, Италия и Латвия имели критическую зависимость от импорта российского угля при росте показателя на Кипре, в Ирландии и Италии, Нидерланды, Испания, Бельгия, Швеция, Германия, Франция и Словакия – высокую зависимость при росте показателя во всех этих странах, кроме Дании и Финляндии, а Румыния, Польша, Венгрия, Болгария, Греция, Австрия, Люксембург, Чехия и Эстония – низкую зависимость при росте показателя во всех этих странах, кроме Люксембурга и Эстонии. Не имели зависимости от импорта российского угля три страны – Мальта, Португалия и Словения. Общей тенденцией являлось преимущественное наращивание доли импорта российского угля во внутреннем потреблении всех стран ЕС, кроме Финляндии, Латвии, Литвы, Хорватии, Дании, Люксембурга, Эстонии и Словении (табл. 2). Среди стран Евросоюза до введения угольных санкций крупнейшими импортерами российского угля являлись Нидерланды, Польша, Германия и Италия.

Таблица 2

Динамика доли российского угля во внутреннем потреблении в странах ЕС в 2014–2021 гг.

Страна	2014 г., %	2015 г., %	2016 г., %	2017 г., %	2018 г., %	2019 г., %	2020 г., %	2021 г., %	Динамика
Австрия	0,28	5,52	5,65	3,54	4,91	7,64	8,67	9,08	8,80
Бельгия	25,37	23,55	26,87	24,71	32,20	31,01	32,29	31,32	5,95
Болгария	6,92	8,52	7,36	8,26	8,42	7,74	8,72	9,83	2,91
Венгрия	0,76	0,70	0,77	3,96	7,98	5,23	10,73	10,36	9,60
Германия	11,25	12,21	13,82	16,89	17,41	21,68	20,28	24,25	13,00
Греция	1,56	1,84	4,32	4,79	4,59	5,65	9,02	9,31	7,75
Дания	41,59	49,10	58,41	71,11	73,52	137,36	82,48	39,27	– 2,32
Ирландия	0,19	0,04	5,57	0,26	0,78	1,56	5,57	62,00	61,80
Испания	12,46	19,17	15,11	24,81	20,89	36,99	50,66	34,83	22,37
Италия	19,12	20,60	25,00	36,80	37,09	42,55	49,13	56,42	37,30
Кипр	0,00	0,00	0,00	230,19	50,38	117,66	105,27	100,79	100,79
Латвия	82,67	95,21	95,91	101,33	101,09	98,41	102,45	50,69	– 31,99
Литва	82,24	78,33	76,25	86,69	77,98	90,58	71,82	77,12	– 5,12
Люксембург	8,40	8,27	7,96	7,04	7,90	7,13	8,37	6,16	– 2,25
Мальта	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Нидерланды	19,84	26,76	31,79	38,83	38,74	42,69	51,28	38,76	18,92
Польша	8,35	6,49	6,69	11,02	16,67	15,46	14,54	11,40	3,05
Португалия	0,00	0,11	0,00	5,73	1,64	8,28	0,00	0,00	0,00
Румыния	2,98	4,43	5,84	6,24	5,63	8,97	10,30	13,13	10,15
Словакия	17,87	23,72	18,88	23,82	30,92	32,68	26,68	20,43	2,56
Словения	0,12	0,29	0,00	0,00	0,00	0,04	0,71	0,00	– 0,12
Финляндия	54,72	35,92	38,90	40,70	41,22	37,67	30,30	22,42	– 32,31
Франция	17,82	16,65	19,05	25,89	29,69	24,43	29,35	20,98	3,16

Страна	2014 г., %	2015 г., %	2016 г., %	2017 г., %	2018 г., %	2019 г., %	2020 г., %	2021 г., %	Динамика
Хорватия	82,22	63,79	73,43	82,28	37,21	94,25	77,74	79,15	– 3,07
Чехия	0,30	0,51	0,61	0,69	1,69	1,88	1,92	1,13	0,83
Швеция	14,99	16,15	15,33	15,30	17,27	13,63	19,92	24,27	9,28
Эстония	1,16	0,13	0,33	0,64	0,65	0,98	0,09	0,10	– 1,06

Источник¹²

Угольные санкции 2022 г. привели к форсированию закупок ЕС российского угля в мае–июне того же года, росту экспорта РФ в Турцию и последующему наращиванию импорта угля ЕС из других стран. Неблагоприятный эффект от переориентации Евросоюза на других экспортеров связан с ценовым преимуществом российских поставщиков и усилен высокими ценами на уголь. В результате США в 2023 г. ввезли в Европу 26,0 млн т у. т. (21,44 % всего экспорта угля в Европу с ростом доли на 3,12 % г./г.) – второе место после России (26,3 млн т у. т., или 21,66 % с падением доли на 8,76 % г./г.), – Австралия – 23,2 млн т у. т. (19,14 % с ростом доли на 6,82 % г./г.), Колумбия – 20,1 млн т у. т. (16,57 % с падением доли на 0,04 % г./г.), Южно-Африканская Республика – 9,2 млн т у. т. (7,61 % с падением доли на 4,00 % г./г.), страны СНГ (помимо России) – 4,6 млн т у. т. (4,58 % с ростом доли на 1,14 % г./г.), Индонезия – 3,4 млн т у. т. (2,76 % с ростом доли на 0,39 % г./г.).

«Зеленая» повестка в сочетании с санкционными шоками и геополитическими рисками, во многом стимулировавшими европейский энергетический кризис на фоне роста цен на традиционные виды энергосырья, стала эффективным инструментом глобальной конкуренции, позволяющим обеспечить ослабление позиций России как европейского угольного поставщика и укрепление позиций США, а также Австралии и Колумбии как основных выгодоприобретателей обозначенных тенденций [13]. Их форсирование оказывает непосредственное влияние на динамику валового внутреннего продукта РФ, а также на состояние и перспективы развития отечественной угольной промышленности [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2014–2023 гг. Россия нарастила добычу (+ 24,59 %) и экспорт (+ 37,58 %) угля. Благоприятная конъюнктура 2014–2019 гг. сменилась негативными трендами в контексте трансформации географической структуры поставок – на фоне форсирования азиатского направления европейский вектор утрачивает свою важность, что связано с введением угольных санкций, а также «зеленой» повесткой в Евросоюзе. В контексте влияния потребления угля и производства стали в ЕС на эмиссию CO₂ наблюдалась тенденция снижения потребления (– 43,58 %) и импорта (– 41,49 %) угля Европы при росте доли импорта в его потреблении с 40,88 до 42,38 %. Позитивное влияние на динамику потребления и импорта в 2021 г. оказали увеличение цен на природный газ и рост производства стали в Германии, Италии, Испании, Франции и Польше (+ 17,32 г./г.). Эти страны также входят в топ-10 потребителей угля и топ-5 эмитентов CO₂ Евросоюза, что отражает вклад угля и стали в эмиссию CO₂ стран ЕС. «Грязные» экономики, как и большинство стран ЕС, за исключением Финляндии, Латвии, Литвы, Хорватии, Дании, Люксембурга, Эстонии и Словении, в период с 2014 г. по 2021 г. увеличили долю российского угля во внутреннем потреблении. Кроме того, до введения угольных санкций они (за исключением Польши) имели высокую (Германия, Франция и Испания) и даже критическую (Италия) зависимость от российского импорта.

Введение угольных санкций в августе 2022 г. способствовало росту экспорта отечественного угля в Турцию и по азиатскому направлению, а также переориентации стран Евросоюза на других экспортеров, в первую очередь на США, Австралию и Колумбию как главных бенефициаров рассматриваемых трендов. Перспективы экспортных поставок угля России в Европу во многом будут определяться спросом со стороны Турции, сохраняющейся «зеленой» повесткой и нарастающими геополитическими рисками, которые пока не предполагают снятия санкционных ограничений и, следовательно, напрямую влияют на объемы ввозимого в Евросоюз российского угля, закрепляя приоритетность для России азиатского вектора поставок при объективной потребности большинства стран ЕС в дешевом российском угле.

¹² EIA. Reliance on Russian imports. Режим доступа: <https://www.eia.org/data-and-statistics/data-product/coal-information-2> (дата обращения: 15.09.2024).

Список литературы

1. Порфирьев Б.Н. Приоритеты устойчивого развития и климатическая повестка в начале 2020-х годов в мире и в России. Научные труды Вольного экономического общества России. 2023;3(241):72–80. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-72-80>
2. Сухарева М.А., Ленков И.Н., Пулюй Ч. Углеродная нейтральность: перспективы развития и влияние на мировую экономику. Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022;3:101–121.
3. Бобылев П. Угольная промышленность как гарантия энергобезопасности и устойчивого развития России. Энергетическая политика. 2022;12(178):50–55. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_12178.50
4. Печенкин А.Н. Переориентация экспорта угольной промышленности России в условиях эмбарго Европейского союза. Региональная и отраслевая экономика. 2023;1:171–177. https://doi.org/10.47576/2949-1916_2023_1_171
5. Медведева О.Е., Павлов А.Н., Тулунов А.С. Устойчивое развитие, «зеленая» трансформация и климатическая повестка: соотношение, подходы, институциональный инструментарий. Проблемы рыночной экономики. 2023;3:101–116. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-3-101-116>
6. Оглоблина Е.В. Проблемы географической и товарной диверсификации российского экспорта в условиях санкций. Мировая экономика и мировые финансы. 2024;2(3):11–20. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0140>
7. Руднева А.О. Ключевые факторы динамики экспорта энергосырья России в Китай. Экономика и предпринимательство. 2024;7(168):351–359. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.168.7.068>
8. Горбунова О.И., Каницкая Л.В. О реализации ESG-практик в России, странах Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона в новых реалиях. Известия Байкальского государственного университета. 2023;1(33):109–120. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).109-120](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).109-120)
9. Мудрецов А.Ф., Павлов А.Н., Прудникова А.А. Проблемы и перспективы развития зеленой энергетики в условиях перехода к устойчивому развитию. Проблемы рыночной экономики. 2023;4:85–97. <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-4-85-97>
10. Данилин И.В., Бокарев Б.А., Самбурский И.Г. Формирование европейского энергоперехода и современные корректировки реализации. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023;3(14):500–516. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.500-516>
11. Ибраилова Э.А., Ходоченко А.В. Влияние глобальных финансовых и геополитических процессов на декарбонизацию мировой экономики. Финансовые исследования. 2022;2(75):93–99. <https://doi.org/10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.009>
12. Малышев Ю., Ковальчук А., Рожков А. Угольная отрасль: поиск ориентиров в эпоху перемен. Энергетическая политика. 2021;2(156):18–29. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_2156_18
13. Ткаченко Е.А. ESG и зеленые решения в контексте проблем глобальной экономики. Известия Санкт-Петербургского государственного университета. 2022;5-1(137):13–20.
14. Малахов В.А., Несытных К.В. Долгосрочные макроэкономические потери и выгоды России от низкоуглеродного развития мира и отечественной энергетики. Проблемы прогнозирования. 2022;4(193):55–67. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-55-67>

References

1. Porfiriev B.N. Sustainable development priorities and the climate agenda in the early 2020s in the world and in Russia. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2023;3(241):72–80. (In Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-241-3-72-80>
2. Sukhareva M.A., Lenkov I.N., Pulyu Ch. Carbon neutrality: development prospects and impact on the world economy. Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration. 2022;3:101–121. (In Russian).
3. Bobylev P. The coal industry as a guarantee of energy security and sustainable development of Russia. Energy Policy. 2022;12(178):50–55. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_12178.50
4. Pechenkin A.N. Reorientation of exports of the Russian coal industry in the context of the embargo of the European Union. Regional and Sectoral Economy. 2023;1:171–177. (In Russian). https://doi.org/10.47576/2949-1916_2023_1_171
5. Medvedeva O.E., Pavlov A.N., Tulunov A.S. Sustainable development, “green” transformation and climate agenda: relationships, approaches, institutional tools. Market Economy Problems. 2023;3:101–116. (In Russian). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-3-101-116>
6. Ogloblina E.V. Problems of geographic and product diversification of Russian exports under sanctions. World Economy and World Finance. 2024;2(3):11–20. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0140>
7. Rudneva A.O. Key factors in dynamics of Russia’s energy raw materials exports to China. Ekonomika i predprinimatelstvo. 2024;7(168):351–359. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.168.7.068>

8. *Gorbunova O.I., Kanitskaya L.V.* On the Implementation of ESG Practices in Russia and in the Countries of the West, Asia-Pacific Region in the New Realities. Bulletin of Baikal State University. 2023;1(33):109–120. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).109-120](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).109-120)
9. *Mudretsov A.F., Parlov A.N., Prudnikova A.A.* Challenges and prospects of green energy development in the context of transition to sustainable development. Market Economy Problems. 2023;4:85–97. (In Russian). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2023-4-85-97>
10. *Danilin I.V., Bokarev B.A., Sambursky I.G.* European green energy transition formation and its modern implementation adjustments. MIR (Modernization. Innovation. Research). 2023;3(14):500–516. (In Russian). <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.500-516>
11. *Israilova E.A., Khodochenko A.V.* The impact of global financial and geopolitical processes on the decarbonization of the world economy. Financial Research. 2022;2(75):93–99. (In Russian). <https://doi.org/10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.009>
12. *Maibyshev Y., Kovalchuk A., Rozhkov A.* The Coal industry: finding landmarks in an era of change. Energy Policy. 2021;2(156):18–29. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_2156_18
13. *Tkachenko E.A.* ESG and green solutions in the context of global economic problems. Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics. 2022;5-1(137):13–20. (In Russian).
14. *Malakhov V.A., Neytykh K.V.* Russia's Long-Term Macroeconomic Losses and Benefits from the Low-Carbon Development of the World and Domestic Energy Industry. Studies on Russian Economic Development. 2022;4(193):55–67. (In Russian). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-55-67>

Оценка влияния экосистемных платформ на инвестиционную привлекательность компаний

Алиев Аяз Аладдин оглы¹

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов устойчивого развития
ORCID: 0000-0003-1476-9702, e-mail: aliev.aa@rea.ru

Турсунов Бахром Асрорович¹

Канд. экон. наук, доц. каф. мировых финансовых рынков и финтех
ORCID: 0000-0002-0037-0840, e-mail: tursunov.ba@rea.ru

Коньгин Дмитрий Сергеевич²

Экономист
ORCID: 0009-0003-6671-5199, e-mail: sss777@starlink.ru

¹Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

²Общество с ограниченной ответственностью «Компания Текнопласт», г. Москва, Россия

Аннотация

Условия исторически низких процентных ставок и активного стимулирования национальных экономик путем масштабного использования методик количественного смягчения центральными банками приводит к стремительному росту стоимости финансовых активов на мировых рынках. В российской экономике наблюдается бурный рост стоимости недвижимости, цен на товары длительного пользования и общей инфляции. Все эти факторы привели к масштабному увеличению брокерских счетов и активному росту частных инвесторов на Московской межбанковской валютной бирже. С ростом числа последних их сбережения, которые перенаправлены в инвестиции на финансовый рынок, имеют все больший вес в формировании трендов на российском рынке. Вместе с тем возникает необходимость в понимании сложившихся рисков и методов работы с ними. Следовательно, все больше возрастает потребность в появлении системного, стратегического подхода, методов и критериев оценки привлекательности компаний. Кроме того, усиливается борьба между публичными компаниями на российском фондовом рынке, все более актуальным становится вопрос повышения инвестиционной привлекательности, эффективности бизнеса и развития инструментов для осуществления данных процессов.

Ключевые слова

Инвестиционная привлекательность, методы оценки, экосистемные платформы, инвестиция, финансовые посредники, риски, финансовые активы

Для цитирования: Алиев А.А., Турсунов Б.А., Коньгин Д.С. Оценка влияния экосистемных платформ на инвестиционную привлекательность компаний // Вестник университета. 2024. № 12. С. 115–128.

Assessing ecosystem platforms impact on investment attractiveness of companies

Ayaz A. Aliev

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Sustainable Development Finance Department
ORCID: 0000-0003-1476-9702, e-mail: aliev.aa@rea.ru

Bakhrom A. Tursunov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the World Financial Markets and FinTech Department
ORCID: 0000-0002-0037-0840, e-mail: tursunov.ba@rea.ru

Dmitry S. Konygin

Economist
ORCID: 0009-0003-6671-5199, e-mail: sss777@starlink.ru

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

²Kompaniya Teknoplast LLC, Moscow, Russia

Abstract

Historically low interest rates and active stimulation of national economies through the large-scale use of quantitative easing techniques by central banks have led to a rapid increase in financial assets value on world markets. The Russian economy is experiencing rapid growth in real estate values, prices for durable goods, and general inflation. All these factors have led to a large-scale increase in brokerage accounts and active growth of private investors on the Moscow Interbank Currency Exchange. As the number of the latter grows, their savings, which are redirected into investments in the financial market, have an increasing weight in shaping trends in the Russian market. At the same time, there is a need to understand the existing risks and methods of dealing with them. Consequently, there is a growing need for a systematic and strategic approach, methods, and criteria for assessing the investment attractiveness of companies. In addition, the struggle among public companies on the Russian stock market is intensifying, and the issue of improving investment attractiveness and business efficiency and developing tools to implement these processes is becoming more and more urgent.

Keywords

Investment attractiveness, valuation methods, ecosystem platforms, investment, financial intermediaries, risks, financial assets

For citation: Aliev A.A., Tursunov B.A., Konygin D.S. (2024) Assessing ecosystem platforms impact on investment attractiveness of companies. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 115–128.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент существует множество подходов и методик для оценки инвестиционной привлекательности финансовых активов, однако большинство из них концентрируются на отдельных показателях и причинах, упуская остальные факторы, оказывающие влияние на деятельность компании.

Увеличение числа частных инвесторов оказывает большое влияние на развитие финансового рынка Российской Федерации. Это происходит за счет того, что значительная часть их сбережений перенаправляется в различные инвестиционные инструменты и таким образом активность частных лиц становится существенным фактором, определяющим динамику рынка. Вместе с тем возникает необходимость в понимании сложившихся рисков и методов работы с ними, следовательно, все больше возрастает потребность в появлении системного, стратегического подхода, критериев оценки привлекательности организаций. Однако усиливается борьба между публичными компаниями на российском фондовом рынке, и все более актуальным становится вопрос повышения инвестиционной привлекательности и эффективности бизнеса.

Все большую популярность набирает такое явление в крупном бизнесе, как строительство глобальных экосистем — набора различных сервисов из разных направлений, объединенных вокруг одной компании, которые несут за собой как новые возможности, так и существенные риски для национальной экономики¹. В 2021 г. ряд компаний уже приступили к построению собственных экосистем: «Сбербанк», «Яндекс», «Тинькофф», Mail.ru, «МТС» и др.

В современной экономической литературе, связанной с инвестиционной деятельностью, единого целостного подхода, отражающего четкое разделение видов на характеристики, не существует.

ВИДЫ ИНВЕСТИЦИИ

Для эффективного разбора дальнейших вопросов в инвестиционной привлекательности компании изучены и структурированы основные виды инвестиций, осуществляемые хозяйствующими субъектами (рис. 1).

По объектам вложения средств	Реальные инвестиции
	Финансовые инвестиции
По характеру участия в инвестировании	Прямые инвестиции
	Непрямые инвестиции
По периоду инвестирования	Краткосрочные инвестиции
	Среднесрочные инвестиции
	Долгосрочные инвестиции
По уровню инвестиционного риска	Низкорисковые инвестиции
	Среднерисковые инвестиции
	Высокорисковые инвестиции

Составлено авторами по материалам исследования

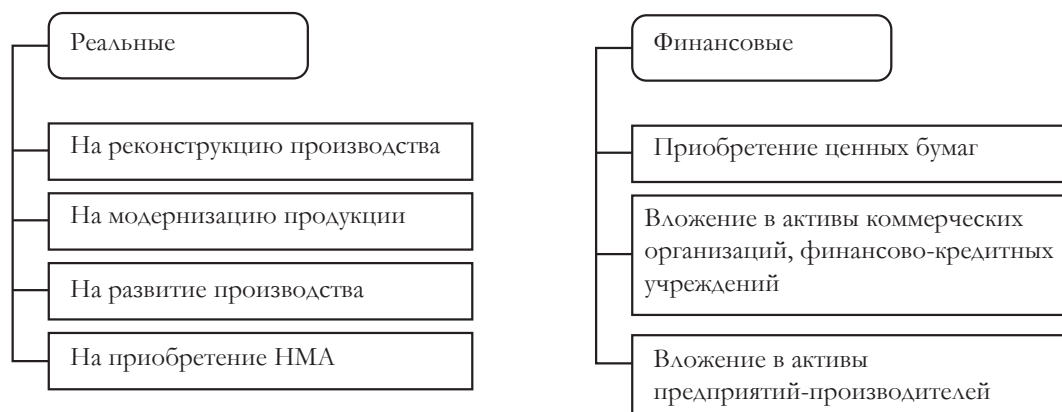
Рис. 1. Классификация инвестиций

Одной из наиболее часто упоминающихся видов инвестиций являются инвестиции по объектам вложения средств. Их обычно делят на реальные (прямые) и финансовые (портфельные) инвестиции [1]. Реальные инвестиции относятся к вложениям средств в реальные активы, связанные с осуществлением операционной деятельности предприятия, улучшением условий труда, расширением производства и увеличением текущего бизнеса. В экономической литературе они зачастую именуются капитальными вложениями, которые преследуют цель увеличения капитала в будущем. Финансовые инвестиции относятся

¹Московская межбанковская валютная биржа. 9,4 млн человек имеют брокерские счета на Московской бирже. Режим доступа: <https://www.moex.com/n32444/?nt=1064/> (дата обращения: 02.09.2024).

к вложениям денежных средств в различного рода финансовые активы – акции, облигации, производные финансовые инструменты и другие ценные бумаги. Владение ценными бумагами дает право на получение определенного дохода от собственности. К таким инвестициям можно отнести и вложение денежных средств в банковские депозиты.

Структуру инвестиций по объектам вложений можно представить в виде списка (рис. 2).

Примечание: НМА – нематериальные активы

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Основные составляющие инвестиций по объектам вложения

Следующей классификацией является разделение по характеру участия в инвестировании – прямые и непрямые инвестиции. В прямых инвестициях инвесторы обычно сами выбирают объекты инвестирования, полностью или частично принимают на себя управленческие функции либо делегируют их своим представителям, которые занимают место в совете директоров объекта. Они имеют долгосрочный период инвестирования, планы по развитию объекта и его возможной дальнейшей продаже [2].

В зависимости от требуемой доходности инвесторов виды инвестирования можно классифицировать по уровню инвестиционного риска, который измеряется чувствительностью к изменениям волатильности рынка в целом либо величиной его стандартного отклонения от величины математического ожидания движения цены инвестированного объекта. В данном случае инвестиции разделяют на безрисковые, низко-рисковые, средне-рисковые и высокорисковые.

Инвестиции также можно классифицировать по форме собственности – существуют совместные, иностранные, государственные и частные инвестиций [3].

Инвестиционная привлекательность является сложным термином, состоящим из множества факторов (рис. 3).

Предпочтения инвестора являются определяющим моментом в выборе как ключевых факторов инвестиционной привлекательности, так и объекта инвестирования. Следует помнить, что предпочтения у кредиторов, инвесторов и собственников бизнеса, как и их цели, различны. При этом классическая финансовая наука обладает различными методами оценки инвестиционной привлекательности компаний для целей принятия управленческих решений.

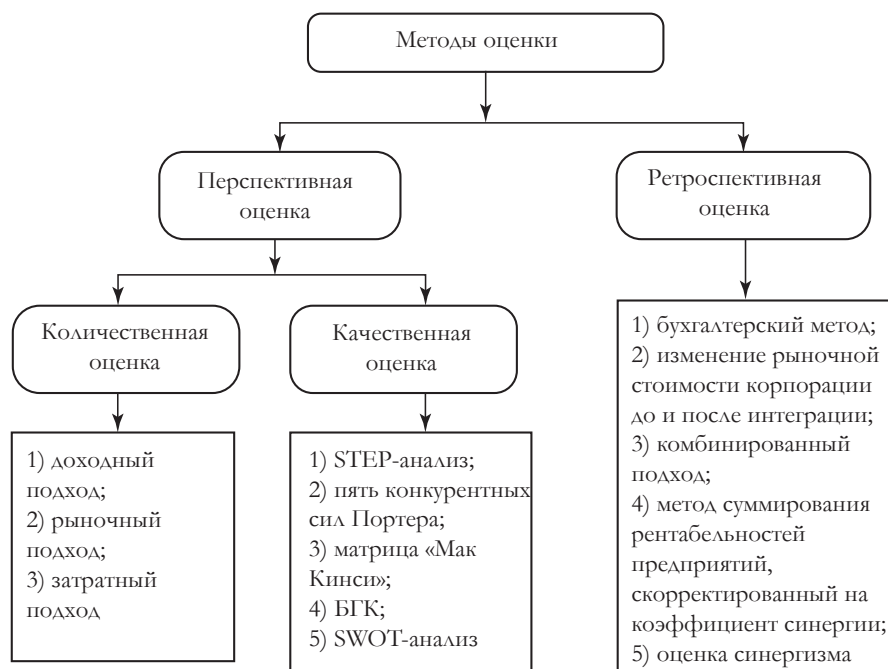
МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ

Существуют различные методы по оценке стоимости бизнеса. На первый взгляд может показаться, что использование этих методов должно приводить к одному и тому же результату (стоимости бизнеса). Однако на практике это не так. Во-первых, информация, на которую мы полагаемся и которую нам предоставляет рынок, не всегда объективна. Во-вторых, в разных методах мы используем разные показатели и значения. Следует учитывать, что оценщик играет немалую роль при проведении оценки бизнеса и те параметры, которые он заложит в свои модели, будут оказывать решающее воздействие на итоговый результат (рис. 4).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Инвестиционная привлекательность

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Методы оценки инвестиционной привлекательности

Перспективный и ретроспективный подходы к оценке бизнеса взаимосвязаны друг с другом. Ретроспективная оценка основывается на уже случившихся факторах и полагается на открытую информацию. На основании ретроспективной информации строятся прогнозные значения перспективной оценки – без них теряется ее польза.

Выделяют три основных подхода к оценке стоимости бизнеса, которые можно применить к оценке любого актива (рис. 5)².

²Корпоративный менеджмент. Подходы к оценке стоимости компании. Режим доступа: https://www.cfin.ru/appraisal/business/intro/Valuation_Standard.shtml#_ftn1 (дата обращения: 02.09.2024).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Подходы к оценке стоимости компании

Один из самых простых и быстрых в расчетах подходов – затратный. Обычно он применяется в ситуациях, когда компания не имеет стабильных доходов, либо находится на грани банкротства. С помощью этого метода мы можем оценить стоимость активов, которыми предприятие владеет, и, следовательно, сумму компенсации в случае ликвидации предприятия.

Затратный подход разделяется на два метода – метод чистых активов и ликвидационный метод. Они относятся к основным оценкам на основе бухгалтерского баланса предприятия и зачастую используются в совокупности с другими подходами.

В методе чистых активов берется рыночная стоимость активов, которые принадлежат компании, а затем вычитаются все ее обязательства перед контрагентами и кредиторами. Полученный результат показывает рыночную стоимость собственных средств предприятия.

Ликвидационный метод рассчитывается аналогично предыдущему. Полученный результат стоимости собственных средств компании дополнительно очищается от возможных расходов при ликвидации, таких как демонтаж оборудования, дисконт на продажу оборудования на рынке, а также вычитаются налоги с продажи активов и прочие всевозможные расходы, которые понесет предприятие при возможной ликвидации [4].

Вторым основным подходом выделяют сравнительный. Он опирается на рыночную стоимость совершенных сделок, оценщик выбирает компании по похожим параметрам и определяет справедливую стоимость на основании полученной информации.

Сравнительный подход разделяется на три метода:

- метод рынка капитала;
- метод сделок;
- метод отраслевых коэффициентов.

Метод рынка капитала опирается на аналитику цен, сформировавшихся на фондовом рынке. Отбираются компании одной отрасли со схожими параметрами, и на основании стоимости этих компаний формируется вывод о справедливой стоимости оцениваемого предприятия. Данный метод подходит только для публичных компаний, которые торгуются на фондовом рынке.

Метод сделок имеет схожую специфику оценки, однако методом рынка анализируется миноритарный пакет акций, а методом сделок – контрольный пакет.

В методе отраслевых коэффициентов рассчитываются финансовые показатели на основании отчетности публичных компаний, которые торгуются на фондовом рынке. Данные показатели сравниваются с показателями других компаний одной отрасли. На основании полученного результата формируется справедливая стоимость предприятия.

Доходный подход основывается на финансовых показателях компании – выручке, чистой прибыли, величине денежных потоков и прочих. Он состоит из трех методов:

- метод прямой капитализации;
- метод дисконтирования денежных потоков;
- метод избыточного дохода.

Эти методы основываются на временной стоимости денег, учитывают рентабельность текущего бизнеса, стоимость заемного капитала и собственных средств предприятия. На основании всех рассчитанных финансовых коэффициентов строятся прогнозные модели по увеличению акционерного капитала и роста денежных потоков.

Качественная оценка бизнеса, состоящая из STEP-анализа, пяти конкурентных сил Портера, матрицы «Мак Кинси», БКГ и SWOT-анализа, помогает выделить сильные и слабые стороны компании,

конкурентные преимущества продукта, бренда и др. С помощью этой оценки выделяются существующие риски (как внутренние, так и внешние), появляется возможность увидеть макроэкономические факторы, которые оказывают влияние на деятельность предприятия.

Технологические, экономические, политические и социальные аспекты могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на отрасль, в которой работает бизнес, и на сам бизнес. В качественной оценке анализируются все факторы, которые не могут быть оценены с помощью количественной.

Ретроспективный и перспективный подходы и все входящие в них методы помогают провести отрасль, в которой компания работает, оценить само предприятие и все факторы, с которыми оно сталкивается в работе. По итогам проведенных расчетов и исследований оценщик получает возможность сделать полноценный и справедливый вывод о стоимости анализируемого им бизнеса.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОСИСТЕМНЫХ ПЛАТФОРМ С ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ КОМПАНИЙ

Построение экосистемы открывает возможности по предоставлению новой продуктовой линейки клиентам и выходу компании на новые рынки сбыта, а сама экосистема начинает убеждать клиентов циркулировать внутри сервисов и потреблять ее продукты. Созданием и развитием своих цифровых экосистем уже активно занимаются 7 из 12 крупнейших по капитализации компаний мира. Подобные экосистемы могут предлагать самые большие запасы, самые быстрые сроки доставки, самый высокий уровень обслуживания клиентов и самую низкую стоимость на продукты предприятия. Международная консалтинговая компания McKinsey провела исследования, что уже к 2025 г. мировые цифровые экосистемы могут занять треть всего корпоративного дохода³.

Основным драйвером роста экосистем являются бесконечные сделки слияния и поглощения (M&A), а также соглашения и партнерства с другими лидерами своих отраслей. Стремительно растущие затраты на покупку сторонних бизнесов могут оказывать значительное влияние на величину рисков, которые экосистема несет, однако далеко не все приобретения по итогу окажутся оправданными. Неудачные покупки могут оказывать прямое воздействие на ключевые показатели финансовой отчетности компании и ее долговой устойчивости на рынке, что может сказаться на инвестиционной привлекательности предприятия.

Крупнейшими международными технологическими экосистемами являются четыре компании из Соединенных Штатов Америки (Facebook, Amazon, Apple, Google), а также две китайские компании (Tencent и Alibaba)⁴. Экосистемы привлекают клиентов выгодными условиями дешевых подписок, которые дают доступ или хорошие скидки на предоставляемые организацией продукты и сервисы, включающие различные направления: банковские услуги, облачные хранилища данных, услуги такси, телемедицина, доставка продуктов питания и готовой еды, крупные торговые маркетплейсы, онлайн-кинотеатры и др. Попадая в экосистему, клиент становится окружен компаниями, их продуктами, а подписка и удобный сервис, оплачиваемые им ежемесячно, создают условия, в которых клиентам невыгодно пользоваться услугами и продуктами конкурентов [5].

Американские технологические компании продолжают наращивать существенное влияние на национальном рынке, но их планы по развитию на этом не ограничиваются – они активно продолжают заниматься экспансией услуг на международных рынках. Стоит отметить, что китайские конкуренты более сдержанны в своих целях, стараясь фокусироваться на захвате национальных рынков. Они расширяются на международные рынки больше для оказания услуг китайским туристам или продвижения товаров, сделанных китайскими производителями.

Изначальный отсутствующий интерес у технологических гигантов к развитию традиционных финансовых продуктов и услуг обуславливался созданием новых рисков, присутствием сильного надзора и жестких правил от регулирующих государственных органов. Кроме того, финансовая отрасль отличается пониженной маржинальностью в отличие от технологического сектора, что не прибавляло желания развиваться в этом направлении. Однако стремительно растущие базы клиентов и количество услуг заставляют развивать финансовые услуги внутри системы.

³McKinsey & Company. If you're not building an ecosystem, chances are your competitors are Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/businessfunctions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-strategy-and-corporate-finance-blog/if-youre-not-building-an-ecosystem-chances-are-your-competitors-are> (дата обращения: 02.09.2024).

⁴Trading view. График компании AMAZON на фондовом рынке. Режим доступа: <https://ru.tradingview.com/chart/?symbol=AMAZON> (дата обращения: 02.09.2024).

Финансовые услуги обычно привязаны к основным бизнес-направлениям существующей экосистемы и являются вспомогательной, сопутствующей услугой, созданной для улучшения качества клиентского опыта, очередной ступенью, удерживающей клиента внутри системы, создающей полный спектр предоставляемых услуг. Собственные финансовые услуги снижают издержки основных бизнес-направлений экосистемы, которые вынуждены пользоваться финансовыми продуктами, что ведет к росту маржинальности группы в целом. Объединяя в себе различные отраслевые направления, включая финансовую отрасль, экосистема получает уникальную возможность по сбору масштабных клиентских данных от персональных, платежных данных до возможности наблюдения за всеми действиями клиента и его перемещениями. Все это помогает в развитии экосистемы и удержании клиентов внутри нее путем успешного скоринга клиентов и точного установления лимитов, успешному таргетированию рекламы внутри системы и др.

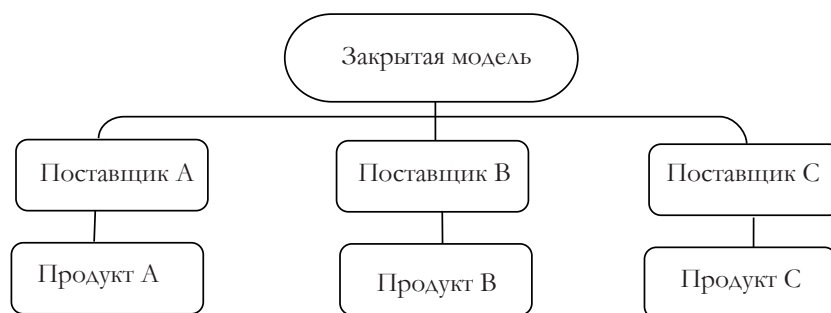
КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОСИСТЕМНЫХ ПЛАТФОРМ И ИХ СРАВНЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ И РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Сильные и слабые стороны экосистемы, как и ее влияние на экономику, выстраиваются в зависимости от типа платформы, который компания решила использовать. Центральный банк Российской Федерации в своем докладе выделяет следующие характеристики экосистемных платформ⁵:

- открытые;
- закрытые;
- гибридные.

Экосистемные платформы объединяют продукты и услуги различных компаний на своих ресурсах.

К закрытым платформам относятся экосистемы, включающие ограниченное количество поставщиков и партнеров. Зачастую поставщиком продуктов и услуг выступают сам сервис, организации, входящие в экосистемную структуру, или компании, создающиеся на базе партнерских отношений с совместной долей владения. Подобные экосистемы напрямую заинтересованы в расширении предложения продуктового ассортимента, но с ограниченным количеством поставщиков. Это позволяет полноценно следить за качеством и удобством предоставляемых продуктов и услуг, собирать с потребителей обратную связь и оперативно исправлять недочеты в реализуемых продуктах (рис. 6).

Составлено авторами по материалам исследования

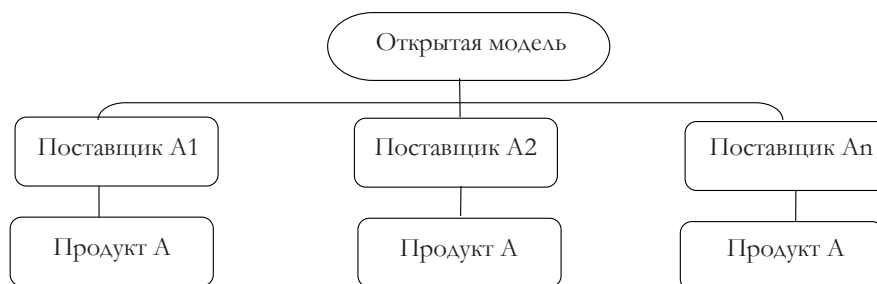
Рис. 6. Закрытая экосистемная модель

Однако такие системы являются наиболее затратными. Компании сталкиваются со значительной конкуренцией на рынке, что вынуждает их привлекать и использовать дополнительные значительные финансовые ресурсы, для развития и расширения ассортимента предлагаемых продуктов и услуг. Следующим минусом является отношение регуляторов к подобным платформам, поскольку они ведут к возникновению естественных монополий, отсутствию конкуренции внутри системы и, следовательно, ограниченности выбора потребителя. У контролирующих органов могут возникнуть справедливые регуляторные запросы к модели построения такого бизнеса.

Открытая экосистемная модель построения платформенных решений открывает доступ для всех конкурирующих предприятий, которые выполняют заранее установленные платформенные правила

⁵Центральный банк Российской Федерации. Экосистемы: подходы к регулированию. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

и условия, обеспечивающие выход в систему. Подобная модель устанавливает единые правила для всех участников системы, а создатели платформы либо не являются поставщиками продуктов и услуг, либо находятся в равных конкурирующих условиях с остальными. Она является менее финансово затратной, за счет привлекаемых поставщиков товаров и услуг обеспечивает оперативное и максимальное наполнение своей платформы всем возможным спектром ассортимента, предлагаемого потребителю. Открытая конкуренция способствует построению наиболее привлекательной ценовой политики для потребителей товаров и услуг, а также наиболее качественного сервиса, направленного на удовлетворение всех потребностей потребителя (рис. 7).

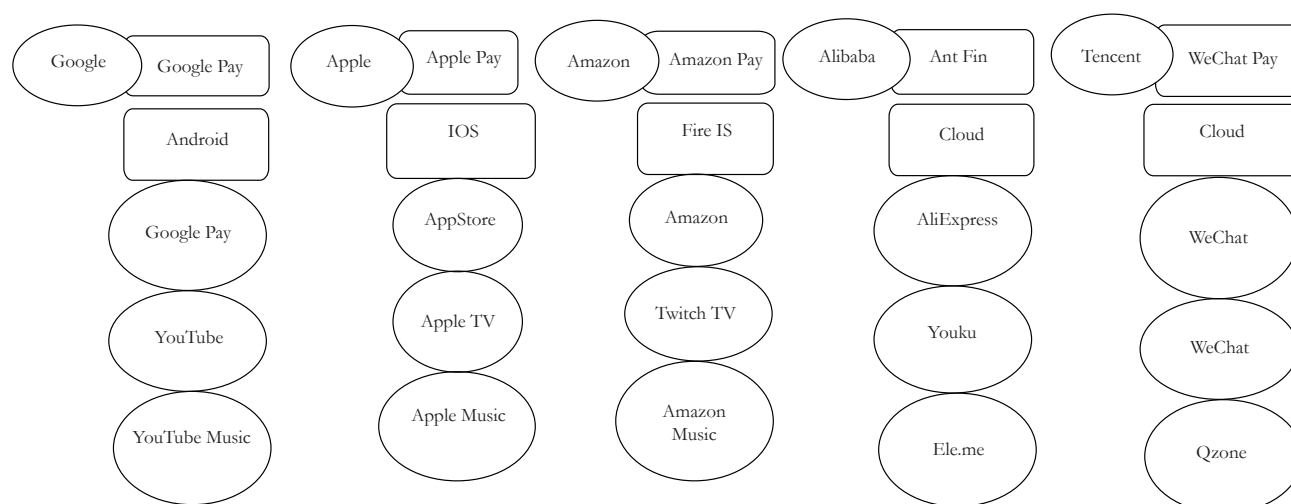
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 7. Открытая экосистемная модель

Однако в такой модели невозможно достичь единого брендового качества, которое будет различаться от поставщика к поставщику. К открытой платформенной модели экосистемного бизнеса отношение регуляторов складывается с наибольшим оптимизмом, поскольку она обеспечивает процветание как компании-создателя, так и участников системы, включая поставщиков товаров и услуг и потребителей этих продуктов.

Российская и мировая практика по развитию экосистемных платформ показывает, что компании стараются выстраивать свои системы по гибриднему принципу, совмещая в различных сервисах как открытые модели, так и закрытые. Различные бизнес-блоки, входящие в экосистемы, преимущественно относятся к открытым или закрытым моделям. Финансовые блоки, включающие интернет-платежи и другие финансовые сервисы, и технологические сервисы, основанные на информационных технологиях, реализуются по закрытым моделям, а сервисы, относящиеся к электронной коммерции, и интернет-приложения для создания контента – в большей степени по открытым.

Рассмотрим экосистемы крупнейших международных корпораций и их сервисы (рис. 8). В круге находятся сервисы, построенные по открытой модели, а в прямоугольнике – по закрытой.

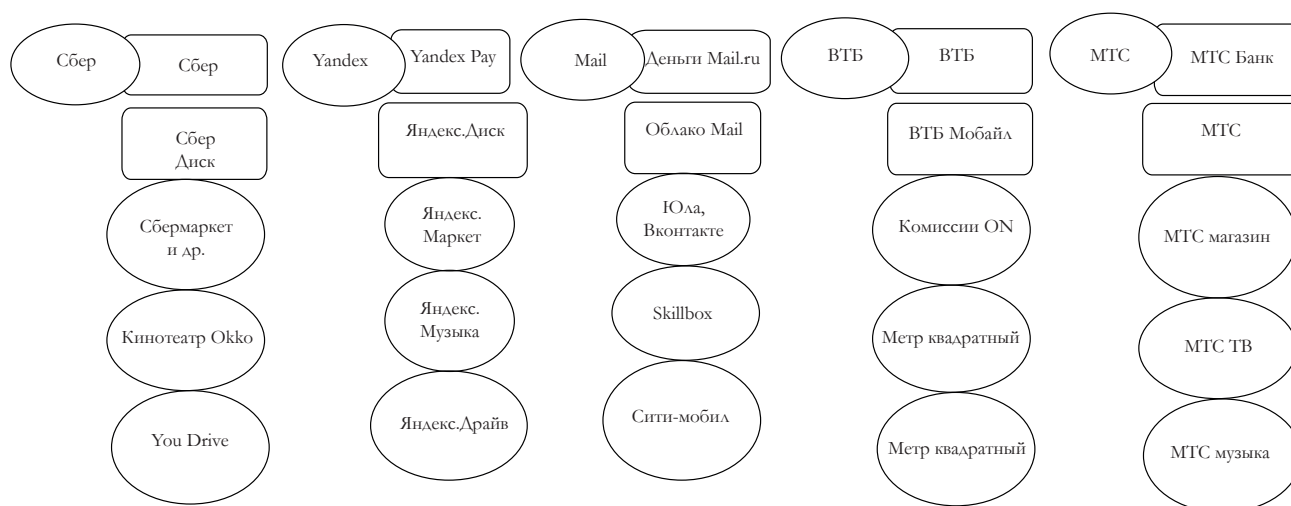

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 8. Крупнейшие международные экосистемы

Финансовые сервисы международных корпораций построены по закрытой модели либо за счет сил корпорации, либо с помощью партнеров владельцев платформы. Финансовые услуги в крупных технологических компаниях носят вспомогательный характер и используются как сопутствующий продукт при потреблении продуктов и услуг внутри экосистемы. Построение таких сервисов по открытой методике и допуске других финансовых учреждений в систему могло бы значительно усложнить жизнь клиентов выбором продуктов, а также возможностью их использования различными классами клиентов. Сервисы, относящиеся к электронной коммерции и образу жизни (созданию развлекательного контента), строятся только на открытой модели, где поставщики продуктов и услуг вступают в значительную рыночную конкуренцию.

Российские компании не уступают по охвату направлений деятельности и строят экосистемный бизнес похожим образом (рис. 9).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 9. Крупнейшие российские экосистемы

На российском рынке все больше компаний расширяют направленность деятельности и пытаются выстраивать свои собственные экосистемы. Наиболее крупными платформами являются сервисы «Сбера» и «Яндекса». По аналогии с международными компаниями финансовые сервисы на отечественном рынке выстраиваются по закрытым моделям.

Основной стратегией построения и развития экосистем в настоящее время является фокус на стремительный набор клиентской базы, а также удержание клиентов внутри самой системы. Большинство развивающихся платформ на начальных этапах развития приносят убытки, однако это является осознанной стратегией по стремительному захвату рынка как потребителей, так и производителей и продавцов. Сопутствующие положительные факторы, которые получает компания от масштабного привлечения клиентов и начала их работы в системе, создают эффекты экономии на масштабе, дают возможность сформировать большую базу данных информации о клиентах и всех их действиях и предпочтениях, которые в дальнейшем смогут использоваться в маркетинговых целях. Формируется надежная база клиентов, которая сможет помочь более легко выходить на новые рынки с меньшими затратами и издержками, включая внешние рынки и борьбу с иностранными компаниями и их экосистемами. Набор большой базы клиентов и зацикливание их внутри своей системы дает компании сильные конкурентные преимущества и создает условия, в которых ее почти невозможно вытеснить с обслуживаемых рынков.

СПРАВЕДЛИВАЯ СТОИМОСТЬ И ПОСТРОЕНИЕ БУДУЩИХ ПОТОКОВ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «СБЕРБАНК»

Одним из основных методов определения справедливой стоимости, отражающей инвестиционную привлекательность компании, является метод дисконтирования денежных потоков. Он базируется на различной стоимости денег во времени в зависимости от инфляционного давления на покупательную способность и включает методику приведения денежных потоков компании к единому моменту времени.

Для прогнозного расчета будущих денежных потоков или чистой прибыли необходимо определить исторические значения доходов и расходов предприятия. Рассчитаем прогнозные значения ожидаемых будущих темпов роста и прибыли (табл. 1). В связи с высокой закредитованностью физических и юридических лиц, связанной с программами льготной ипотеки и рекордно низкой ключевой процентной ставкой, закладываем понижение темпов роста до 2024 г. в размере 20 % ежегодно от значений прошлых лет.

Таблица 1

Прогнозные значения темпов роста и ожидаемой прибыли

Год	Прогнозный период	Темп роста, %	Ожидаемая прибыль, млрд руб.
2024	3,00	5,02	1 052,69
2025	4,00	6,52	1 121,38
2026	5,00	8,48	1 216,49
2027	6,00	10,18	1 340,31
2028	7,00	10,69	1 483,56
2029	8,00	11,22	1 650,04
2030	9,00	11,78	1 844,46

Составлено авторами по материалам источника⁶

Одновременно с понижением темпов роста, связанных с охлаждением динамики увеличения случаев кредитования физических и юридических лиц, вкладываем в модель рост сегмента нефинансового бизнеса, который будет увеличивать темпы роста ожидаемой прибыли на 30 % в 2025–2026 гг., на 20 % – в 2027 г., на 5 % – в оставшиеся годы. По словам главы публичного акционерного общества «Сбербанк» Г. Грефа, доходы от нефинансового бизнеса будут активно расти: «Бизнес на нефинансовых рынках будет расти на 100 % ежегодно, доля доходов от нефинансовых сервисов в чистом операционном доходе группы на горизонте 2030 г. достигнет 20–30 %»⁷.

Рассчитаем ставку дисконтирования, с помощью которой будем приводить стоимость посчитанной ожидаемой прибыли к стоимости базового периода текущего времени (табл. 2).

Таблица 2

Прогнозные значения дисконтированной ожидаемой прибыли

Год	Прогнозный период	Темп роста, %	Ожидаемая прибыль, млрд руб.	Год
2023	2,00	6,27	1 002,38	661,48
2024	3,00	5,02	1 052,69	564,32
2025	4,00	6,52	1 121,38	488,34
2026	5,00	8,48	1 216,49	430,35

Составлено авторами по материалам источника⁸

Стандартным коэффициентом для расчета ставки дисконтирования является показатель средневзвешенной стоимости капитала WACC, но для финансовой компании, у которой нет заемного капитала в классическом его понимании, а обязательства банка строятся из депозитов физических и юридических лиц, правильнее будет использовать коэффициент требуемой доходности акционеров CAPM:

$$CAPM = R_f + \beta x \cdot (R_m - R_f), \quad (1)$$

⁶Сбербанк. Финансовая отчетность. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2024/sber-ar-2023-ru.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

⁷Сидоров М. «Сбер» делает ставку на нефинансовые услуги. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/11/30/848903-sber-stavku> (дата обращения: 02.09.2024).

⁸Сбербанк. Финансовая отчетность. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2024/sber-ar-2023-ru.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

где R_f – безрисковая ставка, R_m – доходность индекса, $(R_m - R_f)$ – премия за рыночный риск, β – коэффициент, который определяет то, насколько конкретная акция чувствительна к колебаниям доходности рынка.

За безрисковую ставку доходности возьмем размер ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации – 0,075, ставку доходности индекса Московской межбанковской валютной биржи – 0,1790, коэффициент β – 1,5⁹.

Проведем расчеты: $0,0750 \cdot 1,5 \cdot (0,1790 - 0,0750) = 0,2310$.

Получаем ставку дисконтирования в размере 23,10 %, которая учитывает текущий уровень инфляции, волатильность торгуемой бумаги на фондовом рынке, а также премию за рыночный риск.

Дисконтируем ожидаемую прибыль из табл. 2 и приведем ее к стоимости базового периода для расчет терминальной стоимости, используя формулу:

$$DCF \frac{FCF_1}{(1+R)^1} + \frac{FCF_2}{(1+R)^2} + \frac{FCF_3}{(1+R)^3} + \frac{FCF(1+G)}{R-G}, \quad (2)$$

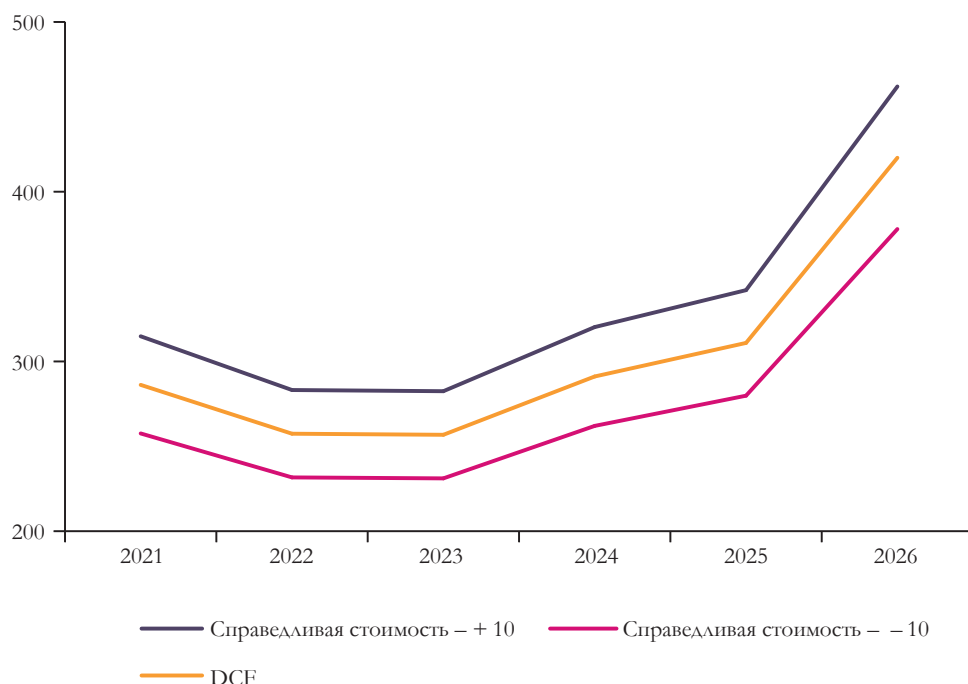
где FCF – ожидаемая прибыль за период, R – ставка дисконтирования, G – темп роста.

Рассчитаем терминальную стоимость в 2026 г., исходя из значений ожидаемой прибыли: $((1\ 216,49 \cdot (1 + 0,0980)) / (0,2310 - 0,0980) \cdot 1\ 000\ 000\ 000) / 22\ 587\ 000\ 000 = 447,73$ руб.

Дисконтируем результат и приведем его к стоимости базового периода: $447,73 \cdot (1 + 0,02310)^5 = 157,33$ руб.

Сложим терминальную стоимость и сумму дисконтированной ожидаемой прибыли и получим 286,20 руб.

Вложив в модель замедляющийся рост темпов кредитования классического направления публичного акционерного общества «Сбербанк», а также ускоряющийся рост подразделения нефинансового бизнеса, который относится к строительству экосистемной платформы, на основании имеющихся и рассчитанных данных можем построить график справедливой цены банка (рис. 10).

Составлено авторами по материалам источника¹⁰

Рис. 10. Справедливая стоимость публичного акционерного общества «Сбербанк» и диапазон справедливой оценки

⁹ Коэффициент бета демонстрирует чувствительность рынка и цены отдельного актива или всего портфеля относительно эталона – бенчмарка. Режим доступа: https://ru.investing.com/equities/sberbank_rts (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁰ Сбербанк. Финансовая отчетность. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2024/sber-ar-2023-ru.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

На рис. 10 мы можем увидеть, что начиная с 2024 г. новый сегмент банка, на который менеджеры делают основную ставку, сможет дать прирост прибыли, что повысит инвестиционную привлекательность группы «Сбер» и, следовательно, повлияет на увеличение рыночной стоимости банка.

ВЫВОДЫ

С ростом масштаба экосистемного бизнеса финансовые сервисы, построенные по закрытой модели, со временем могут перейти на открытые, собственным финансовым компаниям может начать не хватать капитала для обслуживания всего потока клиентов. Подобным примером может служить китайский технологический гигант Alibaba, который с небольшого маркетплейса стал основным источником розничных клиентов – заемщиков для национальной банковской отрасли. Хотя все большее количество крупнейших компаний выбирают путь построения собственных экосистемных бизнес-моделей стратегического развития, что на настоящем этапе составляет инновационно-прогрессивную форму развития бизнеса, подобная модель построения бизнес-процессов несет множество рисков от поставщиков и потребителей услуг внутри экосистемной модели до головной компании.

Центральный банк Российской Федерации, как и иностранные регуляторы, вынужден оценивать последствия и потенциальные риски, возникающие на национальных рынках. Он выделяет следующие группы, которые подвержены разного рода рискам¹¹:

- риски для физических лиц (как пользователи экосистемы, так и лица, не являющиеся ее клиентами);
- риски для поставщиков различных товаров и услуг (как пользователи экосистемы, так и лица, не являющиеся ее клиентами);
- риски для национальной экономики;
- риски монополизации технологических решений.

Потребители – пользователи экосистемных сервисов – сталкиваются со снижающейся возможностью выбора различных продуктов, так как их внимание сосредоточено только на тех поставщиках, которые представлены в этой экосистеме, а экосистемная платформа создает условия, в которых потребителю наиболее выгодно пользоваться только ее сервисами. Одним из популярных инструментов привязывания клиента к своим сервисам является ежемесячная подписка («Сберпрайм» от «Сбера» и «Яндекс.Плюс» от «Яндекса»), которая дает базовые доступы к продуктам разных сервисов и хорошие скидочные предложения. Следует отметить и накапливающуюся информацию о привычках, покупках и других действиях потребителя внутри экосистемы, которую платформа использует в своих целях, оказывая в дальнейшем влияние на потребительскую активность клиента.

По мере роста продаж товаров и услуг внутри экосистемных бизнесов, начинают страдать традиционные компании, придерживающиеся стандартной модели развития, поскольку часть их клиентов постепенно начинают перемещать свои потребительские привычки на товары и услуги экосистемных платформ. Переход компаний на платформенные продажи, с одной стороны, создает приток новых клиентов, а с другой – ущемляет их в свободе действий, заставляя подчиняться правилам, установленным владельцем платформы. По мере развития экосистемы и доминирования ее на рынке она способна оказывать все большее влияние на потребителей и поставщиков, потому что ее клиенты находятся в вынужденном положении пользования ее сервисами. Существует вероятность появления различных требований для поставщиков товаров и услуг, которые могут различаться, предоставляя одним поставщикам более выгодные условия и ущемляя в них других. Все эти риски должны пристально контролироваться регулируемыми органами, которые должны создать понятные и строгие правила для ведения и развития подобных платформ.

Инновационные направления развития бизнеса ведут к постепенному созданию глобальных гигантов с огромной рыночной капитализацией. В руках подобных компаний сосредотачиваются большие сила и власть, которые распространяются и вне национальных рынков. Организации могут выделять в своих экосистемах национальных поставщиков товаров и услуг, нарушая справедливую рыночную конкуренцию. Правительства стран должны создать условия, в которых платформы смогут эффективно развиваться и конкурировать с экспансией международных компаний, тем самым защищая более мелких поставщиков.

¹¹ Центральный банк Российской Федерации. Экосистемы: подходы к регулированию. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Владельцы экосистемных платформ сосредотачивают огромные финансовые ресурсы и возможности по развитию технологических решений. Используя их, компания постепенно сможет скупить всех достойных конкурентов, что приведет к абсолютной монополизации технологической отрасли.

Следует отметить риск утечки информации. Экосистемные платформы накапливают огромный уникальный объем данных, включая информацию о предпочтениях и действиях клиентов, который концентрируется в одном месте, создавая риски утечек и неправомерного использования информации. Существует риск создания собственной валюты внутри экосистемных платформ, что может навредить национальной кредитной-денежной политике в целом.

Перед странами, где национальных экосистемных платформ нет, особо остро стоит вопрос защиты национального производителя продуктов и услуг. Регулирующие органы и представители власти должны обращать пристальное внимание на новую, развивающуюся технологическую отрасль и оперативно реагировать на все изменения, происходящие в ней. Им предстоит найти правильный баланс в регулировании подобных экосистемных платформ.

Список литературы

1. Юзвович Л.И. Инвестиции. 2^е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета; 2018. 610 с.
2. Слепов В.А. (ред.) Финансы. 4^е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М; 2020. 336 с.
3. Батаева П.С., Агасиева М.Н., Амерханова З.Ш. Инвестиционная активность как фактор экономического роста. Журнал прикладных исследований. 2022;2(6):138–142. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_6_2_138
4. Лихачева Н.А., Усин Р.У. Методы оценки инвестиционной привлекательности компании. Актуальные научные исследования в современном мире. 2020;12-3(68):247–251.
5. Стаценко В.В., Бычкова И.И. Экосистемный подход в построении современных бизнес моделей. Индустриальная экономика. 2021;1:45–61. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_1_45

References

1. Yuzvovich L.I. Investments. 2nd ed., revised and enlarged. Yekaterinburg: Ural Federal University Publ. House; 2018. 610 p. (In Russian).
2. Slepor V.A. (ed.) Finance. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: INFRA-M; 2020. 336 p. (In Russian).
3. Bataeva P.S., Agasieva M.N., Amerkhanova Z.Sh. Investment activity of the region as a factor of its sustainable economic growth. Journal of Applied Research. 2022;2(6):138–142. (In Russian). https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_6_2_138
4. Likhacheva N.A., Musin R.U. Methods of evaluation of investment attractiveness of the company. Current scientific research in modern world. 2020;12-3(68):247–251. (In Russian).
5. Statsenko V.V., Bychkova I.I. Ecosystem approach in building modern business models. Industrial economy. 2021;1:45–61. (In Russian). https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_1_45

Анализ влияния отдельных факторов на инвестиционные процессы в регионах

Каграманян Назик Саядовна

Канд. полит. наук, доц. каф. управления развитием бизнеса
ORCID: 0009-0009-7446-6501, e-mail: ao_klenova@guu.ru

Лукьянцева Стелла Викторовна

Преп. каф. управления развитием бизнеса
ORCID: 0009-0008-2558-1282, e-mail: ao_klenova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Региональный инвестиционный стандарт создан с целью сокращения региональной дифференциации по объему инвестиций и выравнивания условий для инвесторов и инвестиционного климата в целом. Цель нововведения в достаточной степени актуальна с учетом значительной разобщенности регионов Российской Федерации и огромной разницы в условиях развития бизнеса для потенциальных инвесторов. Тренд на снижение расслоения по территориальному фактору неизбежно должен включать равенство условий ведения экономической деятельности для всех. В этом свете не менее актуально повышение эффективности самих инструментов воздействия на инвестиционный климат, то есть составляющих региональный инвестиционный стандарт. Целью настоящего исследования является анализ эффективности инвестиционного стандарта в инвестиционной деятельности региона, то есть выявление того, насколько внедрение стандарта в действительности способствовало росту объемов инвестиций в регионе. В рамках решения данной задачи предполагается, что инструменты повышения эффективности реализации инвестиционных проектов должны быть увязаны со статистикой динамики инвестиционной деятельности на уровне регионов. В противном случае существует риск, что стандарт останется в области декларативных индексов.

Ключевые слова

Анализ, факторы влияния, инвестиции, корреляционно-регрессионный анализ, перспективы развития, промышленное производство, региональный инвестиционный стандарт, эффективность

Для цитирования: Каграманян Н.С., Лукьянцева С.В. Анализ влияния отдельных факторов на инвестиционные процессы в регионах // Вестник университета. 2024. № 12. С. 129–136.

Analyzing individual factors influence on investment processes in regions

Nazik S. Kagramanyan

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Business Development Management Department
ORCID: 0009-0009-7446-6501, e-mail: ao_klenova@guu.ru

Stella V. Lukiantseva

Lecturer at the Business Development Management Department
ORCID: 0009-0008-2558-1282, e-mail: ao_klenova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The Regional Investment Standard was created in order to reduce regional differentiation in terms of investment volume and equalize conditions for investors and the investment climate in general. The purpose of the innovation is quite relevant given the significant fragmentation of the Russian regions and the huge difference in business development conditions for potential investors. The trend to reduce stratification by spatial factor must inevitably include conditions equality for economic activity for everyone. It is no less important to improve the effectiveness of the very instruments of impact on the investment climate, i.e. the Regional Investment Standard. The purpose of the study is to analyze the investment standard effectiveness in regional investment activity, i.e. to identify the extent to which the standard implementation has actually contributed to the investment growth in regions. As a part of the solution to the issue, it has been assumed that the tools for improving investment project implementation efficiency should be linked to the investment activity dynamics statistics at the regional level. Otherwise, there is a risk that the Standard will remain in the realm of declarative indices.

Keywords

Analysis, influencing factors, investments, correlation and regression analysis, development prospects, industrial production, regional investment standard, efficiency

For citation: Kagramanyan N.S., Lukiantseva S.V. (2024) Analyzing individual factors influence on investment processes in regions. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 129–136.

ВВЕДЕНИЕ

Как указал Президент Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на совещании по экономическим вопросам с Правительством РФ 27 апреля 2024 г.: «Для каждого россиянина, где бы он ни проживал, надо создавать равные возможности и условия жизни»¹. Абсолютно верное утверждение, отражающее огромную географическую, экономическую, транспортную разобщенности территорий страны, которые значительно дифференцируют регионы и население по качеству жизни и уровню экономического развития [1]. Это в полной мере относится к разнице в условиях хозяйствования, ведения бизнеса и, как следствие, в инвестиционном климате. Именно инвестиции определяют возможности экономической деятельности в текущем моменте и в ближайшем будущем и формируют экономические условия жизни граждан завтрашнего дня [2].

Ряд отечественных и зарубежных авторов отмечают, что существует взаимосвязь между работой органов законодательной и исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения экономической деятельности и степенью инвестиционной привлекательности [3–5]. В связи с этим видится потенциально эффективным путь создания единых условий инвестиционной деятельности через некий стандартный для всех механизм работы в этом направлении со стороны региональных властей.

В России уже с 2012 г. развивается направление выравнивания инвестиционного климата в регионах в рамках создания регионального инвестиционного стандарта (далее – РИС), который включает пять инструментов, общей задачей которых является создание единого стандарта для всех регионов страны [6]:

- инвестиционные декларации;
- агентства развития;
- инвестиционные комитеты;
- инвестиционные карты;
- своды инвестиционных правил.

С 2021 г. стандарт становится обязательным на уровне регионов, и остро встает вопрос эффективности активно внедряемого инструментария, поскольку это требует значительных ресурсов [7]. Наиболее целесообразным видится осуществление анализа эффективности РИС путем сличения темпов роста инвестиций в конкретном регионе с его позициями в рейтинге субъектов федерации по введению нового стандарта.

Начало активного распространения РИС с 2021 г. пока еще не дает оснований со 100 % уверенностью делать выводы на основании текущей статистики инвестиций в регионах о целесообразности работы самого стандарта. Однако мы уже сейчас должны понимать границы, в которых показатель может считаться действенным, а за которыми – оставаться в зоне декларативного индикатора.

Одним из направлений настоящего исследования является поиск целевых параметров, по которым можно судить не только о степени внедрения регионального инвестиционного стандарта, но и о его эффективности. С учетом мнения ряда авторов принято решение не выделять отдельно влияние РИС на иностранные инвестиции в силу отсутствия определенности в международном положении и отсутствии конкретики в механизмах влияния РИС на зарубежное инвестирование на уровне регионов [8; 9]. Практически весь их объем направлен в столичный регион, что снова приведет нас к влиянию статистических выбросов.

Сообразуясь с позицией Д.В. Сидоркина, будет целесообразно очистить показатели инвестирования от бюджетной составляющей, поскольку ее влияние может сильно повлиять на результаты оценки инвестиционного климата в регионах [10]. Реализация федеральных программ, национальных проектов, проектов регионального масштаба может существенно исказить влияние РИС на инвестиционный климат, так как составляет существенную часть инвестиций регионов [11; 12]. Существенно важным отличием настоящего исследования от работ других авторов будет использование «чистых» объемов инвестирования без учета бюджетных средств, что в полной мере соответствует смыслу термина «инвестиционный климат», для улучшения которого и создавался РИС. Мы не исключаем из расчета и общий показатель инвестиционной деятельности в разрезе регионов.

Обобщая приведенные выше мнения исследователей и авторский взгляд на проблему, мы можем определить основную задачу настоящего исследования – выявление факторов, определяющих инвестиционную деятельность в регионах. В рамках решения задачи рассматриваем структуру инвестиций в регионах на душу населения в разрезе:

¹ Путин: Для каждого россиянина нужно создать равные условия жизни. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/04/27/putin-dlia-kazhdogo-rossiianina-nuzhno-sozdat-ravnye-usloviia-zhizni.html?ysclid=m35zm3rfth17690700> (дата обращения: 06.09.2024).

- собственных средств предприятий;
- привлеченных средств (кроме бюджетных средств);
- инвестиций на душу населения за исключением бюджетных средств;
- инвестиций за счет банковского кредитования.

Для поиска основных факторов влияния на инвестиционные процессы (то есть регрессионного анализа) мы выбрали объем промышленного производства, среднедушевые доходы населения и величину оценки внедрения РИС по регионам за 2023 г. Эти направления имеют определяющую роль в инвестиционной привлекательности регионов и возможностях предприятий и граждан осуществлять долгосрочные нефинансовые вложения в регионе.

Основным источником данных для исследования послужил раздел Федеральной службы государственной статистики «Инвестиции в нефинансовые активы»². Для обработки исходных данных использовались такие методы общенаучного познания, как синтез, анализ, регрессия, табличный.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа влияния отдельных факторов на инвестиционные процессы в регионах использовано сочетание количественных и качественных методов исследования. Основой для анализа послужили данные, предоставленные официальными статистическими источниками, такими как Федеральная служба государственной статистики, а также региональные управленческие структуры и базы данных международных организаций.

Материалы исследования включали статистические данные о макроэкономических показателях регионов, в том числе уровень валового регионального продукта, объемы прямых иностранных инвестиций, уровень безработицы, степень инфраструктурной развитости, индекс инвестиционной привлекательности и ряд социальных индикаторов, таких как демографические показатели, качество образования и здравоохранения. Период исследования охватывал 2010–2023 гг., что дало возможность проследить динамику изменений и выявить ключевые тренды.

Достоверность результатов обеспечивалась репрезентативностью выборки, применением статистически обоснованных методов обработки данных и проверкой гипотез с использованием стандартных методов математической статистики.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальность изучения факторов, влияющих на инвестиционные процессы в регионах, обусловлена важностью инвестиционной деятельности для устойчивого экономического роста и социального развития территорий. В литературе выделяются несколько ключевых аспектов, касающихся этой темы.

Первым аспектом является определение понятия инвестиционной привлекательности региона. Согласно исследованиям, проведенным С.А. Дьяковым и Е.С. Федоровым, инвестиционная привлекательность определяется как совокупность экономических, социальных и политических факторов, оказывающих влияние на решение инвесторов о вложении средств в тот или иной регион. Макроэкономические показатели, такие как валовой региональный продукт и уровень налоговой нагрузки, играют ключевую роль в ее определении.

Еще одним важным направлением является анализ специфических факторов, влияющих на инвестиционные процессы. В работе Е.Г. Михайловой показано, что такие факторы, как уровень развитости инфраструктуры, качество рабочей силы и устойчивость политической ситуации, могут существенно усиливать или ослаблять инвестиционные потоки. Так, регионы с развитой транспортной и коммуникационной инфраструктурой привлекают больше прямых иностранных инвестиций.

Третий аспект касается оценки влияния социально-экономических условий на уровень и качество привлеченных инвестиций. В частности, некоторые исследования отечественных ученых подчеркивают значимость социальных факторов, таких как уровень жизни населения, доступность образовательных и медицинских учреждений. В регионах с высоким уровнем социального обеспечения наблюдается больший интерес со стороны инвесторов, что связано с повышенными возможностями для трудоустройства и потребления.

² Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 06.09.2024).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование посвящено анализу влияния отдельных факторов на инвестиционные процессы в регионах. Мы не ожидаем увидеть среди них индекс РИС на первом месте, но рассчитываем, что он играет определенную роль в формировании инвестиционного климата в регионах.

В таблице применен наиболее целесообразный подход для столь разных в абсолютных выражениях величин для разнородных по численности жителей регионов – расчет показателей исключительно на душу населения за 2023 г. за исключением показателя индекса РИС, поскольку он уже представлен в единых для всех регионов оценочных единицах измерения (баллы от 0 до 500).

Таблица

Результаты регрессионного анализа факторов, влияющих на инвестиции в основной капитал в региональном разрезе (с учетом структуры инвестиций) – параметры регрессионных моделей

Показатели	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Проверка $F > F_t$ (F_t – табличное значение Критерия Фишера)	Оценка достоверности модели (значимость F)
Инвестиции – промышленное производство	0,88	0,78	Да	< 0,01
Инвестиции – доходы	0,84	0,71	Да	< 0,01
Инвестиции – РИС 2023	0,27	0,07	Да	0,01
Собственные средства – промышленное производство	0,98	0,97	Да	< 0,01
Собственные средства – доходы	0,76	0,58	Да	< 0,01
Собственные средства – РИС 2023	0,37	0,14	Да	< 0,01
Привлеченные средства – промышленное производство	0,61	0,37	Да	< 0,01
Привлеченные средства – доходы	0,77	0,59	Да	< 0,01
Привлеченные средства – РИС 2023	0,11	0,01	Нет	0,33
Внебюджетные средства – промышленное производство	0,89	0,80	Да	< 0,01
Внебюджетные средства – доходы	0,83	0,69	Да	< 0,01
Внебюджетные средства – РИС 2023	0,29	0,08	Да	< 0,01
Средства банков – промышленное производство	0,10	0,01	Нет	0,37
Средства банков – доходы	0,37	0,14	Да	< 0,01
Средства банков – РИС 2023	0,03	0,00	Нет	0,81

Составлено авторами по материалам исследования

Как мы видим из результатов регрессионного анализа, представленного в таблице, наибольшее влияние на величину инвестиций оказывает уровень промышленного производства (коэффициент корреляции 0,88) и доходы населения (0,84). Значение регионального инвестиционного стандарта на текущем уровне его внедрения пока имеет практически отсутствующее влияние на величину инвестиций в основной капитал на душу населения, хотя, как мы уже указали выше, это может быть связано с малым периодом его внедрения.

Более конкретные данные получаем в результате анализа корреляции тех же влияющих факторов на региональные инвестиции в основной капитал за счет собственных средств. Здесь для показателей влияния промышленного производства качество модели значительно выше (коэффициент корреляции 0,98), и особенно оно повышается для модели «Собственные средства – РИС 2023» (коэффициент

корреляции достигает 0,37). Следовательно, можно с большей уверенностью говорить о влиянии регионального инвестиционного стандарта на инвестиции, если рассматривать их очищенными от бюджетного влияния. Доходы населения в этом случае оказывают уже меньшее влияние на объемы инвестирования, что свидетельствует об их зависимости от возможностей регионального бюджета.

Следующий этап – рассмотрение моделей с привлеченными средствами – показывает ухудшение качества итогов регрессионного анализа, что логично, поскольку привлеченные средства включают бюджетное финансирование, которое слабо зависит и от промышленного производства региона, и от степени внедрения инвестиционного стандарта.

Оценка влияния определенных выше факторов на инвестиции за исключением бюджетных в принципе находится на уровне качества моделей для всего объема инвестиций в целом. В связи с этим нет нужды заострять внимание на каких-то особенностях.

Влияние факторов производства, доходов и РИС на инвестиции за счет банковских кредитов – интересный вопрос в свете работы Д.В. Сидоркина [10]. Регрессионный анализ показал полное отсутствие связи между инвестированием за счет банков и определенными нами влияющими факторами. Это говорит о полном отсутствии их влияния на желание компаний инвестировать в кредит. Тем не менее факт доли банковских средств в общем инвестиционном потоке в 3,9 % говорит сам за себя – организации более расположены сами финансировать инвестиции в основной капитал.

Ключевым фактором влияния является величина промышленного производства на душу населения, хотя влияние РИС также представляется неожиданно высоким, несмотря на отсутствие положительных результатов в начале проведения настоящего исследования. Корреляция в 0,37 между инвестированием за счет собственных средств в регионах и индексом РИС для региона – неплохой результат на фоне небольшого периода внедрения инвестиционного стандарта. РИС показал хороший качественный итог с точки зрения параметров регрессионной модели, и в ряде случаев это действительно работающий инструмент повышения эффективности реализации инвестиционных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сосредоточили внимание на аспекте результативности регионального инвестиционного стандарта как инструмента роста эффективности реализации инвестиционных проектов. Задача оказалась непростой и потребовала длительного решения. Желая избежать ошибки, связанной со значительной разницей в численности жителей, мы анализировали все показатели в расчете на душу населения. Это качественным образом отличает настоящее исследование от исследований других авторов – по крайней мере нам не встречались подобные расчеты в подушевом выражении.

Определен поиск действующих факторов инвестиционного развития на уровне регионов. Сообразясь с мнением научного сообщества, а также с тематикой настоящего исследования, мы определили, что ключевым фактором влияния на инвестиционные процессы является уровень промышленного производства региона. Чем больше величина промышленного производства на душу населения, тем выше объем инвестирования с высокой степенью корреляции показателей.

Чуть меньшее влияние оказывает уровень доходов населения. Корреляция обуславливается зависимостью доходов от промышленного производства, то есть высокие доходы обеспечены развитой промышленностью и ничем более.

Индекс регионального инвестиционного стандарта в региональном разрезе оказывает относительно небольшое влияние на инвестиционные процессы – коэффициент корреляции равен 0,27. С учетом незначительности периода действия РИС (с 2021 г.) и не 100 % отработанности его инструментов для всех регионов можно считать достигнутый уровень неплохим результатом для текущего момента (данные за 2023 г.).

Мысль разделить инвестиции в структурном выражении на собственные и привлеченные средства привела нас к неожиданному результату. Зависимость объемов инвестиций от уровня промышленного производства (напомним, что все показатели рассчитаны на душу населения) приближается к 100 % корреляции. Кроме того, повышается влияние РИС на инвестиционные процессы в регионах (до 0,37 значения коэффициента корреляции). Это свидетельствует о том, что РИС и промышленное развитие в целом оказывают непосредственное влияние на инвестиционный климат в регионе, если его «очистить» от бюджетной составляющей.

Отметим, что влияние определенных нами факторов на инвестирование за счет банковских кредитов околонулевое, то есть предприятия предпочитают рассчитывать на собственные силы в инвестировании,

на что следует обращать внимание при формировании политики поддержки инвестиционных процессов в регионах. Иначе говоря, банковское кредитование – последнее, что должно приниматься в расчет. Упор должен делаться на стимуляцию и способствование инвестированию за счет собственных средств предприятий. Этот пункт даже может включаться в анкетирование при сборе информации от респондентов при формировании показателей РИС.

Включение в расчет инвестирования за счет бюджетных средств заметно ухудшает качество корреляции РИС с инвестиционными показателями. В связи с этим при формировании показателей эффективности РИС и общего направления его воздействия целесообразно использовать «очищенные» от бюджетной части значения объемов инвестиций в регионах. В ряде субъектов федерации доля бюджетных средств может достигать половины всего объема инвестиций, и это обстоятельство существенно искажает понимание природы влияния РИС на региональные инвестиции.

Список литературы

1. Дементьев В.Е. Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста. *Terra Economicus*. 2020;2(18):6–21. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21>
2. Фролова Н.С. Инвестиционная политика в стратегическом развитии регионов: пространственный аспект. *Общество: политика, экономика, право*. 2024;2(127):73–79. <https://doi.org/10.24158/pep.2024.2.7>
3. Жуковская Н.П., Штапова И.С. Управление инвестиционным потенциалом территории: региональная практика. *Russian Economic Bulletin*. 2021;3(4):93–98.
4. Мякишин В.Н., Петров В.Н., Песякова Т.Н. Методика оценки эффективности региональной инвестиционной политики субъектов Российской Федерации. *Экономика региона*. 2023;1(19):259–273. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-20>
5. Старовойт Р.В., Емельянов С.Г., Афанасьева Л.В., Межонина Ж.А. Стимулирование инвестиционной активности в целях обеспечения экономической безопасности региона. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023;3(13):53–64. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-53-64>
6. Маслюк Н.А., Медведева Н.В. Инструментарий реализации регионального инвестиционного стандарта нового поколения. *Власть и управление на Востоке России*. 2022;2(99):8–20. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20>
7. Захаров С.А. Конкуренция регионов за инвестора: когда инвестиционный портал станет средством конкурентной борьбы? *ЭКО*. 2020;7(553):130–149. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-7-130-149>
8. Цыпин А.П., Попов В.В., Овсянников В.А. Рост иностранного капитала в сельском хозяйстве России как угроза продовольственной безопасности страны. *Продовольственная политика и безопасность*. 2016;3(3):197–202. <https://doi.org/10.18334/ppib.3.3.36495>
9. Дорожкина Т.В., Щербак Е.С., Кузнецова А.А., Иванов А.А. О современных механизмах привлечения иностранных инвестиций в Российскую Федерацию. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023;5(49):82–84.
10. Сидоркин Д.В. О необходимости совершенствования стандартов оценки инвестиционного климата в регионах. *Сибирская финансовая школа*. 2021;3(143):128–137. <https://doi.org/10.34020/1993-4386-2021-3-128-137>
11. Барчуков А.В., Тишутин О.И., Тишутин А.А. Анализ влияния бюджетных инвестиций на социально-экономическое положение регионов. *Финансовый менеджмент*. 2024;6:140–148.
12. Поздняков К.К. Бюджетные средства в финансировании инвестиций инновационного развития региона (на примере Центрально-черноземного района). *Финансы и управление*. 2021;3:1–15. <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2021.3.36260>

References

1. Dementyev V.E. Factors of differentiation of regions by economic growth rates. *Terra Economicus*. 2020;2(18):6–21. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21>
2. Frolova N.S. Investment policy in the strategic development of regions: spatial aspect. *Society: Politics. Economics. Law*. 2024;2(127):73–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2024.2.7>
3. Zhukovskaya N.P., Shtapova I.S. Investment attractiveness management: regional practice. *Russian Economic Bulletin*. 2021;3(4):93–98. (In Russian).
4. Myakshin V.N., Petrov V.N., Pesyakova T.N. Methodology for assessing the effectiveness of investment policy in Russian regions. *Economy of Regions*. 2023;1(19):259–273. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-20>
5. Starovoi R.V., Emelianov S.G., Afanasyeva L.V., Mezhnova Zh.A. Stimulation of Investment Activities to Ensure the Economic Security of the Region. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2023;3(13):53–64. (In Russian). <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-53-64>

6. Maslyuk N.A., Medvedeva N.V. Instruments of implementation of a new regional investment standard. Power and Administration in the East of Russia. 2022;2(99):8–20. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20>
7. Zaharov S.A. Russian Regions Competing for Investors: When Will an Investment Portal Become a Means of Competition? ECO. 2020;7(553):130–149. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-7-130-149>
8. Tsybin A.P., Popov V.V., Ovsyannikov V.A. Increase of foreign capital in Russia's agriculture as a threat to the country's food security. Food Policy and Security. 2016;3(3):197–202. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ppib.3.3.36495>
9. Dorozhkina T.V., Shcherbakova E.S., Kuznetsova A.A., Ivanov A.A. About modern mechanisms for attracting foreign investments into the Russian Federation. Natural-Humanitarian Sciences. 2023;5(49):82–84. (In Russian).
10. Sidorkin D.V. On the need to improve the standards for assessing the investment climate in the regions. Siberian Financial School. 2021;3(143):128–137. (In Russian). <https://doi.org/10.34020/1993-4386-2021-3-128-137>
11. Barchukov A.V., Tishutina O.I., Tishutin A.A. Analyzing the impact of budget investments on the socio-economic situation of regions. Financial management. 2024;6:140–148. (In Russian).
12. Pozdnyakov K.K. Budgetary funds in financing investments in innovative development of the region (on the example of the Central Black Earth Region). Finance and Management. 2021;3:1–15. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2021.3.36260>

Автоматизация текущего финансового контроля в холдинге

Гайша Ольга Дмитриевна¹

Канд. экон. наук, зам. ген. директора по экономике и финансам
ORCID: 0000-0002-0639-8668, e-mail: gaishaod@outlook.com

Джигоев Владимир Алексеевич²

Канд. экон. наук, ст. преп. каф. финансов и кредита
ORCID: 0000-0003-2896-930X, e-mail: vlad.jigoev@yandex.ru

Окороков Владимир Леонидович³

Канд. экон. наук, директор по стратегии и финансам
ORCID: 0009-0005-4438-6843, e-mail: vokorokov@gmail.com

¹Общество с ограниченной ответственностью «В-Парк», г. Калуга, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

³Общество с ограниченной ответственностью «Агропромышленный парк К-Агро», г. Обнинск, Россия

Аннотация

Финансовый контроль имеет важнейшее значение для управления финансами на любом уровне, обеспечивая надежное функционирование системы. Совершенствование этой функции способствует повышению эффективности использования ресурсов и росту скорости реагирования на происходящие изменения. Изучены аспекты организации финансового контроля в такой интеграционной форме, как холдинг. Определены проблемы, с которыми сталкиваются управляющие компании холдингов при реализации функции внутреннего финансового контроля. По результатам проведенного исследования предложен подход к автоматизации текущего финансового контроля в холдинге: описаны алгоритм сбора данных и формат его обработки, а также отражены подходы автоматизации форм отчетности для заинтересованных лиц с целью представления основных тенденций и факторов отклонений, необходимых для дальнейшего принятия управленческих решений. Практическая значимость исследования состоит в доступности описанного подхода с точки зрения затрат на его внедрение и поддержание, а также максимальной скорости сбора и обработки данных в холдингах с разветвленной структурной организацией. В рамках исследования использовались методы библиографического и логического анализа и системный подход.

Ключевые слова

Анализ, контроль, финансовый контроль, холдинг, управляющая компания, система, автоматизация процессов, дашборд

Для цитирования: Гайша О.Д., Джигоев В.А., Окороков В.Л. Автоматизация текущего финансового контроля в холдинге // Вестник университета. 2024. № 12. С. 137–145.

© Гайша О.Д., Джигоев В.А., Окороков В.Л., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Current financial control automation in a holding

Olga D. Gaisha¹

Cand. Sci. (Econ.), Deputy General Director for Economy and Finance
ORCID: 0000-0002-0639-8668, e-mail: gaishaod@outlook.com

Vladimir A. Dzhioev²

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Finance and Credit Department
ORCID: 0000-0003-2896-930X, e-mail: vlad.jioev@yandex.ru

Vladimir L. Okorokov³

Cand. Sci. (Econ.), Director for Strategy and Finance
ORCID: 0009-0005-4438-6843, e-mail: vokorokov@gmail.com

¹V-Park LLC, Kaluga, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

³K-Agro Agroindustrial Park LLC, Obninsk, Russia

Abstract

Financial control is critical to financial management at any level, ensuring the sound functioning of the system. Improvement of this function contributes to increase in efficiency of resource utilization and growth of speed of response to changes. The financial control organization aspects in such an integration form as a holding company have been studied. The issues faced by management companies of holdings when realizing the function of internal financial control have been determined. Based on the study results, an approach to current financial control automation in a holding company has been proposed: the algorithm of data collection and the format of its processing have been described, as well as approaches to automation of reporting forms for stakeholders in order to present the main trends and factors of deviations necessary for further management decisions. Practical significance of the study lies in the described approach accessibility in terms of the cost of its implementation and maintenance, as well as the maximum speed of data collection and processing in holdings with a branched structural organization. The research used bibliographic and logical analysis methods and a systematic approach.

Keywords

Analysis, control, financial control, holding, management company, system, process automation, dashboard

For citation: Gaisha O.D., Dzhioev V.A., Okorokov V.L. (2024) Current financial control automation in a holding. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 137–145.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях быстро меняющихся событий и усиливающейся конкуренции повышается важность финансового контроля и планирования, ведь именно они являются движущей силой успешного функционирования любой организации. Внутрифирменный финансовый контроль направлен на выявление и устранение недостатков, снижение рисков неэффективного использования материальных, финансовых и трудовых ресурсов предприятия, обеспечение достоверной информацией руководителей и собственников, а также последующую разработку рекомендаций по совершенствованию учета и контроля. Ввиду высокого уровня развития технологий при организации финансового контроля как процесса важным фактором является обеспечение деятельности таким образом, чтобы достигалась максимальная эффективность, а также учитывалась специфика объекта контроля.

В рамках настоящего исследования поставлена задача выявить проблемы и предложить пути решения при организации текущего финансового контроля в такой форме организации, как холдинг, который ввиду своей разветвленной организационной структуры при условии отсутствия автоматизированной системы финансового контроля и анализа финансово-хозяйственной деятельности сталкивается с аналитическими ошибками, потерей данных, сбоями в организационных процессах, превышением сроков в процессах согласования бюджетов и др. [1]. Уровень обеспечения информацией лиц, принимающих управленческие решения, и возможности автоматизированного управления компанией являются неотъемлемыми составляющими конкурентоспособных преимуществ. Единая автоматизированная система способствует централизованному управлению финансами, минимизируя риски ошибок и неграмотного использования ресурсов.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Синергетический эффект холдингов, представляющих «объединение предпринимательских корпораций, контролируемых одним лицом (головной организацией), созданных для более эффективного управления», состоит в получении большей доходности при возможности снижения затрат, аккумуляции ресурсов всех элементов холдинга [2, с. 48]. Структурно холдинг можно представить с позиции как совокупности юридических лиц, входящих в его состав, так и совокупности центров финансовой ответственности (управленческий аспект) (далее – ЦФО). При этом отдельный ЦФО может равняться как одному, так и нескольким юридическим лицам холдинга, и наоборот – в рамках одного юридического лица могут выделяться несколько ЦФО. Выделение центров и закрепление целевых показателей являются объективной необходимостью крупного бизнеса, которым трудно управлять централизованным путем [3]. Этим объясняются специфика и сложность формирования единой системы внутреннего контроля и планирования в холдинге.

Неотъемлемой составляющей холдинга является управляющая компания, наделенная определенным объемом функций. На практике функции управляющих компаний могут существенно отличаться в зависимости от вида деятельности, страны нахождения и жизненного цикла предприятия или производимого продукта/предоставляемой услуги. Можно выделить следующие основные функции [1]:

- поддержание отношений с внешней средой;
- перераспределение финансовых ресурсов внутри холдинга;
- обеспечение финансового контроля внутри холдинга;
- создание общекорпоративной культуры;
- отбор, утверждение и развитие менеджеров отдельных элементов холдинга;
- координация деятельности отдельных элементов холдинга;
- выработка единой системы ценностей;
- определение общей стратегии.

Управляющие компании при организации финансового контроля и планирования в холдинге могут столкнуться с рядом проблем:

- трудоемкость при сборе данных по всему холдингу с дальнейшей их обработкой и формированием отчетных документов;
- низкая информационная полнота собираемой информации и, как следствие, консолидируемой холдингом информации на выходе;

- представленное на рынке программное обеспечение (далее – ПО) не учитывает всей специфики отдельно взятого холдинга;
- длительный процесс сбора и обработки данных подвергает риску несвоевременного реагирования на ухудшения ситуации в холдинге, следовательно, способность быстро реагировать на изменения и гибко адаптироваться – ключевой приоритет [4].

Ряд организаций предоставляют услуги по пользованию разработанным ПО, которое может отвечать ряду запросам холдингов, однако встает вопрос безопасности информации как важнейшего актива любого современного предприятия, поскольку становится доступным сторонним организациям [5; 6]. При этом разработка авторского ПО, отвечающего запросам отдельно взятого холдинга, доступна не каждому по причине существенных издержек на его создание: расходы на содержание команды программистов, техническое оснащение и т.д. [7].

В рамках реализации функции финансового контроля внутри холдинга перед управляющей компанией стоят следующие задачи:

- проверка достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности элементов холдинга;
- сверка и планирование внутригрупповых операций;
- эффективное распределение ресурсов внутри холдинга;
- предупреждение и устранение факторов, негативно влияющих на деятельность холдинга;
- проверка соблюдения интересов холдинга и его собственников;
- выявление резервов снижения затрат при производстве продукции, выполнении работ и оказании услуг;
- обеспечение внутренних пользователей холдинга информацией по результатам проведенного контроля для дальнейшего принятия эффективных решений.

Одним из основных методов внутреннего контроля в холдинге на текущем этапе его осуществления может выступить анализ выполнения фактов хозяйственной деятельности. Так, базовым способом его проведения выступает план-факт анализ исполнения бюджета. В рамках проведения такого анализа используются фактические и плановые данные за отчетный период, далее рассчитываются отклонения в абсолютном и процентном выражении. Отчетный период чаще всего представляет календарный месяц, также может проводиться за квартал и год.

На основе план-факт анализа также могут применяться следующие подходы:

- 1) прогноз годовых показателей – с целью выявления тенденций и построения прогноза на год целесообразно добавить данные накопленного итога с начала года, а также данные плановых значений до конца года;
- 2) анализ данных текущего отчетного периода с данными за аналогичный период прошлого года – отражение тенденций развития по периметру в целом и отдельным направлениям в частности;
- 3) факторный анализ – выделение элементов с суммами отклонений и вкладом (%) исполнения плана.

Основная задача проведения такого анализа – выявление отклонений, а также причин возникновения подобных ситуаций. Результаты анализа (сумма отклонения, основные факторы, ответственный и т.д.) могут в дальнейшем использоваться руководством для принятия управленческих решений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим вариант автоматизации текущего финансового контроля с минимальными затратами на его организацию. При этом организация и дальнейшее поддержание работоспособности возможны без привлечения сторонних учреждений.

Сводные таблицы и встроенные инструменты работы с данными MS Office Excel являются эффективным инструментом, позволяющим из одного или нескольких массивов данных создавать наглядные многофункциональные отчеты, которые впоследствии легко можно перевести в графическую форму. Так, при обработке данных в сводной таблице возможно выстраивать необходимую аналитику как на укрупненном, так и на максимально детализированном уровнях. Инструменты Power Query и Power Pivot обеспечивают сбор и обработку данных из разных источников и исходной структуры. Таким образом, источником данных для сводной таблицы выступает модель, формируемая непосредственно в отчете, а не простая таблица. Все сведения хранятся в четко структурированном облачном хранилище. Загрузка данных в хранилище происходит автоматически из учетных систем (как правило, фактические данные) или через формы ручного ввода (как правило, плановые данные).

С целью достижения поставленной в рамках настоящего исследования задачи рассмотрим пример организации инструмента для проведения текущего финансового контроля в холдинге при помощи базовых функций и надстроек MS Office Excel. На первичном этапе важное место занимают проработка и описание процесса сбора и обработки данных в холдинге. Изучим его на примере операций по движению денежных средств, анализ и контроль за которыми осуществляется на ежедневной основе (исходя из общей практики).

Основной массив данных о движении денежных средств формируется в бухгалтерских учетных системах юридических лиц холдингов. Эти учетные системы могут быть от разных производителей и разных версий и обслуживаться разными бухгалтериями. Следовательно, с целью обеспечения эффективной консолидации данных важно заложить унифицированный формат входящей информации, который будет отвечать следующим критериям:

- соответствие запросам управляющей компании;
- гибкость при постоянном изменении корпоративной структуры холдинга и реструктуризации;
- полнота и широта обрабатываемой информационной базы;
- стандартизация форм сбора данных.

Для описанного выше процесса с точки зрения авторов необходимым и достаточным является набор данных о фактических и планируемых операциях каждой компании холдинга (таблица).

Таблица

Пример набора собираемой информации отдельных юридических лиц холдинга

Компания	ЦФО	Дата	Статья	Объект	Сумма	Контрагент	Вид операции	Назначение	Документ
ООО «Компас»	ЦФО 1	01.04.2024 г.	Выручка от основной деятельности	Проект 1	100 000	ООО «Каскад»	1	Оплата по Договору №...	00БП-0001 от 01.04.2024 г.
ООО «Компас»	ЦФО 1	02.04.2024 г.	Заработная плата	Расходы УК	– 10 000	Персонал	1	Оплата по ведомости №...	00БП-0002 от 02.04.2024 г.
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...

Составлено авторами по материалам исследования

Массив данных в предложенной структуре выгружается из бухгалтерской системы юридического лица в облачное хранилище холдинга в виде отдельных файлов. Методолог системы определяет имена, порядок хранения этих файлов, который должен быть строго закреплен. Итоговые отчеты подключаются к файлам через запросы Power Query. Запросы прописываются один раз при создании, далее требуется лишь обновлять подключения.

Критичным для систематизированного финансового контроля операций в рамках предлагаемой авторами системы является использование полей «Объект» и «Вид операции».

«Объект» – это одновременно номенклатурная группа, ЦФО и место возникновения затрат безотносительно к теоретическим спорам об их отличии и влиянии на них того или иного руководителя. Это влияние раскрывается уже через поле ЦФО. Аналитический срез «Объект» разбивает все операции (проводки) внутри компании на группы, которые в зависимости от целей и потребностей пользователей отчетности могут включать экономическое, управленческое, бухгалтерское содержание.

«Вид операции», как и другие управленческие аналитики, присваивается каждой проводке в управленческом учете. Применение этой аналитики обусловлено в первую очередь необходимостью консолидировать отчетность группы компаний, поскольку это поле определяет, является операция внутригрупповой или нет.

Взаимное применение аналитик «Объект» и «Вид операции» в итоговых отчетах по всему холдингу позволяет гибко анализировать информацию как в разрезе всего холдинга и сегментов бизнеса, так и внутри юридических лиц. В случае, если операции по какому-то объекту (бизнес-сегменту) происходят сразу в четырех юридических лицах холдинга, в итоговом отчете можно сформировать единый реестр операций по данному объекту, воспользовавшись соответствующим фильтром сводного отчета. С помощью такого отчета возможно проведение функции контроля корректности разнесения данных в бухгалтерском учете отдельных компаний и бизнес-сегментов (объектов), а также для дальнейшего использования в рамках формирования сводного отчета по другим аналитикам, например, ЦФО.

От степени детализации бюджета холдинга зависит дальнейшая возможность проведения план-факт анализа. Считаем целесообразным формирование бюджета и текущих прогнозов с указанием юридического лица, ЦФО, периода, статьи и объекта. Дополнительные данные в формате комментариев и (при потребности) детализации по ключевым контрагентам усилят формат представления плана для дальнейшего проведения анализа отклонений по бюджету. Для корректности отражения консолидированной информации необходимо обеспечить унифицированную систему представления срезов – статей, объектов и т.д. Для этих целей отличным инструментом выступит единый справочник.

Функциональные возможности MS Excel позволяют без ручных расчетов на одном листе увидеть данные как плана, так и факта за отчетный период или накопленным итогом (с помощью создания так называемых мер в надстройке MS Excel Power Pivot). Пример представления сводного отчета отдельного ЦФО холдинга для проведения план-факт анализа представлен на рис. 1.

Год	Месяц	Группа_ЦФ	Контрагент	Год	Месяц			
2021	Янв	All	All	2024	Апр			
2022	Фев			2023	Мар			
2023	Мар			2022	Апр			
2024	Апр			2021	Май			
2021	Май			2020	Июн			
2022	Июн			2019	Июль			
2023	Июль							
2024	Июль							
2025	Июль							
Компания	Статья	Названия строк	Факт (месяц)	Бюджет (месяц)	абс.откл. (месяц)	Факт (накопленным итогом с нач. года)	Бюджет (накопленным итогом с нач. года)	абс. откл. (накопл. итогом)
ЮЛ 1	Объект 1	ЕСН и аналогичные платежи	-89 136	-89 136	89 136	-45 000	-356 545	311 545
ЮЛ 2	Заработная плата	Заработная плата	-65 250	-65 250	65 250	-45 000	-261 000	216 000
ЮЛ 3	НДФЛ	НДФЛ	-9 750	-9 750	9 750	-329 783	-12 800	-317 483
Объект 2	Аренда (офис)	Аренда (офис)	-2 440	-2 440	-740	-17 012	-12 300	-4 712
Объект 2	Попкупка и обслуживание стандартного программного обеспечения	Попкупка и обслуживание стандартного программного обеспечения	-1 000	-1 000	0	-4 000	-4 000	0
Объект 2	Расчетно-кассовое обслуживание	Расчетно-кассовое обслуживание	-1 440	-700	-740	-7 000	-5 500	-1 500
Объект 2	Хозяйственные и офисные расходы	Хозяйственные и офисные расходы	-281 491	-281 491	-312 771	-5 760	-2 800	-2 960
Объект 3	Прочие финансовые расходы	Прочие финансовые расходы	-281 491	-281 491	-312 771	-252		-252
ЮЛ 3	Объект 1	Попкупка и обслуживание стандартного программного обеспечения	-1 500	-625	-875	-3 710	-2 500	-1 210
Объект 1	Связь мобильная	Связь мобильная	-1 500	-625	-875	-1 500		-1 500
Объект 3	Прочие налоги, сборы, пошлины	Прочие налоги, сборы, пошлины				-2 210	-2 500	290
Объект 3	Продажа (машины и оборудование)	Продажа (машины и оборудование)				6 000		6 000
Общий итог			-285 431	-91 461	-193 970	-122 493	-371 345	248 852

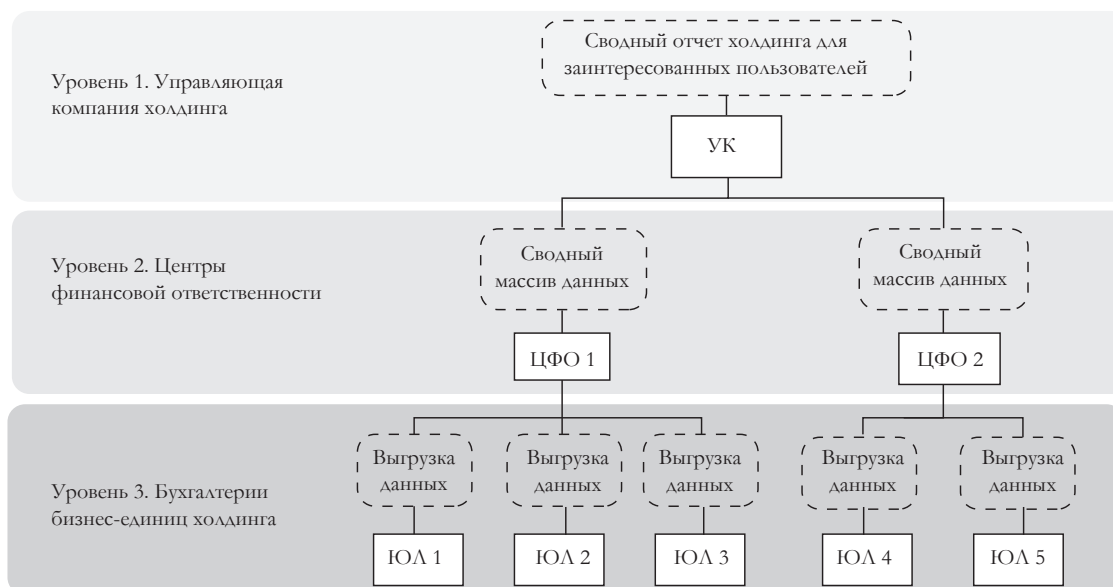
Примечание: ЮЛ – юридическое лицо, НДФЛ – налог на доходы физических лиц, ЕСН – единый социальный налог

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Пример представления сводного отчета по движению денежных средств ЦФО

Как мы видим на рис. 1, в представленном сводном отчете собраны данные по трем юридическим лицам холдинга (ЮЛ 1, ЮЛ 2 и ЮЛ 3), закрепленным за ЦФО, по объектам и статьям в формате план-факт за отчетный период (месяц) и с накопленным итогом с начала года с отражением абсолютного отклонения (технические возможности позволяют также сделать относительное отклонение). Такой формат может являться основой для формирования сводных отчетов по частным запросам, ведь отчеты не статичны в отличие от ручных форм, а также гибки в плане формирования строк аналитик – допустимы фильтрации, перестановки, а также частная группировка направлений деятельности по запросу с помощью унифицированных трансформационных таблиц, встроенных в модель данных.

Важно отметить, что неотъемлемой составляющей сбора данных на уровне холдинга является выделение оборотов внутри организации, которые подлежат обязательному отражению в бухгалтерском и налоговом учете, при этом их следует элиминировать в консолидированной отчетности. Технически реализовать это возможно через привязку к контрагенту посредством присвоения ключа (кода) операции и дальнейшей фильтрации по нему при обработке данных. Аналогичным образом происходят сбор и обработка данных с последующим представлением в сводном отчете на уровне управляющей компании, консолидирующей информацию по всем входящим в холдинг юридическим лицам через собираемые и сверенные массивы данных ЦФО (рис. 2).

Примечание: ЮЛ – юридическое лицо

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Процесс сбора данных по движению денежных средств в холдинге

На ежедневной основе процесс сбора данных и его последующая обработка будут занимать минимальное количество времени, поскольку на обновление файлов будут уходить считанные минуты в совокупности по всему холдингу в привычном для пользователя интерфейсе. Таким образом, одними из преимуществ такого подхода являются простота и время работы с данными.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аналогичный подход может быть использован для анализа и контроля исполнения бюджета доходов и расходов. Отличительной особенностью консолидации финансового результата холдинга является ряд особенностей бухгалтерского и налогового учета, которые необходимо принимать во внимание при элиминации оборотов внутри холдинга:

- в рамках холдинга могут быть юридические лица, применяющие специальные налоговые режимы (так, по одному юридическому лицу может быть начислена выручка от другого предприятия холдинга в размере 50 тыс. руб., но по нему как применяющему специальный налоговый режим начислен расход в 60 тыс. руб., то есть внутренние обороты не сходятся на сумму налога на добавленную стоимость на 10 тыс. руб.);
- при применении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» (начисленная выручка не равняется сумме амортизационных отчислений и процентных расходов)¹;
- капитализированные затраты (например, при приобретении станка либо транспортного средства сумма затрат в полном объеме не будет списана в отчетном периоде) и начисленный доход от продажи основного средства в отчетном периоде.

¹Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды». Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=133540 (дата обращения: 25.09.2024).

Такого рода расхождения стоит отслеживать, в каждом случае выяснять причину отклонения и при необходимости проводить сторнирующие корректировки на сумму отклонения для балансировки оборотов внутри холдинга.

Неотъемлемой составляющей проверки также является верификация данных, выгружаемых по юридическим лицам. Данные по движению денежных средств проверяются на сходимость их расчетного остатка на начало периода на основании данных предыдущего периода, а финансовый результат по юридическому лицу с элиминированными корректировками (в случае их наличия) сопоставляется с финансовым результатом в Отчете о финансовых результатах. В рамках отдельно взятого холдинга посредством создания справочника объектов может быть внедрена структура управленческого учета с группировкой объектов в уровни, что позволит усилить функциональные свойства представленного сводного отчета при проведении факторной оценки динамики финансового результата.

Представленный алгоритм при организации системы планирования и контроля в рамках холдинга может быть в дальнейшем тиражирован для сбора и обработки иной информации (например, дебиторской и кредиторской задолженностей), а также нефинансовой (например, данных по ключевым показателям эффективности, реестру активов холдинга и др.). Консолидация данных финансовой и нефинансовой отчетности усилит емкость предоставляемых результатов для всех заинтересованных лиц [8].

В настоящий момент существует многообразие форм предоставления отчетных сведений (и инструментов для их создания), позволяющих на основе массива данных формировать наглядные графические материалы с отражением основных результатов деятельности, динамики и факторов. Такого рода формат позволит существенно усилить эффективность результатов, поскольку корректно отображенные графические материалы могут существенно упростить анализ больших массивов данных (особенно в холдингах, где массивы операций могут достигать сотни тыс.).

На следующем этапе использования консолидированных данных по холдингу можно получить наглядный и оперативный свод информации по результатам финансово-хозяйственной деятельности и достижению ключевых показателей эффективности отражения панели индикаторов (он же «дашборд» – с англ. dashboard), представляющей «визуальное отображение наиболее важной информации, необходимой для достижения одной или нескольких целей, собранной и размещенной на одном экране так, чтобы вся информация отслеживалась одним взглядом»². Подобный формат представления данных при правильном их использовании можно применять для отслеживания прогресса, мониторинга и выявления тенденций с течением времени, предоставления важной информации о поведении клиентов и изменениях на рынке, а также принятия более эффективных решений. Существует большое многообразие форм предоставления таких отчетов как с точки зрения структуры, так и с точки зрения стиля оформления, а также инструментов для их создания (от таблицы Excel до программного обеспечения)³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преимущества автоматизации бизнес-процессов уже доказаны на практике: сокращение времени на выполнение задач, снижение вероятности возникновения ошибки и повышение общей эффективности работы. Разработанный авторами и применяемый в рамках практической деятельности алгоритм текущего финансового контроля в холдинге, описанный в рамках настоящего исследования, имеет следующие преимущества:

- автоматизированный подход ускоряет процедуру обработки данных, что в условиях необходимости оперативного предоставления информации позволит выделить большее количество времени на анализ полученных данных;
- стандартизированный в условиях отдельно взятого холдинга подход к набору собираемой информации по примеру отраженного в рамках настоящего исследования обеспечит унификацию форм для дальнейшей обработки данных и вместе с тем расширит возможности для проведения контрольных функций;
- в отличие от готовых ПО, предоставляемых в пользование за плату, разработанный подход позволяет адаптировать систему контроля под требования и специфику отдельно взятого холдинга, а стоимость внедрения такого алгоритма минимальная, затраты на обслуживание не требуются.

² Few S. Dashboard Confusion. Режим доступа: https://perceptualedge.com/articles/ie/dashboard_confusion.pdf (дата обращения: 25.09.2024).

³ Салостей С. Бюджет доходов и расходов в Excel: оформление. Режим доступа: <https://finalytics.pro/inform/budget-design/> (дата обращения: 25.09.2024).

Предлагаемый подход к автоматизации текущего финансового контроля и методологии управленческого учета может быть тиражирован на этапах последующего контроля (анализ исполнения бюджета по результатам закрытия годовой отчетности и динамики финансового результата за несколько лет), а также являться основой для осуществления планирования на последующие отчетные периоды (формирование прогноза до конца года и основ для бюджета на следующий год).

Список литературы

1. Кузнецова Н.Н. Проблемы финансового планирования в холдингах и финансово-промышленных группах. Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017;4-1:334–339.
2. Филиппова О.С., Невзгодина Е.А. К вопросу о соотношении понятий «холдинг», «группа лиц» и «финансово-промышленная группа». Вестник ОмГУ. Серия Право. 2023;2(20):46–53. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(2\).46-53](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(2).46-53)
3. Адамова Г.А. Актуальные проблемы организации учета по центрам финансовой ответственности. Вестник университета. 2019;5:116–120. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-5-116-120>
4. Кошелев В.П. Особенности стратегического развития монопрофильного холдинга в условиях современных глобальных изменений. Инновации и инвестиции. 2023;10:468–471.
5. Швачко А.А. Векторы совершенствования стратегий развития российских предприятий в контексте предпосылок к трансформации российской экономики. E-Management. 2024;1(7):48–60. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60>
6. Абрамова А.Е. Система информационной безопасности в обеспечении экономической безопасности предприятия: построение и управление. Вестник науки. 2023;6(63):24–42.
7. Веретехин А.В. Цифровые трансформации компании: классификация подходов к определению и специфика управления. E-Management. 2023;2(6):91–101. <http://dx.doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-91-10>
8. Корзюватых Ж.М. Развитие системы нефинансовой отчетности как инструмента повышения эффективности бизнеса. Вестник университета. 2023;6:115–122. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-115-122>

References

1. Kuznetsova N.N. Problems of financial planning in holdings and financial and industrial groups. Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. 2017;4-1:334–339. (In Russian).
2. Filippova O.S., Nevzgodina E.L. On the question of the relationship between the concepts of “holding”, “group of persons” and “financial and industrial group”. Herald of Omsk University. Series “Law”. 2023;2(20):46–53. (In Russian). [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(2\).46-53](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(2).46-53)
3. Adamova G.A. Actual problems of accounting organization on the financial responsibility centers. Vestnik universiteta. 2019;5:116–120. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-5-116-120>
4. Koshelev V.P. Features of the strategic development of a single-industry holding in the context of modern global changes. Innovatsii i investitsii. 2023;10:468–471. (In Russian).
5. Shvachko A.A. Vectors for improving development strategies of Russian enterprises in the context of prerequisites for transformation of the Russian economy. E-Management. 2024;1(7):48–60. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-48-60>
6. Abramova A.E. Information security system in ensuring economic security of enterprise: construction and management. Vestnik nauki. 2023;6(63):24–42. (In Russian).
7. Veretyokhin A.V. Digital transformation of the company: classification of approaches to definition and specifics of management. E-Management. 2023;2(6):91–101. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-91-10>
8. Korzyvatykh Z.M. Development of non-financial reporting system as a business efficiency improving tool. Vestnik universiteta. 2023;6:115–122. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-115-122>

Оценка динамики средневзвешенной стоимости капитала крупнейших российских компаний после 2022 г.

Коржнев Станислав Владимирович

Канд. экон. наук, ст. преп. каф. информационных технологий
ORCID: 0000-0003-1540-0827, e-mail: korjnev_stas@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Проведена оценка динамики показателя WACC российских компаний реального сектора. Цель исследования — оценить динамику стоимости капитала российских компаний и то, как она влияет на их решения. Требуемая доходность собственного капитала рассчитана по данным открытых торгов на Московской межбанковской валютной бирже при помощи модели CAPM. В качестве безрисковой ставки в модели использована ключевая ставка Центрального банка Российской Федерации. Доходность заемного капитала оценена по доходности облигаций компаний. Получена динамика средневзвешенной стоимости капитала для компаний реального сектора Российской Федерации. Стоимость капитала с 2022 г. снижалась, однако начиная с лета 2023 г. начала расти, особенно резко у компаний с достаточно большим уровнем долга, причиной чего стало повышение ключевой ставки. Продолжение текущей политики Центрального банка Российской Федерации и вероятное дальнейшее повышение ключевой ставки могут привести к значительному сокращению инвестиций российских компаний с высоким уровнем долга. В условиях роста стоимости заемного капитала организации с высоким уровнем долга вынуждены тратить больше на его обслуживание, а оставшуюся прибыль направлять на уменьшение уровня долга, что негативно скажется на размере их инвестиционных программ.

Ключевые слова

WACC, CAPM, российский фондовый рынок, коэффициент бета, стоимость капитала, ключевая ставка, политика ЦБ РФ

Для цитирования: Коржнев С.В. Оценка динамики средневзвешенной стоимости капитала крупнейших российских компаний после 2022 г. // Вестник университета. 2024. № 12. С. 146–152.

Assessing the dynamics of the average capital cost of the largest Russian companies after 2022

Stanislav V. Korzhnev

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Information Technologies Department
ORCID: 0000-0003-1540-0827, e-mail: korzhnev_stas@mail.ru

Financial University Under the Government of the Russia Federation, Moscow, Russia

Abstract

The dynamics of the WACC indicator of Russian real sector companies has been assessed. The purpose of the study is to assess the dynamics of the capital cost of Russian companies and how it will affect their decisions. The required return on equity has been calculated based on the data of public trading on the Moscow Interbank Currency Exchange using the CAPM model. The model uses the key rate of the Central Bank of the Russian Federation as the risk-free rate. The return on borrowed capital has been estimated based on the yield on corporate bonds. The dynamics of the average capital cost for the Russian real sector companies has been obtained. The capital cost has been declining since 2022, but since the summer of 2023 it has been growing, especially sharply for companies with a fairly high level of debt, which was caused by the increase in the key rate. Continuation of the current policy of the Central Bank of the Russian Federation and a likely further increase in the key rate may lead to a significant reduction in investments of Russian companies with high levels of debt. With the rising cost of debt capital, organizations with high levels of debt will have to spend more on servicing it and use their remaining profits to reduce debt levels, which will negatively affect their investment programs size.

Keywords

WACC, CAPM, Russian stock market, beta coefficient, capital cost, key rate, Central Bank of Russia policy

For citation: Korzhnev S.V. (2024) Assessing the dynamics of the average capital cost of the largest Russian companies after 2022. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 146–152.

ВВЕДЕНИЕ

Средневзвешенная стоимость капитала (англ. Weighted Average Cost of Capital, далее – WACC) оказывает существенное влияние не только на оценку фундаментальной стоимости компаний, но и на их склонность к инвестированию средств в новые проекты. Высокое значение стоимости капитала может быть препятствием для осуществления инвестиционных проектов, особенно с длительным сроком окупаемости.

Многие исследования отмечают важность показателя WACC для принятия решений компаниями: выбор структуры капитала, целесообразности инвестиций в те или иные проекты, оценки последствий слияний и поглощений для стоимости компании [1; 2]. Также WACC часто используют для межотраслевых сравнений и анализа устойчивости компании к рецессии [3; 4].

Для того чтобы прогнозировать дальнейшую динамику не только рынка, но и экономики в целом, важно оценить, как за период с весны 2022 г. менялась средневзвешенная стоимость капитала российских компаний, в каком направлении движется этот показатель и как это повлияет на действия организаций.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании рассмотрены исключительно компании реального сектора, поскольку организации финансового сектора оцениваются по другим моделям, так как у них более сложная структура капитала. Например, компании финансового сектора могут выпускать субординированные облигации, которые в обычной ситуации считаются долгом, но при условии нарушения норматива достаточности собственного капитала переходят в разряд собственного капитала, а также по ним перестает выплачиваться купон.

Проведена оценка квартальной динамики WACC крупнейших российских компаний реального сектора, чьи акции входят в топ-10 по объему торгов на Московской межбанковской валютной бирже (далее – ММВБ, Мосбиржа): открытое акционерное общество (далее – ОАО) «Газпром» (GAZP), ОАО «ЛУКОЙЛ» (LKOH), публичное акционерное общество (далее – ПАО) «ГМК «Норильский никель» (GMKN), ПАО «ВТБ» (VTBR), ОАО «НОВАТЭК» (NVTK), ОАО «Роснефть» (ROSN). Стоимость собственного капитала оценена исходя из модели из классической модели CAPM [5]. В качестве рыночного портфеля принят индекс Мосбиржи. Данные о динамике котировок акций также получены с сайта ММВБ.

Стоимость заемного капитала оценена исходя из биржевых котировок облигаций компаний и расчетной доходности к погашению на конец периода. Соотношение собственного и заемного капитала получено из отчетностей организаций. В качестве безрисковой ставки в работе использовалась ключевая ставка Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) на конец периода.

РАСЧЕТ БЕТА-КОЭФФИЦИЕНТОВ И ДОЛГОВОЙ НАГРУЗКИ И СТОИМОСТИ СОБСТВЕННОГО И ЗАЕМНОГО КАПИТАЛА КОМПАНИЙ

Благодаря данным с сайта Мосбиржи автором получены следующие значения для квартальных β -коэффициентов (бета-коэффициентов) модели CAPM (табл. 1).

Таблица 1

Квартальные β -коэффициенты акций российских компаний реального сектора

Период	GAZP	LKOH	GMKN	NVTK	ROSN
29.03.2022 – 30.06.2022	1,59	1,14	0,48	0,77	0,91
01.07.2022 – 30.09.2022	1,33	0,99	0,94	1,02	1,15
01.10.2022 – 31.12.2022	0,77	0,76	1,08	0,84	1,19
01.01.2023 – 31.03.2023	1,21	0,69	0,65	0,96	0,70
01.04.2023 – 30.06.2023	0,73	1,23	0,49	1,04	0,73
01.07.2023 – 30.09.2023	0,89	1,12	1,09	1,05	1,06
01.10.2023 – 30.12.2023	0,51	1,05	0,61	1,17	1,43
01.01.2024 – 31.03.2024	0,63	0,95	0,94	0,59	0,98
01.04.2024 – 30.06.2024	0,99	1,01	0,84	0,33	0,70

Составлено автором по материалам источника¹

¹ Московская межбанковская валютная биржа. Режим доступа: <https://www.moex.ru> (дата обращения 30.08.2024).

В большинстве случаев значения β -коэффициентов российских акций колеблются вокруг 1.

Из отчетностей компаний получены данные об их долговой нагрузке, а именно об отношении долга к собственному капиталу (табл. 2). Для организаций, не публиковавших отчетность за 2022 г., будем использовать данные 2021 г.

Таблица 2

Отношение долга к собственному капиталу российских компаний

Период	GAZP	LKOH	GMKN	NVTK	ROSN
29.03.2022 – 30.06.2022	0,60	0,52	3,89	0,29	1,54
01.07.2022 – 30.09.2022	0,60	0,52	3,89	0,29	1,54
01.10.2022 – 31.12.2022	0,60	0,52	3,89	0,29	1,54
01.01.2023 – 31.03.2023	0,59	0,52	2,01	0,29	1,54
01.04.2023 – 30.06.2023	0,59	0,52	2,01	0,29	1,54
01.07.2023 – 30.09.2023	0,59	0,52	2,01	0,29	1,54
01.10.2023 – 30.12.2023	0,59	0,52	2,01	0,29	1,54
01.01.2024 – 31.03.2024	0,75	0,34	2,11	0,24	1,23
01.04.2024 – 30.06.2024	0,75	0,34	2,11	0,24	1,23

Составлено автором по материалам источника^{2,3,4,5,6}

Можно констатировать, что долговая нагрузка компаний не одинакова, ОАО «Роснефть» и ПАО «ГМК «Норильский никель» обладают значительной долговой нагрузкой, тогда как у остальных она относительно небольшая. Рассмотрим далее, повлияет ли это на динамику стоимости капитала компаний.

Рассчитана стоимость долга российских компаний (табл. 3). Для этого использовались котировки облигаций указанных компаний с погашением через три–пять лет, исходя из которых рассчитаем доходность к погашению.

Таблица 3

Доходности облигаций российских компаний реального сектора и ключевой ставки ЦБ РФ (на конец периода)

Период	GAZP, %	LKOH, %	GMKN, %	NVTK, %	ROSN, %	Ставка ЦБ РФ, %
29.03.2022 – 30.06.2022	12,8	10,8	12,6	15,1	10,7	9,5
01.07.2022 – 30.09.2022	9,4	7,9	8,2	9,8	9,1	8,0
01.10.2022 – 31.12.2022	8,6	7,2	7,2	9,1	8,5	8,0
01.01.2023 – 31.03.2023	9,1	7,6	8,1	9,3	8,0	8,0
01.04.2023 – 30.06.2023	9,3	7,8	8,6	12,3	9,0	8,0
01.07.2023 – 30.09.2023	12,9	10,8	12,4	12,6	12,8	13,0
01.10.2023 – 30.12.2023	14,3	12	12,2	12,6	13,9	16,0
01.01.2024 – 31.03.2024	14,9	12,5	15,2	13,8	14,9	16,0
01.04.2024 – 30.06.2024	18,2	15,3	17,8	16,4	18,7	16,0

Составлено автором по материалам источника^{7,8}

Доходность по облигациям компаний начала расти с III квартала 2023 г., когда ЦБ РФ резко повысил ставку до 13 %, а потом до 16 %, однако с некоторым запозданием, позволяя компаниям делать заимствования по ставке ниже ключевой. Например, в I квартале 2024 г. они оставались ниже 16 %, что

² Газпром. Режим доступа: <https://www.gazprom.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Лукойл. Режим доступа: <https://lukoil.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Нефтяная компания «Роснефть». Режим доступа: <https://www.rosneft.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵ ГМК «Норильский никель». Режим доступа: <https://nornickel.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶ НОВАТЭК. Режим доступа: <https://www.novatek.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷ Московская межбанковская валютная биржа. Режим доступа: <https://www.moex.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

⁸ Центральный банк Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

с экономической точки зрения можно объяснить только тем, что участники рынка все еще ожидали ее снижения к концу года. В качестве безрисковой ставки в настоящем исследовании традиционно использовалась ключевая ставка ЦБ РФ на конец периода.

Наиболее дискуссионный вопрос для расчетов по модели CAPM – как рассчитывать требуемую доходность рыночного портфеля. Использовать историческую доходность достаточно просто с точки зрения проведения расчетов, однако такая методика имеет ряд существенных недостатков:

- 1) послезнание – в начале периода невозможно узнать доходность рынка к его концу, а требуемая доходность рассчитывается именно до начала периода;
- 2) большая волатильность, особенно на малых временных интервалах;
- 3) отрицательные значения – во время кризисов рынок может падать на десятки %, что при линейной подстановке в модель даст на отрицательную стоимость собственного капитала, что в свою очередь лишено экономического смысла.

В связи с этим в настоящем исследовании использовалась ожидаемая доходность. Ее можно рассчитать исходя из консенсус-прогноза аналитиков по индексу Мосбиржи. На сегодняшний день нет ресурсов, которые агрегировали бы подобную информацию, потому автором собраны данные о прогнозах аналитиков из публикаций в прессе, исходя из которых рассчитаны средние целевые значения индекса^{9,10}.

Весной 2022 г. индекс Мосбиржи торговался около отметки 2 500, публикаций было немного, аналитики осторожно прогнозировали индекс в районе 3 000 на конец года. В конце 2022 г. он снизился до уровня 2 200, аналитики прогнозировали в среднем 2 600 на конец 2023 г.

В первой половине 2023 г. индекс рос быстрыми темпами достиг и превысил эту цель. В июле он торговался в районе 2 800, и эксперты повысили целевое значение по нему на конец года до 3 100. В конце 2023 г. он торговался в районе именно этого уровня.

На конец 2024 г. консенсус-прогноз аналитиков по индексу ММВБ составил 3 700. Если посчитать потенциальные доходности на момент составления этих прогнозов, можно сделать вывод о том, что эксперты каждый раз прогнозируют доходность в районе 20 % годовых. Это значение использовано в настоящем исследовании в качестве стоимости собственного капитала. Таким образом, используя данные выше, рассчитаем стоимость квартальную собственного капитала для российских компаний по формуле модели CAPM:

$$E(R_{ei}) = R_f + \beta_i (E(R_m) - R_f) \quad (1)$$

где $E(R_{ei})$ – стоимость собственного капитала компании, R_f – безрисковая ставка, β_i – β -коэффициент компании, $E(R_m)$ – ожидаемая доходность рыночно портфеля.

Полученные результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Стоимость собственного капитала российских компаний реального сектора

Период	GAZP, %	LKOH, %	GMKN, %	NVTK, %	ROSN, %
29.03.2022 – 30.06.2022	26,19	21,49	14,57	17,58	19,05
01.07.2022 – 30.09.2022	23,99	19,82	19,23	20,25	21,76
01.10.2022 – 31.12.2022	17,30	17,12	20,98	18,09	22,22
01.01.2023 – 31.03.2023	22,49	16,30	15,82	19,56	16,37
01.04.2023 – 30.06.2023	16,78	22,78	13,88	20,48	16,71
01.07.2023 – 30.09.2023	19,23	20,84	20,63	20,38	20,39
01.10.2023 – 30.12.2023	18,06	20,20	18,44	20,68	21,73
01.01.2024 – 31.03.2024	18,51	19,78	19,77	18,36	19,93
01.04.2024 – 30.06.2024	19,98	20,03	19,35	17,31	18,81

Составлено автором по материалам исследования

⁹ Кульша А., Шелудченко С. Аналитики улучшают прогноз по индексу Мосбиржи. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2023/08/03/988266-analitiki-uluchshayut-prognoz-po-indeksu-mosbirzhi> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁰ ФИНАМ. Аналитики банка «Синара»: ожидается рост индекса Мосбиржи на конец 2023 года до 2950 пунктов. Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/ozhidaetsya-rost-indeksa-mosbirzhi-na-konets-2023-goda-do-2950-punktov-20221228-1900/> (дата обращения: 15.09.2024).

Стоимость собственного капитала по модели получилась существенно выше стоимости заемного, однако это логично, так как держатели облигаций получают гарантированный доход, а доход держателей акций сильно зависит от рыночных колебаний и вообще может оказаться отрицательным.

РАСЧЕТ СРЕДНЕВЗВЕШЕННОЙ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА КОМПАНИИ

Используя данные выше, автор рассчитал значения WACC для российских компаний реального сектора по формуле:

$$WACC = \frac{\frac{D}{E}}{\frac{D}{E} + 1} R_d(1-t) + \frac{1}{\frac{D}{E} + 1} E(R_{ef}) \quad (2)$$

где D/E – отношение долга к собственному капиталу компании, R_d – стоимость долга компании, t – налог на прибыль (20 % за рассматриваемые периоды), $WACC$ – средневзвешенная стоимость капитала компании.

Полученные результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Средневзвешенная стоимость капитала российских компаний реального сектора.

Период	GAZP, %	LKOH, %	GMKN, %	NVTK, %	ROSN, %
29.03.2022 – 30.06.2022	20,21	17,09	11,00	16,34	12,69
01.07.2022 – 30.09.2022	17,81	15,20	9,15	17,46	12,98
01.10.2022 – 31.12.2022	13,39	13,23	8,87	15,66	12,87
01.01.2023 – 31.03.2023	16,85	12,80	9,58	16,83	10,33
01.04.2023 – 30.06.2023	13,31	17,12	9,21	17,60	10,94
01.07.2023 – 30.09.2023	15,92	16,67	13,48	18,01	14,23
01.10.2023 – 30.12.2023	15,60	16,57	12,64	18,30	15,30
01.01.2024 – 31.03.2024	15,68	17,30	14,61	16,94	15,51
01.04.2024 – 30.06.2024	17,66	18,05	15,88	16,50	16,69

Составлено автором по материалам исследования

К началу 2023 г. за счет длительного периода, в течение которого ключевая ставка ЦБ РФ составляла 8 %, стоимость капитала российских компаний снизилась после шокового роста в начале 2022 г. Однако затем ЦБ РФ начал поднимать ставку, и стоимость капитала также начала расти, хотя с существенным запозданием по отношению к ключевой ставке. Наиболее сильно стоимость капитала выросла у компаний со значительной долговой нагрузкой – ОАО «Роснефть» и ПАО «ГМК «Норильский никель». Рост стоимости их капитала к концу I квартала 2024 г. по отношению к I кварталу 2023 г. составил около 60–70 %. Если принять гипотезу о том, что чистый денежный поток компании стабилен, рост стоимости капитала на 65 % означает падение стоимости этой организации на 40 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стоимость капитала российских компаний после шокового роста весной 2022 г. планомерно снижалась до I квартала 2023 г. Затем она снова начала расти, на что повлияло в основном повышение ставки ЦБ РФ. Однако оно не сразу сказалось на стоимости долга компаний: длительное время рынок оценивал это как временную меру. Тем не менее ожидания по снижению ключевой ставки раз за разом не оправдывались, и, пусть с некоторым опозданием, рынок начал закладывать в стоимость облигаций длительное удержание ставки на текущем уровне, что привело к существенному росту стоимости капитала для организаций.

Сейчас стоимость капитала по компаниям с существенной долговой нагрузкой (ПАО «ГМК «Норильский никель» и ОАО «Роснефть») выросла на 60–70 % по отношению к I кварталу 2023 г. Если такое положение будет сохраняться продолжительное время, это будет означать снижение фундаментальной оценки их стоимости на 40 %. При этом рынок пока закладывает в котировки лишь удержание ставки на уровне 16 %, тогда как ЦБ РФ уже говорит о ее возможном дальнейшем повышении.

Заемствования на долговом рынке становятся все менее доступными для компаний и уже де-факто стали более дорогими, чем собственный капитал. В теории собственный капитал должен быть дороже заемного, поскольку обязательства по заемному капиталу погашаются в первую очередь и риски потерь кредитора по сравнению с рисками потерь собственника существенно меньше.

В условиях, когда собственный капитал дешевле заемного, компании с высоким уровнем долга вынуждены тратить больше на его обслуживание, а прибыль направлять на уменьшение уровня долга. Для организаций с низким уровнем долга основным источником инвестиций является собственная прибыль, и, соответственно, их инвестиционная программа ограничена ее размерами.

Продолжение текущей политики ЦБ РФ и тем более вероятное дальнейшее повышение ключевой ставки может привести к значительному сокращению инвестиций российских компаний, особенно тех, у кого уже достаточно высокий уровень долга. В таких условиях подобные организации будут заинтересованы погашать свой долг, а не направлять деньги на новые инвестиционные проекты, так как рефинансирование долга обходится дороже с каждым кварталом.

Список литературы

1. *Макогончук И.А.* Роль WACC в принятии финансовых и инвестиционных решений в корпорации. Научные записки молодых исследователей. 2019;6:40–47.
2. *Пудовкина О.Е., Шарохина С.В.* Управление структурой капитала. E-SCIO. 2019;10(37):44–49.
3. *Петрова Л.А., Горбонос А.И., Капранова Л.Д., Бабич И.С.* Динамика показателей CAPM и WACC компаний нефтегазовой отрасли в условиях рецессии. Вектор экономики. 2020;10(52).
4. *Горский М.А., Касымова А.Р., Отрубянникова А.А.* Средневзвешенная стоимость капитала предприятий различных отраслей российской экономики. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019;12:66–73. <https://doi.org/10.17513/vael.877>
5. *Sharpe W.F.* Capital Assets Prices: A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk. The Journal of Finance. 1964;3(19):425–442.

References

1. *Makogonchuk I.A.* The role of the WACC in financial and investment decision of the corporation. Scientific notes of young scientists. 2019;6:40–47. (In Russian).
2. *Pudovkina O.E., Sharokhina S.V.* Capital structure management. E-SCIO. 2019;10(37):44–49.(In Russian).
3. *Petrova L.A., Gorbosov A.I., Kapranova L.D., Babich I.S.* Dynamics of CAPM and WACC indicators in the oil and gas industry under recession. Vector economy. 2020;10(52).(In Russian).
4. *Gorsky M.A., Kasymova A.R., Otrubyanikova A.A.* Average cost of capital of enterprises of different industries of the Russian economy. Vestnik of the Altai Academy of Economics and Law. 2019;12:66–73. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vael.877>
5. *Sharpe W.F.* Capital Assets Prices: A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk. The Journal of Finance. 1964;3(19):425–442.

Проблема страхования финансовых рисков лизинга в проектном финансировании

Серинова Анастасия Владимировна

Магистрант

ORCID: 0009-0005-5852-3159, e-mail: anastasya.serinova@yandex.ru

Шемякина Татьяна Юрьевна

Канд. экон. наук, проф. каф. экономики и управления в строительстве

ORCID: 0000-0002-0136-8021, e-mail: ty_shemyakina@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрена проблема страхования финансовых рисков лизинга в проектном финансировании, заключающаяся в отсутствии широкого распространения данного вида страхования на российском рынке. Целью исследования является предложение рекомендаций для кредитных организаций по снижению влияния на процесс лизинга, которые способствовали бы более широкому распространению страхования финансовых рисков. В рамках использования методов системного, сравнительного и логического анализа установлено, что сегодня лизинг – один из наиболее перспективных видов привлечения финансирования, а также один из инструментов проектного финансирования. Увеличение лизинговых сделок в Российской Федерации влечет за собой повышение спроса на их страхование, поэтому страхование предмета лизинга осуществляется почти в каждой сделке. При этом финансовые риски не попадают под страхование, несмотря на наличие спроса от лизингодателей. Одним из барьеров распространения страхования финансовых рисков лизинга в проектном финансировании являются кредитные организации, которые устанавливают жесткий контроль за этим процессом, лишая возможности лизингодателей и лизингополучателей выбора. Предложены рекомендации для кредитных организаций по снижению влияния на процесс лизинга с целью накопления опыта страхования финансовых рисков страховыми компаниями. Изучение этой проблемы позволит данному типу инвестиционной деятельности стать привлекательнее для всех участников сделки, а поэтапное решение вопросов, связанных с банковским регулированием процесса лизинга, поспособствует накоплению опыта страхования таких рисков.

Ключевые слова

Лизинг, страхование, риски, финансовые риски, проектное финансирование, предмет лизинга, лизингодатель, лизингополучатель, страховые компании

Для цитирования: Серинова А.В., Шемякина Т.Ю. Проблема страхования финансовых рисков лизинга в проектном финансировании // Вестник университета. 2024. № 12. С. 153–160.

Issues of insuring financial risks of leasing in project financing

Anastasia V. Serinova

Graduate Student

ORCID: 0009-0005-5852-3159, e-mail: anastasya.serinova@yandex.ru

Tatiana Yu. Shemyakina

Cand. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Management in Construction

ORCID: 0000-0002-0136-8021, e-mail: ty_shemyakina@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The issue of leasing financial risks insurance in project financing has been considered, which consists in the lack of wide spread of this type of insurance in the Russian market. The purpose of the study is to propose recommendations for credit organizations to reduce the impact on the leasing process, which would contribute to a wider spread of financial risk insurance. Within the framework of using the system, comparative, and logical analysis methods it has been established that today leasing is one of the most promising types of attracting financing, as well as one of the tools of project financing. The increase in leasing transactions in Russia entails an increase in demand for insurance of such transactions, so the leasing object insurance is carried out in almost every transaction. At the same time, financial risks are not covered by insurance, despite the demand from lessors. One of the barriers to the spread of leasing financial risks insurance in project financing is credit organizations, which establish strict control over this process, depriving lessors and lessees of choice. Recommendations for credit organizations to reduce their influence on the leasing process in order to accumulate experience of financial risks insurance by insurance companies have been offered. The study of the issue will allow this type of investment activity to become more attractive for all participants of the transaction, and the step-by-step solution of the issues related to banking regulation of the leasing process will contribute to experience accumulation in such risks insurance.

Keywords

Leasing, insurance, risks, financial risks, project financing, leasing subject, lessor, lessee, insurance companies

For citation: Serinova A.V., Shemyakina T.Yu. (2024) Issues of insuring financial risks of leasing in project financing. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 153–160.

ВВЕДЕНИЕ

Лизинг является одним из инструментов проектного финансирования (далее – ПФ), который признается одним из сложнейших методов кредитования. Популярность лизинга как инструмента ПФ подтверждается тем фактом, что объем таких сделок с каждым годом только растет. Практика лизинга также стала приоритетным направлением для становления отечественного бизнеса в наши дни.

Условия предоставления клиентам проектного финансирования рядом отечественных кредитных организаций имеют некоторые особенности, которые заключаются в отсутствии перечня критериев, который позволил бы относить тот или иной проект к ПФ; отсутствии четких требований при формировании проекта в рамках специальной проектной компании (SPV); наличии такого критерия, как не более 70 % стоимости проекта должны составлять привлеченные средства (30 % – личные деньги инвесторов), а также наличии залога активов, подходящих для кредитной организации по ликвидности и стоимости, и поручительства третьих лиц. В условиях ПФ уместно использование не только финансового лизинга, но и возвратного, оперативного и левиридж-лизинга.

Несмотря на определенную популярность, о действительно широком распространении лизинга в проектом финансировании в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) говорить пока нельзя. На это влияет ряд факторов, одним из которых является слаборазвитая система страхования финансовых рисков. Растущий рынок лизинга требует наличия современных форм защиты, которые большинство страховых компаний предложить не в состоянии по причине отсутствия огромного запаса собственных средств и партнерских сетей, что обуславливает неготовность страховых организаций рисковать большими суммами денег. Такая защита не только уберет от возникающих рисков, но и упростит финансирование кредитными организациями операций по лизингу.

Факторы, влияющие на уровень риска в лизинге, делятся на две категории: объективные и субъективные. К первым относятся политическая и экономическая обстановка, конъюнктура рынка, природные условия. Они считаются объективными, поскольку лизингополучатель не влияет на их наступление. К субъективным относятся производительность труда, производственный потенциал организации, качество технологической специализации, уровень организации труда, техника безопасности, уровень кооперации. Их возникновение зависит от того, насколько эффективно лизингополучатель управляет бизнесом.

Поиск решений, которые смогли бы удовлетворить растущие потребности рынка, связанные с процессом усложнения лизинговых операций, определяют новизну страхования финансовых рисков лизинга в ПФ. Специфика проектного финансирования, которая заключается в большом объеме инвестиций, длительном сроке окупаемости и зависимости от внешних факторов, часто не учитывается традиционными страховыми продуктами. Создание таких продуктов, учитывающих все особенности, позволило бы уменьшить риски всех участников процесса и привлекать дополнительные инвестиции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одними из самых популярных предметов лизинга в России являются транспортные средства и оборудование, которые страхуются практически в каждой сделке, хоть это и необязательно по закону. Монтажные и пусконаладочные работы, эксплуатация имущества, гибель, недостача, пожар и другие подобные случаи также страхуются чаще и эффективнее других.

Страхование рисков, которые считаются более сложными с точки зрения страховых компаний, происходит менее активно, хотя оно необходимо лизинговым компаниям. Наиболее актуально и остро для лизингодателя стоит вопрос страхования финансовых рисков (то есть неспособности лизингополучателя производить платежи по договорам лизинга), которое является скорее исключением, нежели нормой, на данный момент. Практику такого вида страхования можно наблюдать либо у крупных страховых компаний, которые могут позволить себе рисковать большими суммами, либо у кэптивных [1].

Проблема страхования финансовых рисков лизинга в ПФ, заключающаяся в отсутствии достаточно опыта страхования такого вида сделок, может быть обусловлена чрезмерным контролем кредитных организаций над лизинговыми и страховыми компаниями. Стоит еще раз отметить, что спрос на данный вид страхования выше предложения.

Страхование рисков неполучения платежей по договорам лизинга от лизингополучателя снижает их последствия не только для лизингодателя, но и для кредитной организации, которая занимает ключевое

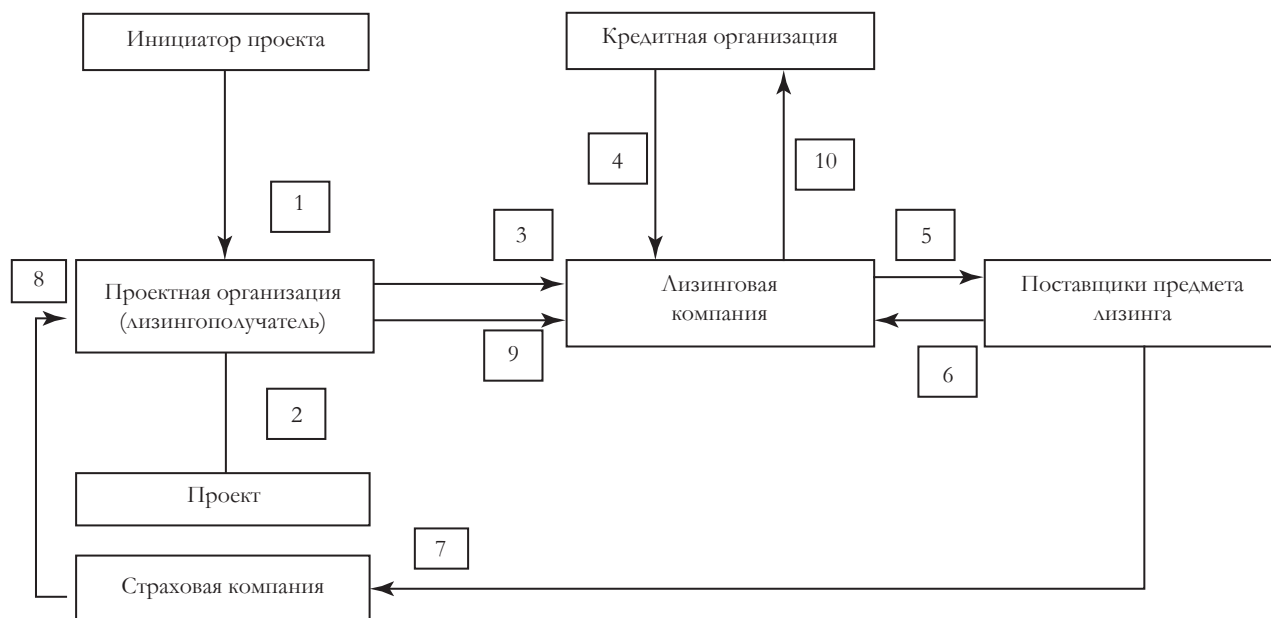
место при финансировании лизинговых сделок. Кредитные организации являются одними из главных участников процесса лизинга, контролируя его, определяя тактику и стратегию конкурентной борьбы в этой сфере, создавая экономическую эффективность операций и возможность для развития страховых организаций путем вложения средств в лизинговые сделки. Они также занимаются определением перечня видов страхования для каждой отдельно взятой сделки, перечня страховых организаций, финансированием некоторых расходов лизингодателей.

В случаях финансирования кредитной организацией отдельных сделок, а не всей лизинговой компании происходит ухудшение условий для последней. Это связано с тем, что в такой ситуации лизингополучатели не вправе самостоятельно принимать решение о выборе страховой компании, которая была бы наиболее приемлема в их случае, – за них этот выбор сделает кредитная организация.

Необходимо отметить, что страхование финансовых рисков лизинга существенно удорожает сделку, что для лизингодателя означает потерю конкурентоспособности и, соответственно, возможную потерю клиента. Финансовые риски страхуются по высоким тарифным ставкам, которые обусловлены большими рисками для страховых компаний, что в свою очередь связано с возможностью мошенничества по данному типу страхования. Высокая требовательность кредитных организаций становится барьером для лизингополучателя, что также является проблемой для страхования финансовых рисков [2].

Стоит отметить, что выплаты по такому виду страхования одни из самых затянутых по времени, потому что выплата может быть гарантирована только после предоставления полного пакета внешних и внутренних документов. В основном кредитные организации не торопятся предоставлять выписку о движении денежных средств на счете, которая может доказать факт неплатежа. Существует риск возникновения неидентифицированных платежей, поскольку расчетные счета лизинговой компании и клиентов могут изменяться или они могут осуществлять перевод денежных средств на другие счета по ошибке.

Лизинг как инструмент проектного финансирования обуславливает особое взаимодействие участников этих процессов, что определяет эффективность реализации проекта. На рисунке представлена схема лизинговой сделки в ПФ.

Примечание: 1 – формирование проектной организации в целях реализации проекта, 2 – реализация самого проекта, 3 – заключение лизингового договора о предоставлении оборудования в лизинг, 4 – предоставление кредита, 5 – заключение договора купли-продажи между лизингодателем и поставщиком предмета лизинга, 6 – передача предмета лизинга на баланс лизинговой компании, 7 – фактическая поставка предмета лизинга согласно договору, 8 – заключение договора страхования и осуществления выплат по нему лизингополучателем, 9 – выплата лизинговых платежей в соответствии с графиком платежей, 10 – погашение основного долга и %

Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Схема лизинговой сделки в проектном финансировании

Стоит отметить, что финансовые риски в соответствии с приведенной схемой формируются на момент выплат лизингополучателем платежей в соответствии с графиком погашения основного долга и %.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СНИЖЕНИЮ ВЛИЯНИЯ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРОЦЕСС ЛИЗИНГА

В России наибольшей популярностью пользуются два вида программ страхования в лизинге:

- 1) компании предлагают застраховать предмет лизинга от стандартных имущественных рисков;
- 2) компании предлагают застраховать предмет лизинга на период доставки от продавца к лизингополучателю – страхование грузов.

Риски лизинговой компании считаются более специфичными, поэтому лишь немногие страховые организации готовы пойти на такие условия. Когда страхуются финансовые риски, сумма страхования может быть равна полной сумме лизинговых платежей без учета амортизации, а может равняться нескольким лизинговым платежам в зависимости от условий досрочного завершения договора.

Объектами страховой защиты при страховании финансовых рисков лизинга в проектном финансировании являются:

- риск поставщика в случаях несоблюдения контрагентами обязательств по договорам поставок;
- финансовые риски кредитной организации в случаях несоблюдения контрагентами обязательств (условий и сроков) по договору;
- финансовые риски лизинговой компании (риски неплатежеспособности лизингополучателей) в случаях, когда клиент не выполняет обязательства по договору лизинга (условия, сроки, банкротство клиента).

Особое внимание следует обратить на риск неплатежеспособности лизингополучателя. Одним из страховых случаев может быть «длительный неплатеж», который требует четкого определения продолжительности по времени в договоре. Также возможен вариант страхования рисков лизингополучателей в случаях несоблюдения лизинговой компанией обязательств по договору, например, срыв сроков поставки предмета лизинга, его ненадлежащее состояние. Помимо этого, стороны могут страховать риск потери бизнеса (прекращение действия в результате пожара, потопа и др.), выплаты по которому должны учитывать упущенную выгоду и возмещение текущих расходов [3].

В действительности предпринимательский риск, возникающий из-за просчетов в стратегии маркетинга, также непопулярен с точки зрения страхования, что в свою очередь грозит снижением спроса на товары или услуги. Это особенно актуально в ПФ, так как все проекты отличаются большой продолжительностью, что обуславливает возможное изменение условий, которое в свою очередь может не привести к намеченным показателям. Появляется выгода заключения договора соответствующего опциона с поставщиком о выкупе оборудования по остаточной стоимости (метод компенсации риска).

Необходимо помнить о том, что лизинг признается сложным кредитно-инвестиционным инструментом при программировании снижения рисков. Существующая американская модель сертификации управления рисками, суть которой заключается в четкой документации всех этапов процесса, включающего управление действиями участников проекта, в отличие от европейской, в которой внимание сконцентрировано на перечне требований к личностным компетенциям исполнителей, считается наиболее эффективной и подходящей в рамках проектного управления. Ее преимущество заключается в том, что кредиторам важно понимание возможности осуществления намеченного проекта при его финансировании (процесс лизинга по своей сущности принадлежит к форме проектного финансирования). С позиции финансовых институтов необоснованно подвергать зависимости возврат средств от действий определенных исполнителей.

Процесс снижения рисков может быть эффективным, если используются все доступные методы по их снижению. Однако стоит понимать, что застраховать все невозможно – это и не нужно. Договор лизинга может создавать много неопределенностей, но необходимо постараться предупредить наиболее вероятные и существенные из них.

Все вышеупомянутые страховые случаи практикуются в России редко. Опыт зарубежных лизинговых компаний и кредитных организаций выглядит иначе. Как было сказано ранее, в России кредитные организации контролируют весь процесс, не давая желаемую свободу лизингодателям и клиентам. У иностранных кредитных организаций такой практики нет – кредитуют саму лизинговую компанию, давая возможность выбирать страховщиков, а также параметры сделки, они показывают свое доверие [4].

Отечественным кредитным организациям стоит присмотреться к такой политике, поскольку лизинговые компании изначально проводят серьезный отбор клиентов, которые могут стать «трудными».

Критерии отбора для физических и юридических лиц отличаются. Для первых критерии в основном будут состоять из следующих: срок работы организации более двух лет; наличие финансовой устойчивости организации и положительной кредитной истории; отсутствие задолженности по зарплате перед сотрудниками, налоговых платежей; решений суда по долгам организации. Критериями отбора для физических лиц в большинстве случаев выступают: наличие постоянного источника дохода и поручителей; положительная кредитная история. Перечень страховых компаний, которые устраивали бы все стороны, может стать вариантом выхода из подобных ситуаций.

Относительно недавно стало практиковаться страхование кредитных рисков в сделках лизинга. Особенность такого рода страхования заключается в страховом полисе данного продукта, который становится очередным плюсом для кредитной организации, когда происходит рассмотрение заявки от лизингодателя. Наличие данного полиса как дополнительного гаранта в силах уменьшить трудоемкость для кредитных организаций в процессе кредитного анализа, а также будет способствовать новым возможностям для привлечения финансирования лизинговыми компаниями [5]. Однако широкое распространение такого полиса упирается в отсутствие должного опыта страхования финансовых и кредитных рисков лизинга. Создание определенного альянса страховщиков может благотворно сказаться на развитии страхования финансовых и кредитных рисков в России.

Поэтапное решение специфичных и узких практических вопросов (например, ускорение процесса выплат по договорам страхования финансовых рисков неплатежей) будет хорошей основой для начала широкого распространения сложных продуктов страхования на рынке лизинга в России.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие рекомендации для кредитных организаций:

- 1) страховать всю лизинговую компанию, а не отдельно взятые сделки, тем самым давая лизингодателю право на самостоятельный выбор страховой компании;
- 2) снижать требования кредитных организаций к лизингополучателям, потому как лизинговые компании изначально самостоятельно проводят тщательный и более профессиональный отбор клиентов;
- 3) решить проблему с задержками выплат по страхованию финансовых рисков путем сокращения требуемого пакета документов, необходимого для подтверждения неплатежа, ввести инструменты, которые будут упрощать и ускорять процесс рассмотрения страховых случаев в отношении финансовых рисков (например, можно установить обязательные сроки для предоставления пакета документов и принятия решений, а также законодательно закрепить список правил и сроки выплат по страховым случаям для данных видов рисков в лизинговой деятельности);
- 4) составить определенный перечень страховых компаний, которые могли бы удовлетворять интересы как кредитных организаций, так и лизингодателей (в рейтинг наиболее популярных страховых компаний входят Росгосстрах, «ВТБ Страхование», Ингосстрах, «Согласие», «Сбер страхование», ВСК, «Ресо-Гарантия») [6];
- 5) решить законодательный вопрос – нормативные акты, которые регулируют работу кредитных организаций, не полностью адаптированы под условия процесса лизинга (например, коэффициентный анализ, применяемый в кредитовании промышленных предприятий, не может быть использован лизинговыми компаниями, что связано в основном со спецификой лизинга, которая заключается в том, что лизингодатель не владеет активами, которые они сдают в лизинг, а получает доход от платежей, – вместо этого может быть использован анализ качества лизингового портфеля (оценка кредитных рисков, оценка стоимости лизинговых активов и др.) [7].

Возможность лизингодателям выбирать страховые компании, подходящие именно им и располагающие необходимыми для страхования емкостями, будет благотворно влиять на взаимодействие лизинговых компаний и страховщиков и тем самым накапливать опыт страхования финансовых рисков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С каждым годом рынок лизинга и применение его как инструмента ПФ растет. Вместе с этим увеличивается спрос на страхование рисков, возникающих в процессе этих сделок. Страхование самого предмета сделки сегодня является повсеместным, хоть и не обязательным по закону, однако страхование финансовых рисков не получило широкого практического применения, несмотря на увеличивающуюся потребность в этом у лизинговых организаций.

Страхованием рисков, которые возникают при неисполнении обязательств по договору лизингополучателем вследствие таких причин, как неплатежеспособность, банкротство, непредставление предмета лизинга (финансовые риски), на данный момент занимаются в основном либо крупные страховщики, либо экзотивные страховые компании. Всем участникам процесса (банки, лизингодатели, лизингополучатели, страховые компании) стоит понять, что процесс страхования не является очередным обременением или дополнительным налогом, а гарантией выполнения участниками сделки своих обязательств.

Предложенные рекомендации будут способствовать перераспределению рисков между участниками лизинговой сделки. На первый взгляд может показаться, что эти предложения могут подвергать кредитные организации большим рискам, чем было ранее (например, страхование всей лизинговой компании, а не отдельных сделок, снижение требований к отбору лизингополучателей). Лизингодатель более компетентен в вопросе отбора своих клиентов, так как накопленный опыт работы и наличие отделов в компаниях, занимающихся данным вопросом, могут гарантировать наиболее эффективное решение данной проблемы. Это не только снизит риск некачественного отбора клиентов с лизингодателя, но и значительно ускорит данную процедуру.

Решение законодательного вопроса будет способствовать снижению риска для всех участников процесса, создавая более стабильную и предсказуемую среду для их деятельности. Анализ качества лизингового портфеля осуществляет глубокое исследование каждого актива в портфеле, учитывая его специфику, рыночную ценность и другие факторы, влияющие на риск невозврата лизинговых платежей. Коэффициентный анализ, помимо указанной выше причины, не может быть применим в лизинге, потому как сфокусирован на общих финансовых показателях и не учитывает специфичные риски, которые связаны с клиентами, отдельными активами и рыночными факторами. Составление перечня страховых компаний снизит риски для кредитных организаций и лизингодателей по причине того, что такой перечень будет формироваться на основе четких критериев, которые учитывают финансовую устойчивость, репутацию, опыт работы на рынке и другие важные факторы. Он также поспособствует стандартизации условий, которые будут применяться ко всем лизингополучателям, упрощая процесс заключения договоров и снижая риск несоответствия условий разных страховщиков.

Широкое распространение такого вида страхования процесса лизинга будет благотворно влиять на данный вид инвестиционной деятельности с позиции лизинговых компаний и лизингополучателей. Страхование финансовых рисков сделает проект существенно дороже, что в свою очередь может сделать лизингодателя менее конкурентноспособным и повлечь потерю части клиентов. Встает вопрос для лизинговой компании – страховать возможные финансовые риски, при этом создавая риск потери некоторой части лизингополучателей, либо игнорировать их страхование и удерживать широкую клиентскую базу, но существовать в условиях высоких финансовых рисков.

Список литературы

1. *Смирнов И.К.* Роль страхования в управлении рисками лизинга. Управление финансовыми рисками. 2019;3(10):112–125.
2. *Иванова О.С.* Страхование рисков лизинга: современные тенденции и проблемы. Управление финансовыми рисками. 2020;3(11):72–79.
3. *Лебедева Т.К.* Страхование рисков лизинга как инструмент обеспечения устойчивости финансовой системы. Финансовый журнал. 2019;6:39–45.
4. *Иванова О.М.* Влияние страхования на развитие лизингового бизнеса. Журнал экономической безопасности. 2019;1:88–97.
5. *Кузьмин А.В.* Страхование рисков лизинга: особенности и перспективы развития. Экономика и управление. 2020;1:56–61.
6. *Нечаев А.С.* Страхование лизинговых операций в России. Финансы и кредит. 2010;22(406):36–43.
7. *Ковалев В.В., Воронова Е.А.* Особенности экономического анализа лизинговых компаний. Экономический анализ: теория и практика. 2018;1(17):166–183. <https://doi.org/10.24891/ea.17.1.166>

References

1. *Smirnov I.K.* The role of insurance in leasing risk management. Risk Management. 2019;3(10):112–125. (In Russian).
2. *Ivanova O.S.* Leasing risk insurance: current trends and problems. Risk Management. 2020;3(11):72–79. (In Russian).
3. *Lebedeva T.K.* Insurance of leasing risk as a tool for ensuring the stability of the financial system. Financial Journal. 2019;6:39–45. (In Russian).

4. *Ivanova O.M.* Insurance for the development of leasing business. Journal of Economic Security. 2019;1:88–97. (In Russian).
5. *Kuzmin A.V.* Insurance of leasing risks: features and development prospects. Economics and Management. 2020;1:56–61. (In Russian).
6. *Nechaev A.S.* Insurance of leasing operations in Russia. Finance and Credit. 2010;22(406):36–43. (In Russian).
7. *Kovalev V.V., Voronova E.A.* Specifics of economic analysis of leasing companies. Economic Analysis: Theory and Practice. 2018;1(17):166–183. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.17.1.166>

Взаимосвязь понятий волонтерства и солидарности в социологии

Носкова Ольга Павловна

Аспирант

ORCID: 0000-0003-0739-4690, e-mail: boxgirl@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Приведены результаты теоретического и эмпирического исследования взаимосвязи понятий волонтерства и солидарности в социологии, где первое рассматривается как форма проявления помощи и поддержки нуждающихся, а второе – как идеологическое обоснование этой помощи, связующее звено, которое позволяет гражданам сплотиться вокруг общей благой цели. Оба понятия, являясь непосредственными атрибутами гражданского общества, позволяют укреплять социальные связи и содействовать формированию неравнодушного отношения к общественным трансформациям. Теоретико-методологическую основу исследования составили подходы отечественных и зарубежных авторов: М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса, А. Шюца, Д. Александера, П. Кропоткина, В. Ленина, К. Бидермана, В. Джеффриса, Т. Лисовской, И. Мерсияновой, А. Якобсона, М. Певной, Г. Бодренковой, Т. Нежиной. Проанализированы наиболее популярные мотивы к занятию волонтерской деятельностью, рассмотрены разнообразные подходы к определению понятий волонтерства и солидарности. Проведены ассоциативный опрос и контент-анализ поисковых запросов по словам-маркерам «волонтерство» и «солидарность», на их основе составлены схема их взаимосвязи и синквейн как следствие их логической зависимости. В результате сопоставления двух понятий социологической науки – «волонтерство» и «солидарность» – установлено, что они неразрывны, волонтерская деятельность является следствием общественной солидарности. Обоснована необходимость формирования устойчивых связей между совместной идеей и действием, что способствует укреплению общественных связей между людьми и развитию гражданского общества.

Ключевые слова

Волонтерство, солидарность, добровольчество, гражданское общество, альтруизм, взаимодействие, единство, укрепление связей, сплочение общества

Для цитирования: Носкова О.П. Взаимосвязь понятий волонтерства и солидарности в социологии // Вестник университета. 2024. № 12. С. 161–169.

Interrelationship of the volunteerism and solidarity concepts in sociology

Olga P. Noskova

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0003-0739-4690, e-mail: boxgirl@yandex.ru

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract

The article presents the results of theoretical and empirical research into interrelationship of the volunteerism and solidarity concepts in sociology, and the former has been considered as a form of assistance and support for those in need, and the latter as an ideological justification of this assistance, a link that allows citizens to rally around a common good goal. Both concepts, being direct attributes of civil society, allow to strengthen social ties and promote formation of indifferent attitude to social transformations. Theoretical and methodological basis of the study was formed by the approaches of domestic and foreign authors such as M. Weber, E. Durkheim, P. Sorokin, T. Parsons, A. Schütz, D. Alexander, P. Kropotkin, V. Lenin, K. Biderman, V. Jeffries, T. Lisovskaya, I. Mersiyanova, L. Yakobson, M. Pevnaya, G. Bodrenkova, and T. Nezhina. The most popular motives for engaging in volunteer activities have been analyzed, and various approaches to the definition of the volunteerism and solidarity concepts have been considered. The associative survey and content analysis of search queries on the “volunteerism” and “solidarity” words-markers have been conducted, and on their basis a scheme of their interrelationship and a synquain as a consequence of their logical dependence have been drawn up. As a result of two concepts of sociological science comparison such as volunteerism and solidarity it has been established that they are inseparable, and volunteer activity is a consequence of social solidarity. The necessity of forming stable links between a joint idea and action, which contributes to strengthening of social ties among people and civil society development, has been substantiated.

Keywords

Volunteerism, solidarity, kindness, civil society, altruism, interaction, unity, strengthening ties, social cohesion

For citation: Noskova O.P. (2024) Interrelationship of the volunteerism and solidarity concepts in sociology. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 161–169.

ВВЕДЕНИЕ

Изучению волонтерства в современной науке уделяется большое внимание. Исследователи выделяют наиболее распространенные направления данного феномена и актуализируют новые, изучают портреты целевых аудиторий волонтеров и благополучателей, анализируют социально значимые проекты и инициативы.

Одним из ключевых объектов исследования является изучение мотивации волонтеров. В условиях нарастающего интереса к волонтерской деятельности представителей разных сфер возникает закономерный вопрос – что движет людьми, помогающими добровольно и безвозмездно. В результате определения объединяющего внутреннего посыла людей, оказывающих помощь нуждающимся и стремящихся действовать в целях создания и развития общественного блага, можно искать новые эффективные инструменты укрепления гражданского общества.

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ МОТИВАЦИИ ВОЛОНТЕРОВ

Обратимся к результатам эмпирических исследований ведущих отечественных авторов, описывающих мотивы волонтеров в разные годы (табл. 1).

Таблица 1

Результаты эмпирических исследований мотивации волонтеров

№ мотива в рейтинге опрошенных	Г. Бодренкова, 2013	Т. Нежина и др., 2014	И. Мерсиянова, 2017	М. Певная и др., 2022
1	Альтруизм	Желание быть полезным, помочь нуждающимся	Желание приносить пользу всем людям и помогать тем, кто оказался в трудном положении	Полезные знакомства
2	Полезность	Получение удовольствия	Социальные мотивы	Возможность помогать людям
3	Долг и моральное удовлетворение	Борьба с конкретной проблемой	Мотивы личностного развития	Новые знания, квалификация

Составлено автором по материалам источников [1–4]

Согласно табл. 1, в исследованиях 2013 г., 2014 г. и 2017 г. респонденты чаще всего связывают деятельность волонтеров со стремлением помочь нуждающимся. Далее по частоте упоминания следуют личные и социальные мотивы. В 2022 г. наиболее популярным мотивом опрошенные отметили личный, следующим – альтруистический. Эта разница может быть связана со стремительно меняющимися приоритетами граждан за последние пару лет. Институционализация волонтерства позволяет рассматривать его не только как возможность бескорыстной помощи, но и как инструмент самореализации и личностного развития.

Несмотря на смену ведущего мотива в исследованиях 2022 г., альтруизм занимает высокое место в иерархии мотивов волонтерской деятельности последнего десятилетия. О. Конт, который ввел этот термин в обращение, противопоставлял его эгоизму, то есть себялюбию [5]. Альтруизм начал соотноситься с понятием самоотверженности, поведением на благо других людей в ущерб себе. В толковом словаре Д. Ушакова альтруизм трактуется как стремление к деятельности на пользу других, желание принести пользу ближнему [6]. Иными словами, альтруизм – это поведение, направленное на общественное благо, связанное с личными затратами, а его мотив – это внутренняя установка человека, лежащая в основе этого поведения. Если альтруизм можно смело сопоставить с понятием волонтерства, то альтруистические мотивы, сплочение людей на основе общих ценностей и внутренних качеств можно объединить

понятием солидарности. Исходя из вышесказанного, необходимым становится изучение связи волонтерства и солидарности в социологии, где первое – конкретное действие, а второе – моральный принцип.

ПОНЯТИЕ ВОЛОНТЕРСТВА В СОЦИОЛОГИИ

Волонтерство происходит от французского *volontaire*, что означает волю или желание человека. Русским синонимом является термин «доброволец», что в словаре С. Ожегова трактуется как тот, кто добровольно взял на себя какую-нибудь работу [7]. Сегодня эти понятия тождественны.

Изначально добровольчество неразрывно связывалось с христианской верой и церковным служением. По прошествии времени термин «доброволец» начал применяться в военное время к тем, кто добровольно поступал на фронт, служил в тылу и оказывал посильную помощь в условиях вооруженных конфликтов. Лишь к концу XX в. феномен стал рассматриваться через призму социального служения и защиты нуждающихся. Международный статус элемента гражданского общества добровольчество получило лишь в 1990 г. в Париже в рамках принятия «Всеобщей Декларации Волонтеров»¹. В Российской Федерации этот термин был официально зафиксирован в 1995 г. в федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и трактуется как осуществление благотворительной деятельности в форме безвозмездного труда².

С точки зрения теории социального действия М. Вебера, в своей деятельности волонтеры могут руководствоваться двумя типами действий – целерациональным и ценностно-рациональным. В первом случае они сами выбирают цели своей работы, например, оказание безвозмездной помощи или удовлетворение потребности быть нужным. Во втором случае волонтеры действуют в соответствии с идеей альтруизма и стремятся к всеобщему благу. Они помогают нуждающимся и создают без ожидания личной выгоды [8]. М.В. Певная писала: «На стыке целерационального и ценностно-рационального типов действий актуализируется суть самой волонтерской деятельности в ее социальном и аксиологическом смыслах, выраженных в прагматической пользе для общества, для людей, на которых направлена эта деятельность, в ценности для самих волонтеров» [9, с. 115].

Т. Лисовская отмечает, что волонтеры придают большое значение чувству собственной значимости, которое они испытывают, занимаясь благотворительной работой. Они считают эту деятельность почетной, хоть и требующей специфических навыков и усилий [10]. По мнению британских ученых, волонтерская деятельность – это добровольная трата своего времени и усилий на помощь обществу и людям, которые не являются родственниками волонтера [11]. И. Мерсиянова и Л. Якобсон рассматривают феномен как форму гражданского добровольного служения, характеризующуюся отсутствием строгой регламентации и участием широкого круга людей. Е. Холостова определяет волонтеров как людей, делающих что-либо по своей воле, по согласию, а не по принуждению [12].

В современной социологии существует отдельное направление – «социология добра». В рамках этого направления изучаются альтруизм, мораль и социальная солидарность, а также рассматриваются патологические состояния общества и предпочтительные альтернативы его развития. Это позволяет определить пути помощи обществу и разработать планы действий во имя общего блага [13]. Таким образом, подходов к определению волонтерства много, но всех объединяет понимание конечной цели деятельности – нести благо.

Под волонтерством мы понимаем добровольное безвозмездное участие граждан в решении актуальных задач, стоящих перед обществом и окружающим миром, обусловленное неравнодушием к возникающим проблемам и искренним желанием внести свой посильный вклад в их преодоление. Добровольцы воплощают в себе фундаментальные ценности приверженности, инклюзивности, социальной интеграции, ответственности, гражданской активности и чувства солидарности. Это уникальное явление, которое выходит за рамки территориальных границ, религий и культурных и исторических различий.

Являясь важнейшим показателем развития гражданского общества и высокой социальной ответственности, волонтерская деятельность воспитывает и формирует востребованную в настоящее время просоциальную личность, получающую уникальный преобразующий опыт, основанный на понимании разных способов жизни и развивающий стремление созидать и улучшать.

¹Всеобщая декларация волонтеров. Режим доступа: http://www.nbchr.ru/pdf/vseob_declar_dobrovol.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

²Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212> (дата обращения: 19.09.2024).

ПОНЯТИЕ СОЛИДАРНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

Понятие солидарности было впервые введено Э. Дюркгеймом в его работе «О разделении общественного труда». Он рассматривал ее как ключевую концепцию, обеспечивающую единство общественной жизни и состоящую из коллективных обязательств, высшего морального принципа и универсальной ценности, разделяемой всеми членами общества. Согласно ему, общество существует благодаря социальной солидарности, то есть взаимодействию между индивидуальными сознаниями [14].

П. Сорокин развивал идеи социальной солидарности, опираясь на концепции интегрализма. Он определял явление как позитивную форму взаимодействия между людьми, основанную на высоком уровне согласия в отношении установок и целей, а также на стремлении к взаимопомощи и взаимной поддержке [15].

М. Вебер предпринял попытку вывести социальную солидарность на уровень деятельности. Он изучал данное понятие с двух точек зрения – через теорию социального действия и путем сравнения четырех типов действия с типами солидарности и порядка. Во втором случае исследователь учитывал степень солидарности между членами групп, анализируя их поведение [8].

Изучению солидарности уделяется внимание также в работах Т. Парсонса. Его подход основан на структурном функционализме, где солидарность играет роль связующего звена в социальных системах [16].

Социологический подход А. Шюца предполагает равное положение понятия солидарности с понятиями долга и товарищества, будучи чем-то, предписанным группой и реализующимся через определенные средства и цели. Солидарность формируется обществом и воспринимается его членами как данность, без критического анализа [17].

Зарубежные исследователи рассматривают социальную солидарность с точки зрения двух концепций – индивидуальной и коллективной. В обоих случаях она сводится к принятию ответственности за других. Индивидуальная интерпретация основана на механизмах, зависящих от личных интересов, в то время как коллективная – на социальной сплоченности [18].

В книге «Гражданская сфера» Д. Александер представляет новую теорию гражданского общества, основанную на идеях солидарности и справедливости. По его мнению, справедливость определяется солидарностью – чувством единения между людьми и осознанием себя частью чего-то большего. Это чувство формирует у людей представление об определенных обязательствах и позволяет разделять убеждения, которые дают возможность значимого участия и уважения к личности каждого. Солидарность – это фундаментальная социальная сила, которая создает внутренние и внешние социальные структуры и одновременно предлагает способы их обновления [19].

На разных этапах отечественной истории изучению солидарности уделялось особое внимание. П. Кропоткин определял социальную солидарность как взаимную помощь и поддержку, считая ее ключевым фактором развития. Он утверждал, что общечеловеческая солидарность присуща обществу на инстинктивном уровне [20]. По мнению В. Ленина, она представляет общность интересов и целей развития общества как единого целого [21].

Можно условно определить подходы к пониманию социальной солидарности с точки зрения зарубежных и отечественных авторов. В работах первых социальная солидарность анализируется с позиции структурного функционализма и символического интеракционализма, в то время как вторые рассматривают ее как соборность и коллективизм. Социальная солидарность выполняет функцию объединения общества независимо от исторического периода на основе различных факторов [22].

Под солидарностью мы понимаем единство интересов, ценностей, убеждений разных социальных групп. Солидарность в борьбе с экологическими, социальными, экономическими и иными последствиями деятельности людей позволяет сплотить индивидов для внесения изменений, которые хочется видеть в мире. Добровольное использование своего времени, навыков и ресурсов – один из самых мощных способов изменить ситуацию, помочь другим и внести вклад в общее дело.

В современном контексте данное понятие рассматривается как самоидентификация индивида с определенным сообществом, которое разделяет его взгляды и ценности. Волонтерское сообщество, обладая рядом отличительных черт, таких как благородство идей, безвозмездная помощь, взаимовыручка, благотворительность, попадает под критерии солидарности: единство мировоззрения, согласованные интересы всех членов сообщества, чувство коллективной ответственности, значимость концепта «мы».

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ ВОЛОНТЕРСТВА И СОЛИДАРНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

Результатом теоретического анализа стало наглядное представление взаимозависимости волонтерства и общественной солидарности, где последняя выступает идеологическим обоснованием устойчивых социальных связей, морально-нравственной ценностью и правилом, предписанным группой, а волонтерство предполагает совместную созидательную деятельность, отстаивающую ценности гуманизма на каждом этапе социальной истории и формализацию этой деятельности в институте гражданского общества. Оба явления предполагают объединение людей для создания общественного блага посредством единства взглядов, мотивов и целей, но солидарность представляет морально-нравственный компонент, а волонтерство – деятельностный (рисунок).

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Связь волонтерства и социальной солидарности

Представить взаимосвязь между волонтерством и солидарностью можно в форме синквейна, позволяющего структурировать эти два понятия через ключевые слова, находящиеся в логическом подчинении друг у друга:

- волонтерство;
- общественное, объединяющее;
- сплачивает, интегрирует, помогает;
- единство целей объединяет и укрепляет общество;
- солидарность.

Как мы видим, они находятся в неразрывной связи и являются инструментами общественного преобразования. Волонтерство, будучи одним из основных акторов гражданского общества, которое не может функционировать без социального единства, сотрудничества, взаимопонимания и взаимоуважения, является одновременно инструментом укрепления солидарности – основного фактора формирования гражданственности, что позволяет проводить дальнейшие тематические исследования в данной области социологической науки.

Обозначенный тезис о неразрывности этих явлений и их взаимодополняемости можно также подтвердить проведенным нами методом свободных ассоциаций к изучаемым понятиям среди 64 разнополых граждан Российской Федерации в возрасте от 16 до 67 лет без привязки к роду занятий и уровню образования, не имеющих отношения к волонтерской деятельности, а также контент-анализом первых 64 запросов в поисковой системе «Яндекс» по определениям слов-маркеров «волонтерство – это» и «солидарность – это» с использованием с этими словами сервиса «Яндекс.Вордстат» (раздел «Топы запросов – Похожие»).

Исходя из ассоциативного опроса, автор сделал вывод о том, что они схожи по значению, по своей сути. Граждане оценивают содержание этих понятий повторяющимися ассоциациями, и мы видим

точные (сопереживание, объединение, поддержка и понимание, уважение, труд, добро(та) и смысловые (единство/сплоченность, эмпатия/неравнодушие, взаимоуважение/доброжелательность, сочувствие/забота, трудящиеся/служение, сотрудничество/коммуникабельность) совпадения.

В табл. 2 представлены результаты контент-анализа поисковых запросов в сети «Интернет» на предмет объединения этих понятий в единое смысловое пространство, что позволяет их считать взаимодополняемыми.

Таблица 2

Контент-анализ поисковых запросов «солидарность» и «волонтерство»

Солидарность	Волонтерство
Единство группы	Совместная деятельность
Поддержка в трудных ситуациях	Помощь нуждающимся
Преданность идее	Служение людям
Сопереживание	Соучастие и сотрудничество людей для преодоления препятствий
Обязательства по отношению к другим людям	Бескорыстная помощь
Взаимный долг	Взаимопомощь
Моральный стандарт	Призывание помогать
Ответственность перед коллективом	Социально значимая деятельность

Составлено автором по материалам исследования

Можно утверждать, что за последние несколько лет волонтерство нарастило авторитет, расширило сферу влияния, твердо определило свое место в институциях гражданского общества. Сегодня оно наряду с таким фундаментальным социологическим понятием, как «солидарность», воспринимается общественностью как совместная социально значимая деятельность, направленная на помощь и поддержку нуждающихся, определяемая моральной ответственностью перед другими людьми и идеей служения обществу.

На основе эмпирических данных можно составить повторный синквейн, где основная идея взаимодополнения и взаимозависимости двух понятий не изменяется:

- солидарность;
- единая, совместная;
- кооперирует, сотрудничает, связывает;
- коллективные ценности преодолевают препятствия и поддерживают в трудных ситуациях;
- волонтерство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретическое и практическое сопоставление двух понятий социологической науки – «волонтерство» и «солидарность» – показывает, что они тесно связаны. Волонтерство является непосредственным инструментом проявления общественной солидарности, в то время как солидарность есть его смысловая доминанта, определяющая на ценностном уровне необходимость осуществления поддержки, помощи, заботы, внимания и др. Ассоциативный эксперимент и контент-анализ поисковых запросов по словам-маркерам «волонтерство» и «солидарность» подтвердили наш тезис о неразрывности этих явлений и их взаимодополняемости. И респонденты, и пользователи сети зачастую описывают явления общими словами типа «единство», «взаимность», «помощь», «соучастие», таким образом демонстрируя их объединение на уровне семантики.

Связь солидарности с повседневностью, с реальностью, гарантирующая не только провозглашение, но и воплощение идеологии единства в обществе, требует непрерывного поведенческого и экзистенциального опыта со стороны составляющих его индивидов и групп. Именно опыт волонтерской деятельности выступает инструментом проявления и укрепления общественной солидарности.

Список литературы

1. Бодренкова Г.П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике. М.: АНО «СПО СОТИС»; 2013. 320 с.
2. Нежнина Т.Г., Петухова К.А., Четчикова Н.П., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении. Вопросы ГМУ. 2014;3:49–71.

3. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2009. 201 с.
4. Певная М.В., Минченко Д.В., Белов А.А. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи. Наука. Культура. Общество. 2023;3(29):53–68. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2>
5. Comte A. System of Positive Polity: General view of positivism and introductory principles. London: Longmans, Green and Company; 1875.
6. Ушаков Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка в 4-х т. М.: Советская энциклопедия; 1935–1940.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык; 1986. 797 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990. 808 с.
9. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема. Социологические исследования. 2013;2:110–119.
10. Лисовская Т.А. Концепт volunteering в сознании американцев. Вестник ВГУ. 2010;2(4):73–75.
11. Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. 2009. 64 с.
12. Холостова Е.И. Социально ориентированные некоммерческие организации. М.: Дашков и Ко; 2017. 181 с.
13. Джеффрис В. Социология добра и концепция добродетели. Социологический ежегодник. 2011;1:186–204.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука; 1991. 575 с.
15. Сорокин П.А. Система социологии. Т.1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука; 1993. 447 с.
16. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс; 1998. 269 с.
17. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение»; 2003. 336 с.
18. Spicker P. Equality versus Solidarity. Government and Opposition. 1992;1(27):66–77.
19. Alexander J.C. The Civil Sphere. New York: Oxford University Press; 2006. 793 p.
20. Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории. Женева: Хлеб и воля; 1904. 80 с.
21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5е изд. М.: Госполитиздат; 1958–1965.
22. Самхияшвили К.О. Понятие социальной солидарности в работах классиков социологической науки. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016;2(26):120–128.

References

1. Bodrenkova G.P. Systemic development of volunteerism in Russia: from theory to practice. Moscow: SPO SOTIS; 2013. 320 p. (In Russian).
2. Nizhina T.G., Petukhova K.A., Chebetkina N.I., Mindarova I.S. Motivation of youth participation in the volunteer movement. Public Administration Issues. 2014;3:49–71. (In Russian).
3. Mersyanova I.V., Yakobson L.I. Practices of philanthropy in Russia: involvement and population's attitude. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2009. 201 p. (In Russian).
4. Pevnaya M.V., Minchenko D.V., Belov A.A. Motivation in self-regulation of youth volunteer activities. Science. Culture. Society. 2023;3(29):53–68. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.2>
5. Comte A. System of Positive Polity: General view of positivism and introductory principles. London: Longmans, Green and Company; 1875.
6. Ushakov D.N. (ed.) Explanatory dictionary of the Russian language in 4 vol. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1935–1940. (In Russian).
7. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russkiy yazyk; 1986. 797 p. (In Russian).
8. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russian).
9. Pevnaya M.V. Volunteering as a sociological problem. Sociological research. 2013;2:110–119. (In Russian).
10. Lisovskaya T.A. The concept of volunteering in the minds of Americans. Vestnik VGGU. 201;2(4):73–75. (In Russian).
11. Biderman K. Coordination of volunteer work and management of volunteer programs in the UK. 2009. 64 p. (In Russian).
12. Kholostova E.I. Socially oriented non-profit organizations. Moscow: Dashkov and Co.; 2017. 181 p. (In Russian).
13. Jeffries V. Sociology good and concept virtues. Sociologicheskii ezhegodnik; 2011;1:186–204. (In Russian).
14. Durkheim E. Of Public Works. Sociology method. Moscow: Nauka; 1991. 575 p. (In Russian).
15. Sorokin P.A. The system of sociology. Vol. 1. Social analytics: The doctrine of the simplest (generic) social phenomenon structure. Moscow: Nauka; 1993. 447 p. (In Russian).
16. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspekt Press; 1998. 269 p. (In Russian).
17. Schütz A. The semantic structure of everyday world: essays on phenomenological sociology. Moscow: Institute of the Obshchestvennoe Mnenie Foundation; 2003. 336 p. (In Russian).

18. *Spicker P.* Equality versus Solidarity. *Government and Opposition*. 1992;1(27):66–77.
19. *Alexander J.C.* The Civil Sphere. New York: Oxford University Press; 2006. 793 p.
20. *Kropotkin P.A.* State and its role in history. Geneva: Khleb i volya; 1904. 80 p. (In Russian).
21. *Lenin V.I.* Complete works. 5th ed. Moscow: Gspolitizdat; 1958–1965. (In Russian).
22. *Somkhashvili K.O.* The concept of social solidarity in the works of the sociological science classics. *Vestnik of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2016;2(26):120–128. (In Russian).

Отношение студентов к этническому предпринимательству

Павленина Татьяна Юрьевна

Магистрант

ORCID: 0009-0004-4584-9697, e-mail: monster.bird@mail.ru

Селеткова Гюзель Ильясовна

Ст. преп. каф. социологии и политологии

ORCID: 0000-0003-3402-3473, e-mail: guzal.ka@mail.ru

Левченко Валерий Витальевич

Д-р психол. наук, зав. каф. социологии и политологии

ORCID: 0000-0002-7627-9162, e-mail: levv66@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация

Актуальность изучения отношения к этническому предпринимательству обусловлена его возрастающей ролью не только как экономического, но и как социального феномена в процессе глобализации. Для проведения исследования выбрана такая группа, как студенческая молодежь, поскольку одной из ее ключевых характеристик является низкий уровень терпимости, который может выражаться в отсутствии толерантного отношения к социальным группам, в том числе этническим. Выделены мигрантский и национальный подходы к пониманию этнопредпринимательства, классификация которых зависит от ориентации на актора или продукцию. Целью настоящего исследования является раскрытие отношения студентов к этническому предпринимательству и факторов, влияющих на это. Исследование проводилось на основе результатов опроса студенческой молодежи в возрасте 18–24 лет. Проанализированы следующие факторы – пол, возрастная группа, курс обучения. Отношение студентов к этнопредпринимательству изучалось через анализ следующих эмпирических показателей: понимание сущности этнического предпринимательства, готовность приобретать и причины приобретения этнического товара, отношение к этническим продуктам. Установлено наличие размытия границ понятия этнического предпринимательства. У студентов прослеживается высокий уровень интереса к аутентичным продуктам этнопредпринимателя. Результаты проведенного исследования отношения студенческой молодежи к этнопредпринимательству могут быть полезны для маркетинговых стратегий, а также могут способствовать выстраиванию конструктивной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова

Этническое предпринимательство, мигрантский подход, национальный подход, аутентичное этническое предпринимательство, студенты, молодежь, этнофор

Для цитирования: Павленина Т.Ю., Селеткова Г.И., Левченко В.В. Отношение студентов к этническому предпринимательству // Вестник университета. 2024. № 12. С. 170–179.

© Павленина Т.Ю., Селеткова Г.И., Левченко В.В., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Students' attitudes towards ethnic entrepreneurship

Tatyana Yu. Pavlenina

Graduate Student

ORCID: 0009-0004-4584-9697, e-mail: monster.bird@mail.ru

Gyuzel I. Seletkova

Senior Lecturer at the Sociology and Political Studies Department

ORCID: 0000-0003-3402-3473, e-mail: guzal.ka@mail.ru

Valery V. Levchenko

Dr. Sci. (Psy.), Head of the Sociology and Political Studies Department

ORCID: 0000-0002-7627-9162, e-mail: levv66@mail.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

The relevance of studying attitudes towards ethnic entrepreneurship is due to its increasing role not only as an economic but also as a social phenomenon in the globalization process. Such a group as student youth has been chosen for the study, since one of its key characteristics is a low level of tolerance, which can be expressed in the lack of tolerant attitudes towards social groups, including ethnic groups. The migrant and national approaches to understanding ethnopreneurship have been distinguished, the classification of which depends on the actor or product orientation. The purpose of the study is to reveal students' attitudes towards ethnic entrepreneurship and the factors influencing it. The study was based on the results of a survey of student youth aged 18–24 years old. The following factors have been analyzed – gender, age group, and course of study. Students' attitudes towards ethnopreneurship have been studied through analyzing the following empirical indicators: understanding of the ethnic entrepreneurship essence, willingness to purchase and reasons for purchasing ethnic goods, and attitudes towards ethnic products. The presence of blurring of the boundaries of the ethnic entrepreneurship concept has been established. Students have a high level of interest in authentic products of ethnopreneurship. The results of the conducted research on the attitude of student youth to ethnopreneurship can be useful for marketing strategies and can also contribute to building constructive intercultural communication.

Keywords

Ethnic entrepreneurship, migrant approach, national approach, authentic ethnic entrepreneurship, students, youth, ethnophore

For citation: Pavlenina T.Yu., Seletkova G.I., Levchenko V.V. (2024) Students' attitudes towards ethnic entrepreneurship. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 170–179.

ВВЕДЕНИЕ

По причине увеличения в стране числа мигрантов, которые создают свой аутентичный бизнес, становится актуальной проблема отношения населения к новым видам этнодеятельности, в частности к осуществляемому мигрантами предпринимательству. Ввиду развития цифрового бизнеса взаимодействие с этническими предпринимателями становится частым явлением. Раньше этнофоров, осуществляющих бизнес, можно было встретить на рынках, в магазинах, теперь же взаимодействие может происходить в онлайн-пространстве. По причине того, что живой контакт с этнофором отсутствует, могут возникать предрассудки в отношении его этноса.

Цель настоящего исследования – изучить отношение к этническим предпринимателям и факторы, которые влияют на это. Этническое предпринимательство понимается как существование и деятельность бизнес-сообществ, состоящих, как правило, из этнофоров, принадлежащих к одной этнической группе. Под это определение попадают как этносы, так и субэтносы.

В отечественной литературе мало исследований, которые затрагивали проблемы отношения к этническим группам, а также отношения различных возрастных групп, а именно студенческой молодежи, к этническим предпринимателям. Гипотеза исследования состоит в следующем – у студенческой молодежи чаще всего проявляется стереотипное мышление при попытке ассоциировать этнопредпринимателя с его этническим товаром. Она чаще будет считать его мигрантом, а не представителем малочисленного коренного народа.

Этнопредпринимательство играет важную роль в социальном и экономическом развитии общества, поэтому изучение отношения к феномену может помочь в выявлении стереотипов, формировании успешной коммуникации между этносообществами и обществом в целом.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема отношения к этническому предпринимательству может раскрываться в нескольких аспектах, которые проявляются на разных уровнях этносознания – этнологическом, или этносоциальном, и этническом, или этноличностном.

Первый аспект, который можно выделить, – это стереотипы и предрассудки. Он связан с появлением и существованием предрассудков, которые могут возникнуть при отсутствии коммуникации с этнофорами и иными этническими группами. Стереотипы и предрассудки влекут за собой социальную напряженность и межэтнические конфликты, которые в свою очередь могут способствовать культурным барьерам и ксенофобии.

Следующий аспект затрагивает проблемы восприятия этнофора, опираясь на личностный опыт.

Для проведения исследования авторы использовали следующие эмпирические показатели: идентификация этнопредпринимателей, факты покупок и причины покупок, которые помогут при анализе отношения к этническим предпринимателям. Данные показатели делают акцент на том, на что в первую очередь обращает внимание потребитель: на происхождение актора – предпринимателя или на аутентичную или неаутентичную предпринимательскую деятельность этнофора; показатели помогают выявить отношение к этнопредпринимателю и этнопродукту, понять, какую пользу приносят этнопредприниматели обществу, влияют ли социально-экономические тенденции на причины покупок и отношение к этнопредпринимательству и т.д. Все вышеперечисленное влияет на отношение к этническому предпринимательству, этнопредпринимателям и их этнотоварам.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Этническое предпринимательство подразумевает под собой деятельность мигрантов или этнических меньшинств, решивших реализовать свой предпринимательский потенциал [1]. Выделяют несколько причин «ухода» в этническое предпринимательство – финансовая проблема, то есть проблема выживания, попытка сохранить свою культурную идентичность в чужой стране, то есть иносреде [2; 3]. Также можно выделить такую причину, как способ адаптации [4].

Исследователи этнического предпринимательства, как правило, выделяют два подхода – национальный и мигрантский [5]. Ведущими представителями мигрантского подхода являются В.В. Радаев, С.В. Рязанцев и Л.В. Рожкова. По их мнению, этнический предприниматель – это ассимилировавшийся мигрант,

осуществляющий предпринимательскую деятельность на территории страны, в какую мигрировал [6]. Менее популярный подход к этническому предпринимательству – национальный. Он рассматривает деятельность малочисленных коренных народов. К его представителям можно отнести С.П. Тюхтеневу и Э. Бакаеву [7]. В отечественной социологии этническое предпринимательство чаще рассматривается как деятельность мигрантов [8].

Можно выделить два критерия для классификации подходов к этническому предпринимательству [9]. Первый основывается на происхождении актора – это либо мигрант, либо представитель малочисленного коренного народа. Второй критерий – принадлежность этнического товара этносу производителя [10]. Следует сформулировать два термина – «аутентичный этнический товар», который означает «принадлежность» к этносу предпринимателя, и «неаутентичный этнический товар», который подразумевает то, что предприниматель производит товар, который не «принадлежит» его этносу [11].

Одной из главных проблем является наличие предрассудков к определенным этническим группам [12]. Данное социальное явление может препятствовать развитию этнопредпринимательства из-за негативных стереотипов, которые влекут за собой недоверие к продукции, качеству услуг, низкую осведомленность о товарах и, соответственно, не способствуют развитию предпринимательства [13]. На позицию «свой–чужие» могут влиять культурные барьеры, традиции и религия как с принимающей стороны, так и со стороны другой этнической группы, осуществляющей предпринимательскую деятельность [14].

Этничность, по сути, является компонентом социоэкономической среды, в которую встроен этнопредприниматель [15]. Немногие предприниматели могут встроиться в культурный контекст принимающей страны [16]. Они будут располагать сильными связями социального капитала, образуя диаспоры или семейный бизнес, что в свою очередь будет влиять на желание и мотивацию в отношении адаптации (сильные связи могут породить эмоциональную поддержку, повысить ощущение безопасности и самооценку, но также они могут замедлять процесс адаптации излишне комфортной средой) [17]. Если рассматривать классические социальные факторы предпринимательства, то следует заметить, что предприниматель растет и развивается тогда, когда у него есть слабые социальные связи, поскольку ему приходится прилагать больше усилий, выходить из зоны комфорта, проявлять большую инициативу [18]. Можно также выделить некоторое аутсайдерство, выключенность или же изолированность этнопредпринимателей от принимающей среды, культуры [19].

Стоит выделить два уровня этносознания – этнический уровень и этнологический уровень [20]. Этнический предприниматель – это личность, перешедшая на второй уровень – этнологический, то есть личность не только определяет деятельность своей этнической группы, но и воспринимает представителей «чужих» групп [21].

Студенты проводят грань между этническими товарами и услугами. Довольно часто молодежь положительно отзываясь о приобретаемом продукте, но склоняется к тому, что услуги этнопредпринимателя не являются качественными [22]. Анализируя отношение студентов к этническому предпринимательству через то, как они понимают образ предпринимателя, следует отметить, что к мигрантам-предпринимателям отношение хуже, нежели к представителям малочисленных коренных народов. Сами студенты это объясняют специфическим продуктом мигрантов [23].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В апреле 2024 г. проведен опрос, который послужил эмпирической базой настоящего исследования. Объектом исследования являются студенты, предметом – их отношение к этническому предпринимательству. Цель исследования – изучение отношения студентов к этническому предпринимательству и факторов, которые влияют на это.

Выборку составили 300 студентов – 51 % мужчин и 49 % женщин. В опросе приняли участие респонденты в возрасте 18–24 лет. Они распределены по двум возрастным группам – до 20 лет (53,3 %) и старше 21 года (46,7 %). В выборочной совокупности представлены студенты различных уровней образования, причем в основном это студенты бакалавриата (83,7 %), обучающиеся на втором и третьем курсах (28 % и 31,7 % соответственно). В магистратуре обучаются 16,4 % опрошенных, на первом курсе – 9,7 %, на втором – 6,7 %.

Данные по вероисповеданию показывают, что среди опрошенных студентов наиболее распространенными являются православие (55,3 %) и отсутствие веры вообще (36 %). В выборочной совокупности

представлены и мусульмане – доля среди опрошенных составляет 7,5 %, хотя их количество значительно меньше, чем православных. Католиками себя назвали всего 0,7 % опрошенных.

Русские составляют подавляющее большинство среди опрошенных (80,3 %). Другие этнические группы представлены значительно меньшим числом (татары – 7 %, украинцы – 5,3 %, коми-пермяки – 3,3 %, башкиры – 2 %, удмурты – 2 %). Таким образом, данные по этнической принадлежности указывают на преобладание русской этнической группы среди опрошенных, хотя также присутствуют представители других этносов, таких как украинцы, татары, коми-пермяки, башкиры и удмурты.

Анализ выборки показал, что данные могут выступать базой для дальнейшего изучения отношения к этническому предпринимательству, но обобщать результаты на более широкую группу студентов стоит с осторожностью. Выборка состоит преимущественно из молодежи и студентов бакалавриата, следовательно, стоит выделить определенные ограничения обобщения результатов на другие возрастные группы или уровни образования. Распределение по этнической принадлежности также может повлиять на результаты исследования. Учитывая, что представленная выборка включает преимущественно русских студентов результаты исследования могут быть другими для других этнических групп. Наличие различных вероисповеданий также может оказать влияние на отношение к предпринимательству, и это следует учитывать при анализе результатов.

Рассмотрим результаты исследования, которые следует разделить на четыре блока: идентификация этнопредпринимателей, отношение к этнопредпринимательству, факты покупок и причины покупок.

Начнем с идентификации этнопредпринимателей. Около половины опрошенных (49,7 %) считают, что этнопредпринимательство – такой вид бизнеса, при котором этноформой создается вообще любой вид продукта или услуги, не обязательно аутентичной. Около четверти респондентов (23,7 %) подчеркивают связь этнического предпринимательства с мигрантами, отмечая, что этнопредпринимательство – это бизнес, основанный именно мигрантами. Каждый пятый опрошенный (19 %) относит аутентичный бизнес к этническому предпринимательству. Только 7,7 % студентов считают, что этнопредпринимательство – это предпринимательство малых коренных народов.

Результаты показывают, что, хоть и существует разнообразие точек зрения на то, что представляет собой этнопредпринимательство, в основном оно может быть широко проинтерпретировано как любой бизнес с этническими компонентами. Различные гносеологические позиции опрошенных указывают на то, что понятия аутентичности и этничности могут быть восприняты по-разному в контексте предпринимательства, что также может быть связано с изменчивостью социокультурных практик в изучаемой области.

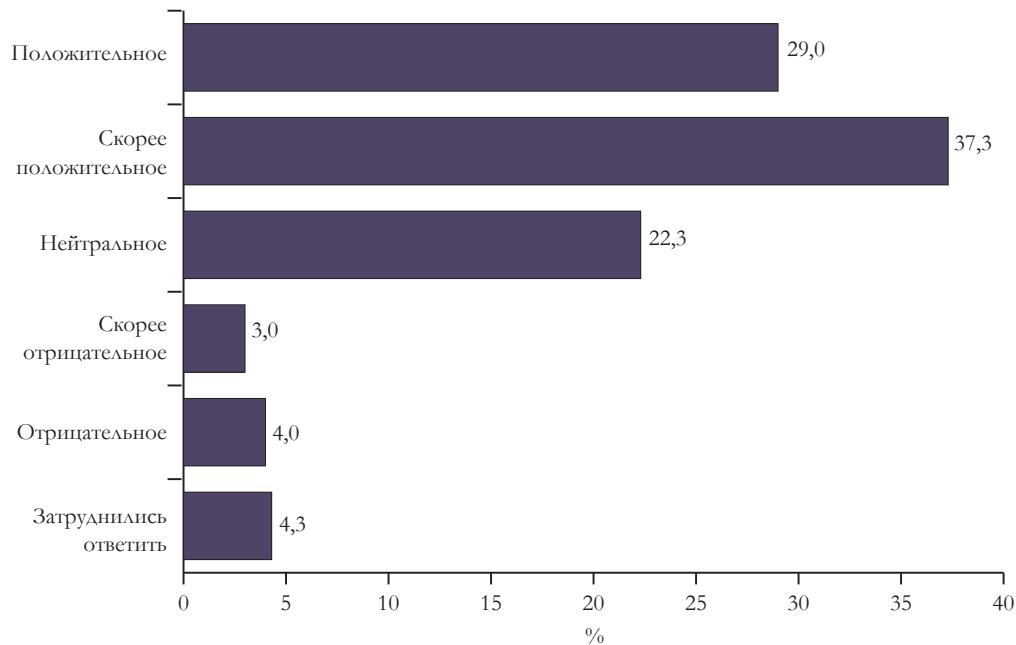
Для мусульман этнопредпринимательство больше связано с аутентичным продуктом (40 %), а православные воспринимают его шире, как любую предпринимательскую деятельность этнофора (60,8 %). Результаты могут быть обусловлены различными социально-религиозными практиками студентов и последствием определенной среды, в которой прошла социализация. Так, мусульмане, придерживающиеся своих традиций, предпочитают приобретать определенные этнические продукты.

Стоит отметить, что среди бакалавров с переходом на следующий курс снижается доля респондентов, считающих, что этнопредпринимательство может быть деятельностью любого этнофора, не обязательно связанной с производством товаров, принадлежащих этносу предпринимателя, – от 83,3 % среди студентов первого курса до 31,7 % среди студентов четвертого. Одновременно повышается доля студентов, связывающих этнопредпринимательство с мигрантами, – от 8,3 % среди студентов первого курса до 33,3 % среди студентов четвертого. Магистры первого и второго курсов чаще бакалавров считают, что этнический предприниматель – это мигрант, занимающийся предпринимательской деятельностью (41,4 % и 40 % по сравнению с диапазоном от 8,3 до 33,3 %). Данное обстоятельство может быть связано с тем, что обучение магистров включает некоторые аспекты миграционных вопросов и у них был опыт обучения в смешанных группах с представителями других этносов.

Среди обеих возрастных групп этническое предпринимательство чаще ассоциируется с неаутентичным предпринимательством, при этом студенты до 20 лет чаще считают его неаутентичным, чем студенты 21 года и старше (59,4 % и 38,6 % соответственно). Студенты в возрасте 21 года и старше чаще связывают этническое предпринимательство с мигрантами, нежели студенты до 20 лет (32,1 % по сравнению с 16,3 %). Восприятие предпринимательства как аутентичного примерно одинаково в обеих возрастных группах (18,8 % и 19,3 %). Оно реже всего ассоциируется как национальное, но студенты 21 года и старше больше связывают его с национальным (10 % по сравнению с 5,6 % среди студентов до 20 лет).

Таким образом, респонденты старшей возрастной группы чаще делают акцент на мигранте как акторе, нежели на представителе малочисленных коренных народов. Студенты младшей возрастной группы в свою очередь обращают внимание на то, какой товар был произведен.

Рассмотрим отношение студентов к товарам и услугам, которые предоставляет этнический предприниматель. Большинство респондентов (66,3 %) относятся к этнопредпринимателю и этническим товарам положительно. Нейтральное отношение демонстрирует пятая часть опрошенных (22,3 %). Наименее выражено среди студентов отрицательное отношение к феномену (7,3 %) (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Отношение студентов к услугам и товарам, которые произвели этнические предприниматели

Анализируя полученные результаты с позиции феноменологии, мы можем понять, как субъективный опыт и восприятие формируют отношение к этническим предпринимателям и товарам. На восприятие молодежи влияют опыт взаимодействия с этнопредпринимателем, стереотипы об этнофоре, осуществляющем предпринимательскую деятельность [24]. Положительное восприятие может быть связано с ценностью многообразия и культурного обогащения через этнические предприятия, нейтральное — с недостаточным опытом или знаниями, отрицательное — с негативными опытом или мнениями из социокультурной среды. Опираясь на обобщенные результаты исследований отношения студентов к этническому предпринимательству, можно выделить, что молодежь выражает доверие к этническому предпринимательству, но не является постоянным потребителем таких товаров [25].

Мужчины и женщины положительно относятся к этническим предпринимателям и продуктам, при этом женщины чаще имеют положительное отношение, чем мужчины (70,8 % по сравнению с 62,1 %). Нейтральное отношение отмечают каждая пятая женщина (20,4 %) и каждый четвертый мужчина (24,2 %). Общее количество отрицательно относящихся к этнотоварам не так значительно, но у мужчин оно немного выше (7,8 % по сравнению с 6,1 % среди женщин).

Студенты в возрасте до 20 лет чаще, чем старшая возрастная группа, положительно относятся к этнотоварам и услугам (71,3 % и 60,7 % соответственно). Студенты в возрасте 21 года и старше больше склонны к нейтралитету (27,1 % против 18,1 %).

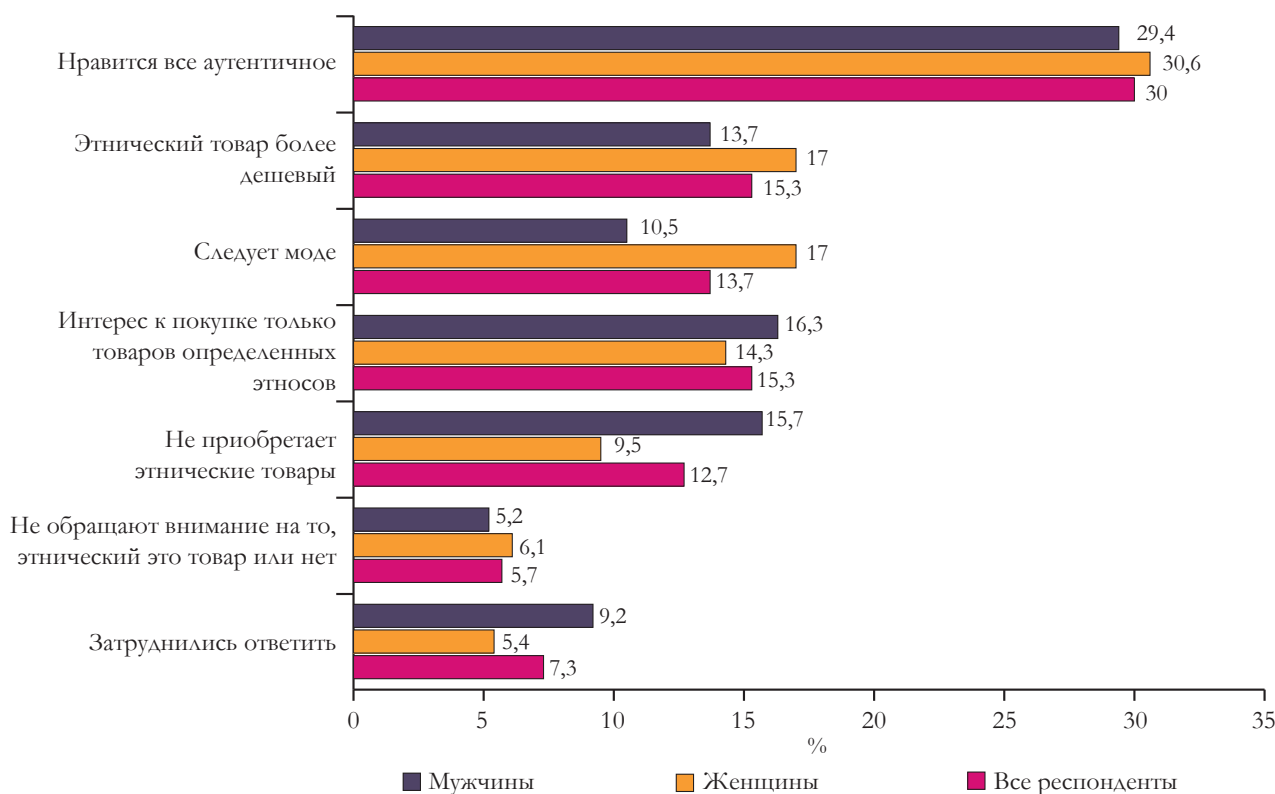
Наблюдается тренд, согласно которому с увеличением уровня образования (от первого курса бакалавриата до второго курса магистратуры) снижается положительное отношение к этническим продуктам (от 75 % на первом курсе бакалавриата и 73,8 % на втором до 55 % на втором курсе магистратуры). Заметно увеличение процента нейтрального отношения на третьем курсе бакалавриата (28,4 %). В целом отрицательное отношение к этническим предпринимателям и их продуктам практически не проявляется.

Рассмотрим третий блок – факт покупки студентом этнического товара. Большинство опрошенных студентов (78,3 %) покупают этнические товары, 13,3 % не покупают, 8,3 % затруднились ответить. Можно предположить, что последние не определяют, является ли товар, который они приобретают, этническим. Большинство студентов всех представленных возрастных групп покупают этнические товары, но студенты в возрасте до 20 лет делают это чаще по сравнению со старшей возрастной группой (81,9 % и 74,3 % соответственно).

Среди православных студентов доля покупающих этнотовары выше, нежели в других группах, и составляет 83 %, в то время как лишь 10 % не покупают их. Группы приверженцев ислама и атеистов демонстрируют высокий процент покупающих – 72,2 % для ислама и 73,1 % для атеизма, а также сопоставимый процент не покупающих – 18,2 % для ислама и 16,7 % для атеизма.

Однако существуют заметные различия в потребительском поведении между отдельными национальными группами. Некоторые активно покупают этнические товары, в то время как другие проявляют меньшую заинтересованность. Среди русских студентов, украинцев и татар наблюдается значительная активность в приобретении этнических товаров (81,3 %, 81,3 % и 71,4 % соответственно). Среди студентов башкир, коми-пермяков и удмуртов наблюдается средняя активность в приобретении этнических товаров – по 50 %. Такие высокие показатели свидетельствуют о важной роли этнической идентичности в потребительском поведении, демонстрируют сильную заинтересованность этнических групп в сохранении своей культурной идентичности и поддержке национальных традиций. Согласно данным опроса, среди студентов наблюдается высокий уровень приобретения этнических товаров, что говорит о растущем интересе и спросе на такую продукцию в молодежной среде.

В четвертом блоке рассмотрим причины приобретения этнического товара. Среди студентов существует значительный интерес к аутентичным продуктам, так как 30 % студентов указали этот фактор как причину покупки, причем интерес примерно одинаков у мужчин и женщин (29,4 % и 30,6 % соответственно). Кроме того, экономия также оказывает значительное влияние на принятие решения о покупке, поскольку 15,3 % студентов отметили, что этнический товар более дешевый. Женщины больше обращают внимание на цену, чем мужчины (17 % по сравнению с 13,7 %) (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Причины приобретения этнических товаров мужчинами и женщинами

Стоит отметить, что 15,3 % студентов приобретают товары только определенной этнической принадлежности, что свидетельствует о влиянии этнического происхождения товара на решение его покупки. Мужчины проявляют больший интерес к покупке товаров определенных этносов по сравнению с женщинами (16,3 % и 14,3 % соответственно). 13,7 % студентов приобретают этнический товар по причине того, что следуют модным трендам. Женщины (17 %) более склонны следовать им по сравнению с мужчинами (10,5 %). Доля студентов, не обращающих внимания на этническое происхождение товаров, примерно одинакова у мужчин (5,2 %) и женщин (6,1 %). Мужчины (15,7 %) более склонны не приобретать этнические товары по сравнению с женщинами (9,5 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи этнического предпринимательства, как правило, выделяют национальный и мигрантский подходы. В восприятии студентов чаще проявляется мигрантский подход, нежели национальный. Для них этнический предприниматель – это ассимилировавшийся мигрант, занимающийся предпринимательской деятельностью, а не представитель малочисленных коренных народов. При этом доля студентов, связывающих этнопредпринимательство с мигрантами, увеличивается с уровнем обучения. Критериями классификации подходов выступают происхождение актора (мигрант или представитель малочисленного коренного народа) и принадлежность товара этносу производителя.

Студенты 21 года и старше чаще делают акцент на мигранте как акторе, нежели на представителе малочисленных коренных народов, а студенты до 20 лет обращают внимание на то, где товар был произведен. Респонденты чаще видят этнопредпринимательство как бизнес с этническими компонентами, не обязательно аутентичными. Мусульмане чаще связывают феномен с аутентичным продуктом, в то время как православные воспринимают его шире. Таким образом, социально-религиозные практики студентов могут влиять на их предпочтения при покупке этнических продуктов.

Большинство респондентов (66,3 %) относятся к этнопредпринимателю и его товарам положительно. Женщины несколько чаще имеют положительное отношение по сравнению с мужчинами. Студенты до 20 лет чаще проявляют положительное отношение к этническим товарам по сравнению со старшей возрастной группой.

Большинство студентов покупают этнические товары, причем молодежь до 20 лет чаще приобретают такие товары по сравнению со старшей возрастной группой. Основными причинами покупок выступают интерес к аутентичным продуктам и экономия. Можно заключить, что гипотеза о сущности этнопредпринимателя и о его идентичности подтвердилась.

Стоит учитывать влияние возраста на восприятие и покупательское поведение студентов относительно этнических товаров, социокультурные особенности студентов, такие как религиозные убеждения, этническую принадлежность, которые могут влиять на их предпочтения при выборе этнических продуктов. Необходимо провести дополнительные исследования мотивации приобретения этнических товаров. Учитывая, что студенты могут обращать внимание на происхождение товаров, стоит подчеркнуть аутентичность продукта, а также поддерживать положительное отношение студентов к этническим предпринимателям и их товарам через активные маркетинговые кампании, обучающие программы и участие в мероприятиях, связанных с этнической культурой, выделять продукты как аутентичные и подчеркивать их экономическую выгоду. Данные факторы могут быть ключевыми для стимулирования покупательского интереса среди студентов.

Список литературы

1. Тхакахов В.Х. Российская идентичность: ресурсы этнического предпринимательства. Общество. Среда. Развитие. 2015;4(37):80–86.
2. Ромашкин Т.В. Этноконфессиональные детерминанты формирования предпринимательского имиджа. Вестник Поволжского института управления. 2016;2(53):128–134.
3. Климов И.Ю. Этноконфессиональные отношения в организациях. Социологические исследования. 2012;5:137–142.
4. Кукина Е.Н. Причины этнического обособления в современных теориях рынка труда. Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2018;4.
5. Садовой А.Н. Методологические аспекты анализа традиционных форм этнического предпринимательства. Научный диалог. 2019;8:345–359. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-345-359>

6. *Эндриушко А.А.* Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт. Вестник Института социологии. 2017;4:46–70. <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>
7. *Бекарев А.М., Кутявина Е.Е., Пак Г.С.* Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов. Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2024;1(24):13–22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>
8. *Игошева М.А.* Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов. Философская мысль. 2020;7:72–84. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.7.33513>
9. *Уолдингс Р., Олдрич Х., Уорд Р.* Этнические предприниматели. В кн.: Радаев В.В. (ред.) Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН; 2004. С. 340–365.
10. *Сидлова А.Ю.* Этнический маркетинг: применение в условиях современной Российской действительности. Омский научный вестник. 2007;1(51):52–56.
11. *Киселев В.М., Коркачева О.В., Ганиев Р.М.* Аутентичность товаров как новая концепция развития пищевой промышленности. Ползуновский вестник. 2012;2:44–48.
12. *Церкаевич А.В., Шашина Н.С., Пилева Е.С.* Этническое предпринимательство и специфика его развития в России. Экономика и управление. 2016;6(128):8–12.
13. *Пешкова В.М.* Предпринимательство мигрантов в России: структурные возможности. Власть. 2018;1:107–115.
14. *Глоснин Ю.М.* «Свои» и «Чужие» в русском провинциальном городе. Мир России. Социология. Этнология. 2013;3:60–93.
15. *Тагиров Р.Ю.* Этническое предпринимательство как система отношений и как институт. Экономика образования. 2009;3:47–53.
16. *Алебастрова И.А.* Большинство и меньшинство в конституционном государстве: этнический аспект. Lex Russica. 2017;1(122):35–49. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.035-049>
17. *Ушкин С.Г.* Социология социальных сетей: ретроспективный анализ. Социологический журнал. 2013;1:94–110.
18. *Радаев В.В.* Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия. Полис. Политические исследования. 1993;5:79–87.
19. *Салата Д.В.* Мозаика как семиотический элемент культуры. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020;4:6–9. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10293>
20. *Петрова К.А.* Этническое самосознание как психологический феномен. Омский научный вестник. 2008;5(72):146–149.
21. *Файзуллин Ф.С.* Этническое самосознание и факторы его формирования. Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2013;3:58–64.
22. *Рунова Н.Ю.* Этнический продукт в формировании этнического предпринимательства. Экономика, предпринимательство и право. 2020;2(10):185–194. <https://doi.org/10.18334/ep.10.2.100441>
23. *Рунова Н.Ю.* Этническое предпринимательство: анализ основных определений. Экономика, предпринимательство и право. 2021;2(11):323–332. <https://doi.org/10.18334/ep.11.2.111589>
24. *Новиков А.А., Новикова И.А.* Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019;4:977–989. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
25. *Рунова Н.Ю.* Значение этнического предпринимательства в Российской Федерации: итоги исследования. Экономика, предпринимательство и право. 2022;3(12):1093–1106. <https://doi.org/10.18334/ep.12.3.114311>

References

1. *Tebakakhov V.H.* Russian identity: resources of ethnic entrepreneurship. Society. Environment. Development. 2015;4(37):80–86. (In Russian).
2. *Romashkin T.V.* Ethno-confessional determinants of business image formation. Vestnik of the Volga Region Institute of Management. 2016;2(53):128–134. (In Russian).
3. *Klimov I.Yu.* Ethno-confessional relations in organizations. Sociological Studies. 2012;5:137–142. (In Russian).
4. *Kukina E.N.* Causes of ethnic isolation in modern theories of the labor market. Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia. 2018;4. (In Russian).
5. *Sadovoy A.N.* Methodological Aspects of Ethnic Entrepreneurship Traditional Forms Analysis. Nauchnyi dialog. 2019;8:345–359. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-345-359>
6. *Endryushko A.A.* Theoretical Approaches Towards Examining the Adaptation of Migrants to the Host Society: Foreign Practices. Bulletin of the Institute of Sociology. 2017;4:46–70. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>

7. Bekarev A.M., Kut'yavina E.E., Pak G.S. Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024;1(24):13–22. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>
8. Igoshcheva M.A. Economic resource of ethnic identity in the conditions of current migration processes. *Filosofskaya mysl*. 2020;7:72–84. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.7.33513>
9. Waldinger R., Aldrich H., Ward R. Ethnic entrepreneurs. In: Radaev V.V. (ed.) *Western economic sociology*. Moscow: ROSSPEN; 2004. Pp. 340–365. (In Russian).
10. Sidlova A.Yu. Ethnic marketing: application in the conditions of modern Russian reality. *Omsk Scientific Bulletin*. 2007;1(51):52–56. (In Russian).
11. Kiselev V.M., Korkacheva O.V., Gamiev R.M. Authenticity of goods as a new concept for the food industry development. *Polzunovskiy Vestnik*. 2012;2:44–48. (In Russian).
12. Tserkasevich L.V., Shashina N.S., Ivleva E.S. Ethnic entrepreneurship and the specifics of its development in Russia. *Economics and Management*. 2016;6(128):8–12. (In Russian).
13. Peshkova V.M. Migrant Entrepreneurship in Russia: Structural Capabilities. *The Authority*. 2018;1(26):107–115. (In Russian).
14. Physnin Yu.M. 'Locals' and 'aliens' in Russian provincial town. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2013;3:60–93. (In Russian).
15. Tagirov R.Yu. Ethnic entrepreneurship as a system of relations and as an institution. *Economics of Education*. 2009;3:47–53. (In Russian).
16. Alebastrova I.A. The Majority and Minority in a Constitutional State: the Ethnic Aspect. *Lex Russica*. 2017;1:35–49. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.122.1.035-049>
17. Ushkin S.G. Social network theory: retrospective analyses. *Sociological Journal*. 2013;1:94–110. (In Russian).
18. Radaev V.V. Ethnic entrepreneurship: world experience and Russia. *Political Studies*. 1993;5:79–87. (In Russian).
19. Salata D.V. Mosaic as a semiotic element of culture. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;4:6–9. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10293>
20. Petrova K.A. Ethnic self-awareness as a psychological phenomenon. *Omsk Scientific Bulletin*. 2008;5(72):146–149. (In Russian).
21. Faizullin F.S. Ethnic consciousness and its forming factors. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2013;3:58–64. (In Russian).
22. Runova N.Yu. Ethnic product in the formation of ethnic entrepreneurship. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020;2(10):185–194. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.10.2.100441>
23. Runova N.Yu. Ethnic entrepreneurship: an analysis of the main definitions. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021;2(11):323–332. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111589>
24. Novikov A.L., Novikova I.A. Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication: Psychological and Semantic Aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics, and Semantics*. 2019;4:977–989. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
25. Runova N.Yu. The importance of ethnic entrepreneurship in the Russian Federation: research results. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;3(12):1093–1106. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.12.3.114311>

Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью

Синельников Александр Борисович^{1,2}

Д-р социол. наук, канд. экон. наук, проф. кафедры социологии семьи и демографии¹, гл. науч. сотр.²
ORCID: 0000-0002-8651-8593, e-mail: sinalexander@yandex.ru

Золотарева Ольга Анатольевна^{2,3}

Канд. экон. наук, гл. науч. сотр.², доц. каф. статистики и математических методов в управлении³
ORCID: 0000-0001-7339-7510, e-mail: oamahova@yandex.ru

Хабиб Марина Далхатовна^{2,4}

Канд. экон. наук, вед. науч. сотр.², доц. каф. статистики⁴
ORCID: 0000-0001-8876-0300, e-mail: marina-khabib@mail.ru

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва Россия

²Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики, г. Москва, Россия

³МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия

⁴Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Предложена методика для анализа взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью, апробация которой осуществлена на базе современной системы статистического учета, позволившей сформировать уникальную систему статистических показателей брачности и разводимости. Ряд показателей дополняют традиционную методику расчета таблиц брачности и разводимости. Прописаны алгоритмы получения показателей, предлагаемых к внедрению (в частности, кумулятивного коэффициента брачности разведенных, уровня компенсации разводов законными повторными браками и др.), произведены их оценки, что обосновывает научную значимость настоящего исследования. Методика дает возможность оценить влияние брачности и разводимости на рождаемость, выявить воздействие мер государственной помощи семьям на изменение числа браков, разводов и рождений, а также позволяет обосновать новые меры демографической политики, направленные на повышение уровня брачности и снижение уровня разводимости. Авторский подход учитывает современные тенденции анализируемых демографических процессов, характерных для Российской Федерации, что определяет ее прогностические возможности. Это указывает на высокую практическую значимость результатов исследования в контексте поиска резервов роста рождаемости в свете реализуемой семейно-демографической политики и достижения национальных целей развития Российской Федерации.

Ключевые слова

Таблицы брачности и разводимости, возрастные коэффициенты брачности, кумулятивный коэффициент брачности, возрастные коэффициенты разводимости, кумулятивный коэффициент разводимости, компенсация разводов повторными браками, рождаемость

Для цитирования: Синельников А.Б., Золотарева О.А., Хабиб М.Д. Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью // Вестник университета. 2024. № 12. С. 180–195.

© Синельников А.Б., Золотарева О.А., Хабиб М.Д., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility

Alexander B. Sinelnikov^{1,2}

Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Econ.), Prof. at the Sociology of Family and Demography Department¹, Chief Researcher²
ORCID: 0000-0002-8651-8593, e-mail: sinalexander@yandex.ru

Olga A. Zolotareva^{2,3}

Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher², Assoc. Prof. at the Statistics and Mathematical Methods in Management Department³
ORCID: 0000-0001-7339-7510, e-mail: oamahova@yandex.ru

Marina D. Khabib^{2,4}

Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher², Assoc. Prof. at the Statistics Department⁴
Leading Researcher
ORCID: 0000-0001-8876-0300, e-mail: marina-khabib@mail.ru

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

²Scientific Research Institute on Problems of Socio-Economic Statistics of the Federal State Statistics Service, Moscow, Russia

³MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

⁴State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The methodology for analyzing interrelationship of marriage and divorces to fertility has been proposed, approbation of which has been carried out on the basis of the modern system of statistical accounting, which allowed to form a unique system of statistical indicators of marriage and divorce. A number of indicators complement the traditional methodology of marriage and divorce tables calculation. The algorithms for obtaining the indicators proposed for implementation (in particular, the cumulative marriage rate of divorcees, the level of divorces compensation by legal remarriages, etc.) have been prescribed, and their estimations have been made, which substantiates the scientific significance of the study. The methodology makes it possible to assess the impact of marriage and divorce rates on fertility, to identify the impact of measures of state assistance to families on the change in the number of marriages, divorces, and births, and also makes it possible to justify new measures of demographic policy aimed at increasing the marriage rate and reducing the divorce rate. The author's approach considers the current trends in the analyzed demographic processes characteristic of Russia, which determines its predictive capabilities. It indicates high practical significance of the research results in the context of the search for fertility growth reserves in the light of the implemented family and demographic policy and achieving Russia's national development strategies.

Keywords

Marriage and divorce tables, age-specific marriage rates, cumulative marriage rate, age-specific divorce rates, cumulative divorce rate, divorces compensation by remarriages, birth rate

For citation: Sinelnikov A.B., Zolotareva O.A., Khabib M.D. (2024) Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 180–195.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время среди множества вызовов национальной безопасности Российской Федерации (далее – РФ, Россия) демографические угрозы приобрели наиболее острый характер с учетом распространения их последствий. С целью сдерживания роста таких угроз, связанных с сокращением рождаемости, в стране последние 20 лет проводится активная демографическая политика, подкрепляемая финансовыми ресурсами на реализацию крупно-затратных программ, в частности предложенными Президентом РФ в 2006 г. в Послании Федеральному Собранию, включая материнский капитал¹. Данная стратегическая инициатива вызвала репродуктивное оживление, и уже в 2007 г. численность родившихся возросла на 130485 чел. (для сравнения – за 2006 г. рост составлял лишь 22261 чел.). Только в 2013 г. удалось достичь естественного прироста населения, который также фиксировался в 2014 г. и 2015 г.².

Однако сегодня вновь фиксируются естественная убыль населения и сокращение рождаемости. По данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), за январь–август 2024 г. численность родившихся по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года сократилась на 27,1 тыс. чел. Снижение рождаемости происходит на фоне сокращения численности женского населения репродуктивного возраста, что определяет необходимость поиска возможных резервов демографического развития.

Указанное обосновывает необходимость корректной, полной статистической оценки брачной ситуации, выявления влияния браков и разводов на рождаемость, определения эффекта реализуемых мер государственной помощи семьям на динамику числа браков, разводов и рождений. В связи с этим совершенствование методических инструментов, позволяющих получать подобную достоверную информацию, в частности таблиц брачности и разводимости, существенно возрастает.

Целью настоящего исследования выступает формирование методики статистико-демографического анализа взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью, основанной на системе источников данных официальной статистики.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЕТА ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В настоящем исследовании используются следующие источники и материалы:

- данные ежегодной статистической отчетности Росстата о числе браков и разводов, о распределении вступающих в брак по полу, возрасту и брачному состоянию, разводящихся по полу и возрасту бывших супругов, родившихся по возрасту матери и очередности рождения, о численности населения по полу и возрасту, а также данные Всероссийской переписи населения 2020 г. (далее – ВПН-2020) о составе населения по полу, возрасту и брачному состоянию и материалы выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (далее – РПН-2022), проведенного Росстатом в 2022 г. во всех субъектах РФ, кроме Ненецкого и Чукотского автономных округов, с охватом в 15 тыс. домохозяйств, в каждом из которых опрашивался один из его членов: мужчина от 18 до 60 лет или женщина от 18 до 44 лет^{3,4,5,6,7};
- научные публикации по теме данной работы [1–7];
- методология расчета таблиц брачности, разводимости, смертности пенсионеров, инвалидизации населения, утвержденная приказом Росстата от 30 декабря 2014 г. № 736⁸.

Эта методология с изменениями, о которых пойдет речь ниже, может быть использована для расчета некоторых показателей, не входящих в перечень, указанный в документе. Дополнительные показатели могут использоваться для анализа демографической ситуации:

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102106782> (дата обращения: 05.10.2024).

² Федеральная служба государственной статистики. Демография. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.10.2024).

³ Там же.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Естественное движение населения Российской Федерации за 2023 год. Режим доступа: <https://gks.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 05.10.2024).

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 05.10.2024).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 05.10.2024).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 05.10.2024).

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Приказ от 30 декабря 2014 г. № 736 «Об утверждении методологии расчета таблиц брачности, разводимости, смертности пенсионеров, инвалидизации населения». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=611221#mOtcyFU8gWBwGIZi1> (дата обращения: 05.10.2024).

- для изучения влияния брачности и разводимости на рождаемость;
- для определения влияния структуры населения по полу и возрасту на общие коэффициенты брачности и разводимости;
- для определения соотношения между числом браков и разводов у мужчин и женщин в активном репродуктивном возрасте;
- для определения компенсации разводов зарегистрированными повторными браками у мужчин и женщин в активном репродуктивном возрасте;
- для определения доли разведенных мужчин и женщин, не вступивших в новый законный брак к тому или иному возрасту;
- для сравнения данных текущей регистрации браков и разводов в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС) с итогами переписей и микропереписей населения, а также с данными выборочных социологических исследований и федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам.

Алгоритм расчета общих таблиц брачности и разводимости во многом схож с расчетом коэффициента рождаемости для условного поколения как суммы всех возрастных показателей рождаемости в одно-летней группировке. Он характеризует среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь, при условии (отсюда и название), что с момента вступления в репродуктивный возраст в том году, для которого рассчитываются показатели, и до выхода из этого возраста возрастные коэффициенты рождаемости не будут меняться. Можно по данным за один год о возрастных коэффициентах рождаемости у женщин, которые принадлежат к 35 реальным поколениям по годам рождения и чей возраст в данном году составляет от 15 до 49 лет, определить, сколько детей они родят за всю жизнь.

Суммарные коэффициенты рассчитываются и для реальных поколений. Так, для поколения женщин 1968 г.р. надо суммировать возрастные коэффициенты рождаемости у 15-летних в 1983–1984 гг. (для пояснения – представители поколения 1968 г. рождения находились в возрасте 15 лет от своего 15-го дня рождения в 1983 г. до 16-го дня рождения в 1984 г., это же относится ко всем другим поколениям), 16-летних – в 1984–1985 гг. и так далее вплоть до 49-летних в 2017–2018 гг., чтобы определить среднее число детей, рожденных женщиной за всю жизнь.

Среднее число детей на женщину реального поколения можно определить и по данным переписей, которые отличаются от суммарных коэффициентов для реальных поколений из-за влияния миграции и других обстоятельств. Тем не менее и данные переписей, и коэффициенты не отражают уровень рождаемости в том году, когда женщины выходят из репродуктивного возраста. Подавляющее большинство их детей родилось тогда, когда матерям было от 20 до 35 лет, то есть за 15–30 лет до 50-летнего юбилея. Суммарные и кумулятивные коэффициенты рождаемости для реальных поколений, закончивших деторождение или близких к этому, отражают уровень рождаемости в прошлом, но не ясно, к какому времени это относится.

Когда у женщин того или иного года рождения появляются дети, одновременно с ними рожают матери из других поколений. Суммарные коэффициенты для реальных поколений не позволяют одним числом измерить уровень рождаемости в данном году. Обобщающий показатель – это суммарный коэффициент для условного поколения, несмотря на все его недостатки. Это относится также к суммарным коэффициентам брачности и разводимости как к компонентам процесса образования и распада законных супружеских пар.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ

Возрастные коэффициенты брачности рассчитываются как отношение числа браков, заключенных мужчинами или женщинами в данном возрасте (с пропорциональным распределением числа лиц, не указавших свой возраст), к среднегодовой численности населения того же пола и возраста:

$$\text{Возрастной коэффициент брачности} = \frac{\text{Общее число вступивших в брак в данном возрастном интервале}}{\text{Среднегодовая численность населения в данном возрастном интервале}} \cdot 1000 \text{ ‰}. \quad (1)$$

Пример расчета по данным за 2023 г. по России⁹:

⁹ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.10.2024) и другим данным Росстата.

Возрастной коэффициент брачности для женщин 15 лет = $\frac{97}{814141} \cdot 1000 = 0,1 \text{ ‰}$. (2)

Кумулятивный коэффициент брачности к началу следующего возрастного интервала вычисляется следующим образом:

$$\begin{matrix} \text{Кумулятивный коэффициент} \\ \text{брачности к концу} \\ \text{возрастного интервала} \end{matrix} = \begin{matrix} \text{Кумулятивный коэффициент} \\ \text{брачности к началу} \\ \text{возрастного интервала} \end{matrix} + \begin{matrix} \text{Возрастной коэффициент} \\ \text{брачности в данном} \\ \text{интервале} \end{matrix} \cdot \begin{matrix} \text{Число лет в данном} \\ \text{интервале} \end{matrix} \cdot \quad (3)$$

В 2023 г. вступили в брак в порядке исключения 97 женщин в возрасте до 16 лет. Условно принимая их возраст за 15 лет. В возрастном интервале от 16 до 17 лет вступили в брак 3501 женщина. Среднегодовая численность женщин в возрасте 15 лет, по оценке Росстата, составила 814141 чел., а в возрастах 16–17 лет – 1 343 652 чел.

- Рассчитаем возрастной коэффициент брачности:
- для 15 лет – $(97/814141) \cdot 1000 \text{ ‰} = 0,1 \text{ ‰}$;
 - для 16–17 лет – $(3501/1489147) \cdot 1000 \text{ ‰} = 2,35 \text{ ‰}$.

- Составим кумулятивный коэффициент брачности женщин:
- к 16 годам – $0 + 1 \cdot 0,1 \text{ ‰} = 0,1 \text{ ‰}$;
 - к 18 годам – $0,1 \text{ ‰} + 2 \cdot 2,35 \text{ ‰} = 4,8 \text{ ‰}$.

Таким образом, можно рассчитывать возрастные и кумулятивные коэффициенты, относящиеся к брачности никогда не состоявших в браке (первые браки), вдовых и разведенных, а также к разводимости. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сводная таблица брачности и разводимости (на 1 тыс. лиц данного пола и возраста) по России за 2023 г.

Возрастной интервал, лет	Число лет в интервале	Возрастной коэффициент брачности (все браки)	Кумулятивный коэффициент брачности к концу возрастного интервала	Возрастной коэффициент первых браков	Кумулятивный коэффициент первых браков	Возрастной коэффициент брачности разведенных	Кумулятивный коэффициент брачности разведенных	Возрастной коэффициент разводимости	Кумулятивный коэффициент разводимости	Кумулятивный коэффициент разводимости, не компенсированной повторными браками
[1]	[2]	[3]	[4] = ячейка сверху + [2] · [3]	[5]	[6] = ячейка сверху + [2] · [5]	[7]	[8] = ячейка сверху + [2] · [7]	[9]	[10] = ячейка сверху + [2] · [9]	[11] = [9] – [7]
Мужчины										
< 15	15	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
15	1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
16–17	2	0,3	0,6	0,3	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
18–19	2	8,4	17,5	8,4	17,4	0,0	0,0	0,5	1,0	1,0
20–24	5	44,1	237,8	43,0	232,7	1,0	5,1	6,8	34,8	29,8
25–29	5	59,0	533,0	52,6	495,7	6,4	36,9	20,9	139,6	102,6
30–34	5	32,5	695,3	22,0	605,8	10,3	88,5	24,5	262,1	173,6
35–39	5	20,6	798,3	9,3	652,1	11,2	144,4	23,5	379,4	235,0
40–44	5	14,9	872,8	4,5	674,4	10,2	195,2	19,4	476,3	281,1
45–49	5	11,9	932,2	2,7	687,9	8,8	239,3	15,0	551,2	312,0
50–54	5	8,8	976,3	1,4	695,1	6,9	273,8	11,2	607,4	333,6

Возрастной интервал, лет	Число лет в интервале	Возрастной коэффициент брачности (все браки)	Кумулятивный коэффициент брачности к концу возрастного интервала	Возрастной коэффициент первых браков	Кумулятивный коэффициент первых браков	Возрастной коэффициент разведенных	Кумулятивный коэффициент разведенных	Возрастной коэффициент разводимости	Кумулятивный коэффициент разводимости	Кумулятивный коэффициент разводимости, не компенсированной повторными браками
Мужчины										
55–59	5	6,3	1007,7	0,8	699,0	5,0	298,7	7,8	646,6	347,8
60–69	10	4,3	1051,1	0,3	702,3	3,2	330,3	4,8	694,1	363,8
–	–	Суммарные коэффициенты								
70+	X	X	1051,1	X	702,3	X	330,3	X	694,1	363,8
Женщины										
< 15	15	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
15	1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
16–17	2	3,3	2,4	4,8	2,3	4,8	0,0	0,0	0,1	0,3
18–19	2	33,0	33,4	71,5	33,1	71,0	0,3	0,6	2,8	5,9
20–24	5	68,5	67,1	407,1	63,7	389,7	3,3	17,1	14,5	78,2
25–29	5	44,6	52,0	667,3	41,5	597,3	10,3	68,6	28,0	218,3
30–34	5	24,2	25,5	794,6	13,3	663,9	11,7	127,4	27,8	357,1
35–39	5	14,8	18,0	884,7	6,3	695,5	11,1	182,9	23,2	473,2
40–44	5	9,2	13,4	951,9	3,5	713,1	9,1	228,6	16,7	556,6
45–49	5	6,4	10,2	1003,1	2,1	723,8	7,2	264,4	10,9	610,9
50–54	5	4,0	6,8	1037,1	0,9	728,5	5,0	289,4	6,4	643,1
55–59	5	2,3	3,7	1055,6	0,4	730,4	2,7	302,9	3,5	660,6
60–69	10	1,3	2,0	1075,3	0,1	731,7	1,3	316,3	1,6	676,4
–	–	Суммарные коэффициенты								
70+	X	X	1075,3	X	731,7	X	316,3	X	676,4	360,1

Примечание: Кумулятивные и суммарные показатели рассчитаны как суммы возрастных коэффициентов до округления последних с точностью до одного знака после запятой.

Составлено авторами по материалам источника¹⁰

Последний из кумулятивных коэффициентов, то есть накопленное число браков на 1 тыс. чел. к условно-предельному возрасту 70 лет, называется суммарным коэффициентом брачности. В 2023 г. он составлял 1 051 у мужчин и 1 075 у женщин для всех браков, включая повторные.

Особенный интерес представляют кумулятивные и суммарные коэффициенты первых браков. К 20 годам вступают в первый законный брак 17 из 1 тыс. мужчин и 64 из 1 тыс. женщин, к 25 – 233 и 390, к 30 – 496 и 597, к 35 – 606 и 664, к 40 – 652 мужчин и 696 женщин. Это означает, что к моменту выхода из активного репродуктивного возраста 30,4 % женщин так и не вступят в законный брак, если в поколении женщин 2008 г.р., которым в 2023 г. было 15 лет, при прохождении ими всех возрастов до 39 лет включительно число первых браков на 1 тыс. женщин каждого возраста останется таким же, каким оно было в 2023 г.

Многие из никогда не состоявших в законном браке состоят или состояли ранее в незарегистрированном супружеском союзе. По данным ВПН-2020, среди женщин от 35 до 44 лет, указавших брачное состояние, лишь 10,5 % никогда не состояли в браке или супружеском союзе (40-й день рождения приходится ровно на середину интервала от 35 до 44 лет включительно). Если прибавить к ним 7 % состоящих

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.10.2024) и другие данные Росстата.

в незарегистрированном союзе и 4 % разошедшихся без оформления развода, суммарная доля этих трех категорий брачного состояния составит 21,5 %. Это на 8,9 % меньше рассчитанной для условного поколения доли женщин, никогда не состоявших в браке к 40 годам (то есть к середине возрастного интервала в 35–44 года), которая составляет 30,4 % и, по сути, является условно-прогностическим показателем для женщин 2008 г.р. Данные переписи относятся к женщинам 1977–1986 г.р. Когда они вступали в брак, показатели брачности были намного выше, чем в сейчас. Существует долговременная тенденция к снижению уровня брачности, что негативно влияет и на рождаемость [7].

После 40 лет число первых браков невелико. К 50 годам вступают в первый брак 688 из 1 тыс. мужчин и 724 из 1 тыс. женщин. Итоговым показателем можно считать суммарный коэффициент первых браков, который равен кумулятивному коэффициенту к 70 годам – 702 на 1 тыс. мужчин и 732 – на 1 тыс. женщин. Однако кумулятивные и суммарные коэффициенты брачности и разводимости для условного поколения, как и абсолютные числа браков и разводов, сильно колеблются из года в год, потому заметно отличаются от соответствующих данных по реальным поколениям.

Низкие кумулятивные и суммарные коэффициенты первых браков и, соответственно, высокие доли никогда не состоявших в браке к определенным возрастам в условных поколениях намного превышают данные для реальных поколений. Это обусловлено откладыванием регистрации браков, которой часто предшествует длительная совместная жизнь пары. При этом повышается средний возраст вступления в законный брак. Многие пары вообще не регистрируют брак. По данным РПН-2022, среди респондентов, состоящих в «незарегистрированном браке», 30 % мужчин и 25 % женщин не будут регистрировать брак, даже если у них родится ребенок¹¹. Многие мужчины, потерявшие жилье после развода, живут с другими женщинами, но не регистрируют брак с ними даже при появлении у этих пар общих детей.

По данным ВПН-2020, доля никогда не состоявших ни в законном браке, ни в неофициальном союзе увеличилась по сравнению с предыдущими переписями как среди мужчин, так и среди женщин во всех репродуктивных возрастах. Для лиц до 40 лет это может объясняться откладыванием создания семьи, но для более старших возрастов эти данные свидетельствуют о росте уровня окончательного безбрачия. Чем дольше откладывается вступление в брак или в неофициальный союз и тем более рождение детей, тем вероятнее то, что этого никогда не произойдет. Когда пара решится иметь ребенка, этому могут помешать бесплодие или другие проблемы с репродуктивным здоровьем.

Низкие суммарные коэффициенты брачности как для всех, так и для первых браков обычно сочетаются с низкими суммарными коэффициентами как для всех, так и для первых рождений. Согласно расчету по данным Росстата за 2023 г., суммарный коэффициент первых рождений составлял 0,597, то есть 40,3 % женщин условного поколения ни разу не рожают за всю жизнь. По расчетам на данных ВПН-2020, среди женщин 45–54 лет, указавших число рожденных детей, только 9,4 % ни разу в жизни не рожали.

Кумулятивный коэффициент первых браков у женщин к 50 годам в 2023 г. составлял 0,724. Это больше суммарного коэффициента первых рождений, поскольку не у всех пар есть дети. Низкие кумулятивные и суммарные коэффициенты первых браков и первых рождений в условных поколениях объясняются откладыванием регистрации первого брака и рождения первенца, появление которого нередко продолжают откладывать и после свадьбы.

Особенно важен кумулятивный коэффициент брачности (в том числе для повторных браков), к 40 годам, то есть до выхода женщин из активного репродуктивного возраста. По данным Росстата, 96–97 % рожениц моложе 40 лет.

В сводную таблицу входят также возрастные, кумулятивные и суммарные показатели разводимости. С.В. Захаров анализирует суммарные и кумулятивные коэффициенты для первых и повторных браков, а также для разводов, но доводит расчеты только до 50 лет и не определяет уровень компенсации разводов законными повторными браками, данные по которым он приводит суммарно для вдовых и разведенных [5].

Показатели брачности вдовых не включаются в сводную таблицу, поскольку, по данным Росстата за 2023 г., вдовы составляли лишь 1,7 % от общего числа вступивших в брак среди мужчин и 3,1 % среди женщин. Расчет возрастных, кумулятивных и суммарных показателей овдовения невозможен из-за

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 году. Итоги наблюдения. Таблицы 11 и 12. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 05.10.2024).

отсутствия данных о распределении по возрасту мужчин и женщин, овдовевших в том или ином календарном году. Вдовы выходят замуж гораздо реже, чем разведенные, которые часто уходят от одних мужей к другим.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЧИСЛОМ БРАКОВ, РАЗВОДОВ И ПОВТОРНЫХ БРАКОВ

Если рассчитывать число разводов на 1 тыс. браков как соотношение абсолютных чисел браков и разводов за один и тот же год, расхождений между показателями для мужчин и женщин не будет:

$$\text{Число разводов на 1000 браков} = \frac{\text{Число разводов}}{\text{Число браков}} \cdot 1000 \text{ ‰}, \quad (4)$$

$$\text{Число разводов на 1000 браков в России в 2023 г.} = \frac{683796}{945995} \cdot 1000 \text{ ‰} = 724 \text{ ‰}. \quad (5)$$

Для оценки влияния разводимости на рождаемость основное значение имеет число разводов на 1 тыс. браков у женщин моложе 40 лет, которые составляют 96–97 % среди всех рожениц. В связи с этим считаем кумулятивный коэффициент разводимости, не компенсированной новыми браками:

$$\begin{aligned} \text{Кумулятивный коэффициент} \\ \text{разводимости, не компенсированный} \\ \text{повторными браками} \end{aligned} = \begin{aligned} \text{Кумулятивный} \\ \text{коэффициент} \\ \text{разводимости} \end{aligned} - \begin{aligned} \text{Кумулятивный} \\ \text{коэффициент} \\ \text{разводимости} \end{aligned} \cdot \quad (6)$$

У женщин к 40 годам кумулятивный коэффициент разводимости составляет 473 ‰, а кумулятивный коэффициент брачности разведенных – 183 ‰. Следовательно, кумулятивный коэффициент разводимости, не компенсированной повторными браками, равен 473 ‰ – 183 ‰ = 290 ‰, то есть 290 ‰ женщин разводятся с мужьями и не вступили в новый законный брак к 40 годам. По данным ВПН-2020, среди женщин 35–44 лет, указавших брачное состояние, разведенные составили 13,1 %. Разница объясняется как тем, что первый из этих показателей рассчитан для условного поколения, а второй – для реального, так и тем, что многие разведенные женщины, живущие вместе с новыми партнерами без регистрации брака, при переписи были учтены как состоящие в незарегистрированном супружеском союзе. Лица с этим брачным статусом составляли 7 % среди общего числа опрошенных. Многие из них когда-то были разведены. По данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2022 г. (1,5 тыс. респондентов из 104 населенных пунктов в 53 субъектах РФ), среди мужчин и женщин, живущих вместе без регистрации и считающих себя супругами, 50 % имели в прошлом опыт развода¹².

Уровень компенсации разводов законным повторными браками рассчитывается по формуле:

$$\text{Уровень компенсации разводов повторными браками} = \frac{\text{Число разведенных, вступивших в брак}}{\text{Число разводов}} \cdot 1000 \text{ ‰}. \quad (7)$$

Результаты выполненных расчетов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение числа браков, разводов и повторных браков разведенных – всего и в возрастах до 40 лет в России за 2023 г.

Группы населения	Абсолютные числа			Относительные показатели	
	Вступило в брак		Число разводов – всего	Разводы на 1 тыс. браков, заключенных в том же году	Компенсация разводов повторными браками на 1 тыс. разводов, зарегистрированных в том же году
	Всего	Из них разведенные			
А	[1]	[2]	[3]	[4] = 1000 × [3] / [1]	[5] = 1000 × [2] / [3]
Мужчины					
Всего	945 995	328 650	683 796	723	481
Из них до 40 лет	705 239	152 593	382 380	542	399

¹² Фонд «Общественное мнение». Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины. Режим доступа: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 05.10.2024).

Группы населения	Абсолютные числа			Относительные показатели	
	Вступило в брак		Число разводов – всего	Разводы на 1 тыс. браков, заключенных в том же году	Компенсация разводов повторными браками на 1 тыс. разводов, зарегистрированных в том же году
	Всего	Из них разведенные			
Женщины					
Всего	945 995	331 790	683 795	723	485
Из них до 40 лет	735 671	184 901	457 908	622	404

Составлено авторами по материалам источника¹³

В возрастах до 40 лет соответствующие соотношения абсолютных чисел браков и разводов составляют 542:1 000 у мужчин и 622:1 000 у женщин. В данном случае эти показатели не должны совпадать друг с другом, поскольку мужья и жены не всегда являются ровесниками. Соотношение между абсолютными числами повторных браков и разводов составляет 481:1 000 у мужчин и 485:1 000 у женщин, а в возрастах моложе 40 лет – 399:1 000 и 404:1 000 соответственно. Однако по абсолютным числам браков и разводов в тех или иных возрастах невозможно определить какую часть мужского и женского населения в этих возрастах будут составлять разведенные, не вступившие в новый зарегистрированный брак. Это показывает сводная таблица брачности и разводимости, которая дает возможность прогнозировать структуру населения по официальному брачному статусу.

Расчеты по абсолютным числам браков и разводов за один и тот же год дают лишь приблизительное представление о том, сколько разводов приходится на 1 тыс. браков и сколько из 1 тыс. разведенных вступают в повторный брак, поскольку не учитывается продолжительность периода между браком, разводом и повторным браком.

Более точной характеристикой соотношения между числом браков и разводов является сумма приведенных чисел разводов в расчете на 1 тыс. браков, заключенных в период, соответствующий их продолжительности в том году, для которого рассчитываются эти показатели. Методика их расчета разработана французскими демографами в 1950-е гг. Некоторые из отечественных демографов использовали ее для оценки числа разводов на 1 тыс. браков с учетом их продолжительности [5].

Алгоритм расчета этого показателя по приведен в табл. 3.

Таблица 3

Расчет суммы приведенных чисел разводов в России за 2023 г.

Продолжительность рас- торгнутых браков (лет)	Число разводов	Время (годы) заключения браков	Число браков, заключенных за это время (интервал времени)		Число лет в интервале времени	Коэффициент разводимости на 1 тыс. браков данной продол- жительности		Кумулятив- ный коэф- фициент разводимос- ти по про- должитель- ности брака к кон- цу интерва- ла времени
			Принимается в расчет	Число браков		За один год	За все время	
[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	[7] = 1000 · [2] : [5]	[8] = [6] · [7]	[9] = ячейка сверху + [8]
до 1 года	37 802	2022–2023	1/2 числа браков за 2022 г. + 1/2 чи- сла браков за 2023 г.	971 387	1	38,9	38,9	38,9

¹³ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.10.2024) и другие данные Росстата.

Продолжительность рас- торгнутых браков (лет)	Число разводов	Время (годы) заключения браков	Число браков, заключенных за это время (интервал времени)		Число лет в интервале времени	Коэффициент разводимости на 1 тыс. браков данной продол- жительности		Кумулятив- ный коэф- фициент разводи- мости по про- должитель- ности брака к кон- цу интерва- ла времени
			Принимается в расчет	Число браков		За один год	За все время	
1 год	53 789	2021–2022	1/2 числа браков за 2021 г. + 1/2 чи- сла браков за 2022 г.	1 017 786	1	52,8	52,8	91,8
2 года	47 529	2020–2021	1/2 числа браков за 2020 г. + 1/2 чи- сла браков за 2021 г.	1 073 452	1	44,3	44,3	136,0
3 года	46 107	2019–2020	1/2 числа браков за 2019 г. + 1/2 чи- сла браков за 2020 г.	1 219 550	1	37,8	37,8	173,8
4 года	44 714	2018–2019	1/2 числа браков за 2018 г. + 1/2 чи- сла браков за 2019 г.	1 193 527	1	37,5	37,5	211,3
5–9 лет	181 019	2013–2018	1/2 числа браков за 2013 г. + число браков за 2014–2017 гг. + 1/2 числа бра- ков за 2018 г.	6 146 375	5	29,5	147,3	358,6
10–14 лет	122 781	2008–2013	1/2 числа браков за 2008 г. + число браков за 2009–2012 гг. + 1/2 числа бра- ков за 2013 г.	5 557 488	5	22,1	110,5	469,0
15–19 лет	68 593	2003–2008	1/2 числа браков за 2003 г. + число браков за 2004–2007 гг. + 1/2 числа бра- ков за 2008 г.	4 800 075	5	14,3	71,4	540,5
20 лет и более (20–34)	81 462	1988–2003	1/2 числа браков за 1988 г. + число браков за 1989–2002 гг. + 1/2 числа бра- ков за 2003 г.	16 015 931	15	5,1	76,3	616,8

Примечание: Верхняя граница интервала «20 лет и более» принята за 35 лет, а длина интервала – за 15 лет. Данные о разводах по продолжительности брака приведены с пропорциональным распределением числа расторгнутых браков неизвестной продолжительности.

Составлено авторами по материалам источника¹⁴

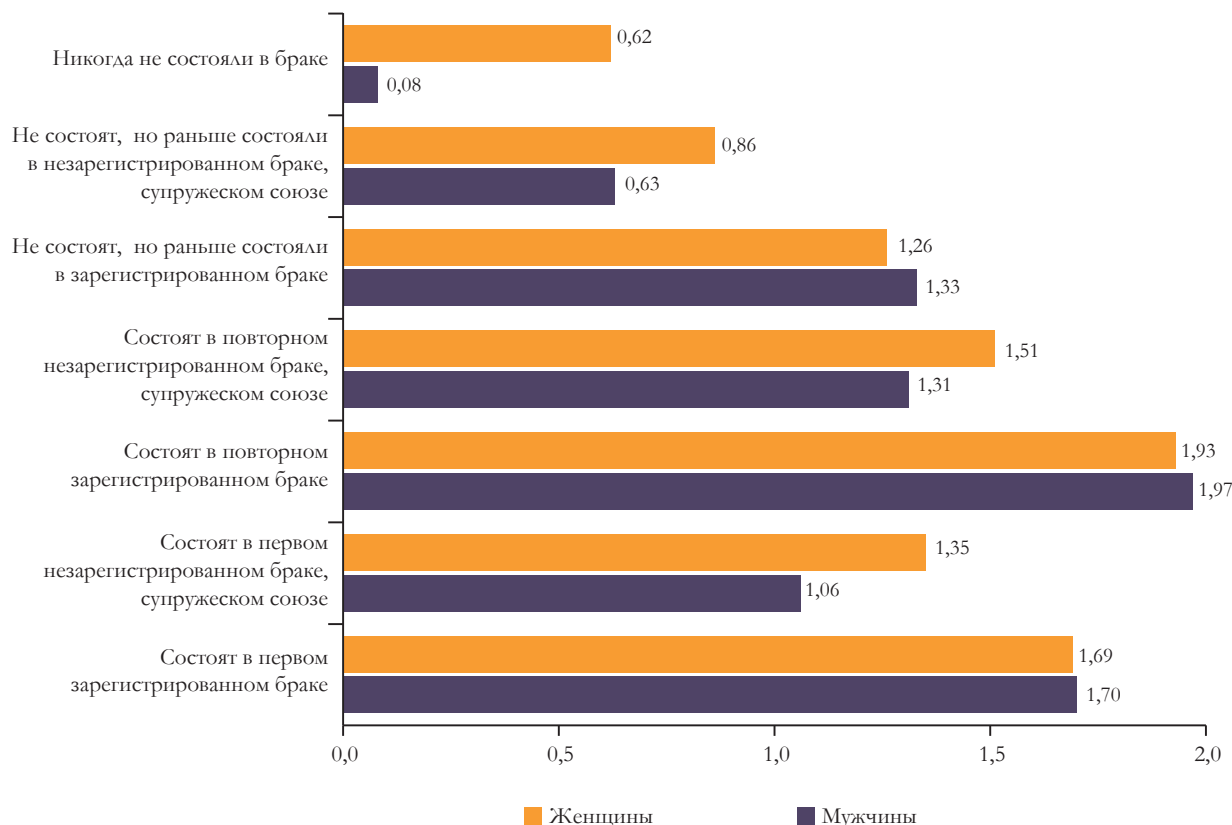
Расчет суммы приведенных чисел разводов, по данным Росстата за 2023 г., показывает, что на 1 тыс. браков приходится не 723, а 617 разводов. Следует рассчитывать число разводов на 1 тыс. браков не по данным за один и тот же год, но с учетом продолжительности расторгнутых браков, а число повторных браков

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.10.2024) и другие данные Росстата.

на 1 тыс. разводов – с учетом периода времени между этими событиями. Для этого необходимо ввести в акт о регистрации брака дату прекращения предыдущего брака, если таковой имел место.

ВЛИЯНИЕ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ НА РОЖДАЕМОСТЬ

Расчеты по данным РПН-2022 показали, что среднее число рожденных за всю жизнь детей у людей в возрасте 40 лет и старше сильно зависит от брачного статуса (рис. 1).

Составлено авторами по материалам источника¹⁵

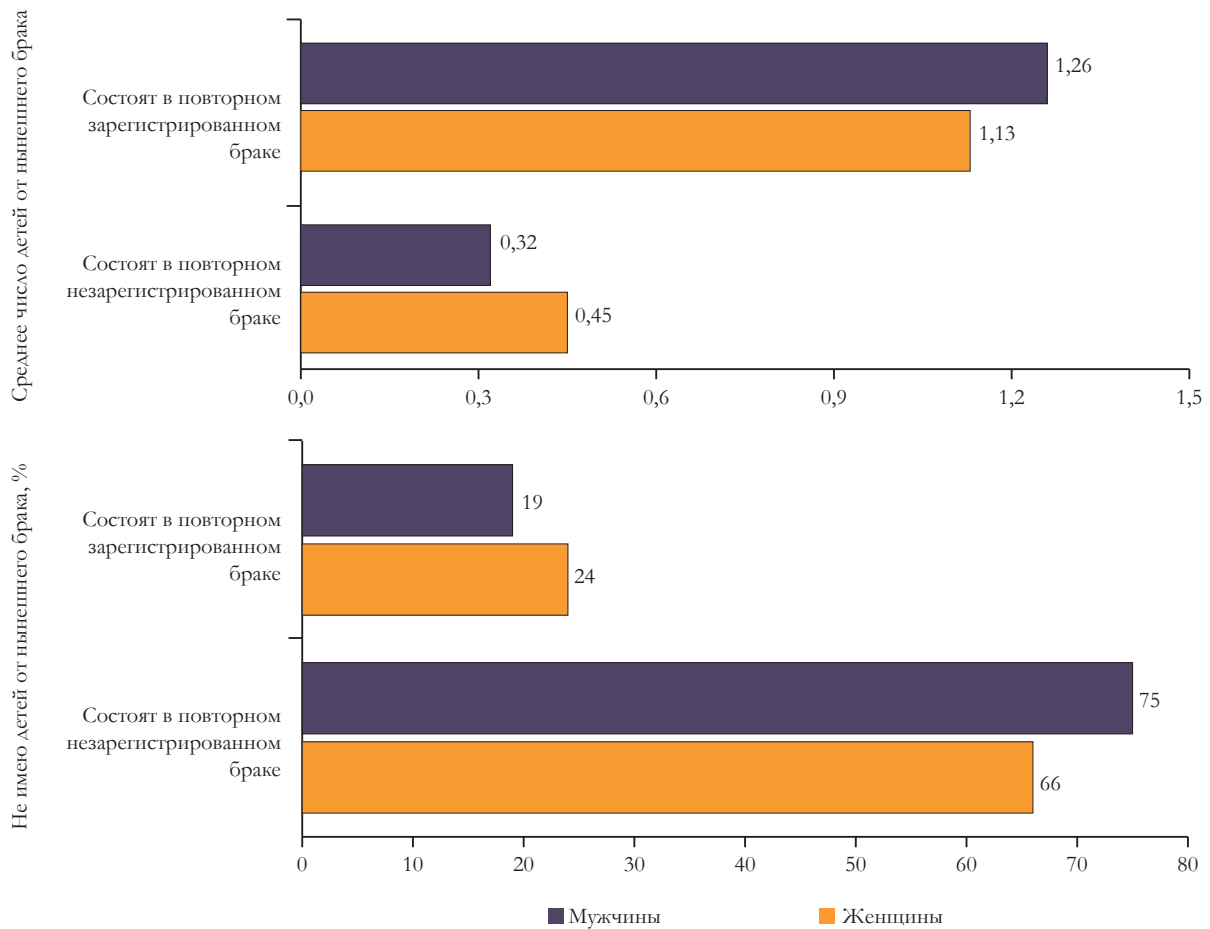
Рис. 1. Среднее число рожденных детей у мужчин и женщин с разным брачным статусом в возрасте 40 лет и старше

Среднее число детей больше всего у состоящих в повторном законном браке составляет 1,97 у мужчин и 1,93 у женщин, но этого недостаточно для простого замещения поколений. У состоящих в незарегистрированном союзе, если он первый, это число составляет лишь 1,06 и 1,35, если повторный, то 1,31 и 1,51 соответственно, то есть намного меньше, чем в первом законном браке, особенно у мужчин, причем многие из этих детей рождены от предыдущих браков или союзов. Представим различия в числе общих детей между законными повторными браками и неофициальными союзами, в которые вступают люди после распада первого брака или союза (рис. 2).

У состоящих в повторном законном браке среднее число детей от этого брака составляет 1,26 у мужчин и 1,13 у женщин. Лишь 19 % мужчин и 24 % женщин не имеют общих детей в этом браке. У тех, кто после распада первого брака или союза создал новую полную семью без регистрации, среднее число общих детей составляет лишь 0,32 у мужчин и 0,45 у женщин. У 75 % мужчин и 66 % женщин с этим брачным статусом общих детей нет.

У 87 % одиноких мужчин и 82 % женщин моложе 40 лет, которые в прошлом состояли в браке или союзе, отношения закончились разводом, у 10 % и 11 % – разрывом без развода, у 3 % и 7 % соответственно – смертью супруга.

¹⁵ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 05.10.2024).

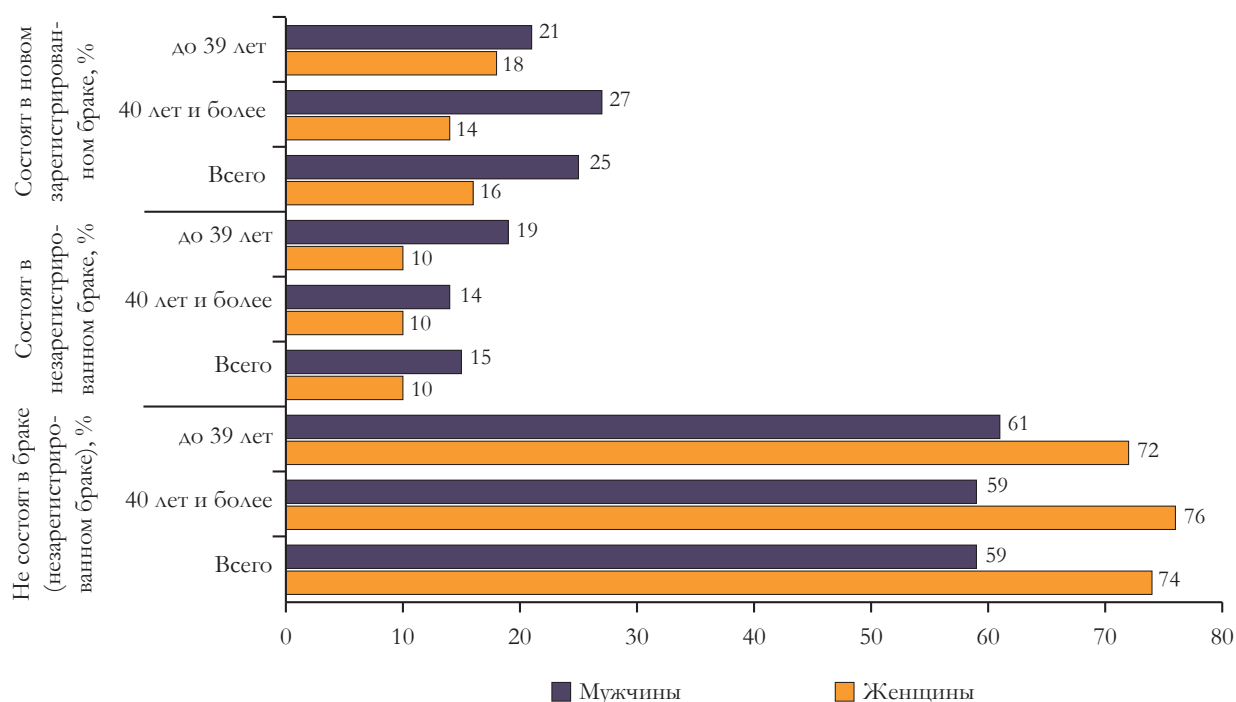
Составлено авторами по материалам источника¹⁶

Рис. 2. Среднее число рожденных детей и доля не имеющих детей, рожденных в нынешнем браке (союзе), у мужчин и женщин 40 лет и старше, состоящих в повторном зарегистрированном браке или незарегистрированном союзе

Среди респондентов моложе и старше 40 лет, переживших прекращение брака или союза, лишь от 21 до 27 % мужчин и от 14 до 18 % женщин вновь состоят в законном браке, а еще от 14% до 19% мужчин и 10% женщин – в неофициальном союзе. Подавляющее большинство – от 59 до 61% мужчин и от 72 до 76% женщин вообще остаются одинокими, в том числе потому, что их повторные браки или союзы тоже распадаются (рис. 2). Вопреки популярному мнению, повторные браки распадаются не реже, чем первые [4].

Доля состоящих в повторном браке или союзе среди тех, у кого распалась первая семья, меньше соотношения между числом разводов и повторных браков, потому что данные на рис. 3 относятся лишь к повторным бракам и союзам, не распавшимся до опроса (рис. 3).

¹⁶ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 05.10.2024).

Составлено авторами по материалам источника¹⁷

Рис. 3. Распределение мужчин и женщин моложе и старше 40 лет с опытом прекращения брака (союза) по брачному статусу на момент опроса

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основных концептуальных и методических подходах (как в отечественных, так и в международных) к статистико-демографическому исследованию брачности и разводимости принято учитывать современные тенденции этих демографических процессов. Во всех развитых странах происходит снижение числа зарегистрированных браков и замена их сожительствами, которые во многих западных государствах официально оформляются путем заключения договоров о «гражданском союзе», а в России не имеют никакого правового статуса. Отчасти эта замена вызвана сомнениями в прочности отношений. Не имея гарантий от распада семьи, многие люди не регистрируют брак, чтобы избежать раздела имущества в случае развода, а также не решаются иметь общих детей, особенно если уже есть хотя бы один ребенок от предыдущего брака или союза. Однако неформальные союзы распадаются еще чаще, чем законные браки, а среднее число детей у таких пар значительно меньше, чем у законных супругов того же возраста. Поскольку сожительства не регистрируются в ЗАГСах, у многих людей семейное положение де-факто не совпадает с их брачным статусом де-юре.

Расчеты необходимых для построения вероятностных таблиц брачности возрастных коэффициентов брачности бракоспособных, то есть не состоящих в законном браке мужчин и женщин, а также определение числа разводов на 1 тыс. состоящих в браке мужчин или женщин проблематичны из-за несопоставимости между числителем дроби, то есть числом зарегистрированных браков и разводов, и ее знаменателем, то есть численностью лиц, которые независимо от наличия документов указывают свой брачный статус во время переписей, по данным которых замужних женщин больше, чем женатых мужчин. Данные о регистрации браков и разводов надо сперва анализировать отдельно от итогов переписей и репрезентативных выборочных обследований, а затем сравнивать те и другие, чтобы выяснить причину различий.

¹⁷ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 05.10.2024).

Данные переписей и обследований во многом зависят от формулировок вопросов и вариантов ответа на них в анкетах и переписных листах. Со временем этих вариантов становится все больше. Содержание переписных листов и анкет должно отражать многообразие путей устройства личной и семейной жизни в современных условиях. Следует определять брачный статус индивидов по сочетанию их ответов на вопросы о юридическом и фактическом брачном статусе, а также о брачной биографии, например, о том, разводились ли они когда-либо в прошлом. В анкетах некоторых отечественных и зарубежных исследований содержится ряд таких вопросов, на каждый из которых респонденты дают отдельные ответы.

Случаи совместного проживания пар без регистрации брака надо учитывать, но не приравнивать их к законному браку и не объединять тех и других в общую категорию «в брачно-партнерском союзе», как это делают некоторые демографы [3]. Среднее число детей (особенно родных для обоих супругов или партнеров) у неофициальных пар гораздо меньше, чем у законных супругов того же возраста.

Необходимо обращать больше внимания на вероятность развода и вступления в повторный брак в зависимости от наличия и числа детей. Для этого следует внести в акты о заключении брака сведения о числе и возрасте детей у вступающих в брак, как это было в конце 1980-х гг. в связи с переписью населения 1989 г., а в акты о расторжении брака вносить сведения о детях не только от этого, но и от предыдущих браков. Конфликты отчима или мачехи с ними могли быть причиной развода. При проведении следующей переписи или микропереписи стоит включить в переписной лист те же варианты ответа на вопрос о брачном состоянии, которые были в анкете РПН-2022.

Таблицы с данными переписи о распределении женщин по возрасту и числу рожденных детей следует строить и публиковать не так, как это принято в томах с итогами ВПН-2020 и других переписей – для всех женщин и для состоящих в браке (независимо от его регистрации), но отдельно для каждого брачного статуса, обращая особое внимание на различия между состоящими в первом и повторном зарегистрированном браке, а также в первом и повторном незарегистрированном супружеском союзе.

Кроме того, необходимо разрабатывать данные выборочных наблюдений репродуктивных планов населения и других статистических обследований Росстата, а также переписей и микропереписей) отдельно по числу детей от нынешнего брака или неофициального супружеского союза и от предыдущих браков (союзов). Это позволит оценить вероятность вступления в повторный брак (союз) в зависимости от наличия и числа детей от предыдущих браков (союзов), а также более точно определить влияние повторных законных браков и неофициальных союзов на рождаемость.

Данные о браках и разводах обычно анализируются отдельно друг от друга, но такой подход методологически не обоснован. Брачность и разводимость – это две стороны процесса брачного движения населения, то есть заключения и расторжения браков. Этот единый процесс характеризуется системой показателей брачности и разводимости, большая часть которых представлена в сводной таблице брачности и разводимости или рассчитана на ее основании. В эту систему входят:

- возрастные коэффициенты брачности – число браков на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин в возрасте 15, 16–17, 18–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59 и 60–69 лет (для всех браков, для первых браков, для браков разведенных);
- кумулятивные коэффициенты брачности – число вступивших в брак на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин к 16, 18, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60 годам (для всех браков, для первых браков, для браков разведенных);
- суммарные коэффициенты брачности – число вступивших в брак на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин к 70 годам (для всех браков, для первых браков, для браков разведенных), суммарные коэффициенты равны кумулятивным к 70 годам;
- возрастной коэффициент разводимости – число разводов на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин в возрасте 16–17, 18–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59 и 60–69 лет;
- кумулятивный коэффициент разводимости – число разводов на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин к 18, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60 годам;
- суммарный коэффициент разводимости – число разводов на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин к 70 годам;
- кумулятивный коэффициент разводимости, не компенсированной повторными браками, – число разведенных, не вступивших в повторный брак, на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин к 18, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60 годам;

– суммарный коэффициент разводимости, не компенсированной повторными браками, – число разведенных, не вступивших в повторный брак, на 1 тыс. мужчин и на 1 тыс. женщин к 70 годам.

Сводная таблица брачности и разводимости позволяет определить сколько из 1 тыс. мужчин и 1 тыс. женщин ни разу не вступают в брак, а также сколько из них разводятся и после этого вступают или не вступают в повторный брак к тому или иному возрасту. Для возрастов старше 30, 35 и 40 лет (особенно у женщин, которые после этого возраста рожают сравнительно редко) высокие показатели как первичного, так и вторичного (точнее, послеразводного) безбрачия свидетельствуют о негативных тенденциях брачности и разводимости, что влияет и на рождаемость.

Следует отметить, что вторичное безбрачие не всегда является послеразводным. К показателям вторичного безбрачия относится также доля овдовевших, которые не вступили в новый брак. В настоящее время невозможно рассчитать этот показатель, так как неизвестно сколько мужчин и женщин того или иного возраста становятся вдовыми. Все суммарные и кумулятивные показатели брачности, разводимости и рождаемости являются условно-прогностическими для тех поколений, которые только что достигли брачного и репродуктивного возраста при предположении, что в дальнейшем возрастные коэффициенты, на основе которых они рассчитываются, не будут меняться.

Показатели первичного и послеразводного безбрачия, определенные на основании сводной таблицы брачности и разводимости для условного поколения, значительно больше тех же показателей для реального поколения, рассчитанных по данным переписи, поскольку многие люди, никогда не состоявшие в законном браке или не вступившие в новый законный брак после развода, учтены при переписи как состоящие в незарегистрированном союзе. По данным РПН-2022, среднее число детей у женщин старше 40 лет, состоящих в первом или повторном неофициальном союзе, намного меньше, чем у их ровесниц, состоящих в законном браке той же очередности.

Сочетание анализа показателей для условных и реальных поколений в отношении брачности и разводимости необходимо в той же мере, как это делается в отношении рождаемости. Это поможет изучить влияние брачности и разводимости на рождаемость и оценить влияние мер государственной помощи семьям на число браков, разводов и рождений, а также предложить новые меры демографической политики, направленные на повышение уровня брачности и снижение уровня разводимости, что является одним из необходимых условий для существенного повышения рождаемости в России.

Список литературы

1. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России. *Народонаселение*. 2019;2(22):26–39. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00013>
2. Козлова О.А., Архангельский В.Н. Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты. *Вестник Российской Академии наук*. 2021;9(91):845–855. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090061>
3. Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? *Демографическое обозрение*. 2016;1(3):35–51. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1762>
4. Захаров С.В. Брачность и брачное состояние. В кн.: Захаров С.В. (ред.) *Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад*. М.: Высшая школа экономики; 2015. С. 52–80.
5. Захаров С.В. Брачная структура населения, заключение и прекращение браков в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г. В кн.: Захаров С.В. (ред.) *Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад*. М.: Высшая школа экономики; 2018. С. 99–159.
6. Захаров С.В., Чурилова О.В. Современные тенденции прекращения брачно-партнерских союзов в России: оценки для условных и реальных поколений в исторической перспективе. В кн.: Захаров С.В. (ред.) *Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад*. М.: Высшая школа экономики; 2022. С. 78–112.
7. Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. М.: Перо; 2022. 392 с.

References

1. Sinelnikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia. *Population*. 2019;2(22):26–39. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00013>
2. Kozlova O.A., Arkhangelsky V.N. Fertility forecast in Russia: approaches, hypotheses, results. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*. 2021;9(91):845–855. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587321090061>

3. *Zakharov S.V., Churilova E.V., Agbajanyan V.S.* Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal? *Demographic Review*. 2016;1(3):35–51. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1762>
4. *Zakharov S.V.* Marriage and marital status. In: Zakharov S.V. (ed.) *Population of Russia 2013: the twenty-first annual demographic report*. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2015. Pp. 52–80. (In Russian).
5. *Zakharov S.V.* Marital structure of population, conclusion and termination of marriages in Russia in the context of the results of the population micro-census in 2015. In: Zakharov S.V. (ed.) *Population of Russia 2016: twenty-fourth annual demographic report*. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2018. Pp. 99–159. (In Russian).
6. *Zakharov S.V., Churilova O.V.* Modern trends when terminating marriage and partnership unions in Russia: estimates for conditional and real generations in a historical perspective. In: Zakharov S.V. (ed.) *Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report*. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2022. Pp. 78–112. (In Russian).
7. *Sinelnikov A.B.* *Marriages and divorces in modern society: a sociological analysis*. Moscow: Pero; 2022. 392 p. (In Russian).

Особенности ответственности при разном уровне удовлетворенности трудом специалистов по организации оказания многопрофильной помощи

Абдулина Юлия Александровна

Аспирант

ORCID: 0009-0009-6147-5118, e-mail: abdulina-youlia-27@yandex.ru

Алдашева Айгуль Абдулхаевна

Д-р психол. наук, вед. науч. сотр.

ORCID: 0000-0003-3768-9887, e-mail: aigulmama@mail.ru

Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены особенности ответственности специалистов по организации оказания многопрофильной помощи (на примере операторов «Системы-112»), имеющих разный уровень удовлетворенности трудом. Проведено прямое сравнение групп специалистов с низкой, средней и высокой удовлетворенностью трудом по отдельным шкалам вопросника ОТВ-70, выявлены взаимосвязи между шкалами ОТВ-70, опросниками терминальных ценностей И.Г. Сенина и социально-профессиональной востребованности личности Е.В. Харитоновой, а также методами исследования самоотношения С.Р. Панталева. Показано, что операторы с низкой удовлетворенностью трудом по сравнению со своими коллегами со средним и высоким уровнями более поверхностно понимают сущность и значимость ответственности в жизни человека и общества, реже выполняют дела, меньше получают позитивных эмоций при этом, меньше стремятся к этому из желания быть в коллективе, менее заинтересованы в результате дела как для других, так и для себя. В корреляционной плеяде системообразующим элементом у них является эмоциональный компонент ответственности. У операторов со средней удовлетворенностью трудом компоненты ответственности взаимосвязаны с показателями субъективной профессиональной востребованности, у операторов с высокой – с негативным самоотношением и показателями субъективной профессиональной востребованности.

Ключевые слова

Оператор «Системы-112», ответственность, помогающие профессии, профессиональная востребованность, самоотношение, соционические профессии, удовлетворенность трудом, ценности

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания №0138-2024-0017.

Для цитирования: Абдулина Ю.А., Алдашева А.А. Особенности ответственности при разном уровне удовлетворенности трудом специалистов по организации оказания многопрофильной помощи // Вестник университета. 2024. № 12. С. 196–207.

Responsibility features at different job satisfaction level of multiprofile assistance organization specialists

Yulia A. Abdulina

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0009-6147-5118, e-mail: abdulina-youlia-27@yandex.ru

Aigul A. Aldasheva

Dr. Sci. (Psy.), Leading Researcher

ORCID: 0000-0003-3768-9887, e-mail: aigulmama@mail.ru

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

Responsibility features of multiprofile assistance organization specialists (on the example of Sistema-112 operators) with different job satisfaction level have been considered. The direct comparison of groups of specialists with low, average, and high job satisfaction on separate scales of the OTV-70 questionnaire has been carried out, and interrelations among OTV-70 scales, I.G. Senin's questionnaire of terminal values, and E.V. Kharitonova's questionnaire of socio-professional demand for personality, as well as S.R. Pantileev's methodology of self-relationship research have been revealed. It has been shown that operators with low job satisfaction in comparison with their colleagues with average and high levels more superficially understand the essence and significance of responsibility in the life of a human and society, less often do tasks, receive less positive emotions while doing it, are less eager to do it out of the desire to be a part of their team, and are less interested in the tasks result both for others and for themselves. In the correlative pleiad, the system-forming element in them is the emotional component of responsibility. In operators with average job satisfaction the responsibility components are correlated with the subjective professional demand indicators, in operators with high level - with negative self-esteem and subjective professional demand indicators.

Keywords

Sistema-112 operator, responsibility, helping professions, professional demand, self-attitude, socioeconomic profession, job satisfaction values

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the state assignment No. 0138-2024-0017.

For citation: Abdulina Yu.A., Aldasheva A.A. (2024) Responsibility features at different job satisfaction level of multiprofile assistance organization specialists. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 196–207.

ВВЕДЕНИЕ

Удовлетворенность трудом (далее – УТ) является субъективным критерием профессиональной адаптации и отражает обобщенную оценку профессионально-трудовой ситуации специалистом [1]. Хотя взаимосвязь УТ и эффективности профессиональной деятельности признана неоднозначной, показано, что УТ оказывает влияние на общеорганизационный вклад сотрудника и его намерение сменить место работы или даже профессию, то есть на профессиональный «самоотбор» [2].

Сегодня все большее распространение приобретают социэкономические профессии помогающего типа, занимающие особое положение в силу своей чрезвычайной важности для общества, а также по причине их высокой стрессогенности и выраженного риска эмоционального выгорания [3]. Отличительным для этих профессий является и тот факт, что главное средство труда – это личность профессионала, в связи с чем оценка ментальной пригодности и непригодности личности к социэкономическому труду выходит на первый план при первичном профотборе кандидатов [4]. Наличие ментальной пригодности не гарантирует наличие всех остальных необходимых профессионально важных качеств и достижение высокой результативности труда помогающего специалиста, однако отсутствие такой пригодности детерминирует низкую эффективность труда и, что еще более важно, является потенциально опасной для социума. По этой причине оценке ментальной пригодности потенциального специалиста социэкономических профессий помогающего типа уделяется больше внимания, чем непосредственной оценке его знаний и навыков, особенно на ранних этапах профессионализации.

Одним из предикторов ментальной пригодности специалистов помогающих профессий является такое качество личности, как ответственность [3; 5]. С учетом роста числа новых социэкономических профессий и необходимости разработки научно обоснованных методов профессионального отбора специалистов возникает интерес к изучению взаимосвязи ответственности как устойчивой личностной черты и УТ, что и обусловило актуальность настоящего исследования.

ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

УТ отражает общую оценку специалистом его трудовой деятельности как пространства, позволяющего удовлетворять финансовую потребность, потребность в общении, признании, реализации своего потенциала, саморазвитии через профессию и др. Она указывает на степень соответствия желаемого, возможного и реального для профессионала по его субъективному представлению и во многом определяет его профессиональную перспективу, желание остаться в профессии и развиваться в ней в дальнейшем [2]. Согласно ранее проведенным исследованиям, люди с высоким уровнем УТ вносят больший вклад в общеорганизационное дело, меньше отсутствуют на рабочем месте и реже меняют работу, а также показывают более высокую эффективность труда [1; 2]. По этим причинам возникает интерес к оценке УТ персонала и поиску ее предикторов, которые можно было бы использовать при профессиональном отборе, особенно на ранних этапах профессионализации (выборе профессии, отборе кандидатов для дальнейшей профессиональной подготовки).

Хотя сама по себе УТ является динамической характеристикой, она детерминируется как изменчивыми, так и константными факторами [2]. К изменчивым факторам относят условия труда (размер оплаты, техническая оснащенность и комфортность рабочего места и организации в целом и т.д.), профессиональные отношения, содержание труда и уровень его сложности, престиж профессии в обществе, опыт и навыки специалиста и др. Константные факторы представляют собой устойчивые качества личности профессионала: особенности ее потребностно-мотивационной, ценностной, эмоционально-волевой сфер, направленности и интересы, способности и возможности человека как субъекта труда, их субъективная оценка и т.д.

Если говорить об ответственности, обобщая множество ее определений, предложенных на сегодняшний день учеными, можно сказать, что суть ее выражается в понимании и принятии последствий действий и поступков человека, которые он совершает, руководствуясь своими смыслами, принципами, ценностями и переживая это эмоционально, поэтому в ее структуре выделяют мотивационно-ценностный, когнитивный (осознание себя как движущей силы), аффективно-эмоциональный (переживание этого осознания), поведенческий (конкретные действия) компоненты [6–8]. В рамках настоящего исследования нам кажется целесообразным выделить два основных направления изучения ответственности: как

внутреннего качества личности, устойчивую личностную черту и как внешне возлагаемых обязанностей, особенности некой социальной, в том числе профессиональной, роли [6; 7; 9; 10].

Ответственность как внутреннее качество предполагает просоциальную направленность выбора личности при наличии нескольких альтернатив такого выбора. Она указывает на склонность человека придерживаться принятых правил и норм, является регулятором его поведения и тесно связана с ценностно-смысловой сферой личности и такими понятиями, как мораль, нравственность, долг [6; 9; 10]. Человек проявляет ответственность только в отношении того, что является для него значимым, ценным. Поскольку формирование ответственности подвержено внешним воздействиям и требует внутренних усилий самой личности, ответственность предполагает определенный уровень развития волевой сферы [7]. Ее также рассматривают как важнейший критерий зрелости личности на основании видения личности и признания человеком как причины определенных событий в ее внешней и внутренней реальности, что отражает взаимосвязь ответственности с самосознанием и самоотношением субъекта [9].

Б.С. Алишев указывает на три возможных значения понятия ответственности: обязательность, исполнительность; авторство совершенных действий; самостоятельность, инициативность. В контексте последнего значения ответственность относят и к механизмам организации всей жизнедеятельности человека, определяющим успешность его деятельности [10]. Ответственность как личностная черта коррелирует с уровнем личностного благополучия, рефлексии, субъектности, самостоятельности, интернальности, которые в свою очередь предрасполагают личность к достижению успеха в любом виде деятельности, в том числе профессиональной [11–13]. По этой причине предполагается, что она тесно связана с УТ.

Ответственность как заданные обязанности или специфика некой социальной роли в контексте профессиональной деятельности отражает качественную характеристику трудового поста [6; 10; 12]. В данном случае стоит говорить именно о профессиональной ответственности, то есть о том диапазоне профессиональных обязанностей, которые должен выполнять человек на конкретном рабочем месте, и юридической ответственности, которую он несет за выполнение профессиональной деятельности. Согласно двухфакторной теории Ф. Херцберга, УТ детерминирована так называемыми внутренними факторами, к числу которых относятся разнообразие трудовых функций и широта ответственности за свой труд. Анализ ряда исследований на тему взаимосвязи УТ и ответственности показывает, что последняя в этих исследованиях рассматривается чаще всего как обязанности и диапазон выборов, который предоставляется профессионалу в его работе [14]. Однако насколько такая ответственность будет принята личностью профессионала, по нашему мнению, зависит от наличия у нее ответственности именно как устойчивой личностной черты, потому провести полное разделение ответственности по этим двум направлениям затруднительно.

В настоящем исследовании мы рассмотрели ответственность как сложноорганизованное (системное) устойчивое личностное свойство, регулирующее деятельность человека и связанное с особенностями его ценностно-смысловой сферы, самосознанием и самоотношением. Прямая взаимосвязь уровня ответственности и степени УТ неоднократно подтверждалась эмпирическими исследованиями, однако особенности проявления ответственности профессионалов с разным уровнем УТ до сих пор мало описаны, что определило цель настоящего исследования [14]. Мы предполагаем, что в помогающих профессиях развитая ответственность способствует осуществлению эффективной профессиональной деятельности и, как результат, достижению чувства УТ. Кроме того, ответственность, будучи устойчивым качеством личности, взаимосвязана с другими личностными качествами (прежде всего ценностями и смыслами, самосознанием и самоотношением), и у специалистов с разным уровнем УТ будут свои характерные особенности этих взаимосвязей наряду с различающимся уровнем ответственности.

Цель настоящего исследования – описать особенности ответственности как устойчивого личностного качества специалистов по организации оказания многопрофильной помощи в зависимости от их уровня удовлетворенности трудом (на примере операторов «Системы-112»).

Гипотезы исследования:

- уровень удовлетворенности трудом у специалистов помогающих профессий различается в зависимости от выраженности у них ответственности как устойчивого личностного качества;
- специалисты с разным уровнем удовлетворенности трудом характеризуются качественным своеобразием взаимосвязи ответственности, ценностно-смысловой сферы личности и ее самоотношения, в том числе профессионального.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценку общего уровня УТ авторы проводили с помощью методики «Интегральная удовлетворенность трудом» [15, с. 325–327]. Для оценки различных параметров ответственности мы выбрали вопросник «Ответственность» В.П. Пряеина (далее – ОТВ-70), позволяющий количественно проанализировать ответственность как устойчивое системное качество личности, включающее динамический, когнитивный, эмоциональный, регулятивный, мотивационный, результативный блоки [8]. Этот вопросник мы также использовали для оценки искренности респондентов и их «отсева» для получения наиболее достоверных результатов – в конечную выборку вошли только испытуемые, набравшие не более 15 баллов по шкале «Искренность» вопросника ОТВ-70. Особенности ценностно-смысловой сферы личности авторы оценивали с помощью опросника терминальных ценностей И.Г. Сенина (далее – ОТеЦ-2) [16]. «Методика исследования самооотношения» (далее – МИС) С.Р. Пантеева использована для выявления особенностей общего самооотношения личности, а опросник «Социально-профессиональная востребованность личности» (далее – СПВЛ), отражающий субъективные представления субъекта труда о его востребованности обществом как профессионала, – для выявления особенностей профессионального самооотношения [17; 18, с. 385–393].

Выборку составили сотрудники московского государственного бюджетного учреждения «Система-112» – 239 специалистов-операторов, из которых 58 мужчин и 181 женщина (возраст – 19–65 лет ($M_e = 28,0$ лет, Q_1 – $Q_3 = 21,0$ – $39,0$ лет). Стаж работы оператором – 0.1–22 года ($M_e = 2,0$ года, Q_1 – $Q_3 = 1,0$ – $4,0$). Испытуемым разъяснили цель исследования, взяли у них информированное согласие на участие в нем, далее предложили заполнить психодиагностические методики и анкету для сбора социально-демографических данных.

По общему уровню УТ выборку разделили на три группы статистическими методами по первому и третьему квартилям (поскольку распределение УТ в выборке отличалось от нормального). В результате мы получили группы с низким уровнем УТ (далее – НУТ), средним уровнем УТ (далее – СУТ) и высоким уровнем УТ (далее – ВУТ). Статистически значимых различий между группами по полу, возрасту и стажу работы оператором «Системы-112» не выявлено.

Статистическая обработка данных включала описательную статистику, сравнительный анализ (критерий U Манна-Уитни), корреляционный анализ (критерий Спирмена), оценку уровня нормальности распределения (критерий Колмогорова-Смирнова), критерий независимости χ^2 Пирсона с использованием программы SPSS26.

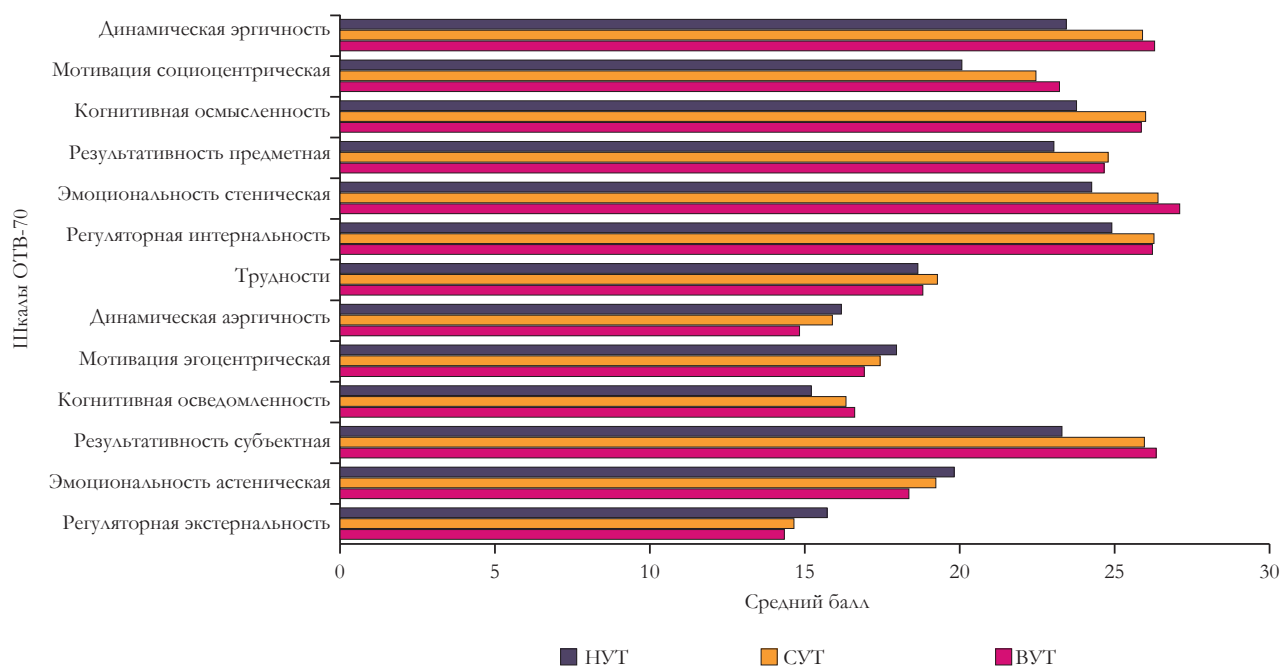
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнение данных по многомерно-функциональной оценке ответственности операторов с разным уровнем УТ представлено на рис. 1.

Различий по параметрам ответственности между специалистами с СУТ и ВУТ не выявлено. При этом у операторов с НУТ по сравнению с другими группами выявлены более низкие показатели ($p < 0,01$) сразу нескольких критериев ответственности: динамическая эргичность, социоцентрическая мотивация, когнитивная осмысленность, стеническая эмоциональность, а также предметная и субъектная результативность. Это указывает на то, что операторы с НУТ реже других берутся за самостоятельное, без какого-либо дополнительного контроля выполнение ответственных дел (динамическая эргичность), реже делают это из чувства долга, желания быть среди людей, преобладания общественного над личным (социоцентрическая мотивация), меньше при этом испытывают положительные эмоции (эмоциональность стеническая), менее глубоко понимают суть ответственности как целостного качества личности (когнитивная осмысленность). Они меньше других операторов ориентированы как на социально значимый результат для благополучия других людей (предметная результативность), так и на личностно значимый, несущий выгоду им самим (результативность субъектная), то есть можно сказать, что они в целом меньше других заинтересованы в результате при выполнении ответственных дел.

Кроме того, у специалистов с НУТ менее проявлена интернальная регуляция ($p < 0,05$), чем у специалистов с СУТ, то есть у них менее выражены самостоятельность, независимость и самокритичность при выполнении ответственных дел. Только при НУТ наблюдаются отличия по выраженности параметров ответственности, но это целый комплекс отличий – специалисты с НУТ хуже других осознают

ответственность, меньше других берутся за выполнение ответственных дел, слабее заинтересованы в их результате и реже получают положительное эмоциональное подкрепление при этом.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Показатели ответственности операторов

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи ($p < 0,01$) между шкалами использованных в исследовании методик для каждой группы УТ. Наиболее сильные из этих взаимосвязей представлены на рис. 2–4.

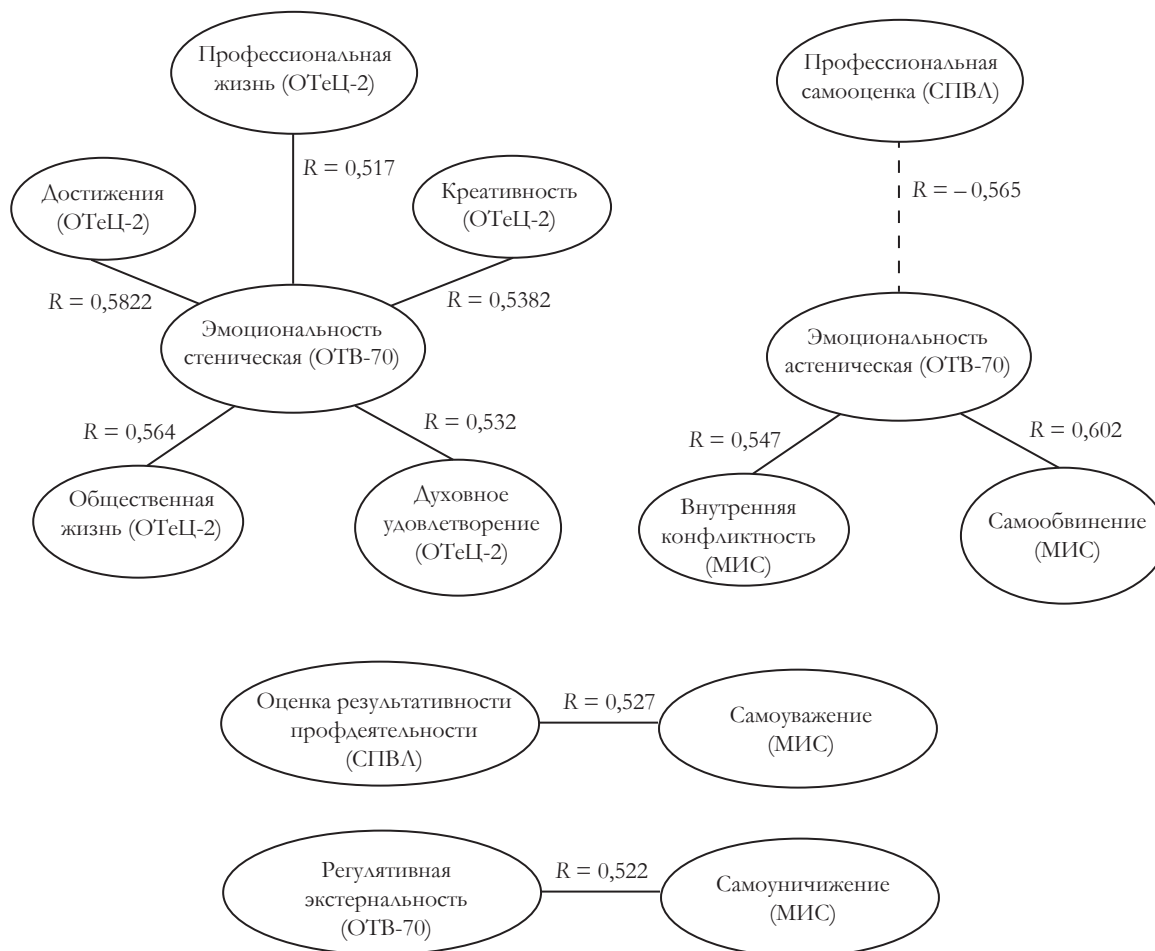
В группе с НУТ (рис. 2) выявлено больше взаимосвязей, чем в других группах, и почти все они прямые. Это указывает на сложность и негибкость их личностной организации в отношении ответственности по сравнению с операторами с СУТ и ВУТ. Системообразующей для специалистов с НУТ является эмоциональная составляющая ответственности. Так, шкала «Стеническая эмоциональность» прямо взаимосвязана со шкалами ОТеЦ-2 «Профессиональная жизнь», «Общественная жизнь», «Креативность», «Достижения», «Духовное удовлетворение», а шкала «Астеническая эмоциональность» — прямо со шкалами МИС «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение» и обратно — со шкалой опросника СПВА «Профессиональная самооценка».

Это позволяет говорить о том, что позитивные эмоции при выполнении ответственных дел ассоциированы с ценностной сферой личности специалиста и усиливаются с ростом значимости для них профессиональной и общественной сфер жизни, ощутимых достижений в жизни и внутреннего удовлетворения своей деятельностью, творческим подходом в различных областях, а отрицательным эмоциям сопутствуют неустроенность личности и ее негативное самоотношение в целом и в профессии. Кроме того, негативное самоотношение личности сочетается с внешней саморегуляцией ответственности, что может быть неким механизмом компенсации в деятельности личности при ее субъективном чувстве собственной несостоятельности.

Для группы с СУТ (рис. 3) ядерную структуру выделить сложно. Выявлено много обратных взаимосвязей, указывающих на рассогласованность структуры. Шкала опросника СПВА «Оценка результативности профессиональной деятельности» коррелирует со шкалами вопросника ОТВ-70: прямо со шкалой «Интернальная регулятивность» и обратно — со шкалами «Экстернальная регулятивность» и «Динамическая анэргичность». Таким образом, высокая субъективная оценка результатов своего труда у операторов с СУТ сопряжена с сильной внутренней и слабой внешней регуляцией ответственности и сопутствует снижению избегания инициации, выполнения ответственных дел и доведения их до результата.

Интегральная шкала «Общий уровень» СПВА прямо взаимосвязана со шкалой «Стеническая эмоциональность» и обратно — со шкалами «Регулятивная экстернальность» и «Динамическая анэргичность». Это указывает на тот факт, что для данной группы специалистов характерен рост их субъективной оценки профессиональной востребованности в сочетании с усилением позитивных переживаний при выполнении ответственных дел, снижением необходимости внешнего контроля при этом и частоты избегания

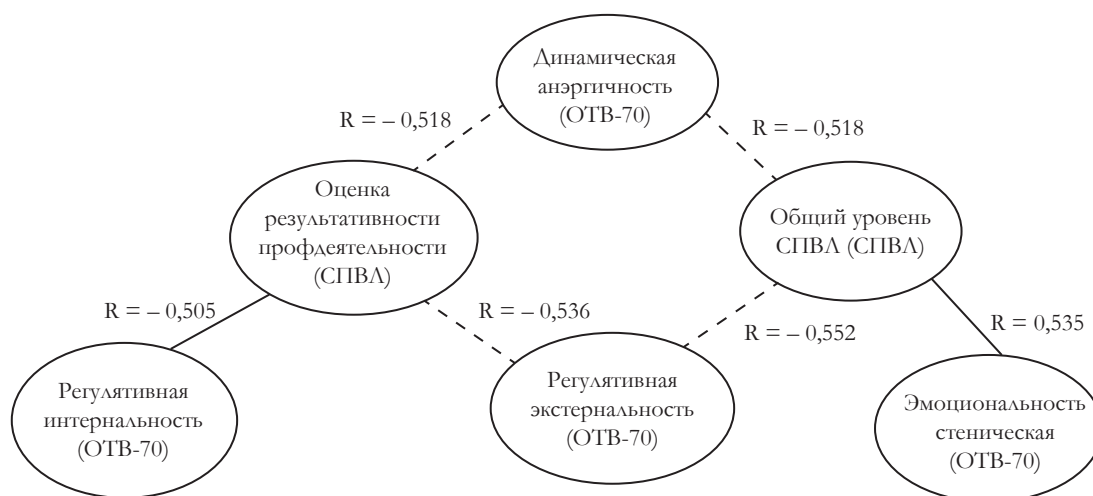
ответственных дел. Взаимосвязи в этой группе преимущественно касаются ответственности и субъективной оценки профессиональной востребованности специалиста, не затрагивая его эмоциональную сферу.

Примечание: Прямые взаимосвязи отображены сплошной линией, обратные – прерывистой.

Составлено авторами по материалам исследования

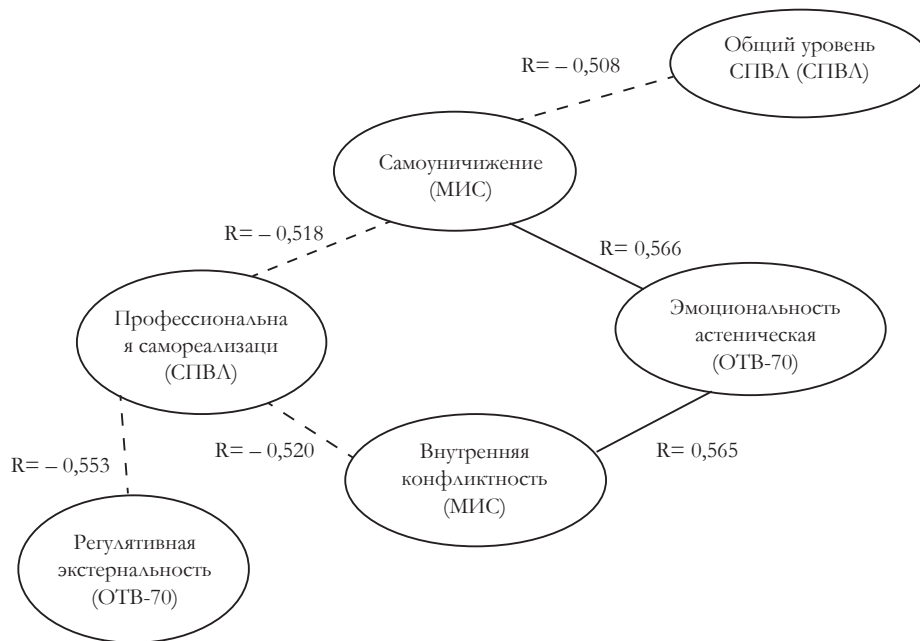
Рис. 2. Результаты корреляционного анализа параметров ответственности со шкалами других методик для операторов с НУТ

Примечание: Прямые взаимосвязи отображены сплошной линией, обратные – прерывистой.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Результаты корреляционного анализа параметров ответственности со шкалами других методик для операторов с СУТ

Примечание: Прямые взаимосвязи отображены сплошной линией, обратные – прерывистой.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Результаты корреляционного анализа параметров ответственности со шкалами других методик для операторов с ВУТ

Для группы с ВУТ (рис. 4), как и для группы с СУТ, характерны отсутствие четкого «ядра» плеяды и большое количество отрицательных корреляций. Так, шкала «Профессиональная самореализация» опросника СПВА обратно взаимосвязана со шкалой опросника ОТВ-70 «Регулятивная экстернальность» и шкалами МИС «Внутренняя конфликтность» и «Самоуничтожение», что указывает на то, что рост субъективного ощущения своей самореализации в профессии у операторов с ВУТ сопровождается снижением внутренней неустроенности личности и потребности во внешней регуляции выполнения ответственных дел. Таким образом, для данной группы профессиональная самореализация может служить механизмом изменения самоотношения, самооценки и оказывать влияние на ответственность. Шкала «Самоуничтожение» прямо коррелирует со шкалой «Астеническая эмоциональность» вопросника ОТВ-70 и обратно – со шкалой «Общий уровень» СПВА, из чего можно сделать вывод о том, что негативное самоотношение личности специалиста с ВУТ сочетается с негативными переживаниями при выполнении ответственных дел и его представлением о своей невостребованности как профессионала.

ВЫВОДЫ

Мы сравнили группы специалистов по организации оказания многопрофильной помощи, имеющих НУТ, СУТ и ВУТ. Нас интересовало, как соотносятся уровень ответственности у профессионалов этих групп и какие взаимосвязи образуют компоненты ответственности с отдельными ценностями личности и ее самоотношением, в том числе профессиональным. Число и сила взаимосвязей определяют устойчивость структуры, а их качественный состав указывает на ключевые качества личности, детерминирующие ее поведение.

У специалистов с НУТ по сравнению с другими группами наиболее низкие показатели ответственности и максимальное число взаимосвязей между исследуемыми особенностями их личности. Последнее указывает на большую «жесткость» структуры их личности и ее слабую подверженность изменениям, в том числе адаптивным. Кроме того, для операторов с НУТ характерно большое число прямых взаимосвязей, что говорит о хорошей согласованности всей структуры взаимосвязей и ее высокой устойчивости. Основные взаимосвязи внутри группы с НУТ образованы эмоциональными составляющими ответственности, негативным самоотношением и ценностями – именно эти критерии определяют поведение специалистов. Отметим, что для любого профессионала негативное самоотношение и эмоциональные составляющие ответственности не способствуют формированию моделей

поведения, востребованных при осуществлении профессиональной деятельности, а для специалиста помогающей профессии они ухудшают взаимодействие как в рабочем коллективе, так и с обратившимся за помощью человеком.

У специалистов с СУТ и ВУТ уровень ответственности выше, чем у специалистов с НУТ, а число выявленных взаимосвязей ответственности с особенностями ценностной сферы и самоотношения – меньше на треть. В обеих группах много отрицательных взаимосвязей, указывающих на общую несогласованность структуры. У специалистов с СУТ и ВУТ схожая «форма» коррелограмм, хотя их качественный состав различен. Коррелограмма операторов с СУТ образована взаимосвязями между показателями ответственности и профессионального самоотношения (субъективной оценки своего профессионализма и своей востребованности как специалиста конкретной сферы), а коррелограмма операторов с ВУТ – взаимосвязями ответственности, профессионального самоотношения и самоотношения личности в целом, причем ее негативными показателями, что не только отличает ее от коррелограммы операторов с СУТ, но и делает отчасти схожей со структурой взаимосвязей, выявленной у операторов с НУТ.

Интересно, что в корреляционную плеяду внутри группы с СУТ из шкал СПВА вошли «Оценка результативности профессиональной деятельности» и «Общий уровень СПВА», а внутри группы с ВУТ – шкалы «Профессиональная самореализация» и «Общий уровень СПВА», то есть для обеих групп важна общая оценка своей «нужности» обществу, но операторы с СУТ также обращают внимание на собственную оценку результатов своего труда, а для операторов с ВУТ важно чувство самореализации в профессии. Таким образом, можно предположить, что последние больше ориентированы на свои интересы, чем специалисты со СУТ. Хотя это предположение необходимо отдельно проверять, в целом действительно возможно, что люди, ориентированные на себя, свои потребности и интересы в разных сферах жизни, в том числе профессиональной, при высоком уровне активности могут достигать желаемых высоких результатов в этих сферах и соответствующего уровня удовлетворения.

Стоит еще заметить, что профессиональное самоотношение как представление об уровне своего профессионализма и своей востребованности как специалиста конкретной сферы (данные опросника СПВА) является динамическим свойством, на которое можно воздействовать со стороны. В то же время самоотношение личности в целом (данные МИС) значительно более устойчиво и меньше подвержено внешним влияниям. Исходя из этого можно предположить, что позитивная оценка работы специалиста с СУТ кем-то со стороны будет способствовать их более ответственному поведению, хотя это стоит проверить эмпирически.

Сравнение полученных нами результатов исследования с результатами других ученых затруднено изначально отличной постановкой задач, акцентов в работе, спецификой выборки, использованием различного методического инструментария и методов обработки первичных данных. Тем не менее результаты данной работы не противоречат данным, полученным другими экспертами. Ранее проведенные исследования неоднократно показывали, что УТ взаимосвязана с личностным благополучием субъекта труда [11; 19]. По этой причине кажется закономерным, что у специалистов с НУТ корреляционные плеяды включают показатели негативного самоотношения, но их наличие в плеяде специалистов с ВУТ, хоть и отрицательно связанных с профессиональной самореализацией и субъективным представлением о своей профессиональной востребованности, менее ожидаемо. Т.Н. Банщикова пришла к выводу о том, что не только самостоятельность, большая ответственность человека за свой труд, но и переживание им чувства вины за свои неудачи и ошибки в работе приводят к росту УТ за счет осознанной саморегуляции и более адекватной эмоциональной оценки своего труда, что в целом согласуется с нашими данными [20].

Близкие нашим результаты получены в работе С.С. Кудинова и К.В. Архипочкиной, посвященной изучению особенностей самореализации педагогов с разным уровнем удовлетворенности профессиональной деятельностью [12]. Так, ученые показали, что педагоги с ВУТ проявляют активную саморегуляцию поведения, энергичность, высокий уровень ответственности, при этом к самореализации их побуждает как социоцентрическая, так и эгоцентрическая мотивация. В то же время педагоги с НУТ консервативны, эмоционально пессимистичны, экстернальны, пассивны в отношении саморегуляции, акцентируются преимущественно на социальных и личностных барьерах в своей самореализации и эгоцентрической и личностной мотивации [12].

Гипотеза о разной выраженности ответственности у специалистов помогающих профессий, имеющих разный уровень УТ, частично подтверждена нами в исследовании. В то же время гипотезу о существовании различий в структуре взаимосвязей ответственности и особенностей ценностно-смысловой сферы и самоотношения личности у помогающих специалистов с разным уровнем УТ можно считать подтвержденной полностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведено сравнение особенностей ответственности специалистов по организации оказания многопрофильной помощи, имеющих разный уровень УТ. На примере операторов «Системы-112» осуществлен сравнительный анализ уровня развития отдельных составляющих ответственности как устойчивого личностного качества и их взаимосвязей с терминальными ценностями, общим и профессиональным самоотношением специалистов с НУТ, СУТ и ВУТ.

Показано, что операторы с НУТ отличаются от операторов с СУТ и ВУТ более низкими показателями ответственности, а именно стремлением к выполнению ответственных дел и их доведению до завершения, пониманием сути и роли ответственности в жизни человека и общества в целом, желанием быть полезным для других при выполнении ответственных дел, возможности испытывать при этом позитивные эмоции и желанием браться за выполнение ответственных дел как для получения личной выгоды, так и выгоды для окружающих. У операторов с НУТ выявлено наибольшее по сравнению с другими группами число взаимосвязей между параметрами ответственности и терминальными ценностями и самоотношением личности. При этом основные взаимосвязи указывают на то, что выраженность позитивных переживаний при выполнении ответственных дел соотносится с выраженностью значимости терминальных ценностей, а выраженность негативных переживаний – с самоотношением личности большей частью негативным. Специалисты с НУТ отличаются от других более «объемной» и «жесткой» структурой взаимосвязей, что указывает на их низкую гибкость и адаптивность.

У операторов с СУТ и ВУТ не выявлено различий в уровне развития отдельных параметров ответственности, но обнаружены различия в структуре взаимосвязей ответственности и терминальных ценностей и самоотношения. В группе специалистов с СУТ структура взаимосвязей включает субъективную оценку результатов их трудовой деятельности, общую востребованность как профессионалов и регуляторные, динамические и эмоциональные компоненты ответственности, в то время как в группе с ВУТ в корреляционной плеяде отсутствуют субъективная оценка результатов профессиональной деятельности, динамические компоненты ответственности, но есть показатели общего негативного самоотношения личности профессионала. В целом структуры взаимосвязей у специалистов с СУТ и ВУТ внешне схожи и более «компактные», чем у специалистов с НУТ, что указывает на их большую гибкость, способность к изменениям и адаптации.

Для развития исследований на тему взаимосвязи УТ и ответственности у специалистов помогающих профессий было бы интересно проследить эти параметры в динамике и оценить профессиональную адаптацию и эффективность труда специалистов с разным уровнем УТ и ответственности.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы для разработки методологии профессионального отбора специалистов современных помогающих профессий, их дальнейшего сопровождения, профессионально-личностного развития и профилактики выгорания у таких работников.

Список литературы

1. Гуцыкова С.В. Комплексный подход к прогнозированию эффективности профессиональной деятельности. Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2012;1:84–88.
2. Бодров В.А. Удовлетворенность работой как субъективный показатель профессиональной пригодности. Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007;3(40):24–26.
3. Алдашева А.А., Первачева О.А. Ценностно-смысловая сфера в представлениях специалистов-операторов «Системы-112». Методология современной психологии. 2023;18:15–28.
4. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Институт психологии РАН; 2008. 353 с.
5. Бичева И.Б., Данилова Е.Г., Носкова Ю.Н. Ответственность как личностно-профессиональная характеристика педагога дошкольного образования. Проблемы современного педагогического образования. 2022;77-1:76–79.

6. Журавлев А.А., Зинченко Ю.П., Китова Д.А., Первачева О.А. Ценностно-смысловые детерминанты профессиональной ответственности в обыденном представлении россиян. Национальный психологический журнал. 2024;1(19):56–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0104>
7. Первозный А.В. Ответственность как качество личности: сущность, формирование, значение. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: философия. Психология. Педагогика. 2021;1(21):101–105. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>
8. Прыдеин В.П. Ответственность как системное качество личности. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2001. 209 с.
9. Астемиров А.Ж. Ответственность как личностный результат образования по ФГОС в свете основных психологических концепций. В кн.: Психологическое сопровождение безопасности образовательной среды школы в условиях внедрения новых образовательных и профессиональных стандартов: материалы Всероссийской заочной научной интернет-конференции, Москва, 2 октября 2015 г. М.: Центр экстренной психологической помощи МГППУ; 2015. С. 7–12.
10. Рудакова О.А., Коденко И.Ю. Ответственность в структуре личности обучающихся высшей школы. Гуманитарные науки. 2022;4(60):133–138.
11. Карапетян А.В. Ответственность как предиктор эмоционально-личностного благополучия. В кн.: Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций: материалы X Международного симпозиума, Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2019. С. 44–53.
12. Кудинов С.С., Архиповичина К.В. Самореализация личности педагогов с разным уровнем удовлетворенности профессиональной деятельностью. Вестник РУДН. Серия: психология и педагогика. 2013;1:19–27.
13. Купченко В.Е. Взаимосвязь ответственности личности, жизненных целей, эмоциональной насыщенности настоящего, степени удовлетворенности прошлым. Вестник Омского университета. 2003;2:85–88.
14. Берзин Б.Ю., Зыкина Н.Е. Процессуальная мотивация и социально-психологическая адаптация в системе управления персоналом. Вопросы управления. 2016;2(39):221–229.
15. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: Институт психотерапии; 2002. С. 325–327.
16. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ): руководство. Ярославль: Психодиагностика; 1991. 20 с.
17. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл; 1993. 29 с.
18. Харитонов Е.В. Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Институт психологии РАН; 2014. 411 с.
19. Охотенко О.В. Влияние ценностно-смысловых ориентаций и самосознания на удовлетворенность трудом учителя средней школы. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М.: Московский психолого-социальный институт; 2010. 24 с.
20. Банищикова Т.Н. Осознанная саморегуляция в системе когнитивных и личностных предикторов удовлетворенности трудом. В кн.: Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования. М.: Институт психологии РАН; 2021. С. 187–193.

References

1. Gutsykova S.V. Complex approach to professional activity effectiveness prognosis. Priority scientific directions: from theory to practice. 2012;1:84–88. (In Russian).
2. Bodrov V.A. Job satisfaction as subjective marker of professional suitability. Human factor: Psychology and ergonomics problems. 2007;3(40):24–26. (In Russian).
3. Aldasheva A.A., Pervachova O.A. Value and meaning sphere in System-112 operators' representations. Methodology of modern psychology. 2023;18:15–28. (In Russian).
4. Ermolaeva E.P. Psychology of social implementation of professional. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2008. 353 p. (In Russian).
5. Bicheva I.B., Danilova E.G., Noskova Yu.N. Responsibility as personality and professional characteristics of pre-school teacher. Modern pedagogical education problems. 2022;77-1:76–79. (In Russian).
6. Zburavlev L.A., Zinchenko Yu.P., Kitova D.A., Pervachova O.A. Value and meaning determinants of professional responsibility in ordinary representations of Russians. National psychological journal. 2024;1(19):56–76. (In Russian). <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0104>
7. Perevozny A.V. Responsibility as personality quality: essence, forming, meaning. Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021;1(21):101–105. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>
8. Pryadein V.P. Responsibility as system personality quality. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2001. 209 p. (In Russian).

9. *Astemirov A.Zh.* Responsibility as personality result of FGOS education in the context of major psychological concepts. In: Psychological maintenance of school education environment safety in situation of new educational and professional standards' implementation: Proceedings of the Russian Extramural Scientific Internet Conference, Moscow, October 2, 2015. Moscow: Emergency psychological help of MGPPU; 2015. Pp. 7–12. (In Russian).
10. *Rudakova O.A., Kodenko I.Yu.* Responsibility in structure of Higher School students' personality. Humanitarian sciences. 2022;4(60):133–138. (In Russian).
11. *Karapetyan L.V.* Responsibility as emotional and personality well-being predictor. In: Well-being and safety in situation of social transformations: Proceedings of the X International Symposium, Ekaterinburg, July 9–10, 2019. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet; 2019. Pp. 44–53. (In Russian).
12. *Kudinov S.S., Arkhipchikina K.V.* Personality self-actualization of teachers with different level of professional activity satisfaction. RUDN Journal of Psychology and Pedagogy. 2013;1:19–27. (In Russian).
13. *Kupchenko V.E.* Relationship of personality responsibility, life aims, emotional saturation of present time, past satisfaction level. Bulletin of the Omsk University. 2003;2:85–88. (In Russian).
14. *Berzin B.Yu., Zykina N.E.* Process motivation and social psychological adaptation in the personnel management system. Management issues. 2016;2(39):221–229. (In Russian).
15. *Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.V.* Social psychological diagnostics of personality and small groups. Moscow: Institute of Psychotherapy; 2002. 339 p. (In Russian).
16. *Senin I.G.* Terminal values questionnaire: manual. Yaroslavl: Psikhodiagnostika; 1991. 20 p. (In Russian).
17. *Pantileev S.R.* Self-attitude study methods. Moscow: Smysl; 1993. 29 p. (In Russian).
18. *Kharitonova E.V.* Psychology of personality social professional demand. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2014. 411 p. (In Russian).
19. *Okhotenko O.V.* Influence of value and meaning directions and self-conscious on job satisfaction of school teacher: Abstr. Dis. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.07. Moscow: Moscow Psychological Social Institute; 2010. 24 p. (In Russian).
20. *Banshchikova T.N.* Conscious self-regulation in the system of cognitive and personality predictors of job satisfaction. In: Self-regulation psychology in the context of actual educational tasks. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2021. Pp. 187–193. (In Russian).

Особенности социально-психологической адаптации иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья

Горожанкин Алексей Александрович

Аспирант

ORCID: 0009-0003-7494-7942, e-mail: 89854747573@mail.ru

Ионцева Мария Владимировна

Д-р психол. наук, проф. каф. социологии и психологии управления

ORCID: 0000-0001-5229-5435, e-mail: miontseva1@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Приведены результаты эмпирического исследования социально-психологической адаптации иностранных студентов из стран дальнего (государства Азии, Африки, Ближнего Востока) и ближнего зарубежья. Актуальность исследования обусловлена значимостью успешного прохождения адаптации для иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, а также недостаточной изученностью специфики адаптации студентов к обучению в инокультурной среде. В силу культурных различий протекание процесса адаптации может проходить с разным успехом. В исследовании приняли участие 62 иностранных студента, приехавших получать образование в Российскую Федерацию. Возраст респондентов — от 17 до 28 лет. Из них 58 % студентов, прибывших в Российскую Федерацию из государств ближнего зарубежья, и 42 % — из стран, не входивших в состав Советского Союза на момент его распада. Для исследования социально-психологической адаптации применены анкета и методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского. Установлено, что иностранные студенты, приехавшие на учебу из стран дальнего зарубежья, значительно хуже адаптируются к обучению в российских вузах и в большей степени подвержены риску социально-психологической дезадаптации, чем студенты из стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова

Социально-психологическая адаптация, социокультурная адаптация, межкультурная адаптация, инокультурная среда, культурные различия, учебная миграция, иностранные студенты, адаптация иностранных студентов

Для цитирования: Горожанкин А.А., Ионцева М.В. Особенности социально-психологической адаптации иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья // Вестник университета. 2024. № 12. С. 208–216.

Features of social and psychological adaptation of foreign students from far and near abroad

Aleksei A. Gorozhankin

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0003-7494-7942, e-mail: 89854747573@mail.ru

Maria V. Iontseva

Dr. Sci. (Psy.), Prof. at the Sociology and Psychology of Management Department

ORCID: 0000-0001-5229-5435, e-mail: miontseva1@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The results of the empirical study of social and psychological adaptation of foreign students from non-CIS (Asian, African, and Middle Eastern countries) and near abroad countries have been presented. The relevance of the study is conditioned by the importance of successful adaptation for foreign students studying in Russian universities, as well as by the insufficient study of the specifics of students' adaptation to learning in a foreign cultural environment. Due to cultural differences, the adaptation process may have different success rates. The study involved 62 foreign students who came to get education in Russia. The age of the respondents ranged from 17 to 28 years old, 58 % of students came to Russia from near abroad countries, and 42 % came from countries that were not part of the Soviet Union at the time of its collapse. For the social and psychological adaptation study we used the "Adaptation of personality to a new social and cultural environment" questionnaire and methodology by L.V. Yankovsky. It has been found that foreign students who came to study from non-CIS countries adapt to Russian universities much worse and are at greater risk of social and psychological maladaptation than students from near abroad countries.

Keywords

Social and psychological adaptation, social and cultural adaptation, intercultural adaptation, foreign cultural environment, cultural differences, educational migration, foreign students, foreign students' adaptation

For citation: Gorozhankin A.A., Iontseva M.V. (2024) Features of social and psychological adaptation of foreign students from far and near abroad. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 208–216.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-психологическая адаптация неразрывно связана с социальной средой, частью которой выступает и образовательная среда. Современная образовательная среда является поликультурной, что связано с обучением в российских вузах большого числа студентов, которые приехали получить образование из государств ближнего или дальнего зарубежья [1]. Численность зарубежных студентов за последние 10 лет увеличилась вдвое [2]. Успешность адаптации иностранных студентов в этой поликультурной образовательной среде подразумевает способность свободно ориентироваться и функционировать в новых условиях, эффективно включаться в процесс обучения и профессиональной подготовки, пребывать в состоянии психологического благополучия, сохраняя свое психическое и физическое здоровье. Однако даже в случае добровольной миграции с образовательными (учебными) целями и при наличии у мигранта понятных и четких планов, финансовой стабильности, высокого образовательного уровня, социального статуса, при доброжелательности местного населения протекание процесса социально-психологической адаптации, когда мигрант оказался в инокультурной среде, идет сложно и не всегда заканчивается успешно [3].

Адаптация иностранных студентов к обучению в другой стране является многоаспектной проблемой и включает:

- процесс адаптации к новой образовательной ситуации, отличающейся от обучения в своей стране;
- приспособление к обстоятельствам жизни в обществе людей с другими социальными принципами и нормами поведения;
- изменения в собственных личностных характеристиках, связанные с преодолением трудностей адаптации к обучению в вузе другой страны или, наоборот, с сопротивлением ассимиляции в новую образовательную среду [4–6].

W. Tseng отмечает ряд проблем социокультурной адаптации иностранных студентов, среди которых культурный шок, культурная усталость, воспринимаемая дискриминация, новые социальные/культурные обычаи, нормы, правила и роли [7]. К проблемам личностно-психологической адаптации относятся тоска по дому, одиночество, депрессия, изоляция, разочарование и потеря идентичности или статуса. S. Sumer, основываясь на результатах метаанализа зарубежных исследований, также выделяет целый комплекс проблем, с которыми приходится сталкиваться иностранным студентам в процессе адаптации [8]. Речь идет о снижении их социального и экономического статуса, разлуке с семьей и друзьями, недостаточном владении языком принимающей страны, изоляции от родной культуры, академической неуспеваемости.

Важность успешной адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах обуславливает большое число исследований данной проблемы, однако отдельные ее аспекты остаются малоизученными. В частности, открытыми остаются вопросы о специфике адаптации к обучению студентов из дальнего и ближнего зарубежья, у которых в силу культурных различий процесс адаптации может быть различным.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящего исследования – выявить особенности социально-психологической адаптации иностранных студентов из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Участниками исследования стали 62 иностранных студента, приехавших получать образование в Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия). Возраст респондентов — от 17 до 28 лет. Из них 32,2 % (20 чел.) – студенты из Казахстана, 9,7 % (6 чел.) – из Габона, по 8,1 % (по пять чел.) – из Египта, Бенина, Азербайджана, по 4,8 % (по три чел.) – из Молдавии, Марокко и Турции, по 3,2 % (по два чел.) – из Армении, Грузии, Таджикистана и Вьетнама, по 1,6 % (по одному чел.) – из Киргизии, Узбекистана, Ирака и Саудовской Аравии. Таким образом, среди участников исследования 58 % студентов, прибывших в Россию из государств ближнего зарубежья, а 42 % – это студенты из стран, не входивших в состав Советского Союза на момент его распада.

Исследование протекания социально-психологической адаптации проводилось в формате анкетирования. С учетом того, что частью социально-психологической адаптации зарубежных студентов является межкультурная адаптация, применена методика «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского [1].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам проведенного анкетирования можно сделать вывод о том, что студенты, прибывшие в Россию получать образование из стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), в общении с носителями другой культуры испытывают преимущественно уважение, что в значительно меньшей степени характерно для студентов, которые прибыли из дальнего зарубежья (63,9 % и 11,5 % соответственно, $p \leq 0,01$). Более характерным для последних оказывается проявление интереса, что не столь свойственно для молодых людей, прибывших учиться в Россию из стран СНГ (76,9 % и 19,6 % соответственно, $p \leq 0,01$). Общение с представителями другой культуры не рождает в студентах из государств ближнего зарубежья чувство недоверия, но с этим чувством сталкиваются 7,7 % студентов, прибывших из дальнего зарубежья ($p \leq 0,01$). Последние также не говорят о нейтральных чувствах к человеку другой культуры в ситуации общения, а в группе студентов из стран СНГ доля таких респондентов составила 5,6 % ($p \leq 0,01$). Количество студентов, испытывающих раздражение при общении с человеком другой культуры, в сравниваемых группах значимо не различается ($p > 0,05$). Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Процентное распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете при общении с человеком другой культуры?»

Ответы	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ -критерий Фишера
Уважение	63,9	11,5	8,210 ($p \leq 0,01$)
Интерес	19,4	76,9	8,676 ($p \leq 0,01$)
Недоверие	0,0	7,7	3,557 ($p \leq 0,01$)
Раздражение	2,8	3,8	0,396
Другое (нейтральные)	5,6	0,0	2,963 ($p \leq 0,01$)
Другое (зависит от культуры)	2,8	0,0	1,973 ($p \leq 0,05$)
Другое (без уточнения)	5,6	0,0	2,963 ($p \leq 0,01$)

Составлено авторами по материалам исследования

Опрос также показал, что студенты из дальнего зарубежья чаще студентов из ближнего зарубежья встречаются в свободное время с иностранными студентами (38,5 % и 16,7 % соответственно, $p \leq 0,01$) или с друзьями, близкими или знакомыми, принадлежащими к той же национальности (26,9 % и 0,0 % соответственно, $p \leq 0,01$). Помимо этого, часть студентов, прибывших из дальнего зарубежья (7,7 %) отметили, что в свободное время стараются избегать общения с кем бы то ни было. Среди студентов из государств-членов СНГ подобное мнение не озвучивалось ($p \leq 0,01$). Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Процентное распределение ответов на вопрос «С кем Вы чаще всего общаетесь в свободное время?»

Ответы	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ -критерий Фишера
С иностранными студентами	16,7	38,5	3,514 ($p \leq 0,01$)
С русскими студентами	16,7	15,4	0,247
Со всеми примерно в одинаковой степени	55,6	11,5	7,007 ($p \leq 0,01$)
Со знакомыми русскими	8,3	0,0	3,712 ($p \leq 0,01$)
Со знакомыми/друзьями/близкими своей национальности	0,0	26,9	7,283 ($p \leq 0,01$)
Практически ни с кем не общаюсь	0,0	7,7	3,557 ($p \leq 0,01$)

Окончание табл. 2

Ответы	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ -критерий Фишера
Другое (без уточнения)	2,7	0,0	1,973 ($p \leq 0,05$)

Составлено авторами по материалам исследования

В ходе опроса выяснилось, что студенты, прибывшие из стран СНГ, активнее студентов из дальнего зарубежья проводят свободное время в общении как с представителями своей национальности, так и с русскими сокурсниками (38,9 % и 11,5 % соответственно, $p \leq 0,01$) или просто знакомыми русскими (8,3 % и 0,0 % соответственно, $p \leq 0,01$). Выявленные различия позволяют сделать вывод о том, что у студентов, прибывших из государств дальнего зарубежья, возникают сложности при взаимодействии с русскими сокурсниками или просто представителями русской культуры, поэтому они предпочитают общение с представителями своей культуры или с другими студентами из иностранных государств.

Для студентов из дальнего зарубежья значительно большую значимость имеет одобрение собственных успехов, достижений со стороны знакомых или друзей своей национальности (69,2 % и 25 % соответственно, $p \leq 0,01$). Напротив, для студентов из стран СНГ большее значение имеет собственная оценка успехов и достижений (38,9 % и 11,5 % соответственно, $p \leq 0,01$). Оценка этих успехов со стороны знакомых своей национальности и русских сокурсников оказывается в равной степени важна для 33,3 % студентов из стран СНГ и 19,3 % студентов из дальнего зарубежья ($p \leq 0,05$). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Процентное распределение ответов на вопрос «Для Вас важно одобрение Ваших успехов?»

Ответы	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ -критерий Фишера
Знакомыми и друзьями своей национальности	25,0	69,2	6,491 ($p \leq 0,01$)
Русскими сокурсниками	0,0	0,0	0,000
Всеми примерно в одинаковой степени	33,3	19,3	2,263 ($p \leq 0,05$)
Важна собственная оценка	38,9	11,5	4,632 ($p \leq 0,01$)
Другое (родители)	2,8	0,0	1,973 ($p \leq 0,05$)

Составлено авторами по материалам исследования

По мнению подавляющего числа иностранных студентов (83,9 %), принадлежность человека к другой культуре не сказывается на их отношении к нему. Противоположного мнения придерживаются лишь 9,7 % респондентов. При этом количество опрошенных, озвучивших подобное мнение, значительно меньше среди студентов из ближнего зарубежья (12,7 % и 5,6 % соответственно, $p \leq 0,05$). О том, что принадлежность к другой культуре не оказывает влияния на отношение к человеку, чаще говорят студенты из стран СНГ (88,8 % и 76,9 % соответственно, $p \leq 0,05$). Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Процентное распределение ответов на вопрос «Влияет ли на Ваше отношение к человеку его принадлежность к другой культуре?»

Ответы	Все студенты, %	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ -критерий Фишера (группы студентов из ближнего и дальнего зарубежья)
Да	9,7	5,6	12,7	1,775 ($p \leq 0,05$)
Нет	83,9	88,8	76,9	2,263 ($p \leq 0,05$)

Окончание табл. 4

Ответы	Все студенты, %	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ-критерий Фишера (группы студентов из ближнего и дальнего зарубежья)
Затрудняюсь ответить	6,4	5,6	7,7	0,594

Составлено авторами по материалам исследования

Разница в ответах может быть обусловлена тем, что у студентов, приехавших в Россию из дальнего зарубежья, меньше друзей, принадлежащих к другим культурам (80,7 % и 94,4 % соответственно, $p \leq 0,05$) (табл. 5).

Таблица 5

Процентное распределение ответов на вопрос «Есть ли среди Ваших друзей представители другой культуры?»

Ответы	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ-критерий Фишера
Да	94,4	80,7	3,055 ($p \leq 0,05$)
Нет	5,6	19,3	3,055 ($p \leq 0,05$)

Составлено авторами по материалам исследования

И те, кто прибыл получать российское образование из стран СНГ, и студенты из дальнего зарубежья в ходе анкетирования указали на сложности, возникающие из-за плохого владения русским языком. Эти сложности становятся явно заметны для иностранных студентов в процессе учебы (13,9 % и 7,7 % соответственно, $p > 0,05$). Ответы респондентов из дальнего зарубежья указывают на то, что они испытывают дополнительные трудности при восприятии и понимании учебного материала. Участники анкетирования, прибывшие из стран СНГ, упоминают о подобной проблеме значительно реже (26,9 % и 13,9 % соответственно, $p \leq 0,01$). Помимо сложностей с пониманием материала, плохое знание русского языка осложняет коммуникацию с преподавателями, сокурсниками (15,4 % и 2,8 % соответственно, $p \leq 0,01$), увеличивает продолжительность всего адаптационного процесса (30,8 % и 11,1 % соответственно, $p \leq 0,01$), снижает успеваемость студентов (3,8 % и 0,0 % соответственно, $p \leq 0,01$). Результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6

Процентное распределение ответов на вопрос «Какие трудности Вы испытываете при обучении в инокультурном образовательном пространстве?»

Ответы	Студенты из стран ближнего зарубежья, %	Студенты из стран дальнего зарубежья, %	φ-критерий Фишера
Плохое владение русским языком	13,9	7,7	1,428
Сложное восприятие и понимание учебного материала	13,9	26,9	2,312 ($p \leq 0,01$)
Сложность в коммуникации с преподавателями и другими студентами	2,8	15,4	3,330 ($p \leq 0,01$)
Длительная адаптация к другой культуре	11,1	30,8	3,521 ($p \leq 0,01$)
Другое (нет трудностей)	52,7	15,4	5,784 ($p \leq 0,01$)
Другое (не успеваю)	0,0	3,8	2,369 ($p \leq 0,01$)
Другое (без уточнения)	5,6	0,0	2,963 ($p \leq 0,01$)

Составлено авторами по материалам исследования

Результаты анкетирования свидетельствуют о наличии сложностей социально-психологической адаптации у всех иностранных студентов, получающих образование в России. Признаком этого является их стремление поддерживать контакты с представителями своей культуры. Однако в рамках исследования стало понятно, что студентам, которые приехали учиться в Россию из дальнего зарубежья, погрузиться в инокультурную образовательную среду оказывается сложнее, нежели студентам из стран СНГ.

Выводы, полученные в рамках анкетирования, подтверждаются результатами оценки результативности адаптации по методике Л. В. Янковского (табл. 7).

Таблица 7

Различия в выраженности показателей адаптации к новой социокультурной среде у иностранных студентов из стран СНГ и дальнего зарубежья

Сравниваемые показатели	М ± SD (баллы)		U-критерий Манна-Уитни
	Студенты из стран ближнего зарубежья	Студенты из стран дальнего зарубежья	
Адаптивность	10,9 ± 1,4	9,2 ± 2,3	234,5 (p ≤ 0,01)
Конформность	7,2 ± 1,8	7,9 ± 2,4	389,5
Интерактивность	9,7 ± 1,9	9,2 ± 2,3	408,0
Депрессивность	4,6 ± 1,5	6,0 ± 0,9	204,5 (p ≤ 0,01)
Ностальгия	8,0 ± 2,2	7,9 ± 1,6	467,5
Отчужденность	3,5 ± 1,2	6,6 ± 2,6	167,5 (p ≤ 0,01)

Примечание: М – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение

Составлено авторами по материалам исследования

Применение данной методики также показывает, что адаптация к незнакомой социокультурной среде у студентов из дальнего зарубежья идет не так быстро и не так эффективно, если сравнивать их со студентами, приехавшими на обучение из стран СНГ. Разницу можно заметить, в частности, в их более низкой адаптивности к новой среде – данный показатель у студентов из стран ближнего зарубежья оказался несколько выше (p ≤ 0,01, средние показатели в группах – 9,2 и 10,9 баллов соответственно).

Анализ показателей адаптации также позволяет заметить в группе студентов из дальнего зарубежья более высокую депрессивность. Они чаще сталкиваются с такими проявлениями адаптационного процесса, как депрессивное состояние, подавленность, опустошенность или изолированность, и не видят возможностей для личностной, социальной или профессиональной самореализации. Невозможность успешно адаптироваться к новой среде снижает самооценку, вызывает тревогу относительно возможности идентифицировать себя с социальными группами, ведет к неприятию себя и других (p ≤ 0,01, средние показатели в группах – 6 и 4,6 балла соответственно).

Кроме того, на наличие значительных трудностей с адаптацией к незнакомой социокультурной среде у студентов из дальнего зарубежья указывает также их более выраженная отчужденность. Ее проявлением становится их меньшая готовность (по сравнению со студентами из стран СНГ) принимать нормы, ценности, установки нового социума, ощущение несоответствия собственных стремлений реальным возможностям, беспокойство из-за потенциальной невозможности удовлетворить свои потребности (p ≤ 0,01, средние показатели в группах – 6,6 и 3,5 баллов соответственно).

Анализируя результаты исследования адаптации по методике Л.В. Янковского, мы можем сделать предположение о том, что для студентов из ближнего зарубежья характерен более высокий уровень адаптивности. Они демонстрируют не столь выраженную степень отчужденности, если проводить сравнение со студентами из дальнего зарубежья. Причиной может являться хорошее знание русского языка или близкое знакомство с русской речью.

Даже несмотря на то что молодые люди, участвующие в проведении исследования, не были рождены в республиках бывшего Советского Союза, там жили их родители, которые воспитывались в единой советской традиционной социокультурной среде и наверняка передавали эти ценности своим детям (детские сказки, советские мультфильмы и фильмы, книги, система образования и воспитания). Что касается студентов из дальнего зарубежья, то для них при переезде первично отсутствует общая

социокультурная среда, окружающая их система ценностей кажется им враждебной. Однако возможно, что в последующем такие обучающиеся находят общность, например, в рамках традиционности семьи, брака и рождения детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволяют говорить о том, процесс адаптации к обучению в российских вузах у иностранных студентов, приехавших из дальнего зарубежья, протекает не столь успешно, как у студентов из стран СНГ. В частности, такие студенты демонстрируют более низкую адаптивность, у них более выражена депрессивность и отчужденность. Даже при наличии у них большего интереса к носителям другой культуры уровень уважения к представителям иных культур у них оказывается ниже, а уровень недоверия – выше. Они предпочитают общаться с представителями своей культуры либо с другими иностранными студентами, реже заводят знакомства с русскими, ищут одобрения собственных успехов со стороны знакомых и друзей своей национальности. Закономерно, что студенты из дальнего зарубежья зачастую демонстрируют низкий уровень владения русским языком, что не позволяет им в полном объеме воспринимать учебный материал, взаимодействовать с преподавателями или сокурсниками.

Проведенное исследование подтверждает, что студенты из дальнего зарубежья, выбравшие российские вузы для получения высшего образования, оказываются в большей степени подвержены риску социально-психологической дезадаптации, нежели студенты, которые прибыли из стран СНГ.

Список литературы

1. Максимчук Е.Д. Межкультурная адаптация иностранных студентов из стран Азии, Африки и Южной Америки, обучающихся в России. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; 2018. 222 с.
2. Уткина А.В., Гараева И.В. Проблема адаптации иностранных студентов в российских вузах. Международный научно-исследовательский журнал. 2023;3(129):1–4. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.129.62>
3. Солдатова Г.У. (ред.) Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. М.: Смысл; 2019. 479 с.
4. Калининкова М.В., Малинский И.Г., Минин А.А. Трудности вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России (на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского). Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2022;4(22):408–412. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-408-412>
5. Марина Ю.А. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022;1(34):117–121. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-117-121>
6. Лю Ц. Когнитивно-поведенческие предикторы социально-психологической адаптации студентов первокурсников к вузу (на примере российских и китайских студентов). Дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет; 2016. 204 с.
7. Tseng W. International students' strategies for well-being. College Student Journal. 2002;4:591–597.
8. Sumer S. International Students' Psychological and Sociocultural Adaptation in the United States. Georgia State University; 2009. 74 p.

References

1. Maksimchuk E.D. Intercultural adaptation of foreign students from Asian, African, and South American countries studying in Russia. Dis. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.05. Saratov: Saratov National Research State University; 2018. 222 p. (In Russian).
2. Utkina A.V., Garayeva I.V. The problem of adaptation of foreign students in Russian universities. International Research Journal. 2023;3(129):1–4. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.129.62>
3. Soldatova G.U. (ed.) Psychological assistance to migrants: trauma, culture change, identity crisis. Moscow: Smysl; 2019. 479 p. (In Russian).
4. Kalinnikova M.V., Malinsky I.G., Minin A.A. The difficulties foreign students experience upon entering educational environment of Russian Universities (on the example of Saratov State University). Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2022;4(22):408–412. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-408-412>

5. *Marina Yu.A.* Sociocultural adaptation of foreign students to the conditions of training in Russian universities. Vestnik Omsk State Pedagogical University. Humanities Research. 2022;1(34):117–121. (In Russian). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-117-121>
6. *Liu Z.* Cognitive-behavioral predictors of social and psychological adaptation of freshmen students to the university (on the example of Russian and Chinese students). Dis. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.07. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2016. 204 p. (In Russian).
7. *Tseng W.* International students' strategies for well-being. College Student Journal. 2002;4:591–597.
8. *Sumer S.* International Students' Psychological and Sociocultural Adaptation in the United States. Georgia State University; 2009. 74 p.

Повышение личностного адаптационного потенциала педагогов и студентов через применение технологии «дизайн-мышление» в образовательном процессе

Камнева Ольга Анатольевна¹

Канд. биол. наук, доц. каф. психологии

ORCID: 0000-0003-3366-851x, e-mail: oakamneva@gmail.com

Тайсаева Светлана Борисовна²

Канд. психол. наук, доц. каф. политического анализа и социально-психологических процессов

ORCID: 0000-0002-6947-8606, e-mail: taisaeva@mail.ru

¹Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

²Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрено использование технологии, которая эффективно реализуется в образовательном процессе и повышает адаптационный потенциал педагога и обучающегося, – дизайн-мышление. Исследование проводилось в течение 2023–2024 гг. в образовательных учреждениях Астрахани: муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждениях «Средняя общеобразовательная школа № 12», «Средняя общеобразовательная школа № 8», федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Астраханский государственный университет». Количество испытуемых составило 90 чел., из них 25 учителей школ, 25 преподавателей вуза, 40 студентов выпускных курсов Астраханского государственного университета (в период прохождения производственной практики). В качестве основы использованы методика «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, шкала личностного адаптационного потенциала. Применены методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д. Эндлера, Д. Джеймса, М. Паркера (в адаптации Т.А. Крюковой). Для исследования технологии «дизайн-мышление» применены следующие методики: тест по выявлению образной креативности (творческого потенциала) Е. Торренса, тест «Креативность» Н. Вишняковой. Сделан вывод о том, что личностный адаптационный потенциал можно исследовать, применив технологию «дизайн-мышление». Знание специфики содержания и структурной организации личностного адаптационного потенциала возможно использовать в учебной деятельности для повышения адаптационного потенциала учащихся, студентов, преподавателей, учителей. Установлено, что некоторые переменные личностного адаптационного потенциала, такие как гибкость оценки деятельности и результата, моделирование, планирование, достоверно изменяются в ходе применения дизайн-мышления у всех групп испытуемых и повышают личностный адаптационный потенциал.

Ключевые слова

Дизайн-мышление, адаптивность, адаптационный потенциал, образовательный процесс, саморегуляция, копинг-стратегии, креативность, мотивация

Для цитирования: Камнева О.А., Тайсаева С.Б. Повышение личностного адаптационного потенциала педагогов и студентов через применение технологии «дизайн-мышление» в образовательном процессе // Вестник университета. 2024. № 12. С. 217–227.

© Камнева О.А., Тайсаева С.Б., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Increasing the personal adaptation potential of teachers and students through the design thinking technology application in the educational process

Olga A. Kamneva¹

Cand. sci. (Biol.), Assoc. Prof. at the Psychology Department
ORCID: 0000-0003-3366-851X, e-mail: oakamneva@gmail.com

Svetlana B. Taysaeva²

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Political Analysis and Socio-Psychological Processes Department
ORCID: 0000-0002-6947-8606, e-mail: taisaeva@mail.ru

¹Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

²Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract

The use of the design thinking technology, which is effectively implemented in the educational process and increases the adaptive potential of teachers and students, has been considered. The study was conducted during 2023–2024 in educational institutions of Astrakhan such as Secondary General Education School No. 12, Secondary General Education School No. 8, and Astrakhan State University. The number of subjects amounted to 90 people, including 25 school teachers, 25 university teachers, and 40 graduate students of Astrakhan State University (during the period of their practical courses). ‘Adaptability’ Multilevel Personality Questionnaire by A.G. Maklakov and S.V. Chermnyanin method and the Personal Adaptation Potential Scale were used as the main methods. The methods of Behavior Self-Regulation Style by V.I. Morosanova and Coping Behavior in Stressful Situations by S. Norman, D. Endler, D. James, M. Parker (adapted by T.A. Kryukova) were used. To study the design thinking technology the following methods were applied: E. Torrence’s test to identify figurative creativity (creative potential) and N. Vishnyakova’s Creativity test. Personal adaptive potential can be investigated by applying the design thinking technology. Knowledge of the specifics of the content and structural organization of personal adaptation potential can be used in educational activities to increase the adaptation potential of students, teachers, and professors. Some variables of personal adaptive potential, such as flexibility of activity and result assessment, modeling, and planning, reliably change during design thinking application in all groups of subjects and increase personal adaptive potential.

Keywords

Design thinking, adaptability, adaptive potential, educational process, self-regulation, coping strategies, creativity, motivation

For citation: Kamneva O.A., Taysaeva S.B. (2024) Increasing the personal adaptation potential of teachers and students through the design thinking technology application in the educational process. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 217–227.

ВВЕДЕНИЕ

Педагогическая деятельность насыщена напряженными ситуациями и факторами, связанными с возможностью снижения адаптационного потенциала личности. Поисковый характер деятельности педагога формирует у него потребность в самообразовании, стремление к контактам с коллегами, изучению передового опыта, обеспечивает возможность реализовать себя как профессионала и личность, но именно этот профиль определяет его адаптационный потенциал [1]. Анализ психологической литературы дает возможность сделать вывод о том, что подавляющее большинство исследований деятельности работников в сфере образования касается непосредственно взаимодействия «среда–человек–человек» и в меньшей степени уделяется внимание изучению условий развития адаптационного потенциала специалистов [2]. Это позволяет предположить, что, несмотря на большой интерес к данной проблеме в психологической теории и практике, она не может быть отнесена к числу достаточно разработанных [3].

Установлено, что механизмы саморегуляции и копинг-стратегий личности являются важными системообразующими элементами личностного адаптационного потенциала и составляют его важную часть [4]. Исследования В.И. Моросановой показали, что разная степень развитости основных процессов саморегуляции определяется личностными, характерологическими особенностями человека и влияют на его адаптационный потенциал [5].

Интерес представляет поиск такой образовательной технологии или вида деятельности, которая будет эффективно реализовываться в образовательном процессе, но в то же время повышать адаптационный потенциал педагога. Таким видом деятельности может стать дизайн-мышление. Его главной особенностью служит творческий процесс деятельности, в котором самые неожиданные идеи ведут к лучшему решению проблемы [6].

Дизайн-мышление в отечественной и зарубежной науке рассматривают в качестве эффективного средства развития рефлексии и умения мыслить нешаблонно. Речь идет об изменении подходов в образовательном процессе – переход от STEM- (S – Science, T – Technology, E – Engineering, M – Math (наука, технология, инженерия, математика) к STEAM-подходу в обучении (S – Science, T – Technology, E – Engineering, A – Art, M – Math (наука, технология, инженерия, искусство, математика), который должен способствовать эффективному усвоению компетенций [7]. Дизайн-мышление позволяет задействовать правое полушарие мозга, отвечающее за эмоции и творчество. В связи с этим технологию дизайн-мышления в отечественной и зарубежной науке рассматривают в качестве эффективного средства развития рефлексии и умения мыслить нешаблонно [8]. Эти качества педагога могут развиваться как личностный адаптационный потенциал, который представляет собой интегративное свойство личности, необходимое для реализации новых программ взаимодействия с окружающим миром, в том числе в измененных условиях существования личности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В зарубежной психологии адаптация и адаптационный потенциал личности достаточно широко изучаются авторами, соотносящими понятие адаптации с феноменом стресса (У. Кэннон, Г. Селье). В контексте биологического подхода понятие адаптации определено, с одной стороны, как состояние, а с другой – как процесс биологических преобразований в организме (Г. Айзенк). В определении адаптационного потенциала в интеракционистской концепции на первый план выступает социальная активность личности (А. Филлипс, Т. Шибутани). В психоанализе выделяют механизмы и процессы защитной адаптации (З. Фрейд, А. Фрейд, Х. Хартманн) [9]. В отечественной психологии адаптационный потенциал рассматривается как с позиции взаимосвязи с социализацией (А. Налчанджян, И.С. Кон), так и с позиции профессионального аспекта (В.А. Ядов, В.Н. Шубин) [10].

Анализируя работы современных отечественных исследователей в области адаптации и адаптационного потенциала (А.Г. Дикая, С.А. Шапкин и др.), можно выделить следующие основные направления:

- адаптация и адаптационный потенциал рассматривается в контексте медико-психологического аспекта (адаптация в различных стрессовых условиях) [11];
- авторы связывают адаптационный потенциал с психофизиологическим аспектом, когда он рассматривается как уравновешивающий процесс психофизиологических систем организма;
- еще одно направление изучает адаптивный потенциал в открытой системе, в условиях формирования новых системных (творческих) качеств [12].

Следует разделять дизайн как профессию и дизайн-мышление как особую форму мышления (Быстрова, 2019). Успешность реализации дизайн-мышления определяется следующими основными факторами:

- неординарность – желание создавать новые идеи;
- многосторонность – рассмотрение идеи или предмета под разными углами и с разных точек зрения, попытка найти скрытый потенциал идеи;
- гибкое восприятие – способность к изменению взгляда на традиционность вещей или идей;
- адаптивность – способность перерабатывать большой объем информации, находить точки соприкосновения в различных идеях.

Дизайн-мышление как образовательная технология может быть направлена на выявление сущности изучаемых явлений и процессов, открытие и систематизацию субъективно и объективно новых знаний, поиск закономерностей, описание, объяснение, проектирование [13].

Главной целью учителя (преподавателя) в развитии дизайн-мышления учащихся является создание условий для развития творческой личности, ее самоопределения и самореализации. При этом решаются следующие задачи:

- формирование интереса и склонности учащихся к исследовательской и проектной деятельности [14];
- развитие интереса к познанию мира, сущности процессов и явлений [15];
- развитие умения самостоятельно, творчески мыслить [16];
- формирование у учащихся потребности к самопознанию, саморазвитию, саморегуляции [17].

Дизайн-мышление в учебном процессе направлено на развитие у обучающегося умений и навыков научного поиска [18]. Оно обеспечивает более высокий уровень системности знания, что исключает его формализм. Именно это направление формирует у учащихся умение и навыки практического применения теоретических знаний, развивает мышление, логику, учит постановке целей, задач и поиску способов их достижения, освоению различных методов [19].

Цель исследования – изучение личностного адаптационного потенциала участников образовательного процесса через применение дизайн-мышления в учебной деятельности.

Гипотеза исследования – технология «дизайн-мышление» повышает адаптационный потенциал участников образовательного процесса, что выражается в повышении регуляторно-личностных свойств индивидуального профиля – планировании, самостоятельности, решении задач, гибкости восприятия и оценки результата, моделировании объектов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовался комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих объективность и достоверность полученных результатов. Теоретические методы – синтез, анализ, методы обобщения. Эмпирические методы – наблюдение, методы опроса, тестирование. Методы математической обработки полученных данных – критерий Колмогорова-Смирнова, непараметрический критерий Крускала-Уоллиса, Т-критерий Вилкоксона, коэффициент корреляции Спирмена. Статистическая обработка результатов эмпирического исследования проводилась с использованием программы Microsoft Excel 2014 и интегрированного статистического пакета SPSS Statistics 23.

В качестве основы авторы использовали методику «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (далее – МЛО–АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, шкалу личностного адаптационного потенциала (далее – ЛАП). [20]. Кроме того, в исследовании применялись методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д. Эндлера, Д. Джеймса, М. Паркера (в адаптации Т.А. Крюковой) [5].

Определена прямая корреляция между переменной ЛАП и переменными других опросников: гибкость оценки (деятельности и результата), моделирование (процесса, ситуации, деятельности), планирование (процесса, ситуации, деятельности), самостоятельность в принятии решения и решение самой поставленной задачи. Все вышеперечисленное может составлять личностный адаптационный потенциал, остальные переменные авторы в расчет не брали [21].

Для исследования технологии «дизайн-мышление» применялись следующие методики: тест по выявлению образной креативности (творческого потенциала) Е. Торренса, тест «Креативность» Н. Вишняковой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в течение 2023–2024 гг. в образовательных учреждениях Астрахани: муниципальные бюджетные общеобразовательные учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 12», «Средняя общеобразовательная школа № 8», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет». Количество испытуемых составило 90 чел., из них 25 учителей школ, 25 преподавателей вуза, 40 студентов выпускных курсов Астраханского государственного университета (в период прохождения производственной практики).

Участников исследования разделили на три группы – учителя, преподаватели, студенты. На начальном этапе исследования поставлена цель выделить валидные переменные для исследования ЛАП и дизайн-мышления.

На начальном этапе исследования проведена работа по анкетированию участников с целью определить, знакома ли им технология «дизайн-мышление» и, если да, применяют ли они ее в учебном процессе. Учителя школ данную технологию знают как «проектную деятельность», сам термин «дизайн-мышление» знаком только 6 учителям. Преподаватели вузов знакомы с технологией (23 чел.), но применяют ее в учебном процессе время от времени, когда студентам на конкурс надо представить научный проект или когда они ведут дисциплину, связанную с проектированием или дизайном. Студенты также слышали о технологии «дизайн-мышление», применяли ее под руководством преподавателей, но никогда не выступали в роли руководителя и разработчика проекта.

По результатам теста «Адаптивность» (МЛО–АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина показатель шкалы «Личностный адаптационный потенциал» несколько выше среднего значения оказался у преподавателей вуза, средний уровень – у учителей школ, ниже среднего – у студентов. Тем не менее у всех групп испытуемых отмечена средняя норма значений по этому показателю.

Для диагностики различных аспектов индивидуальной саморегуляции использовался опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой. Для нас представляли интерес показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также развития регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности.

Общий уровень саморегуляции оказался выше у преподавателей, они же имели высокие показатели по шкалам «Программирование», «Планирование», «Самостоятельность». Это может говорить о том, что у испытуемых сформированы потребности в осознанном планировании своей деятельности, они реалистичны и устойчивы. Сформировавшиеся у испытуемых потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей позволяют детализировать и планировать разрабатываемые программы. Они гибко изменяются в новых обстоятельствах и устойчивы в ситуации помех.

Самые низкие значения оказались у студентов по шкалам «Программирование» и «Моделирование». Можно предположить, что у испытуемых слабая сформированность процессов моделирования приводит к неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств, что может сопровождаться резкими перепадами отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. У таких испытуемых часто возникают трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, они не всегда замечают ее изменение, что также часто приводит к неудачам. Студенты часто используют метод проб и ошибок.

Результаты исследования копинг-стратегий испытуемых по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д. Эндлера, Д. Джеймса, М. Паркера (в адаптации Т.А. Крюковой) показали следующее. Преподаватели в большей степени нацелены на копинг «Решение задачи» и в меньшей степени на «Социальное отвлечение». Учителя чаще используют копинги «Эмоции» и «Решение задачи», в то время как студенты прибегают к таким защитным механизмам, как «Избегание» и «Социальное отвлечение». Для определения валидности изучения адаптационного потенциала личности за основу взяли показатели ЛАП (методика МЛО–АМ) и сравнили со шкалами методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д. Эндлера, Д. Джеймса, М. Паркера (в адаптации Т.А. Крюковой) и шкалами опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой для определения достоверной связи между переменными.

С помощью критерия Колмогорова–Смирнова для одной выборки мы проверили нормальность распределения количественных переменных. Установлено, что распределение переменных не соответствует закону нормального распределения. Рассчитана ранговая корреляция Спирмена (табл. 1).

**Исследование связи между показателем личностного адаптационного потенциала
и переменными опросников «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»
и «Стиль саморегуляции поведения»**

Показатель личностного адаптационного потенциала	Переменные	Значение коэффициента корреляции	Уровень значимости
ЛАП	Гибкость оценки	$r_s = 0,428$	0,008
	Оценивание	$r_s = 0,360$	0,210
	Программирование	$r_s = 0,443$	0,006
	Моделирование	$r_s = 0,419$	0,005
	Планирование	$r_s = 0,407$	0,007
	Самостоятельность	$r_s = 0,395$	0,008
	Решение задачи	$r_s = 0,468$	0,006
	Проявление эмоций	$r_s = 0,328$	0,019
	Избегание	$r_s = 0,028$	0,478
	Отвлечение	$r_s = 0,138$	0,337
	Социальное отвлечение	$r_s = 0,131$	0,245

Составлено авторами по материалам исследования

Личностный адаптационный потенциал имеет связь (прямую корреляцию) с гибкостью оценки (деятельности и результата), моделированием (процесса, ситуации, деятельности), планированием (процесса, ситуации, деятельности), самостоятельностью в принятии решения и решением самой поставленной задачи. Все вышеперечисленное может составлять личностный адаптационный потенциал, остальные переменные авторы в расчет не брали.

Далее по трем группам испытуемых (учителя, преподаватели, студенты) мы провели оценку достоверности различий по исследуемым показателям, используя критерий Крускала-Уоллиса, назначение которого состоит в оценке различий одновременно между тремя выборками по уровню исследуемого признака. Определено неслучайное различие по показателям трех групп испытуемых.

Исследованы творческие ресурсы испытуемых с помощью методики «Креативность» Н. Вишняковой, поскольку дизайн-мышление предполагает творческий процесс деятельности. У преподавателей самые высокие результаты по шкале «Творческое мышление», у учителей – «Воображение», у студентов – «Любознательность», «Эмпатия» и «Чувство юмора». Низкие значения отмечены у студентов по шкалам «Интуиция» и «Оригинальность».

Вторая использованная методика (Е. Торренса) направлена на выявление образной креативности. У всех групп испытуемых достаточно высокие результаты по представленным шкалам. Тем не менее у преподавателей отмечается высокий уровень общих творческих способностей и творческого потенциала, у учителей ниже всех обнаружилось значение переменной «Абстрагирование», у студентов – «Беглость» и «Оригинальность».

Для того чтобы определить влияние творческих ресурсов на личностный адаптационный потенциал, авторы определили меру связи каждой переменной и рассчитали ранговую корреляцию Спирмена, поскольку распределение переменных не соответствует нормальному закону. Установлено, что не все творческие ресурсы, представленные в тестах, коррелируют со значениями личностного адаптационного потенциала.

Раскрывая каждую переменную личностного адаптационного потенциала, следует отметить, что показатель ЛАП имеет положительную корреляцию со следующими переменными: творческое мышление, оригинальность, творческое отношение к профессии, общий уровень творческих способностей, эмпатия, беглость, творческий потенциал. Показатель «Гибкость оценки» положительно коррелирует с такими переменными, как творческое мышление, оригинальность, беглость, творческий потенциал, эмпатия, творческое отношение к профессии, общий уровень творческих способностей. Показатель «Моделирование» обнаруживает достоверную связь со следующими переменными: творческое мышление, оригинальность, творческий потенциал, эмпатия, творческое отношение к профессии, общий уровень

творческих способностей. Показатель «Планирование» связан с такими переменными, как творческое мышление, оригинальность, эмпатия, творческое отношение к профессии, общий уровень творческих способностей. Показатель «Самостоятельность» имеет положительную меру связи с такими переменными, как творческое мышление, оригинальность, эмпатия, творческое отношение к профессии, общий уровень творческих способностей, интуиция. Показатель «Решение задачи» положительно коррелирует с такими значениями, как творческое мышление, интуиция, любознательность, творческое отношение к профессии, общий уровень творческих способностей, творческий потенциал.

На основании полученных результатов выделены следующие обобщенные переменные: творческое мышление, эмпатия, творческое отношение к профессии, общий уровень творческих способностей, оригинальность, интуиция, творческий потенциал, любознательность. Они взяты за основу при анализе технологии дизайн-мышления.

Во второй части исследования подобраны образовательные технологии, которые включают вышеперечисленные характеристики: метод шести шляп, метод шестиугольников в обучении, метод творческих проектов. Две группы испытуемых использовали данные технологии в своей профессиональной деятельности при подготовке к занятиям в течение полугода, студенты – на занятиях по курсам «Психология одаренности», «Психология творчества» (4 курс), а также во время производственной практики (5 курс). В трех группах номинально выделены по пять человек в каждой, в которой дизайн-мышление не применялось. Повторное тестирование проводили через полгода с начала исследования. В связи с тем, что в гипотезе настоящего исследования заявлена связь между адаптационным потенциалом личности и дизайн-мышлением, мы не стали тестировать испытуемых по двум методикам, имеющим отношение к дизайн-мышлению, а провели повторное исследование изучения адаптационного потенциала.

Тех испытуемых, которые не работали по технологии дизайн-мышления, мы объединили в одну группу из-за маленькой выборки от каждой группы. Таким образом, получилась группа из 15 чел., и стало возможным проведение статистического анализа.

Для оценки изменений личностного адаптационного потенциала использовался непараметрический Т-критерий Вилкоксона, который направлен на оценку показателей на одной и той же выборке в разных условиях (табл. 2). В смешанной группе использовались те показатели значений, которые были обнаружены в начале исследования (для каждого человека).

Таблица 2

Оценка достоверности различий в исследуемых признаках адаптационного потенциала личности по Т-критерию Вилкоксона (1-я группа)

Переменные	Средние значения 1-й группы		Значение критерия	Уровень значимости
	Начальный уровень	После применения технологии «дизайн-мышление»		
ЛАП	4,36	6,10	41,2	0,005
Гибкость оценки	5,94	4,21	9,2	0,234
Моделирование	4,30	5,53	48,6	0,005
Планирование	6,20	7,53	48,40	0,005
Самостоятельность	6,30	7,53	41,04	0,005
Решение задачи	5,54	7,02	37,40	0,005

Составлено авторами по материалам исследования

Исследование показало, что применение дизайн-мышления повлияло на адаптационный потенциал группы учителей. Испытуемые демонстрировали высокую степень осознанности представлений о внешних и внутренних значимых условиях собственного развития, в том числе профессионального, ставили реальные цели, были способны их корректировать в изменяющихся условиях, обладали эффективными способами саморегуляции, выбирали копинг-стратегии, направленные на решение задачи, а не на избегание неприятностей или отвлечение от сложившейся ситуации. Все это формирует высокий адаптационный потенциал личности, характеристики которого рассматривались в теоретической части работы.

У представителей второй группы испытуемых также определились значимые различия в исследуемых показателях. Тем не менее следует отметить, что эта группа – преподаватели, у которых адаптационный потенциал изначально выше, чем у других. Применение дизайн-мышления в учебном процессе позволило определить значимые различия в переменных – личностный адаптационный потенциал, моделирование, решение задачи (табл. 3).

Таблица 3

Оценка достоверности различий в исследуемых признаках адаптационного потенциала личности по Т-критерию Вилкоксона (2-я группа)

Переменные	Средние значения 2-й группы		Значение критерия	Уровень значимости
	Начальный уровень	После применения технологии «дизайн-мышление»		
ЛАП	6,36	4,10	41,2	0,005
Гибкость оценки	4,94	4,21	9,2	0,234
Моделирование	4,30	5,53	48,6	0,005
Планирование	4,20	4,53	8,40	0,352
Самостоятельность	6,30	7,53	7,04	0,357
Решение задачи	5,54	7,02	37,40	0,005

Составлено авторами по материалам исследования

Показатель регуляторно-личностных свойств «Моделирование» связан с анализом внешних и внутренних условий деятельности и выделением комплекса условий, значимых для достижения цели. Модель значимых условий выполняет функцию источника информации об этих условиях, учет которых необходим для реализации деятельности в изменяющейся социальной среде. Показателем личностного адаптационного потенциала и будет выступать это регуляторно-личностное свойство.

В группе студентов также установлены значимые различия в исследуемых показателях, которые совпадают с показателями первой группы (табл. 4).

Таблица 4

Оценка достоверности различий в исследуемых признаках адаптационного потенциала личности по Т-критерию Вилкоксона (3-я группа)

Переменные	Средние значения 3-й группы		Значение критерия	Уровень значимости
	Начальный уровень	После применения технологии «дизайн-мышление»		
ЛАП	5,36	4,10	41,2	0,005
Гибкость оценки	4,94	4,45	9,2	0,234
Моделирование	4,46	5,97	48,6	0,005
Планирование	4,20	6,53	46,40	0,005
Самостоятельность	6,30	7,53	43,04	0,005
Решение задачи	5,89	7,06	39,40	0,005

Составлено авторами по материалам исследования

Следует отметить, что во всех группах испытуемых не изменился показатель «Гибкость оценки». Он отражает быстрое реагирование на изменения среды, динамичную коррекцию своей деятельности в зависимости от меняющихся условий и означает, что для его развития требуется больше времени, чем заявлено в исследовании. Данный показатель может также означать степень развития навыка, в частности, педагогической деятельности. Навык – это действие, которое благодаря многократному повторению

выполняется неосознанно, то есть доведено до автоматизма. Мыслительные навыки, такие как навыки заучивания, распределения и концентрации внимания, наблюдения и др., необходимы специалисту для решения задач. В связи с этим показатель гибкости часто проще изменить, если навык не закреплён [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмпирическим путем выделены валидные переменные для исследования личностного адаптационного потенциала и дизайн-мышления. Для адаптационного потенциала это гибкость оценки деятельности и результата, моделирование, планирование, самостоятельное решение задачи, а для исследования дизайн-мышления – творческое мышление, оригинальность, эмпатия, творческое отношение к профессии, беглость, творческий потенциал, любознательность. Определены эффективные технологии дизайн-мышления для повышения адаптационного потенциала участников образовательного процесса – метод шести шляп, шестиугольный метод обучения, метод творческих проектов.

В ходе исследования высказано предположение, что переменные дизайн-мышления коррелируют с переменными личностного адаптационного потенциала. Это означает, что если показатели, технологии дизайн-мышления будут меняться, например, в сторону увеличения, то и адаптационный потенциал испытуемых тоже повысится. Для этого испытуемых разделили на две группы – контрольную и экспериментальную. По окончании исследования определено, что группа, не применявшая дизайн-технологии в образовательном процессе, не изменила свой адаптационный потенциал, в то время как группа, применявшая в своей деятельности технологии дизайн-мышления в течение нескольких месяцев, повысила его. Повышение адаптационного потенциала коснулось не только педагогов, но и студентов, которые в ходе практических занятий, а также на производственной практике использовали данный ресурс.

Список литературы

1. Батуева С.В. Изучение адаптационного потенциала и психологической устойчивости у студентов первого курса в образовательном пространстве вуза. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2019;2:35–38.
2. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа. Психологическая наука и образование. 2008;8:69–74.
3. Замятина А.В. Проблемы адаптационного потенциала личности и психологического благополучия. Гуманитарные исследования. 2015;1:99–104.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер: адаптированный вариант Т.А. Крюковой). В кн.: Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии; 2002. С. 442–444.
5. Моросанова В.И., Кондратьев Н.Г. Новая версия опросника «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ». Вопросы психологии. 2011;1:134–149.
6. Фазылынова Г.П., Соколова Т.Ю., Балалов В.В. Методология дизайн-мышления как креативный ресурс развития современной системы образования. Педагогический журнал. 2020;1-1(10):415–427.
7. Каманин И.Е., Спиридонова Д.В. Внедрение дизайн-мышления в сферу государственного и муниципального управления. Ученые записки. 2023;1(45):20–22.
8. Альмамани Х. Н., Быстрова Т.Ю. Алгоритмы дизайн-мышления: теория и практика. Академический вестник. УралНИИпроект РАСААН. 2019;2(41):92–97.
9. Козырева О.А., Дьякова Н.И. Изучение личностного адаптационного потенциала. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2017.
10. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности. Дис. ... д-р психол. наук: 19.00.01. СПб.; 2001. 128 с.
11. Толстых Ю.И. Современные подходы к категории «адаптационный потенциал» Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011;1:493–496.
12. Трифонова Е.А. Адаптационный потенциал личности и психосоматический риск: проблема копинг-компетентности. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013;155:71–83.
13. Пулявина Н.С. Возможности применения инструментов дизайн-мышления для совершенствования электронных информационно-образовательных систем. Экономика, предпринимательство и право. 2021;2(11):489–500. <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111663>
14. Максимова Г.Ю., Древина Н.А. Культура дизайн-мышления в высшей школе. Итеративное проектирование. Современные тенденции изобразительного, декоративного прикладного искусств и дизайна. 2022;1:70–77.

15. Тарасова А.С. Применение методов дизайн-мышления на практике. Тенденции развития науки и образования. 2022;88-2:77–80. <https://doi.org/10.18411/trnio-08-2022-65>
16. Гейдерих П.В. Дизайн-мышление как перспективный способ генерации и развития инноваций. Вестник Тверского государственного университета. 2018;3:245–25.
17. Канавцев М.В. Системный анализ и дизайн-мышление – новое или давно забытое старое? В кн.: Двадцатые Петровские чтения: материалы Всероссийской конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2018 г. СПб: Северная звезда; 2019. С. 241–244.
18. Галимов А.М., Аскарлов А.Д. Формирование стратегии программы развития и управленческих решений высших учебных заведений на основе подхода дизайн-мышления. В кн.: Качество педагогического образования в условиях современных вызовов. Казань: Казанский федеральный университет; 2023. С. 43–54.
19. Тарасова А.С. Применение методов дизайн-мышления в стратегии современных компаний. Тенденции развития науки и образования. 2024;105-5:153–156.
20. Райгородский Д.Я. (ред.) Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО–АМ). В кн.: Практическая психодиагностика. Самара: Бахрах-М; 2001. С. 549–558.
21. Беляев Н.М., Смирнова О.П. Совершенствование системы управления человеческими ресурсами на основе внедрения дизайн-мышления. Проблемы экономики, финансов и управления производством. 2019;44:120–123.
22. Мартин Р.А. Дизайн бизнеса: почему дизайн-мышление – следующее конкурентное преимущество. Бостон: Гарвардская бизнес-пресса; 2009. 231 с.

References

1. Batueva S.V. The study of the adaptive capacity of the psychological stability of students in educational space of the university. Modern science: actual problems of theory and practice. 2019;2:35–38. (In Russian).
2. Bogomolov A.M. Individual Adaptive Potential in the Context of System Analysis. Psychological Science and Education. 2008;8:69–74. (In Russian).
3. Zamyatina A.V. Problems of individual's adaptive potential and psychological well-being. Humanities Studies. 2015;1:99–104. (In Russian).
4. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Coping behavior in stressful situations (S. Norman, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker: adapted version by T.A. Kryukova). In: Social and psychological diagnostics of personality development and small groups. Moscow: Institute of Psychotherapy; 2002. Pp. 442–444. (In Russian).
5. Morosanova V.I., Kondratyuk N.G. New version of the “Self-regulation style of behavior – SRSB” questionnaire. Psychology Issues. 2011;1:134–149. (In Russian).
6. Fuzylzyanova G.I., Sokolova T.Yu., Balalov V.V. The methodology of design thinking as a creative resource for the development of the modern education system. Journal of Pedagogy. 2020;1-1(10):415–427. (In Russian).
7. Kamanin I.E., Spiridonova D.V. Implementation of design thinking in the sphere of state and municipal government. Uchenye zapiski. 2023;1(45):20–22. (In Russian).
8. Almomani Kb.N., Bystrova T.Yu. Design thinking algorithms: theory and practice. Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN. 2019;2(41):92–97. (In Russian).
9. Kozyreva O.A., Dyakova N.I. Study of personal adaptation potential. Modern science: actual problems of theory and practice. 2017. (In Russian).
10. Posokhova S.T. Psychology of adaptive personality. Dis. ... Dr. Sci. (Psy): 19.00.01. St. Petersburg; 2001. 128 p. (In Russian).
11. Tolstykh Yu.I. Contemporary approaches to the category “adaptivepotential”. Izvestiya Tula State University. 2011;1:493–496. (In Russian).
12. Trifonova E.A. Adaptive potential and psychosomatic risk: the coping competence problem. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2013;155:71–83. (In Russian).
13. Pulyavina N.S. Possibilities of design thinking tools to improve electronic information and educational systems. Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2021;2(11):489–500. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111663>
14. Maksimova G.Yu., Drevina N.A. Culture of design thinking in higher school. Iterative design. Modern trends in fine, decorative arts and design. 2022;1:70–77. (In Russian).
15. Tarasova A.S. Application of design thinking methods in practice. Science and Education Development Trends. 2022;88-2:77–80. (In Russian). <https://doi.org/10.18411/trnio-08-2022-65>
16. Heyderich P.V. Design thinking as the most perspective method of innovation creation. Bulletin of Tver State University. Series: Economy and Management. 2018; 3:245–254. (In Russian).

17. *Kanavtsev M.V.* Systems analysis and design thinking. In: Twentieth Peter's Readings: Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, St. Petersburg, November 21–22, 2018. St. Petersburg: Severnaya zvezda; 2019. Pp. 241–244. (In Russian).
18. *Galimov A.M., Askarov A.D.* Forming development program strategy and management decisions of higher educational institutions based on the design thinking approach. In: Quality of teacher education in the context of modern challenges. Kazan: Kazan Federal University; 2023. Pp. 43–54. (In Russian).
19. *Tarasova A.S.* Application of design thinking methods in modern companies' strategies. Science and Education Development Trends. 2024;105-5:153–156. (In Russian).
20. *Raigorodsky D.Ya.* (ed.) Multilevel personality questionnaire “Adaptability” (MLO–AM). In: Practical psychodiagnostics. Samara: Bakhrakh-M; 2001. Pp. 549–558. (In Russian).
21. *Belyaev N.M., Smirnova O.P.* Improving the system of human resource management through the introduction of design thinking. Issues of economics, finance and production management. 2019;44:120–123.
22. *Martin R.L.* The Design of Business: Why Design Thinking Is the Next Competitive Advantage. Boston: Harvard Business Press; 2009. 231 p. (In Russian).

Психодидактические особенности цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого в условиях дополнительного профессионального образования

Паутова Людмила Евгеньевна

Канд. психол. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0001-8879-0585, e-mail: cosidanie35@yandex.ru

Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга», г. Коломна, Россия

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что цифровая трансформация профессионального образования требует пересмотра и проработки психодидактики цифровых образовательных технологий, в частности при обучении взрослых. Целью исследования является определение психодидактических особенностей цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого в условиях дополнительного профессионального образования. Достижению цели способствовало решение основных задач исследования: проанализировать научно-практическую литературу по проблеме исследования; выявить психодидактические особенности цифровых технологий при обучении взрослых; определить взаимосвязи цифровых технологий профессионального обучения и саморазвития личности взрослого на основе интеграции цифровой дидактики, андрагогики и психодидактики. Методы исследования – теоретический и системно-логический анализ цифровых технологий для развития личности взрослого, практического анализа и синтеза, метод обобщения результатов. Новизна исследования заключается в том, что выявлены перспективные цифровые технологии для профессионального развития личности современного работника и их отличительные признаки (целевая направленность, надежность и открытость), способствующие личностно-профессиональному развитию взрослого и психодидактической трансформации цифровой образовательной среды дополнительного профессионального образования. Проведен анализ литературы по проблемам дидактики профессионального образования, цифровой дидактики и психодидактики, по проблемам применения цифровых технологий при обучении и развитии взрослого обучающегося. Раскрыты особенности открытых интернет-ресурсов, позволяющие определить образовательный потенциал цифровых технологий. Выявлены психодидактические элементы цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого. Определены системно-структурные взаимосвязи цифровых и традиционных образовательных технологий для профессионального обучения и саморазвития личности взрослого.

Ключевые слова

Профессиональное развитие, цифровые технологии, психодидактика, цифровая образовательная среда, обучение взрослых, дополнительное образование, цифровая дидактика

Для цитирования: Паутова Л.Е. Психодидактические особенности цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого в условиях дополнительного профессионального образования // Вестник университета. 2024. № 12. С. 228–239.

© Паутова Л.Е., 2024.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Psychodidactic features of digital technologies for professional development of an adult's personality within the framework of additional vocational education

Lyudmila Ye. Pautova

Cand. Sci. (Psy.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0001-8879-0585, e-mail: cosidanie35@yandex.ru

All-Russian Scientific Research Institute of Irrigation Systems and Agricultural Water Supply Systems "Raduga", Kolomna, Russia

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that digital transformation of vocational education requires revision and elaboration of digital educational technologies psychodidactics, particularly in adult learning. The purpose of the study is to determine the psychodynamic features of digital technologies for professional development of adult personality within the framework of additional vocational education. The main objectives of the study contributed to the goal achievement: to analyze the scientific and practical literature on the research issue; to identify the psychodynamic features of digital technologies in adult learning; to determine the relationship of digital technologies of vocational learning and self-development of adult personality on the basis of integration of digital didactics, andragogy, and psychodynamic. Research methods are theoretical and system-logical analysis of digital technologies for adult personality development, practical analysis and synthesis, and results generalization method. The novelty of the study lies in the fact that the promising digital technologies for professional development of a modern worker's personality and their distinctive features (target orientation, reliability, and openness), contributing to personal and professional development of adults and psychodidactic transformation of the digital educational environment of additional vocational education, have been identified. The literature on the issues of psychodidactics of vocational education, digital didactics, and psychodidactics, and on the issues of digital technologies application in training and development of adult learners has been analyzed. The peculiarities of open Internet resources that allow to determine the educational potential of digital technologies have been revealed. Psychodidactic elements of digital technologies for professional development of adult personality have been revealed. The system-structural interrelationships of digital and traditional educational technologies for professional learning and self-development of adult personality have been determined.

Keywords

Professional development, digital technologies, psychodidactics, digital educational environment, adult education, additional education, digital didactics

For citation: Pautova L.Ye. (2024) Psychodidactic features of digital technologies for professional development of an adult's personality within the framework of additional vocational education. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 228–239.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе основной характеристикой цифровизации образования является трансформация элементов образовательного процесса и используемых цифровых технологий и средств в нем. С учетом этого основной целью цифровизации образования является максимально полное использование потенциальных дидактических возможностей цифровых технологий и приспособления их к решению психолого-педагогических, психодидактических, андрагогических задач.

Новизна результатов настоящего исследования заключается в следующем:

- впервые выявлены и представлены востребованные цифровые технологии для профессионального развития, саморазвития личности взрослого в открытом интернет-пространстве;
- определены психодидактические элементы цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого в системе дополнительного профессионального образования (далее – ДПО);
- выявлены и систематизированы взаимосвязи цифровых технологий и психодидактических особенностей для профессионального обучения и саморазвития взрослого.

Практическая значимость результатов состоит в сборе информационно-аналитического материала, системно-практическом анализе цифровых технологий для выявления их психодидактических особенностей в ДПО с целью профессионального развития личности взрослого в условиях цифровой образовательной среды.

В настоящем исследовании представлен научно-практический анализ по проблеме исследования, обоснованы результаты и выводы исследования, изложенные в заключительном разделе.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При разработке и внедрении цифровых технологий в профессиональное обучение взрослых особенно важно учитывать их функциональную направленность для развития личности в процессе непрерывного обучения и саморазвития средствами дополнительного образования в цифровой среде. В настоящее время существует значительное количество психологических, педагогических, социально-экономических исследований по вопросам цифровых образовательных технологий.

Теоретической основой настоящего исследования являются следующие научные подходы в системе профессионального образования на уровне среднего и высшего образования:

- дидактический (И.М. Осмоловская, Э.Р. Сайдимова, Л.Н. Харавинина), психодидактический (С.В. Титова), технологичный (О.И. Ваганова, И.Р. Воронина, А.В. Гладков, Е.Ю. Коновалова Е.Ю.) и системный (К.Г. Кизямов) [1–7];
- андрагогический (М.Т. Громкова, Т.А. Жданко, С.И. Змеев) [8–10];
- комплексный подход в цифровой дидактике (В.И. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина, Н.А. Василькова, Е.А. Гафарова, Г.А. Диденко, О.Н. Шварцкоп) [11; 12].

Дидактика обучения взрослых средствами и в условиях ДПО особенно отличается в современном контексте интеграции цифровых технологий в профессиональную деятельность обучающегося работника. Возникает необходимость системно-методического осмысления подходов, нормативных документов и современных образовательных технологий для реализации программ ДПО в цифровой образовательной среде.

В соответствии с дидактическим подходом И.М. Осмоловской при обучении взрослых «важными становятся способности приобретать самому новые знания, применять их в нестандартных ситуациях, решать проблемы, работать в команде в условиях многозадачности», что стимулирует процесс самообучения и саморазвития на рабочем месте и в реальных условиях [1, с. 38]. Данные дидактические особенности считаем целесообразным учитывать при разработке системы практических заданий по программе ДПО, что в свою очередь будет способствовать качественным изменениям образовательного взаимодействия преподавателя с взрослыми обучающимися и учету реальной ситуации их непрерывного обучения в динамично изменяющихся условиях профессиональной деятельности.

Применительно к обучению студентов и их подготовке к профессиональной деятельности Э.Р. Сайдимова считает определяющим «выработку группы образовательных задач, направленных на адаптацию учебного процесса к современным реалиям и под воздействием инновационных методов обучения» [2, с. 238]. Л.Н. Харавининой определены дидактические особенности процесса обучения в цифровой образовательной среде (далее – ЦОС) с учетом федеральных образовательных стандартов и акцентом на том,

что не все дидактические элементы образовательного процесса можно «оцифровать» и качественно измерить [3]. Однако для обучения взрослых в условиях ЦОС это недостаточно и не в полной мере отражает психодидактические, андрогогические и технологические особенности, поскольку определяющим в ДПО взрослых является не только целевая установка в форме задач обучения и методов их достижения, но и проработка полного цикла профессионального обучения и развития взрослого средствами программы ДПО с учетом его личностно-профессиональных особенностей (образовательные потребности, мотивы, опыт и др.). В силу этого обстоятельства считаем целесообразным учитывать тенденции цифровизации, «ставя во главе угла обучения личность обучаемого, адаптируя достижения в области информационной техники, психологии и педагогики в единое целое» [4, с. 6–7].

Эффективной реализации образовательной программы в ЦОС на основе технологичного (О.И. Ваганова, И.Р. Воронина, А.В. Гладков А.В., Е.Ю. Коновалова) и системного (К.Г. Кизямов) подходов способствует учебно-методическая и системная проработка совокупности цифровых образовательных технологий, обеспечивающих активное взаимодействие основных субъектов образовательного процесса, трансформируя действия обучающегося «от пассивного восприятия к активным действиям и выполнению заданий» и «создание условий для формирования ЦОС на всех уровнях организации профессионального образования и его управления» [6; 7]. В данных подходах также проявляются психодидактические особенности цифровых технологий при профессиональном обучении и развитии обучающихся вузов.

Однако в ДПО взрослых необходимо учитывать и применять андрогогический подход (М.Т. Громкова, Т.А. Жданко, С.И. Змеев, в соответствии с которым при профессиональном обучении и развитии взрослого в ЦОС формируется непрерывное приращение теоретического знания, интегрируемого в практический опыт и реальные условия профессиональной деятельности [8–10]. Применение андрогогического подхода в ДПО особенно важно в условиях ЦОС, поскольку это способствует «изучению, объяснению, описанию субъект-субъектных отношений» [8, с. 168].

Применительно к настоящему исследованию считаем наиболее целесообразным и продуктивным комплексный подход в цифровой дидактике, поскольку он сочетает в себе систему научно-методологического и методического инструментария научного исследования профессионального образования и развития взрослого средствами цифровых образовательных технологий. Так, согласно В.И. Блинову, И.С. Сергееву и Е.Ю. Есениной, «в условиях цифровизации меняется логика производственного процесса, он перестает быть дискретным, цикличным и воспроизводимым, приобретая характеристики комплексности, непрерывности и постоянного развития, что требует от выпускников иного типа мышления» [11, с. 6]. Одновременно с цифровизацией образования и комплексностью образовательных технологий при реализации программ ДПО в ЦОС необходимо «создание единой производственно-обучающей цифровой среды, общей для предприятия-работодателя и образовательной организации (образовательной программы)», что позволяет учитывать и «включать» в программы ДПО отраслевые особенности и технологии, формировать эффективную систему «сетевой личностной идентичности» и учитывать «риски цифровизации образовательного процесса» [11; 12].

В результате научно-практического анализа литературных источников выявлено отсутствие:

- дидактических свойств, функций по отношению к профессиональному обучению и развитию взрослого средствами цифровых образовательных технологий;
- системной проработки научных подходов в отношении психодидактической структуры программ ДПО для взрослых в ЦОС с учетом указанных подходов и отраслевой специфики реальной деятельности обучаемых по программам ДПО.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для устранения выявленных проблем в настоящем исследовании впервые разработана система взаимосвязей психодидактических особенностей цифровых технологий, их дидактических свойств и функций (таблица). Данная система позволяет определить структурно-функциональные и психодидактические особенности цифровых технологий программ ДПО на основе интеграции научно-практических подходов традиционной и цифровой дидактики при обучении взрослых. Названия дидактических функций и свойств сформулированы с учетом терминологии В.И. Блинова, И.С. Сергеева, Е.Ю. Есениной, Н.А. Васильковой, Е.А. Гафаровой, Г.А. Диденко, О.Н. Шварцкопа, С.В. Титовой [4; 11; 12].

Таблица
Психодидактические особенности цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого в системе АПО

ФИО автора	Название цифровой технологии	Возможности для профессионального обучения	Дидактическая функция	Дидактическое свойство
О.И. Ваганова, А.В. Гладков, Е.Ю. Коновалова, И.Р. Воронина [6], Н.Г. Померанцева, Т.А. Сырина [13]	Облачные технологии	– позволяет распределять, обрабатывать и хранить данные; – групповая и командная учебная деятельность удаленно; – создание модели функционирования и взаимодействия пользователей в электронной информационно-образовательной среде с помощью облачных сервисов	Управленческая, образовательная, коммуникативная, оперативная обратная связь (диагностическая), мотивационная, самостоятельно-поисковая (исследовательская), моделирования, развивающая, прогностическая	Персональность, информационность, технологичность, гибкость, отказоустойчивость, высокий уровень доступности
	Мобильное обучение	– продуктивное образовательное взаимодействие посредством мобильных устройств		Интерактивность, мультимедийность, гипертекстовость, персональность, субкультурность, нелинейность подачи информации, визуализация информации, геймификация, информационность, инклюзивность
О.И. Ваганова, А.В. Гладков, Е.Ю. Коновалова, И.Р. Воронина [6]	Онлайн-курсы	– синхронное и асинхронное обучение, личностно-ориентированная направленность обучения, индивидуальный график обучения		

ФИО автора	Название цифровой технологии	Возможности для профессионального обучения	Дидактическая функция	Дидактическое свойство
О.И. Ваганова, А.А. Пирогова, М.П. Прохорова [14], А.В. Глазков, Е.Ю. Коновалова, И.Р. Воронина [6], С.М. Маркова, А.К. Наркозисв [15], Е.В. Мыкина [16]	Игрофикация	– сочетание игровых и социомедийных технологий в образовательной и научно-исследовательской деятельности; – самостоятельный поиск образовательной и научной информации; – мотивация и активизация учебно-познавательной деятельности; – визуализированный подход при решении практических задач разного уровня сложности	Управленческая, образовательная, коммуникативная, оперативная обратная связь (диагностическая), мотивационная, самостоятельно-поисковая (исследовательская), моделирования, развивающая, прогностическая	Интерактивность, мультимедийность, гипертекстовость, персональность, субкультурность, нелинейность подачи информации, визуализация информации, геймификация, информационность, инклюзивность
И.В. Виноградова, А. Калимуллин, Н.В. Шершуклова, В.С. Цилицкий, Г.Э. Емелетдинова [17], С.Х. Бидажиева, Ф.А.А. Урсова [18]	Геймификация	– вносит элемент игры в учебу, что разнообразит образовательный процесс; – мотивирует участников к достижению результатов		
С.М. Малышева, Е.А. Алешупина [19], А.А. Рыбцова [20], А.В. Глазков, Е.Ю. Коновалова, И.Р. Воронина [6], О.И. Ваганова, А.К. Ильяшенко, Г.А. Белоусова [21], К.С. Итinson [22]	Веб-квест	– решение образовательной проблемы в ролевой игре посредством использования интернет-ресурсов; – способствует развитию самостоятельности, творческих способностей и критического мышления; – повышение мотивации и учебных достижений; инклюзивность обучения		
	Видеоигры и симуляторы	– технологии виртуальной реальности в образовании, где виртуальные профессиональные образовательные ситуации связаны с реальными ситуациями и включением в них обучающихся		

Окончание таблицы

ФИО автора	Название цифровой технологии	Возможности для профессионального обучения	Дидактическая функция	Дидактическое свойство
С.В. Титова С.В., А.В. Замковая [5]	Технологии создания и реализации образовательного контента: – подготовка учебного курса; – дизайн учебного курса и мультимедиа; – интерактив (мессенджер для коммуникации и совместной работы); – искусственного интеллекта; – визуализированные дидактические – онлайн-материалы (далее – ВДМ)	– подготовка учебных материалов; – совместная генерация идей; – визуальная обратная связь; – синхронизация проигрывания и управления обучением для любой категории обучающихся, в том числе лиц с инклюзией; – проектирование и применение проблемно-ориентированных заданий с ВДМ, способствующих развитию и формированию коммуникативных и когнитивно-критических умений	Управленческая, образовательная, коммуникативная, оперативная обратная связь (диагностическая), мотивационная, самостоятельно-поисковая (исследовательская), моделирования, развивающая, прогностическая	Интерактивность, мультимедийность, гипертекстовость, персональность, субкультурность, нелинейность подачи информации, визуализация информации, геймификация, информационность, инклюзивность

Составлено автором по материалам исследования

При анализе предложенных психодидактических особенностей цифровых технологий целесообразно определить, что выбор конкретного вида образовательных технологий в ЦОС зависит от цели обучения, контингента обучающихся и, соответственно, конечного результата для каждого участника образовательной программы. Применительно к программам ДПО считаем возможным использовать рассмотренные технологии в комплексе.

Особый интерес для профессионального развития личности взрослого средствами программ ДПО представляют технологии создания и реализации образовательного контента, мобильное обучение, онлайн-курсы, стимуляторы, облачные технологии и визуализированные дидактические онлайн-материалы, поскольку эти технологии позволяют взрослым обучаться и развиваться:

- непрерывно от основной профессиональной деятельности, что способствует экономии ресурсов;
- по индивидуальному графику в соответствии с личностными особенностями (скорость восприятия, запоминания, воспроизведение учебной информации и др.);
- с учетом собственных профессионально-образовательных потребностей и развития личности.

Результаты научно-практического анализа психодидактических особенностей цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого средствами ДПО позволяют определить их системно-структурные взаимосвязи (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Системно-структурные взаимосвязи цифровых технологий профессионального обучения и саморазвития личности взрослого

Для реализации представленной психодидактической системы особенностей цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого в условиях ДПО считаем необходимым создание условий и внедрение технологий обеспечения кибербезопасности всех участников, что в свою очередь способствует определению обязательного и самостоятельного, на наш взгляд, соответствующего дидактического свойства – кибербезопасности и информационной безопасности образовательных технологий и контента в ЦОС. В настоящее время наличие и характеристика данного дидактического свойства отсутствуют в изученных научно-практических исследованиях по проблемам цифровой дидактики.

К основным характеристикам кибербезопасности образовательных технологий в ЦОС считаем возможным отнести следующие:

- надежность образовательных технологий и программного обеспечения;
- безопасность и защита от киберугроз в интернет-пространстве образовательного контента и взаимодействия всех его участников.

Более содержательное наполнение предложенного дидактического свойства необходимо представлять в соответствии с действующими стандартами в сфере информационной безопасности^{1,2}.

С учетом этого считаем целесообразным разработать и внедрить в программы ДПО психодидактические элементы функциональной преемственности традиционных и цифровых образовательных технологий для профессионального развития взрослого. Наглядно эту систему представим на рис. 2.

Примечание: ИКТ – информационно-коммуникационные технологии

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Психодидактические элементы цифровых технологий для профессионального развития личности взрослого

¹ГОСТ Р 59871-2021. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Цифровая научно-образовательная среда. Общие положения. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200181972> (дата обращения: 18.09.2024).

²ГОСТ Р ИСО/МЭК 27000-2021. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Системы менеджмента информационной безопасности. Общий обзор и терминология. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200179675> (дата обращения: 18.09.2024).

Внедрение представленной системы в ЦОС ДПО способствует переосмыслению и трансформации дидактической системы реализации программ ДПО для обеспечения непрерывного профессионального развития личности взрослого – работника любой сферы деятельности. В качестве примера программы ДПО с учетом психодидактических элементов разработана и внедрена программа ДПО повышения квалификации «Профессиональное развитие работника организации в условиях цифровой образовательной среды» на 144 ч для работников мелiorативных организаций в дистанционной форме на базе учебно-методического центра дополнительного профессионального образования «Радуга» в 2023 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам научно-практического анализа определено, что к основным компонентам цифровых технологий в профессиональном образовании и развитии взрослых можно отнести следующие:

- многофункциональная цифровая образовательная среда;
- система организации и регулирования цифрового учебного процесса и образовательного взаимодействия всех его участников;
- цифровые технологии обеспечения и контроля безопасности ЦОС.

Обобщая результаты анализа и руководствуясь концептуальными основами цифровой дидактики, в качестве основополагающих выводов по настоящему исследованию можно определить, что:

- цифровые технологии для профессионального развития взрослого средствами ДПО отличаются психодидактическими, социально-психологическими, социально-культурными, отраслевыми, технологическими характеристиками;
- технологии профессионального обучения и саморазвития взрослого в условиях цифровизации независимы от формы и сферы профессиональной деятельности, поскольку выбираются самой личностью во всех аспектах (содержательном, методическом, временном, организационном и др.);
- для обеспечения непрерывного профессионального развития взрослого в любой сфере деятельности необходима цифровая трансформация дидактической системы ДПО.

Эти характеристики обеспечивают выполнение основных дидактических функций в ЦОС – административно-управленческой, образовательной (в том числе проектирование и конструирование образовательного контента), коммуникативной, мотивационной, рефлексивной, развивающей, поисковой, прогностической.

Список литературы

1. *Осмоловская И.М.* Дидактика: учебное пособие. М.: Институт стратегии развития образования РАО; 2021. 232 с.
2. *Сайдимова Э.Р.* Активные методы обучения и интернет. Образование и право. 2020;1:237–239.
3. *Харавинина А.Н.* Сопровождение процесса профессионального роста педагогического работника в профессиональной образовательной организации. В кн.: Евразийский образовательный диалог: материалы международного форума, Ярославль, 26–27 апреля 2021 г. Ярославль: Институт развития образования; 2021. С. 515–521.
4. *Титова С.В.* Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика. М.: Эдитус; 2017. 247 с.
5. *Титова С.В., Замковая А.В.* Визуализация дидактических материалов для развития иноязычных продуктивных умений критического мышления у обучающихся. Педагогика и психология образования. 2022;1:114–129. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2022-1-114-129>
6. *Ваганова О.П., Гладков А.В., Коновалова Е.Ю., Воронина И.Р.* Цифровые технологии в образовательном пространстве. Балтийский гуманитарный журнал. 2020;2(9):53–56. <https://doi.org/10.26140/bgj3-2020-0902-0012>
7. *Кязимов К.Г.* Цифровая образовательная среда как условие для применения цифровых образовательных технологий в УПО. Профессиональное образование в современном мире. 2020;1(10):3556–3565. <https://doi.org/10.15372/PEMW20200118>
8. *Грамкова М.Т.* Андрагогика: теория и практика образования взрослых: М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2012. 495 с.
9. *Жданко Т.А.* Основы андрагогики. Практическое руководство: учебное пособие. Иркутск: Издательство Иркутского национального исследовательского технического университета; 2019. 124 с.
10. *Змеев С.П.* Основы андрагогики. М.: Флинта; 1999. 207 с.
11. *Блинов В.П., Сергеев П.С., Есенина Е.Ю.* Основные идеи дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М.: Перо; 2019. 24 с.
12. *Василькова Н.А., Гафарова Е.А., Диденко Г.А., Шварцкоп О.Н.* Цифровые образовательные технологии: дидактические возможности и риски. Челябинск: Библиотека А. Миллера; 2023. 99 с.

13. Померанцева Н.Г., Сырина Т.А. Особенности формирования иноязычной социокультурной компетенции средствами массовых открытых онлайн курсов. Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017;4(6):167–170.
14. Ваганова О.И., Пирогова А.А., Прохорова М.П. Инновационные технологии в инклюзивном образовании. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018;6(32):36–40.
15. Маркова С.М., Наркозиев А.К. Методика исследования содержания профессионального образования. Вестник Мининского университета. 2019;1(7). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-1-2>
16. Мяскина Е.В. Диагностика качества образования в вузе. Вестник Мининского университета. 2019;3(7). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-4>
17. Виноградова И.В., Калимуллин А., Шершукоева Н.В., Цилицкий В.С., Емалетдинова Г.Э. Геймификация как метод обучения: особенности и возможности. Московский экономический журнал. 2022;3:702–708. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_182
18. Биджиева С.Х., Урусова Ф.А.А. Геймификация образования: проблемы использования и перспективы развития. Мир науки. Педагогика и психология. 2020;4:2–10.
19. Мальцева С.М., Ваганова О.И., Алешугина Е.А. Технология разработки электронного учебно-методического комплекса по дисциплине «Педагогические технологии». Инновации в образовании. 2019;6:103–109.
20. Рыбцова А.А. Современные образовательные технологии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт; 2018. 90 с.
21. Ваганова О.И., Ильяшенко А.К., Белоусова Г.А. Современные технологии профориентационной деятельности в системе высшего образования. Современные исследования социальных проблем. 2018;5-2(9):45–48.
22. Итинсон К.С. Массовые открытые онлайн курсы и их влияние на высшее образование. Карельский научный журнал. 2019;3(28):15–17. <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0803-0004>

References

1. Osmolovskaya I.M. Didactics. Moscow: Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education; 2021. 232 p. (In Russian).
2. Saidimova E.R. Active teaching methods and Internet. Education and Law. 2020;1:237–239. (In Russian).
3. Kharavinina L.N. Supporting the professional development of a teacher in organizations of professional education. In: Eurasian Educational Dialogue: Proceedings of the International Forum, Yaroslavl, April 26–27, 2021. Yaroslavl: Institute of Education Development; 2021. Pp. 515–521. (In Russian).
4. Titova S.V. Digital technologies in language learning: theory and practice. Moscow: Editus; 2017. 247 p. (In Russian).
5. Titova S.V., Zamkova A.V. Visualization of learning materials for developing students' foreign language and critical skills. Pedagogy and Psychology of Education. 2022;1:114–129. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2022-1-114-129>
6. Vaganova O.I., Gladkov A.V., Kononova E.Yu., Voronina I.R. Digital technologies in education space. Baltic Humanitarian Journal. 2020;2(9):53–56. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/bg23-2020-0902-0012>
7. Kazimov K.G. Digital education environment as a condition for the application of digital educational technologies in vocational education institutions. Professional education in the modern world. 2020;1(10):3556–3565. (In Russian). <https://doi.org/10.15372/PEMW20200118>
8. Gromkova M.T. Andragogy: theory and practice of adult education. Moscow: UNITY-DANA; 2012. 495 p. (In Russian).
9. Zhdanko T.A. Fundamentals of andragogy. Practical guide. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University Publ. House; 2019. 124 p. (In Russian).
10. Zmeev S.I. Fundamentals of andragogy. Moscow: Flinta; 1999. 207 p. (In Russian).
11. Blinov V.I., Sergeev I.S., Yesenina E.Yu. Main ideas of the didactic concept of digital vocational education and training. Moscow: Pero; 2019. 24 p. (In Russian).
12. Vasilkova N.A., Gafarova E.A., Didenko G.A., Shvartskep O.N. Digital educational technologies: didactic opportunities and risks. Chelyabinsk: A. Miller's Library; 2023. 99 p. (In Russian).
13. Pomerantseva N.G., Syrina T.A. Features of the foreign socio-cultural competence formation by means of massive open online courses. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2017;4(6):167–170. (In Russian).
14. Vaganova O.I., Pirogova A.A., Prokhorova M.P. Innovative technologies in inclusive education. Innovative economy: prospects for development and improvement. 2018;6(32):36–40. (In Russian).
15. Markova S.M., Narkozhev A.K. Research technique of the content of professional education. Vestnik of Minin University. 2019;1(7). (In Russian). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-1-2>

16. *Myalkina E.V.* Diagnostics of the education quality in the higher educational institution. *Vestnik of Minin University*. 2019;3(7). (In Russian). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-4>
17. *Vinogradova I.V., Kalimullin D., Shershukova N.V., Tsilitsky V.S., Emaletdinova G.E.* Gamification as a learning method: features and opportunities. *Moscow Economic Journal*. 2022;3:702–708. (In Russian). https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_182
18. *Bijieva S.H., Urusova F.A.A.* Gamification of education: problems of use and development prospects. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2020;4:2–10. (In Russian).
19. *Maltseva S.M., Vaganova O.I., Alyoshegina E.A.* Technology of development of electronic educational-methodical complex in the discipline “Pedagogical Technologies”. *Innovation in Education*. 2019;6:103–109. (In Russian).
20. *Rybtsova L.L.* Modern educational technologies. Moscow: Urait; 2018. 90 p. (In Russian).
21. *Vaganova O.I., Ilyashenko L.K., Belousova G.A.* Modern technologies of professional activity in the system of higher education. *Modern studies of social problems*. 2018;5-2(9):45–48. (In Russian).
22. *Itinson K.S.* Mass open online courses and their influence on higher education. *Karelian Scientific Journal*. 2019;3(28):15–17. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0803-0004>

Особенности межсупружеских отношений в бесплодных браках

Степанова Валентина Андреевна

Соискатель

ORCID:0009-0008-0790-6506, e-mail: 89151479832@mail.ru

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Проанализирована проблема супружеских отношений в бесплодных браках, которые испытывают трудности с зачатием ребенка по неизвестным (неустановленным) причинам. В исследовании, направленном на выявление особенностей межсупружеских отношений, приняли участие 312 супружеских пар, где у женщин выявлен факт наличия неуточненного бесплодия. Изучены степень удовлетворенности мужчин и женщин браком, различия в оценках его благополучия (методика В.В. Столина, Г.П. Бутенко и Т.А. Романовой), особенности общения супругов (опросник Ю.Е. Алешиной, А.Я. Гозман, Е.М. Дубовской), тип коммуникационной системы семьи (методика Т.И. Бонкало), диадические копинг-стратегии супругов (шкала М. Боумана в адаптации Е.В. Куфтяк). Выявлено, что межсупружеские отношения в бесплодных браках достаточно многообразны и изменчивы. При этом схожими для большинства супружеских пар характеристиками являются снижение способности супругов создавать комфортную атмосферу в межличностных коммуникациях, устанавливать друг с другом психологический контакт, опосредованный тип коммуникационной системы, отсутствие единства взглядов на идеальный брак и межличностные отношения. В таких семьях могут складываться самые разнообразные отношения в зависимости от типов их личности, обусловленных особенностями детского опыта и восприятия родительской семьи. Сделан вывод о целесообразности и необходимости проведения дальнейших исследований, направленных на выявление типов личности женщин с психологическим бесплодием и факторов, детерминирующих формирование у них соответствующих типологических особенностей с целью уточнения закономерностей их взаимодействия с супругами.

Ключевые слова

Бесплодный брак, женское бесплодие неясной этиологии, межсупружеские отношения, коммуникационная система семьи, удовлетворенность браком, супружеский копинг

Для цитирования: Степанова В.А. Особенности межсупружеских отношений в бесплодных браках // Вестник университета. 2024. № 12. С. 240–248.

Peculiarities of interspousal relations in infertile marriages

Valentina A. Stepanova

Applicant

ORCID:0009-0008-0790-6506, e-mail: 89151479832@mail.ru

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract

The issue of marital relations in infertile marriages that experience difficulties in conceiving a child for unknown (unspecified) reasons has been analyzed. In the study aimed at identifying the peculiarities of interspousal relations, 312 married couples with women having unspecified infertility took part. The degree of satisfaction of men and women with marriage, differences in assessments of their well-being (methodology of V.V. Stolin, G.P. Butenko and T.L. Romanova), features of communication between spouses (questionnaire of Yu.Ye. Aleshina, L.Ya. Gozman, E.M. Dubovskaya), type of communication system in family (methodology of T.I. Bonkalo), and dyadic coping strategies of spouses (scale of M. Bowman in the adaptation of E.V. Kuftyak) have been studied. It has been revealed that interspousal relations in infertile marriages are quite diverse and changeable. At the same time, the characteristics similar for the majority of married couples are a decrease in the ability of spouses to create a comfortable atmosphere in interpersonal communications and to establish psychological contact with each other, indirect type of communication system, and lack of unity of views on the ideal marriage and interpersonal relations. In such families a wide variety of relationships can be formed depending on the types of their personality, conditioned by the peculiarities of childhood experience and perception of the parental family. It has been concluded that it is expedient and necessary to conduct further research aimed at identifying the personality types of women with psychological infertility and the factors determining the formation of their respective typological features in order to clarify the regularities of their interaction with their spouses.

Keywords

Infertile marriage, female infertility of unclear etiology, intermarital relations, family communication system, marital satisfaction, marital coping

For citation: Stepanova V.A. (2024) Peculiarities of interspousal relations in infertile marriages. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 240–248.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы бесплодия, в частности женского, относятся к актуальным и непреходящим проблемам, от решения которых зависит не только демографическая ситуация в стране, но и психическое здоровье ее граждан [1]. Особую значимость имеет проблема так называемого психологического (психогенного, илиопатического, неясного генеза и др.) бесплодия, при котором беременность не наступает в условиях отсутствия официально подтвержденного медицинского диагноза о заболеваниях и патологиях репродуктивной системы [2].

За последние годы отмечается рост исследований психологических проблем, связанных с женским бесплодием неясной этиологии. Исследователи сосредотачивают свое внимание в основном на психоэмоциональных состояниях женщины, отмечая повышенный уровень ее тревожности, депрессии, социальной фрустрированности, снижение качества жизни, чувства психологического благополучия, состояние беспокойства, раздражения, скрытой агрессии, нарастание комплекса неполноценности и неуверенности в себе, потерю смысла жизни и другие экзистенциальные проблемы [3–13]. Традиционно женское бесплодие неясного генеза связывается с ситуацией неопределенности, которая обуславливает возникновение и развитие социально-психологической дезадаптации, которое становится источником развития множества проблем в социальном взаимодействии [14; 15].

Вместе с тем психоэмоциональные состояния супругов при отсутствии желанной и долгожданной беременности исследованы недостаточно. Открытым остается вопрос и об особенностях межсупружеских отношений в бесплодных браках, которые в силу своей значимости могут оказывать существенное влияние на репродуктивную функцию семьи. Ответы на вопрос о том, как взаимосвязаны психологическое бесплодие женщины и межсупружеские отношения в их семьях, позволят выявить психологические факторы женского бесплодия неясной этиологии, что обеспечит разработку действенных и эффективных программ их психологической поддержки и психологического сопровождения, позволяющих решить проблемы бесплодных браков, снять то психическое напряжение, которое может серьезно препятствовать репродуктивной функции таких семей.

В связи с актуальностью проблемы проведено исследование, основной целью которого стало выявление особенностей межсупружеских отношений в бесплодных браках. Решены следующие задачи:

- изучить уровень удовлетворенности мужчин и женщин своим браком, сопоставить оценку супругами степени его благополучия;
- исследовать особенности семейной коммуникации в бесплодных браках;
- выявить особенности диадического копинга супружеских пар.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования, которое осуществлялось в течение трех лет, отобраны 312 женщин с бесплодием неясной этиологии (средний возраст – 33,4 года) и их мужья в количестве 312 чел. в возрасте от 29 до 55 лет. Критериями включенности в исследовательские группы стали:

- официально зарегистрированный брак между супругами со стажем совместной жизни более пяти лет;
- наличие официальных медицинских диагнозов, свидетельствующих об отсутствии у супругов нарушений репродуктивных систем и хронических заболеваний, препятствующих зачатию ребенка;
- желание иметь ребенка у каждого из супругов (положительный ответ на прямой вопрос);
- отсутствие детей в семье (первичное бесплодие).

Диагностический инструментарий включал методику Ю.Е. Алешинной, А.Я. Гозман, Е.М. Дубовской «Общение в семье», опросник В.В. Столина, Г.П. Бутенко и Т.А. Романовой «Удовлетворенность браком», шкалу супружеского копинга М. Боумана в адаптации Е.В. Куфтык, методику Т.И. Бонкало, позволяющую выявить особенности коммуникационной системы семьи [16]. Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью программы SPSS 22,0. Рассчитывались средние арифметические в исследовательской группе, стандартные отклонения, t-критерий Стьюдента (проверка на нормальность распределения осуществлялась с помощью метода Холмогорова-Смирнова), процентные и частотные распределения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявлено, что супружеские отношения в бесплодных браках достаточно многообразны и изменчивы. Тем не менее общим для всех браков является факт снижения их способности создавать комфортную атмосферу в межличностных коммуникациях, устанавливать друг с другом психологический контакт (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Оценка супругами особенностей супружеского общения (средний балл)

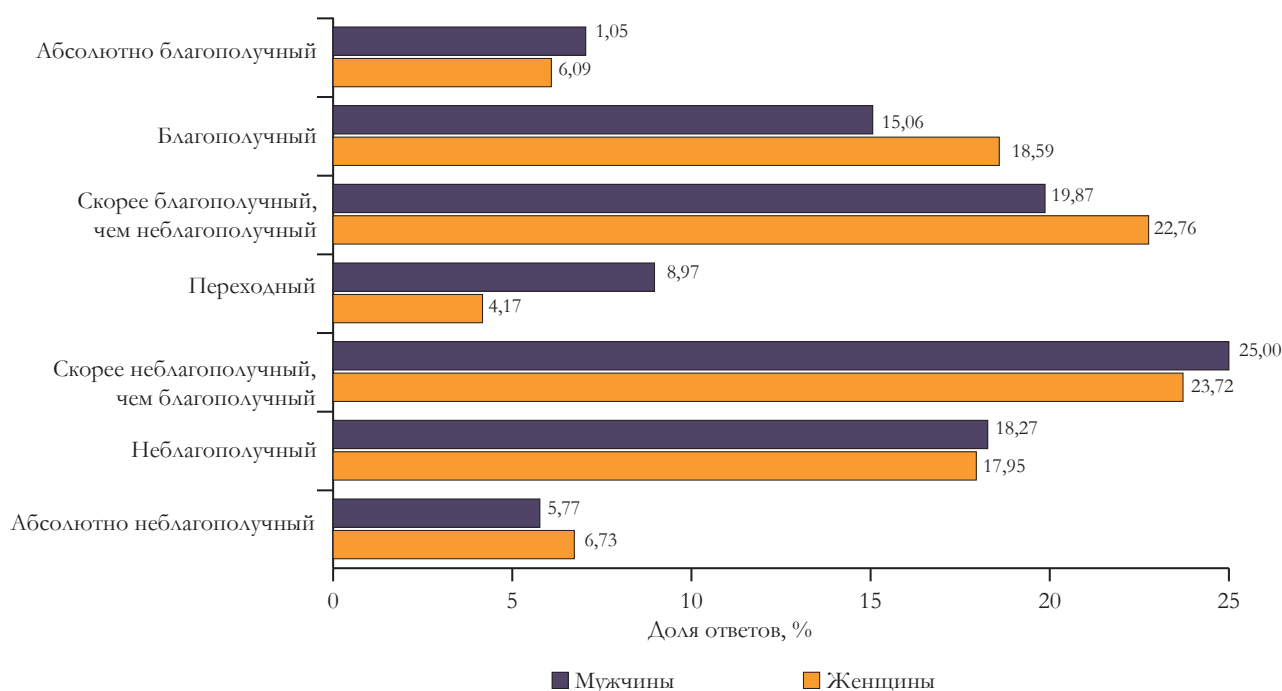
Несмотря на то что показатели по многим шкалам соответствующего опросника входят в диапазон средних значений, в группе мужчин – супругов женщин с психологическим бесплодием – индекс сходства во взглядах и психотерапевтичности общения значимо ниже нормативного. Статистически достоверные различия между мужчинами и женщинами выявлены именно в этих показателях. В целом женщины в бесплодных браках выше, чем мужчины, оценивают возможность находить общие интересы между супругами, темы для общения, предметы для совместной деятельности ($t = 3,14$, $p < 0,01$). В большей степени, чем мужчины, женщины верят в легкость общения, отсутствие в нем напряжения, несвободы, недоверия, непонимания ($t = 2,24$, $p < 0,05$). Вместе с тем среднегрупповые показатели даже по данным шкалам находятся в зоне средних, а не высоких значений, что свидетельствует о наличии во многих бесплодных браках определенных трудностей в установлении психологических контактов.

Достоверно значимых различий между мужчинами и женщинами в оценке своего брака также не обнаружено (рис. 2).

Большинство как мужчин (25,00 %), так и женщин (23,72 %) с психологическим бесплодием считают, что их брак скорее неблагополучный, чем благополучный. Необходимо отметить, что при интервьюировании на прямой вопрос о благополучии семейных отношений женщины с бесплодием неясной этиологии давали только положительные ответы, однако при использовании соответствующей методики абсолютно благополучным браком называли только менее 10 % мужчин и женщин. Помимо этого, выявлено, что супруги в семьях женщин с бесплодием неясной этиологии достаточно часто по-разному оценивают свой брак (рис. 3).

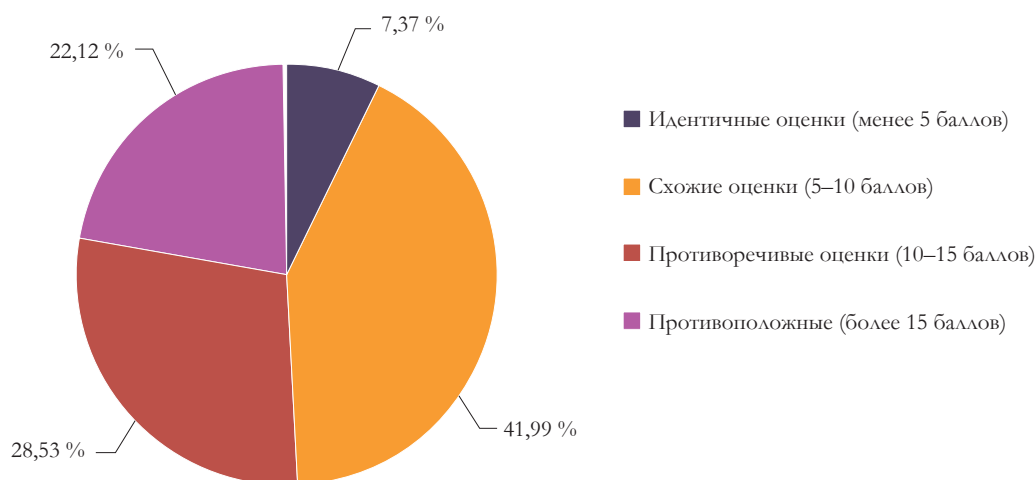
Несмотря на то что большинство супружеских пар (41,99 %) дали схожие характеристики своим брачным отношениям, когда различия в оценке их благополучия составили от 5 до 10 баллов, достаточно большое количество бесплодных браков характеризуются противоречивыми (различия от 10 до 15 баллов, 28,53 %)

и противоположными (различия более чем на 15 баллов, 22,12 %) мнениями супругов о степени благополучия.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Оценка супругами бесплодных браков степени благополучия брака

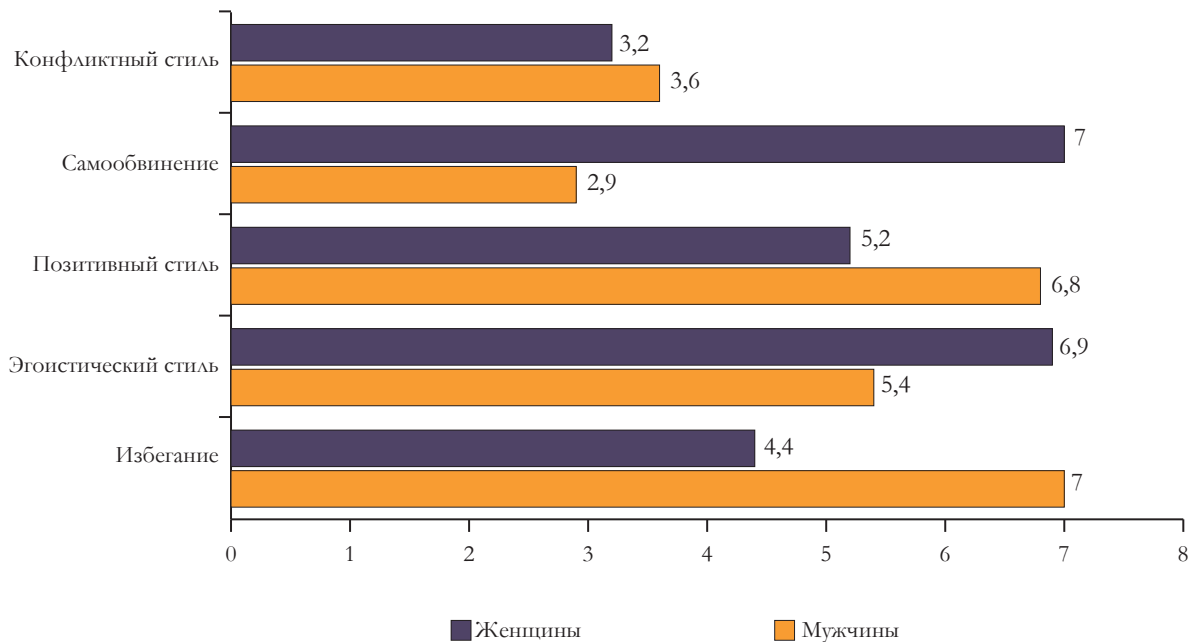
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Процентное распределение бесплодных браков с разными типами оценок супругами степени их благополучия

В связи с тем, что отсутствие долгожданной и ожидаемой беременности является серьезным стресс-фактором, обуславливающим возникновение диадического стресса, исследователями изучены особенности выбора супругами способов совладания с такими стрессовыми состояниями [17–20]. Выявлено, что женщины в бесплодных браках чаще выбирают стратегию самообвинения, связанную с самопоричанием, чувством тревоги и беспокойства, а мужчины — стратегию избегания (рис. 4).

Следует также отметить, что в обследованных бесплодных браках к позитивному стилю преодоления стрессовых и конфликтных ситуаций прибегают чаще мужчины, чем женщины ($t = 2,03$, $p < 0,05$), что свидетельствует о желании мужчин поддержать своих жен, используя при этом совместную деятельность, физическую привязанность и близость. Различия выявлены и в показателях эгоистических стратегий, связанных с увеличением активности личности вне семьи, — данные показатели, напротив, выше

в группе бесплодных женщин, чем их супругов ($t = 2,00$, $p < 0,05$). Если учитывать нормативность значений по данной шкале, можно говорить об особенностях супружеского копинга в бесплодных браках, заключающихся в уменьшении конфликтных стилей совладания со стрессом и увеличения частоты использования женщинами с бесплодием неясной этиологии самообвинения или, напротив, эгоистического стиля.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Супружеские копинги в бесплодных браках

Хотя нами получены практически диаметрально противоположные данные о поведении в стрессовой ситуации супругов в бесплодных браках, можно выделить одну особенность в их межличностных отношениях. У большинства из них выявлены опосредованные типы коммуникационной системы семьи (более 70 %). Уход от открытого обсуждения проблемы со стороны либо мужчин, либо женщин, либо сразу двух партнеров, стремление избежать прямых вопросов и ответов, склонность скрывать свои истинные чувства – это во многом характеризует большинство бесплодных супружеских пар. Опосредованный (как активный, так и пассивный) тип коммуникаций в семье свидетельствует о латентном нарастании межличностного конфликта, который при определенных обстоятельствах может стать источником разрушения брачных отношений даже при видимом их благополучии.

ВЫВОДЫ

Традиционно исследования особенностей как личности, так и межличностных отношений женщин с бесплодием неясной этиологии осуществляются посредством сравнительного анализа соответствующих показателей, выявленных в группах бесплодных и фертильных женщин. В связи с этим в работах представлена разная и часто противоречивая информация о таких особенностях.

В результате настоящего исследования сделан вывод о том, что межсупружеские отношения в бесплодных браках достаточно многообразны, что подтверждает результаты исследований, проведенных другими авторами в части отсутствия различий между группами бесплодных браков и семей с детьми [21]. Полученные эмпирические данные не подтверждают результаты исследований, свидетельствующих о том, что женское бесплодие часто становится источником ссор и конфликтов, что нередко случаи семейного и так называемого репродуктивного насилия [22–24]. Вместе с тем эмпирические данные согласуются с результатами исследований других авторов, где постулируется, что бесплодие неясного генеза может как разрушать, так и укреплять межсупружеские отношения.

Несмотря на многообразие межсупружеских отношений, можно выделить некоторые схожие черты, характерные для большинства бесплодных браков. К ним относятся опосредованный тип коммуникаций

в семье, предполагающий отказ супругов или одного из них от прямого обсуждения проблемы бесплодия, снижение уровня легкости и психотерапевтичности общения, повышенный уровень самообвинения как стратегии совладания со стрессом женщин с бесплодием неясной этиологии, различия между супругами в оценках степени благополучия брака.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании результатов исследования сделаны следующие выводы:

- в бесплодных браках уровень удовлетворенности межсупружескими отношениями входит в диапазон средних значений, однако наблюдается расхождение мнений супругов о степени их благополучия;
- для большинства бесплодных браков характерен опосредованный тип коммуникаций, что во многом обуславливает снижение их способности создавать благоприятную атмосферу в семье и устанавливать психологический контакт;
- в стрессовых ситуациях женщины в бесплодных браках чаще используют стратегии самообвинения или эгоистического стиля поведения, а мужчины – стратегию избегания или позитивные стратегии поддержки супруги.

Наличие многообразия в отношениях супругов бесплодных браков, выявленное в процессе исследования, свидетельствует о том, что существуют разные типы женщин с психологическим бесплодием, чьи типологические особенности обусловлены социальной ситуацией их развития. Именно такие особенности оказывают доминирующее влияние как на семейные отношения в целом, так и на внутреннюю готовность к материнству. В связи с данным выводом перспективными представляются исследования, направленные на выявление типологических особенностей личности женщин с бесплодием неясной этиологии и обуславливающих их факторов.

Список литературы

1. *Малаярская М.М.* Социально-медицинские аспекты бесплодного брака (обзор литературы). Проблемы репродуктологии. 1996;1:20–22.
2. *Тювина Н.А., Балабанова В.В., Николаевская А.О.* Психосоматические механизмы идиопатического бесплодия: клинические наблюдения. Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2023;1(15):77–82. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2023-1-77-82>
3. *Ицкович М.М., Полякова И.Г., Сыманюк Э.Э.* Эффективность психокоррекционного воздействия методами имажинативной психотерапии при идиопатическом бесплодии. Экспериментальная психология. 2024;7(17):214–234. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170114>
4. *Голенков А.В., Мадянов И.В., Шмелева С.В., Петрова Г.А., Камынина Н.Н., Логачев Н.В.* Взаимосвязь индекса массы тела и психических расстройств у взрослого населения. Здравоохранение РФ. 2020;6(64):336–342. <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-6-336-342>
5. *Голенков А.В., Бонкало Т.П., Камынина Н.Н., Шмелева С.В.* Осведомленность населения о депрессии и методах ее лечения. Здравоохранение РФ. 2021;5(65):425–431. <http://dx.doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-5-425-431>
6. *Shin H., Lee J., Kim Sh., Jo M.* Associations of Symptoms of Depression, Social Support, and Quality of Life Among Korean Women Who Experience Infertility. Journal of Obstetric, Gynecologic & Neonatal Nursing. 2021;6(50):e1–e12. <https://doi.org/10.1016/j.jogn.2021.06.007>
7. *Mulball J.P., Shindel A., Naughton C., Obebsbalom M., Nelson C.* O-70: Sexual function, quality of life and their correlates in the female partner of infertile couples. Fertility and Sterility. 2006;3(86):530. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2006.07.083>
8. *Шестакова О.В., Тетелютина Ф.К.* Качество жизни и особенности психоэмоционального состояния в супружеской паре при бесплодном браке. Современные проблемы науки и образования. 2015;6.
9. *Клейменова А.А., Кононенко И.О.* Идиопатическое бесплодие как психологическая проблема. Молодой ученый. 2019;27(265):149–153.
10. *Гаврилова В.Е.* Психологические предпосылки бесплодия у здоровых женщин, состоящих в браке. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2018;3(11):103–109. <http://dx.doi.org/10.14529/psy180312>
11. *Ермошенко Б.Г., Крутова В.А.* Роль психологических факторов при бесплодии (обзор литературы). Успехи современного естествознания. 2005;8:17–20.
12. *Восканян Я.Ю., Васильева О.С.* Психологические особенности женщин с бесплодием неясной этиологии. Северо-Кавказский психологический вестник. 2022;4(20). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.4>

13. Восканян Я.Ю., Васильева О.С. Психологические аспекты женского бесплодия неясной этиологии: обзор зарубежных исследований. Мир науки. Педагогика и психология. 2024;1(12). <https://doi.org/10.15862/39PSMN124>
14. Василенко Т.Д., Блюм А.И. Бесплодие неясной этиологии как особая кризисная ситуация неопределенности в жизни женщины. Innova. 2017;1(6):17–20. <https://doi.org/10.21626/innova/2017.1/03>
15. Снегирева Т.В. «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога. Культурно-историческая психология. 2010;3(6):99–109.
16. Бонкало Т.И. Социально-психологический патернализм школы и семьи: теория, методология, практика. Коломна; 2011. 349 с.
17. Бонкало Т.И., Маринова Т.Ю., Феоктистова С.В., Шмелева С.В. Диагностические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в период пандемии. Социальная психология и общество. 2020;3(11):35–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
18. Прохоренко Ю.И. Репродуктивное насилие: постановка проблемы. Ученые записки ТОГУ. 2019;3(10):99–104.
19. Майерс Д.Н., Шилова Т.А. Формирование копинг-стратегий при решении конфликтных (стрессовых) ситуаций в семейных отношениях. Научный лидер. 2022;22(67):12–24.
20. Волков А.Е. Внутренняя картина беременности. В кн.: Перинатальная психология и медицина, психосоматические расстройства в акушерстве, гинекологии, педиатрии и терапии: материалы Всероссийской конференции, Иваново, 2011. Иваново; 2011. С. 117–120.
21. Федина Л.П. Межличностные конфликты, возникающие на фоне принятия решения о преодолении бесплодия методом ЭКО. В кн.: Психология в России и за рубежом: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 октября 2011 г. СПб: Реноме; 2011. С. 63–65.
22. Приленский Ю.Ф. Бесплодные браки. СПб.: Питер; 2004. 188 с.
23. Bourey C., Murray S. Intimate partner violence among women with infertility. The Lancet Global Health. 2022;6(10):e778–e779. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(22\)00205-4](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(22)00205-4)
24. Куфтяк Е.В. Адаптация опросника «Супружеский копинг». Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2009;3:246–254.

References

1. Mahyarskaya M.M. Social and medical aspects of infertile marriage (literature review). Reproduction Issues. 1996;1:20–22. (In Russian).
2. Tyumina N.A., Balabanova V.V., Nikolaevskaya A.O. Psychosomatic mechanisms of idiopathic infertility: clinical observations. Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics. 2023;1(15):77–82. (In Russian). <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2023-1-77-82>
3. Itskovich M.M., Polyakova I.G., Simanyuk E.E. The Effectiveness of the Method of Imaginative Psychotherapy as Psychocorrectional Treatment for Idiopathic Infertility. Experimental Psychology. 2024;7(17):214–234. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170114>
4. Golenkov A.V., Madyanov I.V., Shmeleva S.V., Petrova G.D., Kamynina N.N., Logachev N.V. The relationship between body mass index and mental disorders in the adult population. Health care of the Russian Federation. 2020;6(64):336–342. (In Russian). <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-6-336-342>
5. Golenkov A.V., Bonkalo T.I., Kamynina N.N., Shmeleva S.V. Population awareness of depression and treatment methods. Healthcare of the Russian Federation. Health Care of the Russian Federation. 2021;5(65):425–431. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-5-425-431>
6. Shin H., Lee J., Kim Sh., Jo M. Associations of Symptoms of Depression, Social Support, and Quality of Life Among Korean Women Who Experience Infertility. Journal of Obstetric, Gynecologic & Neonatal Nursing. 2021;6(50):e1–e12. <https://doi.org/10.1016/j.jogn.2021.06.007>
7. Mulhall J.P., Shindel A., Naughton C., Obeishalom M., Nelson C. O-70: Sexual function, quality of life and their correlates in the female partner of infertile couples. Fertility and Sterility. 2006;3(86):530. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2006.07.083>
8. Shestakova O.V., Tetelyutina F.K. Quality of life and feature of the psychoemotional state in the married couple at fruitless marriage. Modern problems of science and education. 2015;6. (In Russian).
9. Kleimenova L.A., Kononenko I.O. Idiopathic infertility as a psychological problem. Molodoi uchenyi. 2019;27(265):149–153. (In Russian).
10. Gavrilova V.E. Psychological prerequisites of infertility in married healthy women. Bulletin of the South Ural State University. Series “Psychology”. 2018;3(11):103–109. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.14529/psy180312>
11. Ermoshenko B.G., Krutova V.A. The role of psychological factors in infertility (literature review). Successes of modern natural science. 2005;8:17–20. (In Russian).

12. Voskanyan Ya.Yu., Vasilyeva O.S. Psychological characteristics of women with infertility of unclear etiology. The North Caucasian Psychological Bulletin. 2022;4(20). (In Russian). <https://doi.org/10.21702/ncpb.2022.4.4>
13. Voskanyan Ya.Yu., Vasilyeva O.S. Psychological aspects of female infertility of unclear etiology: a review of foreign studies. World of Science. Pedagogy and psychology. 2024;1(12). (In Russian). <https://doi.org/10.15862/39PSMN124>
14. Vasilenko T.D., Blum A.I. Infertility of unknown origin as a special critical situation of uncertainty in the woman's life. Innova. 2017;1(6):17–20. (In Russian). <https://doi.org/10.21626/innova/2017.1/03>
15. Snegireva T.V. “Voluntarily childless” family through the eyes of a family psychologist. Cultural and historical psychology. 2010;3(6):99–109. (In Russian).
16. Bonkalo T.I. Social and psychological paternalism of school and family: theory, methodology, practice. Kolomna; 2011. 349 p. (In Russian).
17. Bonkalo T.I., Marinova T.Yu., Feoktistova S.V., Shmeleva S.V. Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: an Empirical Study in a Pandemic. Social Psychology and Society. 2020;3(11):35–50. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
18. Prokhorenko Yu.I. Reproductive violence: the problem. Scientific notes of PNU. 2019;3(10):99–104. (In Russian).
19. Mayers D.N., Shilova T.A. Formation of coping strategies in solving conflict (stressful) situations in family relations. Nauchnyi lider. 2022;22(67):12–24. (In Russian).
20. Volkov A.E. Internal picture of pregnancy. In: Perinatal psychology and medicine, psychosomatic disorders in obstetrics, gynecology, pediatrics and therapy: Proceedings of the All-Russian Conference, Ivanovo, 2011. Ivanovo; 2011. Pp. 117–120. (In Russian).
21. Fedina L.P. Interpersonal conflicts arising against the background of decision-making on overcoming infertility by IVF. In: Psychology in Russia and abroad: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, October 20–23, 2011. St. Petersburg: Renome; 2011. Pp. 63–65. (In Russian).
22. Prilensky Yu.F. Infertile marriages. St. Petersburg: Piter; 2004. 188 p. (In Russian).
23. Bourey C., Murray S. Intimate partner violence among women with infertility. The Lancet Global Health. 2022;6(10):e778–e779. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(22\)00205-4](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(22)00205-4)
24. Kufiyak E.V. Adaptation of the Marital Coping questionnaire. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2009;3:246–254. (In Russian).